

За XX век Россия пережила две катастрофы: государство и общество неверно оценивали противоречия и довели их до революций и Гражданской войны. Одна из главных причин непонимания социальных процессов – несостоятельность общественной науки как источника объективного знания. Последние 30 лет Россия вновь переживает глубокий кризис, а тысячи ученых внятно не могут объяснить, что происходит и куда всё катится. Этот провал для страны опаснее, чем паралич естественных и технических наук.

Поиск причин, изучение методологической платформы, на которой возникло и развивалось наше обществоведение, привели ученого к выводу, что в познавательной системе здесь преобладали (и преобладают поныне) не научные методы, а идеологические и этические подходы. Научное сообщество призвано искать истину, а не заниматься пропагандой или обличением. Создание такого, именно научного сообщества стало для России срочной и чрезвычайной задачей. Первый шаг – трезво и без гнева оценить состояние гуманитарной науки в нашей стране.

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

СТАНОВЛЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ, КРИЗИС

**СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА**

**РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ**

**СТАНОВЛЕНИЕ,
МЕТОДОЛОГИЯ,
КРИЗИС**

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА **РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ**

УДК 94(47+57)
ББК 66.3(2)615-4
К 21

Кара-Мурза С.Г.

К 21 Российское обществоведение: становление, методология, кризис / С.Г. Кара-Мурза. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016 – 480 с. – (Уроки истории)

ISBN 978-5-906880-42-0

За XX век Россия пережила две катастрофы: государство и общество неверно оценивали противоречия и довели их до революций и Гражданской войны. Одна из главных причин непонимания социальных процессов – несостоятельность общественной науки как источника объективного знания. Последние 30 лет Россия вновь переживает глубокий кризис, а тысячи ученых внятно не могут объяснить, что происходит и куда всё катится. Этот провал для страны опаснее, чем паралич естественных и технических наук.

Поиск причин, изучение методологической платформы, на которой возникло и развивалось наше обществоведение, привели ученого к выводу, что в познавательной системе здесь преобладали (и преобладают поныне) не научные методы, а идеологические и этические подходы. Научное сообщество призвано искать истину, а не заниматься пропагандой или обличением. Создание такого, именно научного сообщества стало для России срочной и чрезвычайной задачей. Первый шаг – трезво и без гнева оценить состояние гуманитарной науки в нашей стране.

УДК 94(47+57)
ББК 66.3(2)615-4

ISBN 978-5-906880-42-0

© Кара-Мурза С.Г., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Исторические предпосылки кризиса обществоведения	
в России	17
Наука — или натурфилософия?	25
«Отказы» обществоведения в Российской империи	37
Советская власть: типы социального знания	46
Антисоветское обществоведение до краха СССР	73
Состояние постсоветского обществоведения:	
общая картина	101
Разрыв коммуникаций и распад сообщества	
обществоведов	127
Реформа школы	130
Вступление в ВТО: рациональность обоснования	144
Методологические изъяны когнитивной структуры	
постсоветского обществоведения	155
Ценностный нигилизм	155
Гипостазирование	169
Пример гипостазирования: концепция	
«преступных приказов»	185
Некогерентность (алогичность)	193
Утрата способности к рефлексии	206
Внедрение невежества	213
Case study. Фермеризация	224
Натурализация общества и культуры.	
Социал-дарвинизм	233
Ошибки в представлении систем: векторные	
и скалярные величины; ограничения	244
Практические последствия методологического и социального	
кризиса сообщества обществоведов	265
Тупиковая концепция реформы	265
Ошибочный выбор модели экономики	278

Евроцентризм: ложный образ Запада	292
Ложный образ российского общества	301
Утопия конвергенции	311
Раскрытие России мировому рынку	331
Антиэтатизм	351
«Перетекание рынка в общество» — фундаментальная ошибка	368
Ловушка для трудящихся	380
Краткий экскурс в политэкономию	388
Дискредитация демократии и провал проекта демократизации	399
Доктрина деиндустриализации и приватизация промышленности	407
Утопия постиндустриализма	417
Case study. Программы постиндустриализации России . .	427
Импорт потребностей и сдвиг к «жизни взаимы»	446
Заключение	456
Литература и источники	460

Худо ли это или хорошо, но судьбы Петровой России находятся в руках интеллигенции, как бы ни была гонима и преследуема, как бы ни казалась в данный момент слаба и даже бессильна эта интеллигенция. Она есть то прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый. Ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в России, она есть главный его проводник в толщу стомиллионного народа, и если Россия не может обойтись без этого просвещения под угрозой политической и национальной смерти, то как высоко и значительно это историческое призвание интеллигенции, сколь устрашающее огромна ее историческая ответственность перед будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным!

Сергей Булгаков, «Вехи» (1909)

Коль скоро речь идет о «человеке науки», экономической науки, то у него не должно быть идеала, он вырабатывает научные результаты, а когда он к тому же еще и партийный человек, то он борется за то, чтобы эти результаты были применены на практике. Человек, имеющий идеал, не может быть человеком науки, ибо он исходит из предвзятого мнения.

Фридрих Энгельс (1884)

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX в. Россия погрузилась в кризис. Это очередной драматический этап колоссального процесса модернизационной трансформации России, начатого во второй половине XIX в. Первый этап завершился столкновением нескольких больших цивилизационных проектов. Потерпел поражение консервативный проект, который предполагал сохранить монархию, империю и сословное общество. Затем в тяжелой Гражданской войне столкнулись два революционных проек-

та: буржуазно-демократический (либеральный и западнический) и советский, вызревший на почве общинного крестьянского коммунизма, соединенного с большевизмом. Победил советский проект: на новой основе были собраны земли и народы в СССР, проведены форсированная индустриализация, научная и культурная революция, модернизация сельского хозяйства, армии и быта.

Став промышленной и городской страной с массовым образованием на матрице Просвещения, СССР утратил ядро его мировоззрения — общинный коммунизм. Политическая система СССР не справилась с задачей удержать культурную гегемонию, созрел кризис легитимности, усугубленный «холодной» войной с Западом. В момент смены поколений интеллектуальной и политической элит произошла «революция сверху» со сменой общественного строя и национально-государственной системы. Утопия «войти в семью мирового капитализма» рухнула практически сразу, хотя реформаторская элита пыталась сохранять иллюзии¹.

Правящая верхушка США воспринимала постсоветскую Россию своим врагом и источником опасности. Это — несмотря на то, что СССР был ликвидирован, что в России была разрушена государственная экономика, произведена деиндустриализация, задана новая идеология, подавлены наука и образование, армия лишена ресурсов развития, организована демографическая катастрофа и т.д. Вражда, как будто накопленная веками, выплеснулась уже в 1991 г., когда с СССР практически было покончено.

Кризис стал приобретать черты хронического. При той социально-экономической и культурной системе, которую выстраивали по шаблонам «чикагских мальчиков», Россия могла бы существовать, медленно угасая, — но только в фарватере Запада и при его благоволении. Нелепо строить капи-

¹ В массовом сознании крушение западнической утопии и надежды на имитацию Запада произошло очень быстро. В опросах ВЦИОМ был предложен в вариантах ответа такой: *«В западных странах сегодня создано наилучшее из всех возможных общество. Нам следовало бы не выдумывать свои пути, а следовать за Западом»*. С этим суждением согласились в 1990 г. 45% опрошенных, в 1991 — 38% и в 1992 — 14% (в Москве «западников» оставалось чуть больше: 45, 44 и 18% соответственно).

тализм западного типа, бросив вызов западному капитализму. Можно строить социализм в одной стране (масштаба России), но невозможно строить капитализм в одной стране, будучи изгоем мировой системы капитализма.

Очевидно, что для всех общностей и политических течений в России встала чрезвычайная задача: трезво оценить ситуацию и вспомнить тот путь, который мы прошли от распутья, на котором еще были великой державой, к нынешней исторической ловушке.

Надо беспристрастно знать, почему, пока советское общество не переросло политическую систему, государство и население работали как сыгранная команда. Это и придавало нам силы, ведь после 1945 г. уже никто не пытался задуть СССР санкциями или бомбами. Более того, его уважали, а «трудящиеся массы» во множестве стран и любили. Да и на самом Западе у СССР были искренние и самоотверженные союзники, даже в подполье.

В «здоровый» СССР не вернуться — уже иное общество, иное мировоззрение, иные ценности. А в «больной» СССР возвращаться нет смысла, да и невозможно. Но многие критерии добра и зла, многие принципы взаимодействия государства с населением можно взять у СССР. Формы будут другие, а вектор тот же. Только вернувшись в свою колею, Россия разрешит свои явные и латентные конфликты внутри и вне своих границ и восстановит свои силы — и жесткую, и мягкую.

Надо продумать генезис нашего кризиса. Один из срезов этой рефлексии — роль *общественных наук*. Последние тридцать лет многие в России напряженно размышляли и изучали те процессы в обществе и государстве, которые привели к краху СССР. Один из выводов этих размышлений состоит в том, что и крах СССР, и тяжесть последовавшего продолжительного кризиса были во многом обусловлены недостаточными познавательными возможностями советского обществоведения, общественных наук. К концу советского периода обществоведение отказало в целом, как особая система знания (об отдельных талантах и малых коллективах не говорим, не они в те годы определяли общий фон).

Разумеется, что кризис обществоведения — элемента системы науки и образования — есть частица кризиса всей Рос-

сии, а ранее СССР. Но этот элемент — активная и необходимая часть «центральной нервной системы» общества и государства. Этот элемент надо как можно скорее подвергнуть диагнозу, а затем лечению — если не привести его в дееспособное состояние, болезнь всего организма станет хронической.

Строго говоря, мы должны рассуждать не столько об общественоведении как науке, сколько именно о *сообществе общественоведов*. Ведь до общественного сознания и сознания политиков от социальной науки доходят не сигналы реальности нашего бытия, а их *интерпретация*, данная дипломированными специалистами. Как выразился философ науки С. Тулмин, «объясняет не наука, а ученые», следовательно, интерпретация фактов зависит от личностных предпочтений и мировоззренческих позиций самих ученых (см. [1]).

Однако личные предпочтения и мировоззренческие позиции ученых в очень большой мере формируются методологией их профессиональной деятельности — *когнитивной системой*. Через нее они видят изучаемую реальность, как через объектив своего прибора¹. Конечно, и в научной среде есть прослойка коррумпированных интеллектуалов, которые искажают данные их приборов и сознательно лгут — из корыстных побуждений, страха или партийной дисциплины. Этот фактор оставляем за скобками.

В этой книге вообще нет цели критиковать или одобрять конкретных деятелей общественоведения, хотя изложение мыслей или действий этих деятелей неизбежно вызовет у читателей оценочные суждения, соответственно предпочтениям каждого читателя. Ничего не поделаешь! Но главное — увидеть за описанием множества эпизодов (и это еще ничтожная доля событий и проблем, которые мы наблюдали и переживали за нашу жизнь) развитие и состояние *сообщества* общественоведов России. Именно это сообщество, которое покрывает своим духовным полем все население страны, от младенчества

¹ Термин *когнитивный* от лат. *cognitio* — *становиться причастным к знанию*. Когнитивная структура — это соединенная в систему совокупность познавательных средств: языка (понятий), фактов, теоретических концепций и методов получения и передачи знания. Профессиональные сообщества соединены, наряду с другими типами связей, общей когнитивной структурой. Кризис когнитивной структуры нередко ведет к распаду сообщества.

до смерти, оказывает большое влияние на судьбы всех и каждого. Это влияние предопределяется действием и бездействием обществоведения, но не менее разумом, совестью и волей каждого из нас и всех вместе. Никакое духовное поле не обладает фатальной властью над человеком. Об этом тоже надо подумать.

Надо также ограничить предмет этой книги. Речь в ней идет о *сообществе обществоведов* в строгом смысле — как о профессиональном сообществе. В широком смысле каждый человек является обществоведом: он живет в обществе, наблюдает его бытие, обдумывает и обсуждает с другими людьми структуру общества, его динамику, происходящие в нем процессы, противоречия и конфликты. Так создается большой корпус *обыденного* знания об обществе, и без этого массива не возникло бы и профессионального сообщества.

Обыденное знание систематизируется в коллективной памяти, в ходе непрерывного отбора формулируются нормы здравого смысла, представления о причинах и следствиях, устойчивых закономерностях, стереотипные модели и схемы умозаключений. В этом «обработанном» опытным знании откладываются *традиции*. Они служат ресурсом, позволяющим быстро составить картину реальности и принять решение. И картина реальности, и решения, выводимые из традиционного знания, грубые и упрощенные, но они с приемлемой вероятностью позволяют выбрать не худший вариант поведения — если общество внезапно не погрузилось в кризис неизвестной природы.

Практически все люди непрерывно познают общество и накапливают знание о нем и более изоощренными методами. Так создаются важные типы знания: *художественное* и *религиозное*. Сказки и эпосы, музыка и живопись, архитектура и литература, театр и танец — все они несут *образы* общества, соединяющие смысл и эстетику. Все это — мощный генератор знания. О религии даже не будем говорить, это был первый синтез всех духовных способностей первого человека и первая форма соединения людей для создания коллективных представлений о мире и о самом человеке. Религиозная картина мира — необходимый срез мироощущения человека, верующего и атеиста. Как говорят, у человека есть «естественный религиозный орган».

Можно говорить и о возникшем в первых человеческих группах знании, которое можно назвать *ремесленным*. Его выработывали, совершенствовали и передавали люди, которые выполняли функции управления, организации, наказания и т.п. В Новое время, когда возникло и *научное* знание об обществе, которое вырабатывают *общественные науки*, произошла гибридизация профессий. Возникли сообщества *образованных практиков*. Их знание можно назвать *прикладным*. В этих сообществах вместе работают для достижения конкретной практической цели люди разных специальностей. Много таких сообществ имеют как предмет их забот (создания, развития, сохранения и воспроизводства) само *общество*. В эти коллективы обычно входят и люди, обученные каким-то специальностям обществоведения, но они в ходе «гибридизации профессий» неизбежно отходят от профиля, заданного в университете. Конкретная проблема втягивает их в свою структуру.

Конечно, практики, создавая новое опытное ремесленное знание об обществе, часто делают важные изобретения или даже гениальные открытия. Классические близкие нам примеры — труд В.И. Ленина, маршала Г.К. Жукова, руководителя большой программы С.П. Королева. Замечательным новаторским трудом было создание плановой системы экономики, главные идеи этой конструкции уже были плодами мышления постклассической науки. А.В. Чаянов писал о модели некапиталистического хозяйства (на примере трудового крестьянского двора): «Для нас такая система имела бы немалое аналитическое значение и представляла бы в отношении к теперешней теоретической экономике то же, что геометрия Лобачевского к геометрии Евклида. У Лобачевского выпадала аксиома параллельных линий, у нас — категория заработной платы» [2, с. 397]¹.

¹ Эту аналогию, независимо от А.В. Чаянова, повторяет Дж.М. Кейнс, когда говорит о неадекватности экономических теорий реальному хозяйству 20—30-х гг. XX в.: «Теоретики классической школы похожи на приверженцев евклидовой геометрии в неевклидовом мире, которые, убеждаясь на опыте, что прямые, по всем данным параллельные, часто пересекаются, не видят другой возможности предотвратить злосчастные столкновения, как бранить эти линии за то, что они не держатся прямо. В действительности же нет другого выхода, как отбросить вовсе аксиому параллельных линий и создать неевклидову геометрию. Нечто подобное требуется сегодня и экономической науке» [318].

Труды нескольких миллионов советских исследователей, инженеров и образованных практиков, которые проектировали, строили, совершенствовали и воспроизводили сложное, необычное, многонациональное советское общество и все его большие системы — школу и науку, армию и спорт, советский завод и колхоз и т.д. В ходе этого проектирования, строительства и совершенствования были сделаны великие открытия в сфере обществоведения и изобретены новые и эффективные социальные формы. Качество этих открытий и изобретений показала Великая Отечественная война — это надежный экзамен, единый и государственный. Жаль, не было у этих практиков-обществоведов времени написать для нас ясные учебники, многое осталось в категории *неявного знания*. Уже в конце 1950-х гг. студенты не знали философской и методологической основы плановой системы — потому академики и профессора в 1980-е гг. искренне поддерживали идею превратить плановую экономику в рыночную.

В то же время мы стоим перед фактом: в конце XX в. резко ускорился темп изменений как в нашем обществе, так и во всем мироустройстве. Практики не успевали за изменениями, опытное ремесленное знание было недостаточным, чтобы предвидеть кризисы и угрозы, а сообщество научного обществоведения со своими задачами не справилось.

Вернемся к миссии обществоведения. Оно обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей, — указывать, чего нельзя делать, чтобы не рассыпать общности, обесценить ценности. В принципе, перестройка вскрыла несостоятельность советского обществоведения, которая стала нарастать с 1960-х гг. Но сегодня кажется необъяснимым, что тогда это не было зафиксировано ни в общественном сознании, ни в самосознании обществоведов. Все внимание было обращено к рассуждениям, заявлениям и политическим действиям *власти* — она принимала судьбоносные решения и проводила их в жизнь. Интеллигенция как будто забыла, что любому политическому решению и действию предшествует соответствующее изменение сознания правителей и их окружения. *Сознание определяет бытие!* Конечно, в свою очередь, испытывая на себе воздействие бытия.

Этот факт был обнаружен и осмыслен в эпоху Возрождения. В то время правители в Италии «без проволочек платили жалованье двум категориям служащих — профессорам университета и солдатам». Как пишет Т.Б. Длугач, в XVIII в. во Франции «философы создают общественное мнение, под влияние которого постепенно подпадают служащие, ремесленники, торговцы — словом, весь народ, не исключая даже и придворных, многие из которых, не будучи в состоянии покинуть двор, тем не менее получают большое удовольствие от чтения антиправительственных памфлетов и статей, просмотра постановок со злым подтекстом и т.п. ...Исследователи отмечали, что многие французы 30—50-х гг. XVIII в. незаметно для себя переходили в стан философов» (см. [1]).

Кратко описание роли обществоведческой и гуманитарной интеллигенции дает П. Бурдьё: «Собственно политическое действие возможно, поскольку у агентов, включенных в социальный мир, есть знание (более или менее адекватное) об этом мире и поскольку можно воздействовать на социальный мир, воздействуя на их знание об этом мире. Это действие призвано произвести и навязать представления (ментальные, словесные, графические или театральные) о социальном мире, которые были бы способны воздействовать на этот мир, воздействуя на представление о нем у агентов» [3].

Дж.М. Кейнс, один из крупных мыслителей прошлого века, сказал: «Идеи экономистов и политических философов, правы они или нет, гораздо более могущественны, чем это обычно осознается. На самом деле вряд ли миром правит что-либо еще. Прагматики, которые верят в свою свободу от интеллектуального влияния, являются обычно рабами нескольких усопших экономистов» [318].

В разных вариациях эта мысль встречается и у многих других мыслителей. Те идеи и утверждения, которые мы изучали в школе и вузе, загоняют наш ум в определенные рамки.

Для того состояния умов, в котором советский народ принял перестройку Горбачева, а потом и реформу Ельцина, имела «наведенная» официальным обществоведением и образованием причина. Она в том, что в головы нескольких поколений внедряли способ, искажавший понимание общества в его развитии.

Таким образом, политическое действие невозможно, если ему не предшествует соответствующее изменение в сознании людей — и элиты, и массы. Вся история показала, что это условие является *абсолютным*. Как подчеркивал П. Бурдье, «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира». Когнитивный бунт — это перестройка мышления, языка, «повестки дня» и логики объяснения социальной действительности. Само по себе *недовольство* этой действительностью к «политическому бунту» не ведет.

Как же формировалось сознание советских людей на послевоенном этапе существования СССР? После войны обществоведы (включая гуманитариев) получили доступ к огромной аудитории. Причем доступ непосредственный, с воздействием через личное устное общение — очень важный канал убеждения и внушения, кроме печатного слова, кино, радио и телевидения. Г.С. Батыгин пишет: «Именно в этот период интеллектуалы получили доминирующие позиции в советском обществе. Помимо обычного преподавания, обществоведы обслуживали огромную сеть политического просвещения. В 1947 г. в СССР действовало 60 тыс. политшкол, где обучалось 800 тыс. человек, в 1948 г. — уже 122 тыс. политшкол с 1,5 млн слушателей» [4, с. 56].

Огромная армия научных сотрудников и преподавателей общественных наук представляла собой профессиональное сообщество, которое было воспитано и «наполнено» идеологическими штампами и стереотипами, выработанными *элитой* этого сообщества — авторитетными философами, экономистами, социологами и пр. В определенном смысле обществоведы, все больше сдвигаясь к идеологии, становились «властью над властью» [4].

Г.С. Батыгин подчеркивает: «Особенность социальных наук в России заключается в их ориентации не столько на интерналистские нормы производства дисциплинарного знания, сколько на легитимацию социальных идентичностей и создание идеологий. В этом отношении российское академическое сообщество является сообществом не профессиональным (автономным), а интеллектуальным, и интегрировано в систему воспроизводства и реформирования власти даже в том случае, когда возникает открытый конфликт с властью» [4, с. 48].

Подспудный конфликт влиятельной части элиты обществоведов с властью ускорил сдвиг этой общности на антисоветский фланг, академическое сообщество превратилось в отряд идеологических бойцов. Старшее поколение в течение последних 30 лет было свидетелем этой катастрофы в сфере знания. Молодежь, может быть, этого так остро не чувствует, потому что основной провал обществоведения произошел раньше, в 1980-е гг. и в первую половину 1990-х гг. XX в., — прежде, чем это поколение вошло в активную сознательную жизнь.

Говоря о провале обществоведения, мы имеем в виду его отказ как целостного института, необходимая для общества и государства функция которого — давать *достоверное знание* о главных процессах, происходящих в обществе, объяснять причины *главных противоречий* и их вероятные *последствия* при том или ином ходе событий. Невыполнение этой главной функции не исключает, что при этом отдельные личности или малые коллективы ученых выполняют блестящие частные исследования, расшифровывают берестяные грамоты, пишут интересные монографии. Отказ системы заключается в том, что все эти блестящие частные работы не соединяются в знание и понимание массивных общественных процессов.

Начнем излагать картину состояния постсоветского обществоведения, как оно видится в свете кризиса последних тридцати лет. Сначала коротко скажем об исторических причинах этого провала, отвлекаясь от множества *отягчающих обстоятельств*, которые часто принимают за причины.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРИЗИСА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Знания и размышления возникли вместе с человеком. Люди сразу сгруппировались в общности, так что человек не пребывал долгое время в промежуточном состоянии *стада*, как это представляется в историческом материализме. Сначала у возникших людей складывалось *мифологическое* знание и сразу же *художественное*, потом — *религиозное*. Накопление опыта, который упорядочивался и систематизировался, создавало массив *традиционного* знания.

Таким образом, мы можем представить знание об обществе как сложную систему, которая включает в себя много разных способов познания и сохранения знаний о человеке и обществе. Эта система развивалась на протяжении всей жизни человечества, и никакой из видов этого знания не был устарел — например, мифологическое знание актуально и сегодня. Система знания надстраивается, появление новых типов познания увеличивает ее разнообразие.

До сих пор мы в большой степени мыслим об обществе *мифологически*, т.е. пользуемся мифами, которые и создаются, и разрушаются, и вытесняются другими. Это — важная часть обществоведения. Большая часть представлений об обществе дается нам в *художественных* образах. Огромная литература, искусство дают современному культурному человеку очень большую часть знания об обществе, записанную на этом языке. Мы пользуемся *здравым смыслом*, быстро соединяя кусочки разного знания и принимая в срочном порядке решение, по возможности лучшее. Мы постоянно обращаемся к накопленным многими поколениями *традиционным* знаниям (*ремесленного* типа). Этика, нравственность, идеология (которая появилась сравнительно недавно) — это тоже типы знания.

Но в XVII в. произошла огромная культурная мутация — в Западной Европе, перетекая одна в другую, произошли четыре *революции*. Религиозная революция (протестантская Ре-

формация) изменила представления о Боге, о «взаимодействии» человека с Богом, а значит, и человека с человеком. Затем прошла *научная* революция, которая создала новое представление о мире, в том числе и о человеке. Она дала человеку совершенно новый способ познания — *научный метод* — и новый тип знания — науку.

Наука породила новый тип техники — прецизионную машину, которая стала основой современного промышленного оборудования. Возникла фабрика как *система машин*, произошла *индустриальная* (промышленная) революция, которая перевернула организацию общества — и производство, и быт, и социальную структуру. Произошли *политические* (буржуазные) революции, которые оформили все эти изменения как новый общественный строй. Возникло новое, индустриальное общество, названное *современным* (обществом *модерна*). Возник новый человек, по своей культуре и самосознанию резко отличающийся от человека Средневековья. Возникла новая цивилизация, которую мы знаем как *современный Запад*.

Эта цивилизация оказалась очень энергичной, ей была необходима постоянная экспансия, нужно было постоянно расширяться в разных измерениях — географически, экономически, в познании, в военной силе. Большую часть мира Запад превратил в свои колонии, овладел этим пространством. Многие местные культуры при этом погибли. Сильным цивилизациям пришлось закрываться от Запада разными барьерами — культурными, военными, экономическими. И при этом они были вынуждены *модернизироваться*. Чтобы устоять перед историческим вызовом со стороны Запада, им нужно было осваивать средства, дающие ему силу, — знания, технологии, многие общественные институты. Это освоение западных достижений и называется *модернизацией*.

Для нашей темы важен тот факт, что на Западе уже в ходе научной революции возник принципиально новый метод познания общества — *научное обществоведение*.

В Западной Европе в ходе изменений оказалось, что прежние способы господства и управления стали неадекватными новой социальной структуре и новой культуре. Раньше, в рабовладельческом и сословном обществах, люди были за-

креплены в строго определенных нишах с хорошо отработанными на опыте средствами господства. Тогда старого опытного традиционного знания было достаточно, чтобы управлять обществом. Теперь, в новом обществе, появились массы людей, не включенных ни в какие общинные структуры; к тому же это были массы, порожденные *революцией*, люди с новым мышлением, отвергающие прежнюю иерархию и прежние авторитеты. Сам мир был лишен святости в ходе протестантской Реформации, тем более лишенными святости оказались государство и власть. Требовалось новое знание об обществе, полученное с помощью новых методов исследования. Знание это требовалось *срочно*.

Главным побудительным толчком к возникновению социальной *науки* были *угрозы*, зарождавшиеся в новом обществе. В ранних обществах главные угрозы порождались природными катаклизмами — засухами и наводнениями, землетрясениями и извержениями вулканов. Эти опасности не исчезли, хотя от большинства из них человек оказался защищенным техникой (культурой). В Новое время главные угрозы стали порождаться самим *обществом* — и создаваемой человеком техносферой, и конфликтами интересов между социальными или национальными общностями, и быстрыми сдвигами в массовом сознании или в коллективном бессознательном. Возникла, например, массовая, ранее неизвестная преступность, и надо было искать новые способы «надзирать и наказывать», изобретать тюрьмы совершенно нового типа.

Эти угрозы для их предвидения и преодоления требовали интенсивной исследовательской работы уже в рамках научного метода — традиционного знания и здравого смысла для этого было недостаточно. Само управление должно было стать *технологией*, основанной на знании научного типа.

Так и возникло обществоведение — не ремесленное, не опытное, а *научное*. К сожалению, образование не дало нам знания *истории* этого процесса. В последние тридцать лет само западное обществоведение начало «раскапывать» истоки тех смыслов и представлений, на которых стоит современное общество Запада, корни того современного знания об обществе, которые предопределили тип самосознания Запада (см. [5]). Возник особый жанр исследований — «археология знания».

Какова предыстория современного российского обществоведения в сравнении с западным? Начнем с того, что Россия — как государство и как цивилизация — очень *молода*, по сравнению и с Западом, и с Востоком. Той предыстории, которая была у Запада, у нас нет, а из нее многое вытекает.

Древние Греция и Рим имели обществоведческие тексты *протонаучного* типа уже с IV в. до н.э., в античной философии. «Афинская полития» Аристотеля — это обществоведческие трактаты об обществе, государстве и власти, которые и сегодня воспринимаются как вполне современные. Фундаментальным обществоведческим трудом был «Свод гражданского права» византийского императора Юстиниана (середина VI в.). Главная его часть была издана в 50 томах. Античная философия, политология и право вошли в культуру и даже в массовое сознание Запада, когда в Европе с конца XI в. начали вводить римское право, причем обучение ему было *именно массовым*.

Христианская философия, представление о человеке и обществе, опирающееся на систему религиозных постулатов, тоже отложились в большом своде обществоведческих текстов. Достаточно вспомнить Бл. Августина, который, по словам русского философа Е.Н. Трубецкого (1863—1920), «собирая обломки древней культуры, вместе с тем закладывал основы средневекового, частью же и новейшего европейского мирозерцания». Августин выразил драму человека в обществе, переживающем колоссальный мировоззренческий, духовный и социальный сдвиг — от языческой древности к христианскому Средневековью и от рабства к новому жизнеустройству. Его «Исповедь» близка нам сегодня по ощущению подобного кризиса.

Вселенские соборы и диспуты с еретиками, организация монастырей и школ, хозяйственные отчеты управляющих поместьями рыцарских орденов, разработка больших программ типа Крестовых походов — все это было насыщено проблематикой, которую мы сегодня отнесли бы именно к обществоведению. Масштабы этой интеллектуальной работы были, по меркам Руси того времени, очень и очень велики.

Литература, практически современного типа, возникла на Западе очень давно. В XVI в. многие произведения уже

представляли собой замечательные обществоведческие и философские трактаты. Сервантес и Шекспир одновременно представили два главных социокультурных ареала Запада. Сервантес описал традиционное общество католического юга, а Шекспир — общество и составляющие его культурные типы уже периода грядущей научной революции и Реформации. Дон Кихот и Гамлет — сложные и очень важные обществоведческие модели.

Университеты и книгопечатание — огромное дело. В Средние века книг было очень мало — в церкви обычно имелся один экземпляр Библии. В университетах за чтение книги бралась плата. Первые книги были изданы с помощью печатного станка Гутенберга в 1445 г., и еще до конца XV в. в мире работало уже свыше тысячи типографий. По историческим меркам *мгновенно* был превышен весь наличный фонд рукописных книг человечества. Всего за 50 лет книгопечатания в Европе было издано 25—30 тыс. названий книг тиражом около 15 млн экземпляров. Это был переломный момент. На массовой книге началось строительство и новой школы.

В эпоху Возрождения сильно вырос статус интеллигенции. С развитием городов правителям потребовались их услуги. Макиавелли сказал, что *власть стоит на силе и согласии*. Стали очень нужны образованные люди, умевшие убеждать. Историк этого периода Я. Буркхардт писал: «Нелигитимность, сопровождаемая постоянными опасностями, окружает властителя; самый нерушимый союз, который он только может заключить с кем-либо, — это союз с высочайшим образом духовно одаренными людьми, без оглядки на их происхождение... Поэт или ученый служат ему новой опорой, он почти ощущает новую легитимность» [6]. Правитель Сиены управлял «с помощью профессора права и астролога», а герцог Феррары исправно платил жалованье двум категориям персонала — профессорам университета и солдатам.

В век Просвещения уже была разработана методология формирования общественного мнения, так что интеллектуалы (на первых порах в основном философы и юристы) стали влиять на представления не только узкого круга властной элиты, но и на массовое сознание.

Социолог П. Шампань в известной книге пишет: «Общественное мнение является чем-то вроде машины идеологической войны, которую смастерили на протяжении XVIII века интеллектуальные элиты и маститая буржуазия с целью легитимации их собственных требований в области политики и ослабления королевского абсолютизма. ... Другими словами, “общественное мнение” — это профессиональная идеология, это мнение о политике, которое имеют ограниченные социальные группы относительно политики, профессия которых состоит в производстве мнений и которые стремятся включиться в политическую игру, модифицируя ее саму и преобразая свои собственные мнения просвещенных элит в мнение универсальное, вневременное и анонимное, имеющее политическую ценность. Для этого слоя ... “общественным мнением” заслуживает называться лишь его собственное мнение в области политики, хоть и некоторым образом “обезличенное”, в той мере, в какой оно предстает как мнение универсального, хотя и малочисленного, сообщества ученых, свободно и гласно рассматривающих вопросы религии или политики и общающихся между собой главным образом письменно» [7, с.50].

Эта роль обществоведов была настолько очевидна, что уже в начале XX в. и в России интеллигенция приняла это как данность. П.А. Сорокин писал: «Прав был Конт, когда говорил, что “идеи управляют (социальным) миром”, ибо социальный мир есть мир идей, а человек есть животное, создающее царство логического бытия — новую и высшую форму мировой энергии. Отсюда практический вывод: больше знаний! Больше науки! Больше понятий! — остальное все приложится» [8, с. 531].

Таким образом, та культурная почва, на которой должно было взрасти современное обществоведение, нарастала на Западе очень долго и культивировалась очень большими силами.

Если взглянем на Восток — та же самая картина. Китайская цивилизация насчитывает более двух тысяч лет (некоторые историки говорят о пяти тысячах). Введение единой системы письма и государственной идеологии (конфуцианства) произошло в I в. до н.э. Американский историк Х.Г. Крип пишет: «Несомненная правда то, что “современная бюрократ-

тия” — явление в некоторых отношениях уникальное, но система управления в Китае уже в давние времена весьма напоминала нашу нынешнюю, что очень нечасто принимается во внимание. В I в. до н.э. в Китае, уже тогда одним из крупнейших государств, когда-либо известных миру, управление осуществлялось централизованной и профессиональной бюрократией, в которой были представлены все слои общества... Уже в I в. до н.э. чиновников в Китае отбирали на должности и повышали по службе, как правило, на основе таких объективных критериев, как государственные экзамены и заслуги. На Западе первый письменный экзамен для претендентов на государственные должности официально состоялся в Берлине в 1693 г., а практика систематической ежегодной аттестации чиновников утвердилась лишь после Первой мировой войны» [9].

Монголия в XIII—XIV вв. была объектом внимательного изучения китайских и арабских исследователей. Сочинения 1233—1236 гг. содержали ценные сведения о государственном аппарате, правовой системе, военном деле и разведке монгольского государства в период подготовки небывалого по масштабам похода в Восточную Европу. Эти сочинения — продукт обществоведения высокого уровня. Таков и более поздний труд Марко Поло, который и сегодня актуален для нас как источник знания об империи монголов на территории будущей России. Монголия была центром, куда стекались культурные ценности и съезжались ученые всего Востока.

Под знанием об обществе нынешней Японии тоже мощная база. Когда в XIX в. там разрабатывали большую программу модернизации («реставрация Мэйдзи»), то изучали исторические документы, чтобы сконструировать подходящие социальные формы для этой программы. Остановились на принципах межсословных и межклановых контрактов между самураями, крестьянами, ремесленниками и торговцами, которые действовали в XI в. Принципы межсословных контрактов, взаимная ответственность сторон, практика и результаты их применения были так глубоко и полно изложены, что этим знанием оказалось возможным воспользоваться и через 800 лет. Значит, уже в XI в. в Японии были хорошо развиты понятийный аппарат, логика и способ формализации знания в обществоведении — настолько, что это знание можно было лег-

ко перевести на современный язык и приложить к современным проблемам.

До нашего времени дошел большой свод кодексов, детально регулирующих общественную жизнь. Российский японовед А.Н. Мещеряков упоминает знаменитый «манифест Тай-ка», изданный в 645 г. В этом указе были объявлены радикальные реформы прежней системы социально-политического устройства, такие как отмена частной собственности на землю и введение надельной системы землепользования, ликвидация личной зависимости, в которой находились некоторые категории населения, и др.

По словам А.Н. Мещерякова, интенсивные письменные коммуникации в Японии «обеспечили высокий уровень культурной гомогенности, не достигнутый ни в одной из крупных стран современного мира». И условием для этого было то, что уже в XI в. Япония была страной с небывало высоким уровнем грамотности.

Таким образом, знание об обществе и в Западной Европе, и в больших культурах Востока накапливалось и систематизировалось *очень долго*. Конечно, основной массив этого знания по своему типу относился к традиционному знанию, накапливаемому во всех слоях общества, особенно чиновниками, правителями, военачальниками. Однако существенная часть этого знания к XVII в. уже относилась к протонаучному знанию, готовому к совмещению с требованиями *научной* рациональности. Это — очень важный фактор. Заменить длительный процесс «созревания» определенных интеллектуальных навыков в большой части общества форсированными программами очень трудно.

Россия оказалась именно в таком положении: создание обществоведческих трактатов и реальное их обсуждение в обществе и государственном аппарате начались только в XIX в. О крестьянах, составлявших главный социальный тип, который «держал» Россию, стали писать только после реформы 1861 г. Традиционное знание, основанное на длительном опыте государственного строительства и общественной жизни, накапливалось так же, как и в других цивилизациях. Однако требовались чрезвычайные усилия, чтобы подготовить массивы этого знания к соединению их с научным методом.

На это просто *не хватило времени*, и образованная часть общества не успела совершить мировоззренческого перехода, необходимого для создания научного обществоведения. Характер развития российского обществоведения определился во второй половине XIX в., когда русская интеллигенция создавала его первые современнее структуры.

Наука — или натурфилософия?

Вспомним, как шло на Западе становление научного обществоведения. В Средние века основной формой общественного сознания была *религиозная*. Рациональная форма знания была сопряжена с религиозными представлениями, в лоне этого мировоззрения и вырабатывались инструменты познания. Возрождение означало большой сдвиг в познавательной деятельности, общественная мысль стала плюралистичной, допускался даже атеизм. Возник новый тип знания, который называли *натурфилософией*.

Но натурфилософия не была *наукой* в строгом смысле слова. Натурфилософия как тип знания была тесно связана с *ценностями*, а в мировоззренческом плане следовала *холизму*, целостному представлению о мире вещей, связанных *воедино*, — натурфилософии было присуще космическое представление о мире¹. Наука, родившаяся в XVII в., была принципиально другим типом познания и порождала иной тип знания. Она отошла от *эссенциализма* натурфилософии, т. е. от поиска *сущности*, таящейся в каждой вещи. Наука имела целью выявить в каждом явлении или вещи общую закономерность, превращая конкретный предмет в *модель*. При этом реальное воплощение объекта было несущественно, он был для исследователя лишь носителем знания о том явлении, которое в данный момент было предметом исследования.

Конечно, и в натурфилософии, как вообще в мышлении человека, обладающего разумом и воображением, создавались модели реальности, но структура этих моделей сильно отличалась от структуры моделей науки. Наука в своих моде-

¹ Виднейшие представители натурфилософии Возрождения — Николай Кузанский, Леонардо да Винчи, Джордано Бруно, Томмазо Кампанелла, Парацельс.

лях старалась вывести в отдельное пространство *иррациональное* («идолов») — потусторонние силы, эмоции и необъясненные традиции, не поддающиеся объяснению явления. Всех этих идолов ученый должен был держать под контролем в особых «камерах». Он испытывал их влияние и даже тайком использовал его, но не был им подвластен — таково кредо.

С точки зрения обыденного сознания, прежнее знание было более продуктивным, оно лучше описывало видимую реальность. Так, физика Аристотеля лучше описывала обыденный мир человека, чем законы механики Галилея, — камень действительно падал быстрее, чем перышко. Галилей сделал радикальный шаг — он абстрагировался от побочных факторов, которые в данный момент его не интересовали, и вместо камня или перышка он видел *материальную точку*, вес и форма которой не были важны. А в реальности вес и форма определяют скорость и траекторию падения: перышко падает медленно, потому что сопротивление воздуха препятствует его падению.

Наука низводит явление до абстрактной элементарной сущности. Познание, которое ищет элементарные явления, отрицает космизм и холизм. И самое главное — это знание, которое *освобождается от ценностей*. Вещи теряют для ученого свой тайный смысл, свою выраженную в имени сущность, они не связаны воедино невидимыми струнами в божественный Космос.

В этом и была суть конфликта Галилея с Церковью. Он требовал разрешения *познавать ради знания*, независимо от его отношения к добру и злу. В религиозном мировоззрении знание и ценности были сцеплены — или ты познаешь во славу Бога, или ты познаешь с темными замыслами. Галилей провозгласил знание *беспристрастное* (объективное), знание как самоценность. Миссия науки — познать *то, что есть*, независимо от того, *как должно быть*.

Это был драматический разрыв непрерывности в развитии знания. С наукой возникло новое мировоззрение, новая картина мира. Строго говоря, сама картина мира возникла потому, что художники Возрождения изобрели *перспективу* и представили человека как субъекта, наблюдающего мир. Раньше человек не отделялся от этой картины, не было и субъект-

но-объектных отношений между человеком и миром. Человек был связан с Космосом «невидимыми струнами». Натурфилософия и наука вышли из Возрождения по двум разным траекториям, а мы в школьной истории ошибочно представляли их как последовательные этапы одного пути. Как теперь говорят, наука — это не дочь натурфилософии, а ее сестра.

Но для нас здесь важно, что на Западе обществоведение сразу стало формироваться как *часть науки*. Складывались новое общество, новый тип государства и новый тип хозяйства. Религиозные или моральные трактаты не могли дать адекватного описания этих процессов. Ученые сразу стали применять новый *метод познания* к человеку и к обществу. Сразу стали создаваться научные, хорошо разработанные модели. Они стали инструментом познания и в то же время мощным средством воздействия на общественное сознание и процесс легитимации грядущего общественного порядка.

Примером служит Гоббс — уже типичный ученый периода научной революции, с математическим сознанием. Он разработал модель человека, нового общества и государства. Человек Гоббса — *атом*, свободный самодостаточный индивид, который находится в непрерывном движении и не изменяется при столкновениях с другими индивидами. Гоббс взял то представление об атоме, которое было выведено из интеллектуальной тени именно обществоведами, причем в отношении человека, а не материи.

На основе модели человека как атома был развит целый подход к объяснению общества — *методологический индивидуализм*, который и до сих пор применяется в западном обществоведении. Как инструмент познания конкретного общества модель Гоббса эффективно выполнила свои функции, даже несмотря на то, что аллегория атома в принципе неверна.

Исходя из этой модели человека, Локк создал учение об обществе. В центре всей конструкции находится ядро — *гражданское общество* (в точном переводе *цивильное*, т. е. цивилизованное). Это «республика собственников». Оболочка, окружающая это ядро, — *пролетариат*, которые живут в состоянии, *близком к природному*. Они уважают частную собственность и пытаются ее экспроприировать у «богатых». А в «заморских территориях» живут «в состоянии природы» дика-

ри и варвары. Ось, вокруг которой крутится гражданское общество, — частная собственность. Исходным фундаментальным объектом частной собственности является *тело* индивида как основа всех остальных типов частной собственности. Это была эффективная модель, из нее можно было исходить и в идеологии, и в управлении обществом — человек Запада ее принимал.

Адам Смит, исходя из механистической модели мироздания Ньютона, создал теорию *рыночной экономики*. Он буквально перенес ньютоновскую модель в сферу хозяйства, включая метафору «невидимой руки рынка» (у ньютонианцев «невидимая рука», толкающая тела друг к другу, была метафорой гравитации). Невидимая рука рынка постоянно приводит его в равновесие, когда колебания спроса и предложения разбалансируют систему. Согласно Адаму Смиту, вся эта равновесная машина рынка описывается простыми математическими уравнениями наподобие законов механики.

Таким образом, на Западе уже в XVII—XVIII вв. наука задавала методологические основания для обществоведения. Стало довольно строгой нормой не вводить в «научную» часть рассуждений об обществе нравственные ценности, хотя прилагать строгие каноны развитой науки к обществоведческим трактатам того времени невозможно — ценности проникают в них «контрабандой». Важно, что был принят определенный вектор, ориентирующий на идеал беспристрастного, объективного знания.

Сам Адам Смит был религиозным моралистом и придавал большее значение своему трактату «Теория нравственных чувств», чем «Исследованию о природе и причинах богатства народа», которое и сделало его великим экономистом. Для нас здесь важно то, что он разделил эти два труда как принадлежащие к разным сферам знания. Это было признаком *научного* обществоведения.

В России формирование обществоведения пошло по другому пути. До середины XIX в. трактаты, излагавшие представления об общественных процессах, создавались в рамках этики, часто с отсылками к религиозному знанию. Во второй половине XIX в. в русской литературе возник особый жанр, получивший название «физиологический очерк» — текст,

описывающий какую-то сторону социальной реальности. Этот жанр истории культуры считают предшественником российской социологии — будущего обществоведения [10].

Изучение этого периода показывает, что обществоведение России вышло из *классической русской литературы*, а не из науки. Соответственно, оно несло в себе присущие русской литературе мировоззренческие черты¹. Можно сказать, оно было разновидностью литературы и было проникнуто сильным нравственным чувством. С самого начала оно занимало в общественном сознании пристрастную, даже радикальную позицию, выступая в основном на стороне угнетенных и обездоленных². По своим методологическим установкам это обществоведение было несовместимо с беспристрастностью и объективностью, оно сразу утверждало *«то, что должно быть»*, — декларировало нравственные идеалы и ценностные нормы. Известно высказывание основателя исторической школы «Анналов» Люсьена Февра: «несмотря на благие порывы, нет и не может быть истинного понимания там, где все отмечено печатью неизбежных и роковых симпатий и антипатий».

Герцен писал: «Вся литература времен Николая была оппозиционной литературой, непрекращающимся протестом против правительственного гнета, подавлявшего всяческое человеческое право. ...Слагая песни, она разрушала; смеясь, она подкапывалась».

Особенности этого обществоведения можно показать на примере российской социологии. Он хорошо представлен в учебнике «История социологии» (2009). Вот выдержки из главы 15 о Н.К. Михайловском. О нем говорится: «Являясь одним

¹ Один из первых социологов России Н.И. Кареев писал: «Социологическая литература зародилась в России в начале последней трети прошлого столетия [XIX в.], на памяти автора настоящей книги, который сам принимал в ней участие чуть ли не с первых лет ее существования... Нужно отметить, что русская социологическая литература возникла в недрах передовой журналистики» [11].

² Социолог В.И. Староверов пишет: «Теоретическая социология в России началась с общинно-народнических рефлексий А. Герцена, М. Петрашевского, Н. Чернышевского сотоварищи, а прикладная — с фундаментальной социологической монографии В. Берви-Флеровского» [12].

из пионеров отечественной социологии, он, по свидетельству своего современника и главного историографа этой науки Н. И. Кареева, начал самостоятельную работу как ученый “в то время, когда еще почти не существовало социологической литературы”. Закрепившаяся за русской социологией характеристика “публицистическая” во многом обязана Михайловскому и другим отечественным ученым-социологам — его современникам».

О первой когорте социологов говорится: «Труды Лаврова так же, как и труды Михайловского, долгое время оставались не востребованными, и он был известен лишь как идеолог народнического движения. В то же время творчество этих крупных ученых-социологов имеет особую ценность, поскольку они являются основателями этико-социологического направления в отечественной социологии. Это явление известно в мировой литературе по истории социологии под несколькими названиями: “субъективная социология” (или “субъективная школа”), “субъективный метод”, “русская социологическая школа”» [13, с. 377].

Наука, напротив, опирается на *объективный* метод и тщательно отделяется от этики как инструмента познания.

Михайловский обращался к анализу *личности*. Одним из главных его принципов было «сформулированное им требование к социальному познанию как к такой сфере деятельности, в которой *истинный результат может быть получен только путем применения субъективного, оценочного подхода*. Объективное содержание знания не может быть полным без привнесения в него оценочного момента. ...Применение субъективного метода Михайловский описывает следующим образом: войти в интересы своего объекта (другого субъекта), переосмыслить его мысли, перечувствовать его чувства, пережить его страдания и переплакать его слезами, т. е., встав на его место, слиться с ним, сделать его интересы своими, что поможет достижению такого способа понимания, при котором будет установлено отношение полного тождества субъекта с объектом. Абсолютное слияние субъекта с объектом, когда они ни на минуту не разлучаются друг с другом, — это и есть необходимое условие получения истинного знания...

Научная истина при таком понимании — это не беспристрастное, объективное знание, а знание, органически связанное с идеалами и ценностями живой личности, реального субъекта познавательной деятельности, наделенного волей и действующего на основе своей психологической убежденности» [13, с. 387, 389].

Михайловский вводит в методологию его социологии т. н. *предвзятость*, с которой исследователь изучает общественные отношения: он опирается не только на опыт, но и на нравственные установки. Без предвзятости невозможно получить истинное знание, поскольку оно может быть только субъективным, считает Михайловский.

Сравним это с тезисом Макса Вебера: «Эмпирическая наука неспособна научить человека, что следует делать, а только может указать, что он *в состоянии* сделать и, в некоторых условиях, что он в действительности *желает* сделать. ...Попытка утвердить свои оценочные суждения вовне имеет смысл лишь в том случае, если этому предпослана вера в ценности. Однако судить о значимости этих ценностей — *дело веры*, быть может, также задача спекулятивного рассмотрения и толкования жизни и мира с точки зрения их смысла, но уже, безусловно, не предмет эмпирической науки в том смысле, как мы ее здесь понимаем» [14, с. 350, 351].

Глава 17 в учебнике: «Николай Иванович Кареев как социолог». Кареев — один из пионеров отечественной социологии, его взгляды как социолога сложились к середине 1880-х гг. В 1910 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, а в 1929 г. стал почетным академиком АН СССР. В основу изучения общества он, как и Михайловский, положил *личность*, что потребовало применения оценочного подхода. Это — направление *субъективной социологии*, любое социальное явление или общественный процесс обязательно рассматривается познающим субъектом сквозь призму *определенного идеала*.

Об этом и речь: основоположники социологии в России пошли не по пути создания *эмпирической науки*, добывающей объективное, беспристрастное знание, а по пути создания метода слиться с личностью как объектом изучения до полного тождества. Возможно, это создаст замечательный способ по-

нять душу индивида посредством психологической убежденности исследователя с его призмой «определенного идеала», но это — не рациональная социология научного типа.

М. Вебер предупреждал как социолог: «Если рациональное эмпирическое исследование последовательно расколдовывало мир и превращало его в основанный на причинности механизм, оно со всей остротой противостояло этическому постулату, согласно которому мир упорядочен Богом и, следовательно, этически осмысленно ориентирован. Ибо эмпирически и тем более математически ориентированное воззрение на мир принципиально отвергает любую точку зрения, которая исходит в своем понимании мира из проблемы «смысла» [15, с. 335].

Русская обществоведческая литература была гуманна, нравственна, но именно это и делало ее *ненаучной*. Она пошла по пути *натурфилософии*. Она давала ценное знание, но того типа, в котором знание и ценности тесно связаны и даже переплетены. А наука возникла в ходе *развода* знания и ценностей. Ценности были оставлены философии и религии, а наука говорила, «*что есть*», а не указывала, «как должно быть». Иногда она может лишь предупредить: если будешь поступать так-то и так-то, будет то-то и то-то. Бэкон сказал: «Знание — сила»... *и не более того*. Иными словами, знание не позволяет определить, что есть добро, а что — зло.

Некоторые русские писатели и сами чувствовали, что принимать художественное произведение за верное представление общественного бытия — большая ошибка. Чехов писал, даже с тревогой, что художественная литература — не трактаты социологов, что образы и коллизии, созданные писателем, не описывают «*то, что есть*». Смысл его предупреждений был таков: писатель исходит из своей *идеи*, которая выражает борьбу добра и зла. Его текст — это мысленный эксперимент, проведенный в воображении художника. Социолог, напротив, должен беспристрастно рассмотреть реальность не через свою идею, а через объектив.

Первым крупным социологическим исследованием в России считают книгу Н. Флеровского (В.В. Берви) «Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследования» (1869). Маркс, высоко оценивая эту книгу, пишет о ней Энгельс-

су: «Это самая значительная книга среди всех, появившихся после твоего труда о «Положении рабочего класса [в Англии]». Прекрасно изображена и семейная жизнь русского крестьянина — с чудовищным избиением насмерть жен, с водкой и любовницами».

Чтобы читать эту книгу, Маркс стал изучать русский язык. Он многократно ссылается на нее как на самый достоверный источник знания «о положении крестьянства и вообще трудящегося класса в этой окутанной мраком стране». Маркс пишет Энгельсу о Флеровском: «Он хорошо схватывает особенности характера каждого народа — “прямодушный калмык”, “поэтический, несмотря на свою грязь, мордвин” (которого он сравнивает с ирландцами), “ловкий, живой эпикуреец-татарин”, “талантливый малоросс” и т.д. Как добропорядочный великоросс он поучает своих соотечественников, каким образом они могли бы превратить ненависть, которую питают к ним все эти племена, в противоположное чувство» [16, с. 358, 363—364].

Уже из этих похвал видно, что в книге Флеровского нет беспристрастности, он излагает свои ценностные предпочтения, давая характеристики «каждого народа» России не без примеси русофобии. Из этой книги, по мнению Маркса, «следует, что крушение русской державы должно произойти в ближайшее время».

Конечно, поскольку обществоведение связано с изучением людей, на этапе анализа и проектирования политической практики в модель вводятся ценности — отношения людей регулируются нравственностью. Но это вторжение ценностей в научное обществоведение стараются на первом этапе ослабить или отделить от объективного анализа. В российском обществоведении, напротив, методология анализа сознательно сразу базировалась на *ценностях*. Если эксплуатация — это зло, то автор сразу писал очерк об *угнетенных*, исходя из своих нравственных установок. А если для автора рабочие — это иждивенцы и люмпены, то он начинал пропаганду безработицы.

Так оно и случилось в ходе русской революции, что сыграло большую роль в сдвиге к гражданской войне. Социологи и гуманитарии, видя Россию каждый сквозь призму *определенного идеала* и своей *психологической убежденности*, не могли представить ни обществу, ни государству объектив-

ную картину реальности. Без такой картины, задающей общий язык, главные политические организации не могли вести диалог и искать компромисс, исходя уже из своих интересов, идеалов и наличных сил. Так столкнулись разные убежденности квазирелигиозного типа — гражданскую войну вели между собой революционные силы, почти все с социалистическими программами.

Таким образом, в период революционного кипения мощные импульсы для интеллектуального освоения проблем общества на Западе и в России оказались направлены в «точке бифуркации» на разные траектории: на Западе — в науку, в России — в натурфилософию. В естественных и технических науках такого расхождения не произошло.

Эту проблему в СССР первым поднял Г.В. Осипов. Он уже в конце 1950-х гг. пришел к выводу, что важнейшей задачей отечественного обществоведения стал переход от гуманитарно-философского мышления к научно-социологическому. Только на основе знания научного типа возможно и предвидение хода общественных процессов, и конструирование социальных форм. Лишь в этом случае обществоведение становится участником разработки управленческих решений, которые поднимаются на уровень технологии, а не рутинной реакции на изменение обстановки.

В воспоминаниях о 50-х гг. он говорит: «Работая над диссертацией, я все яснее понимал, что общество развивается не автоматически, как результат проявления абстрактных экономических законов, а в итоге деятельности личностей, которые при этом руководствуются самыми разными целями. Поэтому их действия должны быть строго скоординированы, и такую координацию может обеспечить только наука. Иными словами, общество нуждается в управлении, основанном на достоверных социальных знаниях... Так впервые я подошел к вопросу о конструировании социальной реальности, или, иначе, социального бытия» [17].

Когда в России (уже СССР) стих импульс революции и произошла, по выражению Вебера, «институционализация харизмы» (1960-е гг.), интуитивные попытки модернизации обществоведения оказались безуспешными. Это было действительно сложной задачей, особенно в обстановке холодной войны.

Те советские обществоведы, которые предчувствовали кризис, будучи «экзальтированными коммунистами» («шестидесятники»), вместо рефлексии и анализа пошли в диссиденты. Элита молодого поколения советских гуманитариев в большей части дезертировала или перешла на сторону противника в холодной войне.

Здесь надо обозначить сложную методологическую проблему, которая, видимо, и является корнем кризисов общественных наук — и на Западе, и, в более крупных масштабах, в России. Что значит, что наука — это знание, которое *освобождается от ценностей*? Это можно понять, когда ученый исследует объект «неживой материи». В этой сфере над объектом можно производить эксперимент — «допрос Природы под пытками»¹. Эксперименты над животными издавна вызывали угрызения совести, которые подавлялись надеждой, что это делается во благо *человеку*, — и эта надежда имела основание. Но как может существовать общественная наука? Ведь она исследует процессы и действия, определяющие судьбы людей и, в пределе, всего человечества? Как эта наука может *освободиться от ценностей*?

Конфликт между научным знанием и этическими ценностями носит фундаментальный характер и потому является постоянным предметом самого обществоведения (в частности, науковедения). Виднейшие философы рационализма подчеркивали, что научное знание не может иметь «решающего значения» для жизни общества. Оно занимает в этой жизни свое очень важное, но ограниченное место. Продолжая мысль Канта и Шопенгауэра, Витгенштейн писал: «Мы чувствуем, что даже если даны ответы на все возможные научные вопросы, то наши жизненные проблемы еще даже и не затронуты».

К. Лоренц, изучавший взаимодействие культуры и инстинктов как факторов поведения человека, считал большой

¹ М. Фуко писал: «Как математика в Греции родилась из процедур измерения и меры, так и науки о природе, во всяком случае частично, родились из техники допроса в конце Средних веков. Великое эмпирическое познание... имеет, без сомнения, свою операциональную модель в инквизиции — всеохватывающем изобретении, которое наша стыдливость упрятала в самые тайники нашей памяти».

угрозой для культуры вытеснение рациональностью внерациональных ценностей. Он писал: «Ценности не могут быть выражены в количественных терминах естественных наук. Одна из наихудших аберраций современного человечества заключается во всеобщей уверенности, будто то, что нельзя измерить количественно и не может быть выражено на языке “точных” естественных наук, не существует в реальности; так отрицается характер реальной сущности того, что включает в себя ценности, и это отрицает общество, которое, как прекрасно сказал Хорст Штерн, *знает цену всего и не знает ценности ничего*» [18, с. 33].

Речь вовсе не идет о том, чтобы поддержать попытки «реванша этики», вытеснить рациональное мышление из пространства его приложения. Проблема в том, что в любом обществоведческом исследовании или анализе ценностные и научные (автономные от ценностей) категории и критерии являются необходимыми инструментами познания, но лежат в разных плоскостях. Нельзя не устранить одну из этих частей когнитивной структуры, но нельзя их и смешивать в одном мыслительном акте.

М. Вебер писал об опасности для общественных наук смешения инструментов этики и научной методологии: «Для последней все дело только в том, что значимость моральных императивов в качестве нормы, с одной стороны, и значимость истины в установлении эмпирических фактов — с другой — находятся в гетерогенных плоскостях; если не понимать этого и пытаться объединить эти две сферы, будет нанесен урон одной из них» [19, с. 154].

Это — один из аспектов большой проблемы *несоизмеримости ценностей*. Эта проблема игнорировалась и в советском, и в постсоветском обществоведении, и этот пробел нашему обществу обошелся очень дорого. *Этика и научное знание* — две системы ценностей, обе жизненно важные. Ценности из этих систем несоизмеримы, их надо совмещать, не смешивая, — это сложные навыки. На практике в общественном бытии, особенно в переходные периоды, нравственные ценности подавляют ценности рационального знания, что позволяет доминирующей общности «репрессировать» ценности других общностей, которые не имеют средств защитить

свои идеалы и интересы. Ценности «победителей» становятся законом жизни, подавленные общности распадаются и деградируют, части их уходят в «подполье», начинают бороться или даже мстить.

Таковы трагические периоды революций, такой период переживает сейчас и Россия. Господствующая общность, осуществляющая «капиталистическую революцию», названную реформой, следует своим радикальным ценностям, принявшим формы фанатизма. Она категорически отвергла ценности «побежденного большинства», что и погрузило Россию в кризис. Исключительно важную роль в этом процессе сыграла подчиненная роль научной рациональности в позднем советском и постсоветском обществоведении. Перестройка резко сдвинула неустойчивое равновесие в сторону «антисоветских» ценностей, облеченных в официальную идеологию и в доктрины трансформации политической системы, экономики и общественного строя.

Рассмотрим эмпирические доводы для утверждений о кризисе обществоведения.

«Отказы» обществоведения в Российской империи

Обществоведение, исходящее из приоритета нравственных ценностей, не давало беспристрастного достоверного знания об общественных процессах. В начале XX в. в системе знания о российском обществе наблюдался отказ за отказом — методологическая основа сообщества была рыхлой, не имела сильного интегрирующего научного ядра. Государство и общество развивались при остром дефиците знания о самих себе. Задача, которая была ясна образованной части общества и государству, заключалась в том, чтобы в период империализма западного капитализма провести модернизацию народного хозяйства, не будучи втянутыми в периферию Запада в качестве его дополняющей экономики. Эту угрозу создавало интенсивное вторжение западного капитализма (особенно финансового) в хозяйство России с конца XIX в.

Модернизация — тяжелый, болезненный процесс. Россия, которая была намного больше открыта Западу, чем, например, Китай или Индия, пережила несколько волн и кри-

зисов модернизации. Царское правительство искало способы избежать следующего кризиса. Было предложено и даже принято много важных решений. Например, малоизвестное решение царского правительства ввести в России *народно-хозяйственное планирование*. В 1907 г. Министерство путей сообщения составило первый *пятилетний план*, а деловые круги «горячо приветствовали этот почин» (русский капитализм пытался избежать перспективы быть «переваренным» западным капиталом). Более широкие комплексные планы стала вырабатывать «Межведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водяных сообщений Империи», которая работала в 1909—1912 гг. Так был подготовлен второй пятилетний план — капитальных работ на 1912—1916 гг. Реализации его помешали слабость госаппарата и начавшаяся война.

Однако в общем задачу преодолеть кризис модернизации в рамках сословного общества решить не смогли, приходилось «догонять капитализм и одновременно убежать от него». Российская империя попала, по выражению М. Вебера, в «историческую ловушку» — систему взаимодействующих порочных кругов. Что бы не делало царское правительство, недовольство нарастало. Дав урезанную, выхолощенную конституцию (Манифест 17 октября 1905 г.), самодержавие стало ее заложником и потеряло свою силу, не приобретя ничего взамен. «Оно не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не нанося себе при этом смертельного удара», — писал Вебер.

Из этого, кстати, видно, какова была глубина той исторической ловушки, в которую попала Россия, становясь страной периферийного капитализма. Самодержавие при всем желании не могло ослабить ограничения для либеральной модернизации, поскольку при этом был слишком велик риск, что из-под контроля выйдут гораздо более мощные силы «архаического коммунизма». Так дело довели до революции — действуя ситуативно, не имея стратегической доктрины. Это положение возникло во многом из-за недостатка знания. У власти даже отсутствовали адекватные индикаторы, с помощью которых можно было бы следить за ходом общественных процессов. В результате власть делала ошибки, которых, в принципе,

можно было бы избежать. Так, уже лишенная оснований вера царя в крестьянский монархизм в существенной мере предопределяла неадекватность всей его политической доктрины.

После начала войны с Японией, которую большинство народа быстро стало воспринимать как трагедию, в правящей верхушке возникла утопия «небольшой победоносной войны», которая, как считалось, укрепит монархию. Насколько верхушка уже была оторвана от реальности, говорит простодушная похвальба царя П.А. Столыпину: «Если б интеллигенты знали, с каким энтузиазмом меня принимает народ, они так бы и присели».

Важно, что несостоятельным оказалось и то общественное движение, на представлениях которого строили свои доктрины либеральная оппозиция — ведущая либерально-буржуазная партия (Партия народной свободы, «конституционные демократы» — *кадеты*). Она собрала цвет интеллигенции, имела большую финансовую поддержку, в ее рядах было много видных философов и экономистов, ученых и публицистов. Кадеты создали обширную прессу — до 70 центральных и местных газет и журналов, много партийных клубов и кружков. По интенсивности пропаганды и качеству ораторов им не было равных. И при этом их представления о России и ходе исторического процесса были ошибочными.

Главное противоречие программы кадетов заключалось в том, что они стремились ослабить или устранить тот барьер, который ставило на пути развития либерального капиталистического общества самодержавие с его сословным бюрократическим государством. В XIX в. в России сложилось большое культурное и политическое течение, названное «русским либерализмом» («западники»), установки которых историк Т.Н. Грановский выразил так: «Запад кровавым потом выработал свою историю, плод ее нам достается почти даром, какое же право не любить его?»

Лидер партии кадетов П.Н. Милюков в 1906 г. дал С.Ю. Витте совет: не пытаться принять «русскую конституцию», а перевести бельгийскую или болгарскую и сделать «основным законом Российской империи». Он же высоко ценил империалистическую политику Англии: «Завидно становится, когда читаешь о культурных методах английской колониаль-

ной политики, умеющей добиваться скрепления частей цивилизованными, современными средствами». Эту же позицию в отношении национально-государственного устройства России занимал П.Б. Струве: «Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи» (см. [20]).

Либеральный проект расколол российское общество на непримиримые части. В начале XX в. «опыт превращения России в Англию» не удался — помешали монархия и консерваторы, а затем советская революция. Шанс реванша предоставила «новым либералам» антисоветская революция 1990-х гг.

Кадеты не хотели видеть последствий свержения или ослабления монархии, надеясь, что в России ход событий будет напоминать буржуазные революции Запада, только мягче («господа, ведь мы православные!»). А Вебер, сравнивая потенциал традиционной культуры в разных обществах, предвидел, что через прорванную кадетами плотину монархии хлынет мощный *антибуржуазный* революционный поток, так что идеалы кадетов станут абсолютно недостижимы. Либеральная аграрная реформа, проведения которой требовали кадеты, «по всей вероятности, мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», — вот вывод Вебера. Таким образом, реформа российских либералов «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры».

При этом политические требования кадетов как будто совпадали с крестьянскими. Вебер писал, что это внешнее совпадение — иллюзия, кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, которые устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит реформы, за которую они боролись.

Но дело было не только в доктрине социальной (земельной) реформы. Другая важная сторона либерального конституционализма — его несовместимость со сложившимся

в России типом *сосуществования народов*. Приняв за идеал государственного и общественного устройства Запад, либералы вели дело к разрушению России как многонациональной евразийской державы. Таким образом, в случае их успеха (как это и случилось в феврале 1917 г.) их программа обрекала Россию на катастрофу, за которой должен был последовать неминуемый откат, реставрация, уничтожающая тогдашних носителей западнического либерализма. Тот факт, что кадеты этого не предвидели, говорит о серьезном дефекте структуры их социального знания.

Ошибочными были и представления о России *социал-демократов*, которые следовали установкам ортодоксального марксизма. Конфликт между этими установками и цивилизационными особенностями России сыграл очень важную роль в нашей судьбе в XX в. и играет эту роль уже более 15 лет XXI в.

Легальный марксист П. Струве утверждал, что капитализм есть «единственно возможная» форма развития для России, и весь ее старый хозяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьянами, есть лишь продукт отсталости. Распространенным было и убеждение, что разложение этого строя капитализмом западного типа уже стремительно идет в России. Плеханов считал даже, что оно уже состоялось. М.И. Туган-Барановский (легальный марксист, а затем кадет) в своей известной книге «Основы политической экономии» признавал, что при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает... И в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе».

К реальности российской деревни была приложена модель, которую Маркс разработал на материале «раскрестьянивания» в Англии — в совершенно иных условиях. Модель марксистов была неадекватна в принципе, не в мелочах, а в самой своей сути. Аграрное перенаселение в России позволило поднять арендную плату земли в 4—5 раз выше капиталистической ренты. Поэтому укреплялось не капиталистическое, а трудовое крестьянское хозяйство — процесс шел совершенно иначе, чем на Западе.

Ведущий экономист-аграрник А.В. Чаянов писал: «В России в период, начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г., в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам» [2, с. 143].

Освоив уроки революции 1905—1907 гг., большевики преодолели евроцентризм марксизма. Это дало основу новой теории революции — не с целью расчистки пространства для развития капитализма, а как средство предотвратить втягивание России в периферийный капитализм с раскрестьяниванием и архаизацией хозяйства.

В этой теории дана новая трактовка русской революции. Ленин осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений капитализма, а именно предотвращение этого господства — стремление *не пойти* по капиталистическому пути развития. Это понимание сути русской революции затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран. Такое «преодоление» марксизма привело, однако, к глубокому расколу в среде социал-демократов.

Вебер считал, внимательно изучая нашу революцию 1905 г., что происходящие в России процессы имели фундаментальное значение для мирового обществоведения. Это было первое крупномасштабное столкновение традиционного общества с наступающим на него современным капитализмом. Такое столкновение давало очень ценное знание как о современном капитализме, так и о его главном противнике — традиционном обществе. Вебер даже изучил русский язык, чтобы следить за ходом событий.

Методологическая слабость российского обществоведения во многом предопределила невозможность общества и власти осваивать в режиме реального времени смысл тех цивилизационных проектов, которые в тот период «конкурировали» на общественной сцене России. Усваивался только вер-

хушечный политический смысл. Если бы общество успевало понять глубинный смысл и «взвесить» потенциал всех проектов, то, возможно, не произошло бы тотальной катастрофы, которая последовала за революцией. Есть основания считать, что противоречия в России не были до такой степени антагонистическими, чтобы с неизбежностью разрешиться в гражданской войне.

Но в обществоведении понимание хода исторических процессов резко отстало. Сейчас пишут, что Ленин и Столыпин верно поняли состояние России, но пошли разными путями, следовали разным проектам. Однако, судя по литературе, оба их проекта были поняты в малой степени, очень большая часть созданного в них *знания* не была использована. А ведь Столыпин (по типу образования и мышления — ученый) вел свою неудавшуюся реформу почти как научный эксперимент. Он проверил важную альтернативу, регулярно «выкладывал» эмпирические результаты, за реформой можно было следить по надежным данным.

Советское и постсоветское обществоведение еще в меньшей степени освоило урок Столыпина, чем его современники. К Столыпинской реформе подошли с позиции политической конъюнктуры. Она была обречена на неудачу не столько по причине крайней реакционности, но и из-за непреодолимых объективных ограничений, и это — важный вывод, пусть даже гипотетический, сегодня актуален для анализа реформ последних 25 лет. Но ведь и в нынешней попытке «фермеризации» данный вывод полностью игнорировали. Наше обществоведение в этом важном разделе оказалось *необучающейся* системой. Оно было неспособно к рефлексии, хотя все необходимые данные были налицо¹.

¹ Итальянский политолог М. Феретти, составившая обзор работ, посвященных канонизации Столыпина, пишет: «Показательно быстрое и легкое забвение призыва о возврате к демократическим идеалам Февральской революции. Само по себе это неудивительно. У тех, кто считает Учредительное собрание воплощением демократической воли России, сразу возникает очень неудобная проблема: поскольку большинство голосов было отдано эсерам, «демократическая воля» России высказалась против реализации «западного пути» в экономическом и политическом переустройстве России... Февраль был тут же забыт. Возник миф великого реформатора Столыпина» [21].

Реформа Столыпина была альтернативой советской аграрной политике: Столыпин разрушал сельскую общину так же, как А.Н. Яковлев требовал разрушить колхоз. Столыпинская аграрная реформа изображалась прообразом горбачевской. В одной из центральных газет 12 мая 1991 г. даже была опубликована статья «Столыпин и Горбачев: две реформы "сверху"».

Среди прочих выводов из урока Столыпина был один сравнительно простой — о том, что смена хозяйственного уклада требует изменения технологической базы. Стоимость этого изменения бывает очень высока. Россия в начале XX в. могла обеспечить средствами для ведения интенсивного хозяйства лишь кучку капиталистических хозяйств помещиков (на производство 20% товарного хлеба), но не более. Остальное — горбом крестьян. В 1910 г. в России в работе на полях было 8 млн деревянных сох, более 3 млн деревянных плугов и 5,5 млн железных плугов. Конкретно, у правительства Столыпина не было средств, чтобы «оплатить» переход от одного уклада (общинное крестьянское хозяйство) к другому (капиталистическое фермерство), — не было средств, чтобы обеспечить фермера железным плугом, молотилкой и лошадью. В расчетах стоимости такого перехода правительство ошиблось.

Можно говорить о проектах Ленина и Столыпина — замыслы обоих проектов глубоки. Но методологического инструментария для их разработки не было. Какие тексты произвела обществоведческая элита России того времени на основании анализа революции 1905 г.? Сборник «Вехи» — эмоциональный гуманитарный трактат о ценностях интеллигенции. Книга интересная, но никакого инженерного знания о том, что надо делать, чтобы скорректировать общественные процессы, из нее нельзя получить. Авторы — верхушка либеральной интеллигенции, самая образованная часть общества, но никакого знания, нужного для государства или какой-то части общества (власти, управления, сословий, оппозиции), они не дали.

Более того, после Февраля 1917 г. либералы пришли к власти — и никакого проекта, никакой технологии постановки целей и выработки решений. Полный провал! Они даже не смогли сформулировать программы действий по легитимиза-

ции своего режима, приняли концепцию *непредрешенчества*. Как можно действовать так во время революции?! Не было никакой национальной повестки дня, даже вопроса о форме власти — монархия ликвидирована, но и республика не провозглашена. Если пройти по всем пунктам перечня функций революционной буржуазно-либеральной власти — ситуация та же самая.

Те же ошибки продолжили делать вожди Белого движения и их советники, включая кадетов и эсеров. Красноречива неудача запоздалого социального проекта — земельной реформы в Крыму и Северной Таврии по инициативе Врангеля, ставшего в апреле 1920 г. главнокомандующим и правителем Юга России. В его правительстве были А.В. Кривошеин (правая рука Столыпина в его реформе) и другой сподвижник Столыпина, Г.В. Глинка. Этот проект вошел в историю как «Левая политика правыми руками».

Врангель потребовал «вырвать из рук наших врагов главное орудие пропаганды против Белой армии и Белого движения: всякое подозрение в том, будто бы цель нашей борьбы с красными — восстановление помещичьих прав на землю и месть за их нарушение». В Крыму была налажена мощная по тем временам пропаганда, но проект опирался на утопические представления об установках крестьян, кулаков и помещиков — и провалился. Попытка реанимации Столыпинской реформы, даже в гораздо более «левой» форме, была отвергнута всеми вовлеченными в проект общностями и лишь ускорила крах режима Врангеля [22].

Белые не смогли (и даже принципиально отказались) предложить населению России программу сборки страны и народа. Это требовалось населению, и тот, кто предложил бы внятный и приемлемый проект такой сборки, сразу получил бы поддержку. Но вследствие ошибок в сфере этнических отношений белые «напоролись на национализм и истекли кровью».

Если бы Белое движение опиралось на верное знание об идущих на «постимперском пространстве» общественных процессах, оно могло бы избежать возникновения целого ряда порочных кругов.

Для нас важен тот факт, что обществоведение Российской империи оставило очень мало материалов о методологии и

организации разработки и принятия решений в *управлении*. Многие критически важные решения в практике управления империи остаются необъясненными. Например, нет объяснения, почему монархия противилась попыткам учредить нормальное правительство, которое могло бы действовать как согласованное целое — царь вызывал к себе министров по одному. Много написано о роли Распутина, но он не мог задать модель институтов управления огромного государства. Их так создали и воспроизводили. Но тогдашние обществоведы этого не изучали, и наши сведения о структуре и философской базе этих институтов обрывочны — вот что важно.

Точно так же нет объяснения принятой Временным правительством упомянутой выше необычной доктрины непредрешенчества. Кто автор этой доктрины, какие доводы интеллектуалов партии либералов убедили правительство сделать такой выбор? Анализ подобных решений был бы очень полезным учебным материалом для нынешней российской политологии. Но реальность механизмов и методологии управления первого буржуазно-либерального государства в России нам практически неизвестна.

Советская власть: типы социального знания

На какое знание опирались советская власть и госаппарат? Почему они выдержали Гражданскую войну и вызванные ею бедствия и решили немало важных задач по восстановлению хозяйства, по сборке страны и народа, выполнили ряд больших программ развития?

Это стало возможным потому, что в госаппарат вошел большой контингент *практиков* — людей, которые знали на опыте состояние дел сверху донизу. Проект советской власти приняла и включилась в его осуществление значительная часть старой элиты — генералитет и офицерство, руководители полиции и жандармерии, значительная часть чиновничества и даже министров царского и Временного правительств, Академия наук, промышленники. Их дополнили практики «снизу» — грамотные рабочие и крестьяне, командиры Красной армии и студенты. Возникла дееспособная, знающая и увлеченная национальным проектом элита.

Опираясь на реальное знание, которым обладала Россия в лице этих работников, стало возможным укрепить новое государство и целый исторический период решать *очевидные* необходимые задачи, не допустив разрыва непрерывности с системой знания прежнего государства. Эти кадры руководили большими программами и оказались на высоте даже такого вызова, как Великая Отечественная война. Но социальное знание, которым они пользовались, было прежде всего знанием *традиционным*. Оно было сконцентрировано в опыте и здравом смысле.

Применение и развитие этого знания протекали в тяжелой дискуссии и в конфликте с официальным обществоведением, в основу которого тогда был положен *исторический материализм*. Эти дискуссии нарастали, они вели к расколам, а в крайней форме — и к репрессиям. Дискуссии были важными, но из-за эмоционального накала в них доминировали ценностные компоненты. Да и социальная цена их была очень велика.

Много удалось сделать при дефиците научного обществоведческого знания. Скажем, без развитой этнологии Советское государство смогло в 1918—1920 гг. усмирить этнический национализм окраин и на новой основе воссоздать «империю» в форме СССР. Сейчас в зарубежной антропологии это считается великим достижением.

Опыт и глубокое осмысление практики, жесткие дискуссии позволили избежать многих провалов. Но были и катастрофические ошибки, вызванные нехваткой рационального знания. Одна из них связана с первым этапом коллективизации; это рана, которая кровоточит постоянно. Реализация принятой в конце 1920-х гг. доктрины этой программы привела к голоду и тяжелому расколу сельского общества. Взятая за основу в исходной доктрине модель кооператива, выработанная в кибуцах в Палестине, признанная в европейском левом движении очень эффективной, была неприемлема для традиционного крестьянского мироощущения. Другое дело, что эта ошибка очень быстро (за три года) была проанализирована и исправлена.

Но после войны, во второй половине XX в., становилось все более очевидно, что наличие обществоведения научно-

го типа — это необходимое условие выживания. Без него уже невозможно было успешно управлять урбанизированным индустриальным обществом. Традиционное и неявное знание уже не отвечало сложности задач. Общественные процессы выходили из-под контроля. Многие проявления недовольства приходилось подавлять, загоняя болезненные явления вглубь. Ю.В. Андропов в свое время признал, что «мы не знаем общество, в котором живем»¹.

В этом признании было предчувствие катастрофы. Это — как если бы капитан при начинающемся шторме в зоне рифов вдруг обнаружил, что на корабле пропали лоции и испорчен компас. Ведь это сказал человек, который много лет был председателем КГБ. Это признание для нас сегодня очень важно. Ведь Ю.В. Андропов не обвинил в *нашем незнании общества* каких-то академиков или целые институты Академии наук. Это незнание он представил как всеобщую национальную проблему, а значит, проблему нашей культуры, даже нашей *картины мира*.

Власть обслуживала огромная армия обществоведов: только *научных* работников в области исторических, экономических и философских наук в 1985 г. было 163 тыс. человек. Еще больше таких специалистов работало в госаппарате, народном хозяйстве и социальной сфере. Уже к 1988 г. было видно, что перестройка толкает общество к катастрофе. Но элита обществоведов этого не видела (или умалчивала, что несовместимо с научными нормами).

Если при этом «мы не знали общества, в котором живем», это значило, что их анализ *методологически* был неадекватен своему предмету — советскому обществу 1960—1985 гг. В результате и высшее руководство страны, и работники госаппарата на всех уровнях, и само общество не имели необходимого научного знания. Познавательные инструменты советского обществоведения *не годились*. А значит, и *общество с государством*, ведомые таким обществоведением, были под-

¹ Буквально Ю.В. Андропов сказал в 1983 г. следующее: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».

слеповатыми, если не слепыми. Это и привело к катастрофическому провалу.

В чем сегодня видится его причина? Почему ни в Российской империи, ни в СССР не возникла система научного знания об обществе? Разумеется, и раньше, и в советское время у нас было много блестящих мыслителей, которые высказывали блестящие идеи и писали интересные книги, но в науке отдельные таланты и даже их малые группы не могут заменить *системы* — социального сообщества, следующего нормам научности и связанного профессиональной этикой и коммуникациями особого типа.

В 1990-е гг. ряд аналитиков склонялись к мысли, что слабость советского обществоведения была обусловлена тем методологическим фильтром, которым служил взятый из марксизма исторический материализм с его специфической структурой познавательных средств. О методологическом несоответствии истмата реальности XX в. надо говорить особо — это большая и важная тема. Она актуальна, потому что, хотя сейчас российское постсоветское обществоведение сменило свой идеологический вектор и ориентируется на либеральные (или даже «антимарксистские») ценности, в методологическом плане никакого сдвига не произошло. Те же преподаватели, что и раньше, исходят из тех же постулатов истмата, а замена идеологической компоненты не повлияла на логику их рассуждений. Оказалось, что несущественно, за что они «болеют» — за труд против капитала или за капитал против труда. Парадигма задается фундаментальной *картиной мира*, а в либерализме и в истмате эти картины примерно одинаковы: обе сложились в проекте Просвещения.

Одна и та же причина обусловила слабость российского обществоведения и в начале XX в., и в конце. Она прямо вызвана принципиальными различиями в генезисе российского и западного обществоведения. Длительное господство истмата в официальной идеологии лишь затянуло смены парадигмы обществоведения с натурфилософской парадигмы на научную.

Что мы в результате получили при развитии нашего обществоведения на этой траектории? Мы пришли к такому положению, что Запад, при всех его провалах и кризисах, обес-

печил постоянное снабжение государства и общества беспристрастным, *инженерным* обществоведческим знанием¹. А уж как им пользоваться — это решают «потребители» (политики, администраторы, общественные деятели, предприниматели и обыватели), исходя из своих ценностных представлений.

Пример — западная (почти исключительно американская) советология. Когда знакомишься с ее материалами, испытываешь уважение к качеству знания, которое советологи получали *о нас*: скрупулезно, ответственно, достоверно. Если заказчик требует: найдите в СССР такую социальную общность, которую можно использовать как таран против Советского государства, — разворачивается серия больших и глубоких проектов научного типа. Этнологи начинают комплексные исследования потенциально пригодных для этой роли этнических обществ, уходя вглубь истории как минимум на два века. Другие исследуют субкультуры российского и советского преступного мира, третьи — научную и гуманитарную интеллигенцию. Работают замечательные специалисты и по Достоевскому, и по Михаилу Булгакову; в Гарвардском университете целыми группами изучают «Собачье сердце», на все лады трактуя образы и Шарикова, и профессора Преображенского.

Если политические заказчики заключают контракт на анализ общности российских шахтеров как фактора дестабилизации системы, советологи изучат социокультурные особенности этой общности в разных условиях начиная с конца XIX в. и напишут монографию. А в закрытой аналитической записке скажут: вот идеальный контингент для создания в момент ослабления государства таких-то и таких-то кризисов. Выводы

¹ Надо сказать, что и западное обществоведение не раз давало сбой в XX в. Как и в науке в целом, в нем происходили кризисы, связанные со сдвигами в картине мира, в представлениях о человеке, в самой общественной реальности. Зрение обществоведов в анализе ряда явлений было деформировано механистическим детерминизмом, унаследованной от ньютоновской модели мироздания верой в то, что наш мир прост и устроен наподобие математически точной машины. Это — особая тема. Но в России мировоззренческий кризис 80—90-х гг. XX в. привел к поражению даже и этой механистической рациональности.

делаются с высокой точностью. И ведь большая часть таких монографий и даже часть этих докладов находились в СССР в спецхране, но наши советские обществоведы не видели в них никакой прикладной ценности и не верили их выводам. Они не владели методологией, чтобы понимать их смысл — иначе надо было бы предположить, что они игнорировали выводы советологов из идеологических антигосударственных соображений. Это невероятно.

Так же работают западные междисциплинарные центры прикладного обществоведения для решения политических проблем в любой части мира. Заказчик ставит задачу: как свергнуть президента Маркоса на Филиппинах? Проектные группы начинают изучать филиппинское общество, его историю, культуру, современные веяния и выбирают предположительно лучшие альтернативы. Устраивают революцию типа «оранжевой» — и вот в Маниле собираются у ворот воинских и полицейских частей толпы красивых девушек в нарядных платьях, с цветами и улыбками, они бросают цветы солдатам, поют им песни, лезут на грузовики. И прежде надежные профессиональные карательные отряды режима отказываются применять силу против таких демонстрантов. Всеобщее ликование — демократия победила.

Но при этом было установлено, что такой способ будет эффективен именно на Филиппинах, а в Южной Африке или в Тунисе сценарий должен быть совсем другим. Это блестящие инженерные разработки на основе научного обществоведения. Что могло этому противопоставить Советское государство? Нашим специалистам даже расшифровать подобные разработки было трудно, потому что у нас так не работали.

Вспомним недалекую историю. В 1960-е гг. СССР переживал очень сложный период. Страна выходила из состояния «мобилизационного социализма». Это довольно трудная задача — одна из самых сложных операций. Ее провели очень плохо, заложили в обществе массу «мин». Общество переживало кризис урбанизации — большинство населения за очень короткий срок стало городскими жителями. Люди переезжали в города, резко меняли образ жизни, приспосабливались к другому производству и быту, другому пространству. Массы людей испытывали тяжелый стресс, одновременно

происходила смена поклонений. Общество быстро менялось и усложнялось, эти процессы надо было быстро изучать, находить новые социальные формы, чтобы снизить издержки трансформации. Но обществоведение методологически не было готово к решению этих задач, и страна скользила к обширному кризису, который превратился в системный.

Советское обществоведение не имело даже языка, чтобы описать подобные политические технологии. Для этого требовался ясный и беспристрастный «инженерный» язык. Видный социолог Г.С. Батыгин писал: «Советская философская проза в полной мере наследовала пророчески-темный стиль, приближавший ее к поэзии, иногда надрывный, но чаще восторженный. Философом, интеллектуалом по преимуществу считался тот, кто имел дар охватить разумом мироздание и отождествиться с истиной. Как и во времена стоиков, философ должен был быть знатоком всего на свете, в том числе и поэтом. ...В той степени, в какой в публичный дискурс включалась социально-научная рационализированная проза, она также перенимала неистовство поэзии» [4, с. 43].

«Пророчески-темный стиль» присущ натурфилософии, можно сказать, это стиль *социальной алхимии*, а не науки. Такое обществоведение было не в состоянии интеллектуально овладеть созревающим кризисом, проблематизировать реальность и нарабатывать жесткое «инженерное» знание. Попытки противостоять кризису, перераставшему в катастрофу, не были обеспечены социальными технологиями, основанными на знании научного типа.

Аргументация в текстах обществоведов нередко опиралась на апелляцию к авторитетным писателям-классикам. Особенно часто взывали к Достоевскому (во время перестройки то и дело поминалась «слеза младенца»), консерваторы чаще обращались к Толстому. Чехов тоже использовался как идеологический молоток. А ведь он специально предупреждал, что ни в коем случае нельзя верить писателю, который пишет на общественные темы. Писатель не описывает реальное общество, он создает *образ* общества, утверждая ту или иную нравственную идею. В этом образе многие черты деформированы и гипертрофированы — чтобы что-то воспеть или что-то проклясть в общественном явлении или процессе.

В 1991 г. прошла дискуссия о методологической основе советской социологии. А.И. Кравченко писал: «Подсознательная установка всякого русского человека: наука об обществе есть наука о духовном, знание ценностное и знание о ценностях. Поэтому социология у него гуманитарна по своей изначальной сущности... Вспомним работы Н. Кареева, М. Михайловского, П. Сорокина и большинства других российских социологов... Это чисто гуманитарное знание. Таковы же и работы титанов русской социальной мысли Н. Бердяева и С. Булгакова.

Совсем иной характер сочинений М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса или Ф. Херцберга. Как бы глубоки не были философские рассуждения, на первом месте — тщательность методологической прописки темы, возможности количественного измерения явлений. Это — альфа и омега настоящего позитивизма, того самого, который на отечественной почве так и не прижился.

Мы не прошли школы позитивизма, суровой методической выучки, дисциплины и культуры научного мышления. Быть может, поэтому мы так приблизительны и поверхностны в своих теоретических суждениях, необязательны в выводах, неточны в расчетах... Значит, и нынешняя советская социология никак не может быть похожа на свой западный аналог, как бы ни учились мы у заграницы, как бы ни списывали с нее кружева...

Но если уж быть логичным до конца, то надо было бы еще в 50-е гг. отказаться от марксистской философии как метафизики. Но не отказались. И что же вышло? Философские положения выводят прямо из данных опроса респондентов» [23].

Тот факт, что советская философия, следующая догмам исторического материализма, не могла обеспечить обществоведение методологией, адекватной динамике общественных процессов, был известен партийному и государственному руководству. Но исследовать причины этого состояния и создать возможности для формирования автономного от общества коллектива методологов не удалось.

В 1949 г. Ю.А. Жданов, тогда зав. сектора науки ЦК ВКП(б), в докладной записке М.А. Суслову писал: «Философию развивали революционеры и ученые. Что же касается наших философов-профессионалов, заполняющих институты философии

и философские кафедры учебных заведений, партийных школ, то никто из них за тридцать лет советской власти и торжества марксизма в нашей стране не высказал ни одной новой мысли, которая вошла бы в сокровищницу марксистско-ленинской философии. Более того, никто из наших философов-профессионалов не высказал ни одной мысли, которая обогатила бы какую-либо конкретную область знания. Это в равной степени относится к Деборину и Митину, Юдину и Александрову, Максимова и Кедрову и всем остальным» (см. [24]).

В 1961 г. П.А. Сорокин представил на XIX Международный конгресс социологии большой доклад «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип». Он, в частности, писал: «Хотя советская социология до сих пор остается социологией диалектического материализма, фактически под этим названием советские социологи развивают различные теории, в ряде аспектов являющиеся более идеалистическими, чем многие господствующие западные социологические теории...

Подчеркнуто-резкая критика советскими учеными “буржуазных” социологических и психологических наук за чрезмерную релятивизацию ценностей, за моральный нигилизм, за безудержный “физицизм”, “эмпиризм” и “позитивизм”, за преследование преимущественно материально-утилитарных интересов — все это выявляет “скрытый идеализм” советской психосоциальной мысли. ... Во многих отношениях советская философия менее материалистична или более идеалистична, чем скептицизм, агностицизм, крайний эмпиризм и релятивизм, прагматизм, логический позитивизм, инструментализм, экзистенциализм, конструктивизм, натурализм, физикализм в современной западной философии» [25, с. 351—353, 357].

Для нашей темы важен тот факт, что влиятельная часть обществоведов была поставщиком *языка и идей* для персонала и государственной власти, и управления. Сдвиги в мышлении и этики довольно быстро начинали влиять на жизнь всего общества — даже если власть пыталась сопротивляться влиянию этих интеллектуалов. Это чувствовалось уже во времена Брежнева.

Г.С. Батыгин, который тесно общался с элитой философов и социологов, пишет: «Вероятно, ни одна общественная наука

в мире не обладала и не обладает таким влиянием на жизнь общества, каким обладала советская версия марксизма. ... Философия, социология, научный коммунизм создавали картины мира и транслировали их на многомиллионную аудиторию, используя для этого массовую печать, радио, телевидение, систему партийно-политической учебы, и, самое главное, разрабатывался проект практического переустройства общества. Вряд ли будет преувеличением сказать, что советский марксизм осуществлял власть над умами и в той степени, в какой обществоведы участвовали в легитимации социальных порядков, власть над властью. Идея светлого будущего открывала перед общественной мыслью мир неограниченных возможностей. ... Посткоммунистический дискурс утратил топику "советского марксизма", но сохранил и прагматику, и стилистику его интеллектуальной работы» [4, с. 63—64].

После краха СССР возникла обширная мемуарная литература советских обществоведов — плод их рефлексии на собственные установки и роль их профессиональных сообществ в катастрофе советского строя. Эта рефлексия показывает, что методологическая база данных сообществ принципиально отличается от *научного метода* в главных его компонентах. Приведем несколько выдержек из обзора этих мемуаров и некоторых наблюдений над особенностями работы советских социологов.

Автор обзора Д.В. Димке пишет: «Изучая советскую социологию, мы сталкиваемся с парадоксом: в ней есть классики, но нет классических текстов. ... Исследования советских социологов не изучаются в "классах". Большая часть из них не переиздана, многие практически не доступны — несмотря на бум образовательной и переводной литературы по социологии...

Ситуация с мемуарной и исторической литературой прямо противоположная. Большая часть известных социологов советской поры издали воспоминания; кроме того, группы энтузиастов собрали массу материалов по устной истории советской социологии, были выпущены сборники документов административного характера, имевшие отношение к институционализации социологии. Воспоминания о жизни советских социологов вызывают большой интерес и у младших поколений читателей...

Тексты советских социологов не *“используются в исследованиях современных авторов”*: если классический текст подразумевает чтение и цитирование, то тексты советских социологов как классические не работают. ...Более двух третей цитирований приходится на тексты, опубликованные после 1995 г., при этом более половины всех ссылок — это ссылки на статьи и тексты докладов, а не на книги. Этот паттерн цитирования разительно отличается от того, который мы наблюдаем в зарубежной социологической классике XX века. Там подавляющее большинство цитирований приходится на книгу (реже — статью), в которой автор впервые более-менее полно излагает свою теоретическую концепцию...

При этом существует своего рода культ советских социологов: их имена уважают, мемуары читают, анекдоты, связанные с ними, и их интервью вызывают неподдельный интерес; однако их научного наследия не существует. Кажется, что они могли бы вообще не писать никаких текстов, и это не отразилось бы ни на их статусе, ни на истории советской социологии. В этом смысле работы советских социологов не просто не соответствуют определению *“классические”*, они практически несущественны, поскольку невидимы» [26].

Сама мотивация работы социологов отличалась от мотивации *научного* исследования, ориентированного на получение *беспристрастного (объективного) знания*, автономного от моральных ценностей.

Д.В. Димке пишет: «Социологи-шестидесятники относились к своим работам как своего рода инструкциям, которыми власть должна воспользоваться, чтобы улучшить положение дел. Надежда на то, что результаты их исследований как-то повлияют на государственную политику, не казалась наивной, полученные результаты представлялись социологам средством, при помощи которого власть должна была реформировать строй: “Желание включить социологическую информацию в контуры партийного и государственного управления было делом, вполне естественным для профессиональных социологов” [Фирсов, 2001].

Окончание *“оттепели”* в мемуарах маркируется как крушение надежд; постепенно становится ясно, что результаты работы не нужны власти, специалисты ею не востребованы,

к их рекомендациям никто не собирается прислушиваться, а их советам следовать: *“Эти тексты были явно никому не нужны”* [Грушин, 2001]. Начало “застоя” в воспоминаниях, как правило, соотносится с изменением формата взаимодействия социологов и власти: теперь это не сотрудничество, а подрывная деятельность... Социологи, преодолевшие искушение сотрудничеством с обманувшей их надежды властью, теперь рассматривают социологическое исследование как *“сопротивление системе, но с помощью научного знания”* [Шубкин, 2001]» [26].

То, что «эти тексты были явно никому не нужны», вполне логично — партийному и государственному управлению от обществоведения требовалось именно достоверное знание, для идеологических рассуждений и нравственных сентенций в государстве и КПСС были другие службы. Тем более эти тексты стали не нужны после того, как социологи, удрученные крушением надежд на «оттепель», перешли к *подрывной деятельности*. Даже странно, что после таких признаний социологи встают в позу обиженных властью.

В мемуарах 1990-х гг. социологи и сами представляли свою деятельность не как научную, а как общественно-политическую, причем антигосударственную. В обзоре сказано: «Показательно, что в девяностые годы, обратившись к изучению истории советской социологии, социологи стали рассматривать ее как общественное движение: “Интеллектуальное течение (становление социологии) в советской науке в 1960-е годы и ее развитие в 1970—1980-е годы вполне оправданно рассматривать как общественное движение — латентное общественное движение, обладающее... устойчивыми воспроизводимыми практиками коллективных действий, не только собственно исследовательских, но и гражданских, в том числе протестных, осуществляемых в условиях скрытого, а иногда и явного социального конфликта” [Костюшев, 1998]...

Тема взаимоотношений социологии и власти — ключевая в воспоминаниях. Этими взаимоотношениями задан этос советской социологии: ее провалы и достижения оцениваются исходя из истории этого противостояния. “Социологи” и “власть” представлены как два противодействующих начала. Причем “власть” опасается социологов, вооруженных научно

обоснованными результатами исследований и желающих донести их до “общества”, тем самым изменив его. Опасность социологии для советской власти — общее место текстов о советской социологии: “Кстати, социологию-то и боялись, потому что при желании можно было эмпирические исследования повернуть против догматических канонов. Мы-то чувствовали это” [Карпинский, 1995]...

Б.М. Фирсов, ссылаясь на Т.И. Заславскую, в своей “Истории советской социологии” вспоминает ее “суровые, но справедливые слова о том, что социальные дисциплины в нашей стране долгое время оставались в арьергарде общественной жизни. Замечание это в полной мере относится и к социологии. Основной профессиональный канон этой науки — олицетворять истину и мужественную совесть общества — не удалось полноценно реализовать” [Фирсов, 2001]... Несостоятельность социологии видится советским социологам еще и в том, что социология не смогла стать “эмоциональным заменителем” идеологии: “Обществу нужно было нечто взамен того, что рассыпалось. Социология должна была сыграть роль такого эмоционального заменителя. Но мы, социологи, не смогли это сделать” [Ольшанский, 1994]» [26].

Именно свои неудачи на политической, а не научной арене удручают социологов, вспоминающих свою работу в советский период: «Самыми удивительными кажутся упреки, которые социологи адресуют сами себе, поскольку ни один из этих упреков напрямую не связан с деятельностью ученого. Почему профессиональный долг социолога — быть “в авангарде общественной жизни”? Такой упрек может быть адресован любому человеку, вне зависимости от его профессии, поскольку обращен к человеку как гражданину. Почему социология должна была сыграть роль “эмоционального заменителя”, который скрепляет общество? Эта роль обычно приписывается идеологии или религии...

Советский социолог “работал” вне академического поля. Его аудитория — общество в целом: власть, которой он должен был давать рекомендации и советы (и с которой, если она к ним не прислушивалась, должен бороться), и народ, который он должен был просвещать. Такое представление о профессиональной деятельности объясняет и тематику исследо-

ваний в семидесятые годы — *“то, что противодействовало официальной линии, вызывало живой исследовательский интерес”* [Лапин, 2008]... Подтверждением статуса ученого для советского социолога была его общественная (а не академическая) репутация. Вернее, общественная репутация и была для него репутацией академической. Критерием социологического исследования выступало не получение нового знания или создание новой теории, а возможность при помощи полученных данных изменить общество» [26].

В предисловии к материалам симпозиума «Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность» (1994) В.А. Ядов и Р. Гратхофф пишут: «Уникальность советской социологии заключается прежде всего в том, что, будучи включена в процесс воспроизводства базовых идеологических и политических ценностей советского общества, она стала важным фактором его реформирования и в конечном счете революционного преобразования» [26].

В своих размышлениях о развитии социологии в 2012 г. директор Института социологии РАН академик М.К. Горшков сформулировал такую аксиому: «Социологическая наука не может быть ни апологетической, ни оппозиционной: она призвана в ответ на оценки, полученные вне науки, давать научно обоснованную картину существующей реальности».

Да, именно это — принцип научного метода. Но затем он противоречит своей собственной аксиоме: «Оценивая происходившее в 60—80-е годы прошлого столетия, приходится констатировать, что апологетическая роль социологии того периода поддерживалась и одобрялась властными структурами, а научно обоснованная критика того или иного выдвинутого политического курса практически не принималась» [27].

Из двух его суждений и признаний видных социологов вытекает, что в советское время социология, которая сначала играла «апологетическую роль», а потом стала «общественным движением сопротивления системе», не была *научной* ни в том, ни в другом случае.

В свете этого противоречия сомнительной представляется следующая аксиома М.К. Горшкова: «Будучи наукой об обществе, социология неизбежно испытывает на себе влияние окружающей социальной среды, властных институтов. А это

означает: какое общество, такая и власть, какая власть, такая и социология, ее роль в системе социального управления» [27].

Почему, «будучи наукой об обществе», социология неизбежно должна подчиняться капризам влиятельных групп общества? Тут дело не в предмете научного исследования, а в принципах самой науки. Выводы относительно представлений о природе вызывали не менее острые конфликты ученых с властью, но вряд ли кто-то из ученых посчитал бы аксиомой, что «какая власть, такая и наука». Своей аксиомой М.К. Горшков непосредственно лишает социологию статуса науки. Страна, втягиваясь в кризис, оказалась без достоверного объективного научного знания — и мало что изменилось к настоящему моменту.

В СССР не удалось создать научную методологическую базу для построения адекватной модели советского народного хозяйства. Дискуссия о сути и категориях советской экономики велась с 1921 г. вплоть до смерти Сталина. О том, насколько непросто было мыслить это хозяйство в понятиях трудовой теории стоимости, говорит тот факт, что первый учебник политэкономии социализма удалось подготовить, после тридцати лет дискуссий, лишь в 1954 г. — после смерти Сталина, который все годы принимал в работе над учебником активное участие и задерживал его издание!

Противоречия между реальностью советского хозяйства и аппарата марксистской политэкономии в рамках официально принятого исторического материализма разрешить не удавалось. Академик К. Островитянов писал в 1958 г.: «Трудно назвать другую экономическую проблему, которая вызывала бы столько разногласий и различных точек зрения, как проблема товарного производства и действия закона стоимости при социализме». Но отказаться от учения было невозможно и по субъективным причинам (практически вся интеллигенция и элита правящей партии были воспитаны в марксизме), и по соображениям политической целесообразности.

В результате в 50-е гг. была принята политэкономия советского социализма как «квазирыночной» системы — теоретическая модель, явно неадекватная хозяйственной реальности. Политэкономия, начиная с А. Смита, представляет хозяйство как равновесную машину, которая гармонизируется

посредством купли-продажи. Но есть и другие типы хозяйства, при которых ценности и усилия *складываются*, а не *обмениваются* — так, что все участники пользуются созданным сообща целым. Таковыми являются, например, хозяйство семьи или крестьянского двора. Таким было и советское плановое хозяйство, но обществоведение этого не принимало.

Обучение политэкономии в высшей школе оказало огромный идеологический эффект. Как только в официальную догму была введена трудовая теория стоимости, стало распространяться мнение, будто и в СССР работники производят прибавочную стоимость и, следовательно, являются объектом *эксплуатации*. Когда экономисты представили доктрину рыночной реформы, а правительство с 1988 г. стало подрывать своими законами советскую экономическую систему, они, вероятно, не понимали, к каким последствиям это приведет.

Историк В.С. Балакин описывает эпизоды дискуссий в экономической науке со специалистами, которые приходили в экономику из жестких наук. Он пишет: «В марте 1957 г. директор Института экономики АН ССР И.Д. Лаптев направил в ЦК КПСС письмо с просьбой разрешить провести научное совещание с обсуждением вопроса о “Законе стоимости и его использовании в народном хозяйстве”... Споры эти затянулись на десятилетия». В сообществе был разброд. Профессор Н.А. Цаголов предлагал разработать теорию политэкономии социализма и полностью абстрагироваться от практики, в которой «в наших условиях может твориться что угодно» [28]. По мнению А.В. Аникина, официальная экономическая доктрина до второй половины 1950-х гг. не признавала роли математики.

В 1959 г. В.С. Немчинов выступил в Президиуме АН СССР с докладом «О перестройке работы академических институтов». «Он указал на необходимость превращения экономической науки в точную науку, которая будет давать не только качественные, но и количественные характеристики экономических явлений. Член-корреспондент АН СССР Т.С. Хачатуров заявил, что кадры экономических институтов совершенно непригодны для решения технико-экономических задач», — пишет В.С. Балакин [28].

Однако этому противостояли авторитетные противники. В 1960 г. директор и секретарь партбюро Института экономики, а также главный редактор журнала «Вопросы экономики» направили в ЦК КПСС докладную записку под названием «О некоторых ошибочных направлениях и извращениях в экономической теории». В ней сообщалось, что Л.В. Канторович пытается опровергнуть марксистскую теорию стоимости и что «никакой пользы для практики народно-хозяйственного планирования от математических методов, построенных на столь гнилой основе, быть не может, на практике они несут путаницу, извращение теории и идеологический вред». Это — демарш сообщества, а не КГБ.

Л.В. Канторович был математиком, в технических проблемах производства применял оригинальные методы оптимизации, не вторгался в политэкономия. Но он прилагал большие усилия для взаимодействия математики и экономики, стремился к синтезу гуманитарных и точных научных знаний — и сообщество этому сопротивлялось. Вот о чем здесь речь!

В начале 1970-х гг. в ЦЭМИ АН СССР возникала теория «системы оптимального функционирования экономики» (СОФЭ). Как писали во время перестройки, СОФЭ «во многом действительно изменила лицо советской экономической науки», что эта теория нацеливала реформы на создание смешанной экономики. Но, как мы видели, траектория развития данной концепции стала задаваться идеологией. С.В. Балакин свою статью закончил словами: «Таким образом, во второй половине XX в. в мировоззрении ученых-экономистов произошли значительные изменения... Оценки многих экономических явлений закрепились в эмоционально-чувственном слое сознания и превратились в стереотипы, незыблемую веру. Поэтому данный процесс оказался противоречивым и конфликтным... Анализируя современные публикации, можно констатировать, что та дискуссия многих научных работников так и ничему не научила» [28].

Представления советского обществоведения о процессах развития были сильно ограничены узкими рамками *формационного* подхода к истории. Формационный подход, возникший в ходе выработки фундаментальных догм евроцентризма для описания истории Запада как «столбовой дороги

цивилизации», стал господствующим в нашей образовательной системе. XIX век был веком механистических концепций, что в обществоведении выразилось в господстве формационного подхода. Но он подготовил почву для развития цивилизационного подхода с его более сложными и менее формализованными моделями.

Формационный и цивилизационный подходы, будучи методологическими приемами моделирования реальности, имеют ограниченные сферы приложения. В одном случае из модели исключается определенный набор проявлений реальности, в другом случае — определенный набор иных сторон реальности. Подходить к двум методологическим подходам с позиции «или — или» — значит отходить от норм научного мышления.

В XX в. многие описания и исследования конкретных социокультурных и производственных систем, проводимые в парадигме формационного подхода, не могут обойтись без включения в модель цивилизационных категорий. Что значит, например, такие выражения, как «конфуцианский капитализм» при описании производственных отношений в Японии или «буддистский капитализм» в приложении к Таиланду? Даже классический марксизм был проникнут цивилизационным подходом.

Частная модель «смены формаций» Запада развивалась Марксом, исходя из более широкой картины разных цивилизационных траекторий развития производственных отношений. На первой стадии разработки приходилось рассматривать античную, германскую и славянскую общины, порождавшие разные типы земельной собственности и отношений города и деревни, а также «азиатский способ производства» с его огосударствлением производительных сил («гидравлические цивилизации»). Сама терминология на этой стадии разработки формационного подхода говорит о том, что в качестве разных целостностей брались именно цивилизации.

Абстракцией формационного подхода было и представление феодализма как формации, «выраставшей» из рабовладельческого строя. На деле обе формации вырастали параллельно в лоне двух разных цивилизаций — античной общины-полиса и германской общины. А у славян и «азиатов» ни

рабства, ни феодализма в западном смысле слова вообще не возникло.

Маркс разрабатывал модель именно развития Запада с целью подготовки теоретической базы пролетарской революции. Однако и в этой теоретической конструкции скрыты цивилизационные категории — с помощью умолчания или допущений об их универсальности. Так, в «Капитале» Маркс, описывая элементарную клетку капитализма, прямо исходит из антропологии западного индустриального общества, из представлений о свободном индивиде, разделении дух — тело и ощущении тела как частной собственности пролетария. Это — специфические цивилизационные признаки, которые неприменимы к производственным отношениям иных цивилизаций. Сам Маркс неоднократно предупреждал русских революционеров, что эта его модель не является универсальной и к России неприменима.

Маркс писал в предисловии к первому изданию «Капитала»: «Предметом моего исследования в настоящей работе являются капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов... Существенна здесь, сама по себе, не более или менее высокая степень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из единственных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего».

Это предисловие к «Капиталу» противоречит реальности. Капитализм из центра не распространяется на весь остальной мир, а превращает слабые страны в свою периферию. Глава 25 «Капитала» («Современная теория колонизации») прямо противоречит постулату, сделанному в предисловии. Маркс пишет о странах Запада: «Они насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них соседних странах, как, например, была искоренена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии» [29, с. 767]. Или, ссылаясь

на Кэри: «[Англия] стремится превратить все остальные страны в исключительно земледельческие, а сама хочет стать их фабрикантом... Таким путем была разорена Турция, ибо там собственникам земле и земледельцам никогда не разрешалось» (Англией) «укрепить свое положение путем естественного союза плуга с ткацким станком, бороны с молотом» [29, с. 759]. Да и из истории Индии было видно, что невозможно было строить капитализм, имея по соседству агрессивную капиталистическую цивилизацию. Ибо Запад старается превратить все лежащее за его пределами пространство в зону «дополняющей экономики». Периферия мирового капитализма — это особая формация.

Но это же не для нас писалось! А в советском истмате эта евроцентристская идея была доведена до крайности. В книге «Основы марксизма-ленинизма» под редакцией О. Куусинена (1960) можно прочесть: «Все народы проходят, в главных чертах, один и тот же путь... Общество развивается, последовательно проходя социально-экономические формации, согласно определенным законам».

В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон в своем массовом учебнике «Курс исторического материализма», который начал публиковаться в 60-е годы, пишут: «С развитием капитализма исчезает изолированность отдельных стран и народов. Различные страны втягиваются в общее русло капиталистического развития, возникают современные нации, и между ними устанавливаются всесторонние связи. Тем самым отчетливо обнаружилось, что история всего человечества едина и каждый народ переживает ряд закономерных ступеней исторического развития. Возникли широкие возможности для сравнения истории различных народов, выделения того общего, что имеется в экономических и политических порядках разных стран, для нахождения закономерной повторяемости в общественных отношениях».

В этом тезисе куча ошибок. Даже в «Капитале» Маркс в примечаниях, составлявших примерно половину текста, говорил о своеобразии национальных хозяйственных систем. Но у него был четко очерченный объект исследования — клеточка современного западного капитализма, и у него не было задачи и времени отвлекаться на подробное описание «ази-

атского способа производства», русского общинного земледелия или, по его собственному выражению, «образцового сельского хозяйства Японии».

Но ведь и ведущие философы приняли тезис истмата за догму. Э.В. Ильенков писал: «Система идей, именуемая “марксизмом”, — это естественно созревший результат развития традиций “западной культуры”, или, если быть совсем точным, западноевропейской цивилизации... Россия... была интегральной частью “западного мира”, и революция 1917 года была вынуждена решать типично “западную” проблему» [30, с. 156—158.].

Утверждение, будто Россия была интегральной частью Запада и потому революция 1917 г. была вынуждена решать типично «западную» проблему», мягко говоря, никуда не годится. Вся концепция *России как Европы* была ошибочна и деформировала всю когнитивную структуру советского обществоведения. Да, Запад являлся и является «значимым иным» в формировании национального сознания народов России. Но чтобы быть членом «европейской семьи народов», надо, чтобы *эта самая семья* тебя признала своим. Запад появления у него такого «родственника» не желает и никогда не желал.

Ливонская война (1558—1583) окончательно обозначила *восточные пределы Европы*, она кончалась за рекой Нарвой и Псковским озером. Ливония была объявлена «восточным бастионом» цивилизации, война шла под лозунгом «Священной войны» Европы против России.

В XVIII в. Вольтер в его истории Петра Великого писал: «Московиты были менее цивилизованы, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом. Прирожденные рабы таких же варварских, как и сами они, властителей, влачили они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел и не разумея пользы оных» [31]. Руссо писал в работе «Об общественном договоре»: «Русские никогда не будут народом истинно цивилизованным... Русская империя захочет покорить Европу и будет покорена сама. Татары, ее подданные или соседи, стнут и ее, и нашими господами» [32, с. 38—39.].

В XIX в. жесткой русофобией отличались Маркс и Энгельс. Маркс в Лондоне произнес речь: «Я спрашиваю вас, что же изменилось? Уменьшилась ли опасность со стороны России?

Нет. Только умственное ослепление господствующих классов Европы дошло до предела... Путеводная звезда этой политики — мировое господство — остается неизменным. Только изворотливое правительство, господствующее над массами варваров, может в настоящее время замышлять подобные планы... Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое москвитями азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами героев» [33].

То же в XX в. Когда немцы, завязнув в России, перестали быть угрозой для Англии, Черчилль написал (октябрь 1942 г.): «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств» (цит. в [34]).

А накануне перестройки (1984) М. Кундера писал в статье «Похищенный Запад»: «Воистину, ничто не может быть более чуждым Центральной Европе с ее одержимостью многообразием, чем Россия, одержимая идеей единообразия, стандартизации и централизации... На восточной границе Запада больше, чем где бы то ни было на Земле, Россия воспринимается не как европейская держава, а как обособленная, иная цивилизация. ... Там иначе смеются, иначе живут и умирают» [35].

И наконец, виднейший французский знаток России А. Безансон пишет: «Европа как целое — постепенно вызревший плод уникального исторического опыта. Но можно ли в таком случае сказать, что Россия — часть Европы? ... Нет. Таким образом, нет никаких оснований считать Россию частью Европы» [36].

Что же касается «западных проблем», которые якобы была призвана разрешить русская революция, — это идея еще более странная. К 1913 г. Россия была втянута в периферию западного капитализма. Но ведь «метрополия» (Запад) и «периферия» (Россия) — разные системы, и проблемы у них разные. Российская промышленность почти целиком принадлежала иностранному капиталу. В 1910 г. в металлургии банки владели 88% акций, 67% из этой доли принадлежало консорциуму из трех французских банков, а на другие иностранные

банки с участием (только участием!) русского капитала прихотилось 18% акций.

В паровозостроении 100% акций находилось в собственности двух банковских групп — парижской и немецкой. В судостроении 96% капитала принадлежало банкам, 77% — парижским. В нефтяной промышленности 80% капитала принадлежали группе «Ойл», «Шелл» и «Нобель». В их руках было 60% всей добычи нефти в России и 3/4 ее торговли. В дальнейшем захват российской промышленности и торговли иностранным капиталом не ослабевал, а усиливался. Революция 1917 г. была вынуждена решать и решила типично «российскую» проблему.

Как могло сообщество обществоведов и философской элиты СССР игнорировать исследования М. Вебера культурного и мировоззренческого основания самой большой общности в России в период революции — крестьян и рабочих? Историк А. Кустарев (А. Донде), изучавший «Русские штудии» М. Вебера, пишет: «Самое, кажется, интересное в анализе Вебера — то, что он обнаружил драматический парадокс новейшей истории России. Русское общество в начале XX века оказалось в положении, когда оно было вынуждено одновременно “догонять” капитализм и “убегать” от него. Такое впечатление, что русские марксисты (особенно Ленин) вполне понимали это обстоятельство и принимали его во внимание в своих политических расчетах, а также в своей зачаточной теории социалистического общества. Их анализ ситуации во многих отношениях напоминает анализ Вебера» [37].

Но ведь и В.И. Ленин пришел после революции 1905—1907 гг. к сходным выводам, что и М. Вебер, пусть исходя из других посылок. М. Вебер предвидел, что в случае поражения монархии через прорванную либералами плотину хлынет мощный *антибуржуазный* революционный поток, а либеральная реформа, «по всей вероятности, мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян». Он добавил, что эта реформа «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры»: «Ни из чего не видно, что крестьянство симпатизирует идеалу личной свободы в западноевропейском духе. Гораздо больше

шансов, что случится прямо противоположное. Потому что весь образ жизни в сельской России определяется институтом полевой общины» [37].

Как же с таким мировоззрением и экономическим сознанием масс революция 1917 г. могла решать типично «западную» проблему? Да ведь и Маркс это ясно объяснил, заклеив русский институт полевой общины, и напроорочил союзу рабочих и крестьян «казарменный коммунизм». Наши философы-марксисты загнали в тупик самосознание советского общества.

Колоссальным провалом советского обществоведения можно считать представление, что центральной мировоззренческой матрицей советского народа был марксизм («система идей, именуемая “марксизмом”», как уточнил Ильенков). Во время революции крестьяне составляли более 80% населения. Их мировоззрение Вебер назвал «общинный крестьянский коммунизм». Рабочие в первом и немногие еще во втором поколении тоже сохраняли эту картину мира. Но этот крестьянский коммунизм резко различается с коммунизмом Маркса, его исповедовала лишь часть интеллигенции (в основном меньшевики и либералы). Хотя официальное образование заставляло учить выжимки из марксизма (адаптированного и вульгаризированного), это было все равно, что заставить учить закон божий лояльных иноверцев. Постепенно возникло двоемыслие с когнитивным диссонансом: вслух вещать цитаты из истмата и политэкономии, а осваивать реальность молча¹.

Но ведь все это обществоведы и философы должны были знать. Об этом писали одновременно и Вебер, и М.М. Ковалевский, и французские историки их революции. Все они подчеркивали коммунистическое мироощущение крестьянской

¹ Ортега-и-Гассет писал уже в 1930 г. в «Восстании масс»: «В Москве существует тонкая пленка европейских идей — марксизм, — рожденных в Европе в приложении к европейским проблемам и реальности. Под ней — народ, не только отличный от европейского в этническом смысле, но, что гораздо важнее, и другого возраста, чем наш. Это народ еще бурлящий, то есть юный... Я жду появления книги, в которой марксизм Сталина был бы переведен на язык истории России. Потому что именно в том, что он имеет от русского, его сила, а не в том, что он имеет от коммуниста» [38].

общины, причем очень устойчивое — «со времен антиков до конца XIX века». А М.М. Ковалевский особо отмечал у российского правительства опасение, что общинное землевладение «поддерживает в умах коммунистические идеи» (см. [39]). Как можно было скрывать это от советского общества и выработать разумный дискурс и подходы к обновлению мировоззрения? Или причина — невежество, порожденное идеологизацией и упрощением? Но ведь элита наших обществоведов-реформаторов и сегодня как будто этого не знает или умалчивает.

В развитии мировоззренческого кризиса СССР было ложное представление и о *холодной войне*, начатой в 1946 г. Какова природа холодной войны? Опубликованные в последние годы документы доктрины холодной войны, выработанной во второй половине 40-х гг. в США, показывают, что эта война с самого начала носила характер *войны цивилизаций*. Разговоры о борьбе с коммунизмом были прикрытием. Программные документы США начала холодной войны наполнены ненавистью к России. Вот как она трактуется в важном документе 1948 г.: «Россия — азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме».

Холодная война Запада имела мессианский характер, противник в ней был назван «империей зла», а победа — «концом истории». Философ неолиберализма и гуру неоконсерваторов США Лео Страусс определил цель этой войны так: «полная победа города над деревней или Запада над Востоком». Этот мессианизм был проникнут пессимизмом. Л. Страусс так видел смысл победы Запада: «Завершение истории есть начало заката Европы, Запада и вследствие этого, поскольку все остальные культуры были поглощены Западом, начало заката человечества. У человечества нет будущего».

Формации могут сосуществовать и сотрудничать, а война с «империей зла» тотальна. Обществоведение и печать искажали образ холодной войны, многократно занижали опасность. Это разоружило общество — оно не знало природу опасности. Так в холодной войне СССР в конце концов потерпел поражение — в «войне смыслов».

В 1915 г. видный политолог А.В. Рябов¹ пишет: «По размаху перестройка была самой масштабной попыткой смены парадигмы отечественной истории. Начавшись как “революция сверху”, она была нацелена на развертывание низовой гражданской, предпринимательской, политической инициативы, на превращение массовых общественных слоев в творцов исторического процесса. Рассчитывая на социальное творчество снизу, перестройка предполагала проведение радикального обновления политических и социальных институтов, создание свободного рынка, введение политического и идейного плюрализма, строительство правового государства» [40].

Невозможно поверить в эти рассказы про «социальное творчество снизу, строительство правового государства» и пр. Уже в 1989—1990 гг. в это мало кто верил, а специалисты или готовили приватизацию, или пытались подготовить системы жизнеобеспечения к бедствию. Для кого сегодня все это пишут? А может, элитарные обществоведы действительно до сих пор витают в облаках?

Ведь сам Горбачев представлял себя героем, который сокрушил Советское государство. В своей лекции в Мюнхене 8 марта 1992 г. он сказал: «Понимали ли те, кто начинал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет?.. Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул» [41, с. 193].

Таким образом, Горбачев признал, что он действовал согласно **плану, нацеленному на победу**. И она была достигнута — «тоталитарный монстр рухнул». Но ведь он собрал возле себя цвет советского обществоведения!

Обострение общественного и политического кризиса в СССР произошло в 1980-е гг., когда к власти пришли люди нового поколения и нового культурного типа. На глазах начали рушиться связи, которые соединяли общество в 1970-е гг.

¹ Андрей Виленович Рябов — политолог, эксперт Горбачев-фонда, руководитель проекта «Круглый стол “Экспертиза”», главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения» ИМЭМО РАН.

Важные структуры советского строя не выдержали, произошел срыв, с которым руководство не справилось и своими действиями усугубило ситуацию.

Проект, альтернативный советскому проекту (грубо говоря, антисоветский), который раньше был подавлен и почти искоренен, вновь оживился в советском обществе с 1960-х гг. Постепенно он осваивался, укреплялся, накапливал силы. В 1980-е гг. выкладывались уже готовые доктрины, и в этих условиях люди бросились к обществоведам: объясните, что происходит?

Здесь и обнаружилась несостоятельность советского обществоведения, которое не смогло ни объяснить причин социального недомогания, ни предупредить о грядущем кризисе. Эта беспомощность была такой неожиданной, что многие видели в ней злой умысел, даже обман и предательство.

Конечно, был и умысел — против СССР велась холодная война, геополитический противник ставил целью уничтожение СССР и всеми средствами способствовал нашему кризису. Но наш предмет — то общее непонимание происходящих процессов, которое парализовало защитные силы советского государственного и общественного организма. Это непонимание есть прежде всего следствие методологической слабости нашего обществоведения и, соответственно, образования и СМИ. Причина в том, что обществоведение пользовалось негодными инструментами.

АНТИСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ ДО КРАХА СССР

После Великой Отечественной войны и после программы восстановления исчезли главные факторы, которые обеспечивали «морально-политическое единство» советского общества в 1930—1940-е гг. Антисоветские проекты начала XX в., подавленные или «отложенные» в начале 1930-х гг., стали реализовываться. В авангарде были молодые гуманитарии и обществоведы.

В 1950-е гг. на философском факультете МГУ вместе учились М.К. Мамардашвили, А.А. Зиновьев, Б.А. Грушин, Г.П. Щедровицкий, Ю.А. Левада. Теперь об этой когорте пишут: «Общим для талантливых молодых философов была смелая цель — вернуться к подлинному Марксу». Что же могла эта талантливая верхушка советских философов обнаружить у «подлинного Маркса» полезного для понимания России? Обнаружили много полезного, но увидели прежде всего жесткий евроцентризм, крайнюю русофобию и антикрестьянские представления, отрицание «грубого уравнительного коммунизма» советского типа как реакционного выкидыша цивилизации, тупиковой ветви исторического развития.

В результате эти блестящие молодые марксисты-философы перешли на антисоветские позиции (Зиновьев, посмотрев на реформу, в 1990-е гг. вновь стал патриотом СССР). Нельзя понять нашего нынешнего кризиса, если проходить мимо такого важного явления, как *антисоветский марксизм* 60—80-х гг. XX в. на Западе и в СССР. Он был главным идейным оружием антисоветской элиты во время перестройки и парализовал советских людей, которые с колыбели росли под портретом Маркса (см. [5]).

В сфере идей именно эта интеллектуальная конструкция сыграла роль провокатора, который, как Гапон, повел политизированную часть интеллигенции на митинги перестройки. Те, кто учились, чтобы понять советское общество и помочь ему, стали идеологами его ликвидации (см. [5]).

Как известно, во время перестройки верхушка КПСС с помощью ее идеологической машины и используя «недоброжелательное инакомыслие» большей части интеллигенции, сумела разрушить ту «мировоззренческую матрицу», которая служила основой легитимности советского общественного строя и его политической системы (СССР). Для этого не требовалось, чтобы большинство населения заняло антисоветскую позицию, было достаточно, чтобы в массовом сознании иссякло *активное* благожелательное согласие на существование СССР. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то организованные заинтересованные силы способны сменить социальный строй и политическую систему. А такие силы имелись и в стране, и за рубежом.

В принципе, более чем за полвека до перестройки Антонио Грамши весьма точно предсказал, какими средствами воздействия на сознание интеллигенция укрепляет или разрушает легитимность общественного строя. В наше время примерно о том же пишут современные культурологи и социологи, очевидцы и участники разрушения СССР.

Г.С. Батыгин дает такое общее определение: «Интеллектуалы и публицисты артикулируют и обеспечивают трансмиссию “социального мифа”: идеологий, норм морали и права, картин прошлого и будущего. Они устанавливают критерии селекции справедливого и несправедливого, достойного и недостойного, определяют представления о жизненном успехе и благосостоянии, сакральном и профанном. Любая тирания уверенно смотрит в будущее, если пользуется поддержкой интеллектуалов, использующих для этого образование, массовую информацию, религию и науку. Но если альянс власти и интеллектуалов нарушен, происходит кризис легитимности и реформирование системы» [4, с. 45].

Примерно так же видит главную суть столкновения перестройки П. Бурдьё. Он пишет: «Всё заставляет предположить, что в действительности в основе изменений, случившихся недавно в России и других социалистических странах, лежит противостояние между держателями политического капитала в первом, а особенно во втором поколении, и держателями образовательного капитала — технократами и, главным образом, научными работниками или интеллектуалами, кото-

рые отчасти сами вышли из семей политической номенклатуры» (см. [42]).

Здесь помимо того, что указывается на роль интеллектуалов в выполнении основного объема работы по делегитимации советского строя, предполагается особое значение *элиты* гуманитарной интеллигенции, которая стала уже сама *частью власти*. Речь идет не о чиновниках, а о руководителях СМИ, учреждений культуры и общественных наук, о влиятельных советниках высшего эшелона партийной и государственной власти.

Упомянутый выше М.К. Мамардашвили, который в кругах либеральной интеллигенции считается крупнейшим советским философом, работал в 1961—1966 гг. в редакции журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге. Редакцию этого журнала называли особым отделом ЦК КПСС. Мамардашвили говорит в интервью в 1988 г.: «Вскоре после 1956 года можно было наблюдать сразу на многих идеологических постах появление совершенно новой, так сказать, плеяды людей, в то время сравнительно молодых, которые отличались прогрессивным умонастроением и определенными интеллигентными качествами. Ну, скажем, там были такие люди, как Вадим Загладин, Георгий Арбатов — это мои бывшие коллеги по Праге начала 60-х годов. Борис Грушин, Юрий Карякин, Геннадий Герасимов... Иван Фролов, Георгий Шахназаров, Евгений Амбарцумов. И всю эту плеяду людей собрал в свое время Румянцев Алексей Матвеевич. В последующем редактор “Правды”, а потом вице-президент Академии наук.

Многие из них — после Праги — пошли на важные идеологические посты. Возвращаясь, они практически все... пополняли и расширяли так называемую интеллектуальную команду в политике и идеологии... Очевидно, все они участвуют сегодня в написании политических и других текстов в аппарате ЦК... Большинство из них ко времени Горбачева оставалось на своих постах. Они служили» [43].

Обществоведы, которых приближали к власти, были людьми в некоторых отношениях отборными. Они были «идеологическим спецназом», а не учеными, ищущими истину.

Г.С. Батыгин указывает на этот важный факт: «Ни “крестьянские войны” и голод в деревне, ни массовые репрессии, ни

низкий уровень жизни не поставили под вопрос существование коммунистического режима. Его крах стал следствием разрушения “социальной теории” и конфликта в дискурсивном сообществе в относительно стабильных политических и экономических обстоятельствах. Он был предуготовлен движением “шестидесятников” и вступил в критическую фазу в период “плюрализма мнений”, обозначенного атакой “докторальной публицистики”, которая стала играть роль альтернативного мозгового центра страны. Атака исходила от идеологических изданий, в числе которых был и теоретический орган ЦК КПСС — журнал “Коммунист”. Реформирование “социальной теории” осуществлялось публицистами перестройки путем форсирования моральных требований правды, справедливости, подлинной демократии и свободы» [4, с. 58].

Здесь — важная и четкая формулировка того факта, на который в разных формах указывали многие авторы: крах СССР «предуготовлен движением “шестидесятников”». Но «шестидесятники» — это особая общность элитарных обществоведов. Элитарность их определялась не социальным происхождением, а уровнем образования. Они осознали себя «благородным сословием», ответственным за судьбы России. Г. Павловский писал так: «Небольшая прослойка оппозиционно настроенной интеллигенции, условно именуемая “шестидесятниками”». Какое же знание они несли обществу?

Вот, например, «методологическое сообщество», или «игропрактики». Этот кружок работал с 1952 г. под руководством Г.П. Щедровицкого. Среди его основателей — А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили и Б.А. Грушин. Все обсуждения записывались на магнитофон и затем распечатывались на пишущих машинках (за 40 лет скопились сотни томов машинописных материалов семинаров и игр). Как пишет историк, это движение «проводило подспудную кропотливую работу, готовя перемены. Не случайно его представители оказались в первых рядах, когда эти перемены начались» [44].

Антисоветский проект «шестидесятников» не собран в каком-то одном большом труде, хотя и есть отдельные сборники с его более или менее связным изложением — например, книга-манифест «Иного не дано» (1988). Его сущность изложена в огромном количестве сообщений по частным вопросам,

в «молекулярном» потоке идей, символов и метафор. Крупные фигуры были лишь своего рода опорами, устоями всего этого движения, задавали его траекторию и мифологию. Близкие им духовно партийные деятели и члены научно-гуманитарной верхушки сотрудничали эффективно, но не явно.

М.К. Мамардашвили объясняет: «Нормальный опыт людей моего поколения, связанного с идеологией, ...такой жизненный путь, точкой отсчета которого были марксизм или социализм и вера в идеалы марксизма и социализма... И все они проходили этот путь, следуя той системе представлений и образов, что были завещаны революцией...

Значит, тот, кто проходил этот путь, осознавал себя, в отличие от консерваторов и догматиков, в терминах ... порядочности и интеллигентской совести. И когда наступила хрущевская "оттепель", то это было, конечно, их время. Для них это была эпоха интенсивной внутренней работы, размышлений над основами социализма, попыткой изобретения новых концепций, которые исправили бы его искажения и т.д. Например, они активно включились в разработку известной хрущевской программы о приближении коммунизма. Были буквально вдохновлены ею... Многие этим занимались. Появились такого рода люди в ЦК, в виде советников и референтов, в издательствах, газетах и т.д. Причем часто на ключевых позициях... И вот уже явно, не подпольно тогда сложилась определенная политическая среда» [43].

Другой видный общественвед, совмещающий статус академика и члена политбюро ЦК КПСС, А.Н. Яковлев¹, писал в 2001 г.: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды "идей" позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о "гениальности" позднего Ленина, о необходимо-

¹ А.Н. Яковлев (1923—2005) учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, стажировался в Колумбийском университете (США), был избран академиком АН СССР (по отделению экономики), в 1983 г. был назначен директором ИМЭМО АН СССР.

сти возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т.д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” — по революционизму вообще» [45, с. 14]¹.

Все это несовместимо с нормами научности, которые требуют *беспристрастности*, а не вредительства. Эти обществоведы и руководству страны давали «научные» рекомендации такого же качества. А.Н. Яковлев вспоминает о своей работе директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО): «Практически институт считался как бы научно-исследовательской базой ЦК. ...Институтские ученые часто привлекались к подготовке выступлений и докладов для высшего начальства, что считалось “большим доверием”. А те, кому “доверяли”, были людьми, как правило, с юмором. Когда начальство произносило “свой” текст, его авторы садились у телевизора и комментировали это театральное представление: “А вот этот кусок мой”, “А вот эту чушь ты придумал”, “А теперь меня читает”. Смеялись. А на самом-то деле на глазах творился постыдный спектакль абсурда» [46, с. 380].

Можно понять, как «архитектор перестройки» А.Н. Яковлев проводил смену кадров, какие установки давал аппарату и кого поддерживал в сфере «идеологии, информации и культуры»². Он пишет о перестройке так: «Перестройка — это объективно вызревшая в недрах общества попытка излечить

¹ Заметим, что проклинает «революционизм» человек, получивший титул «архитектора перестройки», которая формировалась как *революция*, пусть и «революция сверху». А ведь во всех обществах *революции элиты* всегда приводят к тяжелейшему и длительному кризису.

² Погром кадров произошел и в партийном аппарате, и в аппарате управления хозяйством, и в правоохранительной системе. Вот примеры: «В 1986—1989 гг. сменилось 82,2% секретарей райкомов, горкомов и окружкомов КПСС. ...В 1986—1989 гг. сменилось почти 90% секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. ...На 80% сменили прокуроров, на 60% — судей. 400 тыс. новых людей влили в милицию» (см. [47]).

безумие октябрьской контрреволюции 1917 г., покончить с уголовщиной и безнравственностью власти. ...Перестройка 1985—1991 гг. взорвала бывшее устройство бытия, пытаясь отбросить не только уголовное начало, но и все, что его объективно оправдывало и защищало, на нем паразитировало: беспробудный догматизм, хозяйственную систему грабежа и коллективной безответственности, организационные и административные структуры бесправия» [46, с. 567, 568].

«Перестройка *взорвала* бывшее устройство бытия!» — вот в чем корень кризиса и бедствия нашего времени.

Другой «антисоветский марксист», А.П. Бутенко, профессор МГУ и ранее заместитель секретаря партбюро философского факультета по пропаганде и агитации, давая в книге «Власть народа посредством самого народа» (1988) большую подборку выдержек из Маркса, которые утверждали якобы паразитическую суть государства, добавлял: «Важно подчеркнуть, что такая тенденция — не особенность какого-либо определенного типа государства, а общая черта развития государства как такового» [48, с. 49].

Далее из этого делается вывод, что само существование государства показывает, что в таком обществе примирение классов невозможно, поскольку «по Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение классов» [48, с. 77]. Следовательно, в СССР существуют непримиримые межклассовые противоречия, и перестройка должна перерасти в *революцию*.

Член-корреспондент АН СССР П. Бунич тоже подал клич: «Моя позиция была известна всей сознательной жизнью, непрерывной борьбой с государственным монстром» (сохраняем стиль автора). Человек выучился на экономиста и нанялся к «государственному монстру» работать ради улучшения его экономики. Получал хорошую зарплату, премии и ласки — а оказывается, все это время неустанно стремился нанести своему работодателю вред, тайно боролся с ним!

Интенсивная кампания, которая велась во время перестройки против государства вообще, против государственного аппарата СССР и сообщества работников управления («бюрократов»), охватила все уровни и сферы обществоведения.

О.И. Шкаратан писал в книге «Социология перестройки»: «Эта гигантская масса управленцев путем простого деления множила должности в аппарате и, утратив корни общественно-продуктивного существования, в своей значительной части превратилась в паразитирующего бюрократа, в своеобразный аналог древнеримского люмпен-пролетариата, столь же зависимого, как и он, от милостей и подачек политической элиты. Тем самым перерожденная в этом смысле мелкая бюрократия составила подлинную социальную базу сталинской диктатуры» [49, с. 56.].

В базовое представление о государственности входит целый свод *антигосударственных* мифов. Одним из них был миф об «административно-командной системе», о невероятно раздутой бюрократии СССР. Советское государство было представлено монстром — в противовес якобы «маленькому» либеральному государству. На деле именно либеральное государство («Левиафан») должно быть предельно бюрократизировано, это известно фактически и понятно логически. Ведь либерализм (экономическая свобода) *по определению* порождает множество функций, которых просто не было в советском государстве, — например, США вынуждены держать огромную налоговую службу. Колоссальное число государственных служащих занимается в рыночной экономике распределением всевозможных субсидий и дотаций, пропуская через себя огромный поток документов, которые нуждаются в перекрестной проверке.

Советская бюрократическая система была простой и *малой по численности*. Очень большая часть функций управления выполнялась на «молекулярном» уровне в сети общественных организаций (например, партийных). В журнале «Экономические науки» (1989. № 8. С. 114—117) была опубликована справка о численности работников государственного управления СССР в 1985 г. Всего работников *номенклатуры управленческого персонала* (без аппарата общественных и кооперативных организаций) было **во всем СССР** 14,5 млн человек.

Из этих 14,5 млн служащих 12,5 млн составляли управленческий персонал предприятий и организаций в сфере *народного хозяйства*. Так, например, в это число входили глав-

ные специалисты (0,9 млн человек), мастера (2,1 млн человек), счетно-бухгалтерский персонал (1,8 млн человек), инженеры, техники, архитекторы, механики, агрономы и ветврачи (2,1 млн человек) и т.д. Таким образом, в строгом смысле слова численность **чиновников** в СССР была очень невелика — 2 млн человек.

Численность управленческого персонала на Западе (в состав которого, конечно, не входят мастера, бухгалтеры и механики) была намного больше, чем в СССР, как и раньше была намного больше, чем в Российской империи¹. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в 17 странах Запада доля государственных служащих в общей численности занятых в середине 1990-х гг. составила в Швеции, Норвегии и Дании 30%, во Франции, Финляндии и Австрии — 20%, Португалии, Италии и Германии — 15%. Но об этом обществоведы гражданам не сообщили. Они этого *не знали* или *скрыли* эту информацию? В любом случае, это — дефект нашего обществоведения.

Что мы могли наблюдать после того, как советский тип государства был ликвидирован? Чиновничий аппарат и бюрократизация в РФ фантастически превысили то, чем возмущались в СССР. Наша интеллигенция не знает этого или не хочет знать из-за утраты способности к рефлексии? Миф не поколеблен. Тот факт, что постсоветское обществоведение не только не объясняет, но и активно уводит общественное внимание от бюрократизации современной России как важного социального явления, говорит о глубоком кризисе сообщества обществоведов.

Более того, в ходе реформы обнаружилось явление, которого авторы доктрины реформ и не предполагали — в приватизированной промышленности стала быстро расти численность *непроизводственного* персонала (менеджеры, бухгалтера, охранники и др.), увеличивая издержки (см. рис. 1).

¹ На «душу населения» в России во все времена приходилось в 5—8 раз меньше чиновников, чем в любой европейской стране. О США и говорить нечего — в начале XX в. в Российской империи было 161 тыс. чиновников (с канцеляристами 385 тыс.), а в США в 1900 г. было 1275 тыс. чиновников при населении, в 1,5 раза меньшем [50].

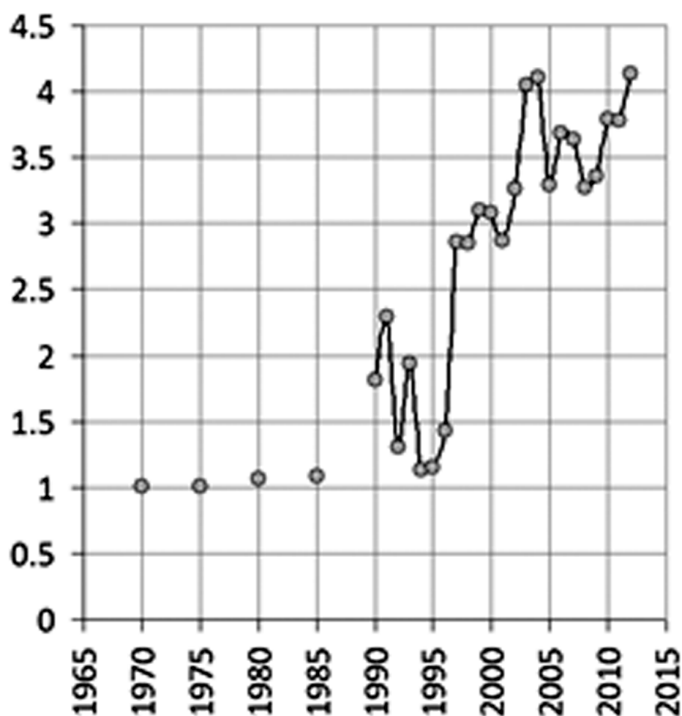

Рис. 1. Среднегодовая численность внепроизводственного персонала в промышленности РСФСР и РФ, млн

Удары наносились и по инструментам познавательной деятельности, абсолютно необходимым для власти и управления. Вот С.Г. Кордонский в поразительной по своему пафосу статье громит *статистику*: «Состояние государства описывается государственной и ведомственной статистикой, “лукавые цифры” которой интерпретируются теоретическими схемами обществоведения. Жизнь государства определяется циклом “сбор и обработка статистической информации — обществоведческая интерпретация — планирование — принятие решений”, который повторяется каждый месяц, квартал, год, полугодие, пятнадцать лет» [51, с. 168].

Это — невероятное заявление в культурной, промышленно развитой стране в конце XX в., и еще более невероятно, что оно опубликовано тиражом 50 000 экземпляров в издательстве «Наука» Академии наук СССР. В нем отвергается сама *функция* власти вести непрерывное формализованное измерение главных параметров жизни народа, общества, страны, архивировать по установленной методологии данные этих измерений, а также осмысливать эти данные, согласно имеющимся теоретическим представлениям.

Вот статья-манифест А. Ципко¹ «Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием» (2000 г.). Об обществоведческой элите в нем говорится так: «Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной — и тем самым антикоммунистической — революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинистское извращение ленинизма и т.д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность

¹ А.С. Ципко — политолог, доктор философских наук. В 1967—1970 гг. работал в ЦК ВЛКСМ, с 1972 г. работает в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР (позже Институт международных экономических и политических исследований РАН). В 1986—1990 гг. консультант отдела социалистических стран ЦК КПСС. В 1988—1990 гг. — помощник секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева.

нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир» [52].

Это разрушительное обществоведение опиралось на столь идеологизированную когнитивную структуру, что в принципе не могло дать адекватного объяснения и даже описания того кризиса, который вызревал в СССР.

Строго говоря, эта социокультурная группа уже в преддверии перестройки оторвалась от той общности, которую обозначали термином «русская интеллигенция». Перестройка и реформа (а точнее, мировоззренческий кризис, вызревавший с 1960-х гг.) изменили ценностную платформу этой «элиты», устранив из нее те нравственные ценности, которые и были отличительным признаком научной интеллигенции. Эта влиятельная группа обществоведов не корпела над поиском объективного знания, а разжигала мессианское представление о своей роли как разрушителей «империи зла».

Большинство тех, кто причисляет себя к «шестидесятикам», постепенно, шаг за шагом сдвинулись к антисоветской позиции. Более того, в конце 1970-х гг. у них стали проявляться прозападные установки, причем именно в контексте холодной войны Запада против СССР. Они все больше и больше становились в этой войне «союзниками Запада». К концу перестройки это стало обязательным для «прогрессивного интеллигента». Г.С. Батыгин пишет: «Одним из маркеров альтернативной интеллектуально-культурной "элитности" в 1990-е гг. являлась "признанность на Западе", и сама позиция репрезентанта "западных" ценностей позволяла создать новое измерение социального статуса в российском интеллектуальном сообществе» [4, с. 13].

Но главное в том, что практически все сообщество обществоведов, основной состав которого честно преподавал «научный коммунизм» или социологию, вовсе не хотело разрушить советский строй, но легко принимало скрытую антисоветскую пропаганду элиты. То меньшинство, которое чувствовало манипуляцию и угрозу в рассуждениях этой элиты, не имело понятийного аппарата и логики, чтобы рационально и внятно изложить товарищам суть этой угрозы.

Мы стоим перед фактом, который невозможно отрицать: советское обществоведение, в основу которого была положе-

на методология исторического материализма, оказалось не состоятельным в предсказании и объяснении кризиса советского общества. Речь идет об ошибках, совершенных большим интеллектуальным сообществом, так что объяснять эти ошибки аморальностью или конформизмом членов сообщества невозможно. Те методологические очки, через которые оно смотрело на мир, фатальным образом искажали реальность.

СССР продержался на «неявном» знании поколений, которые практически строили советскую государственность и хозяйство, вели войну и занимались послевоенным восстановлением. С уходом этих поколений, которые не оставили формализованного знания («учебников»), ошибочные представления об обществе, полученные в школе, вузе и из СМИ, вели к все более глубокому срывам.

Катастрофический кризис был порожден перестройкой. Но перестройка была уже срывом, она *вскрыла* ту слабость советского обществоведения, которая стала нарастать с 1960-х гг. Углубляясь в идеи марксизма и либерализма XIX в., советское обществоведение быстро отрывалось от традиционного знания России и от здравого смысла. На методологических семинарах и конференциях велись дебаты по проблемам, которые не пересекались с реальной жизнью; причем велись они на языке, который не описывал главных проблем этой жизни. И этот сдвиг был именно *системным*.

Подобный кризис переживает и общественная мысль Запада. Либеральный философ Дж. Грей называет всю современную западную политическую философию «мышлением в духе страны Тлён». По его словам, «подобное понимание господствующих сил столетия... не предвещает ничего хорошего современной политической философии или либерализму». Но на фоне отказа советского обществоведения кризис западной общественной мысли выглядит менее принципиальным. «Мышление в духе страны Тлён» — аллегория, приложенная Дж. Греем к современному обществоведению либерализма, гораздо более она справедлива в отношении российского обществоведения, которое продолжило методологическую линию советской социальной и политической философии 70—80-х гг. Эта аллегория удивительно точна, вспомним ее суть.

В рассказе-антиутопии Хорхе Луиса Борхеса «Тлён, Укбар, Orbis tertius» (1944) говорится о том, как ему странным образом досталась энциклопедия страны Тлён. В ней были подробно описаны языки и религии этой страны, ее императоры, архитектура, игральные карты и нумизматика, минералы и птицы, история ее хозяйства, развитая наука и литература — «все изложено четко, связно, без тени намерения поучать или пародийности». Но весь этот огромный труд был прихотью большого интеллектуального сообщества («руководимого неизвестным гением»), которое было погружено в изучение несуществующей страны Тлён.

То описание СССР, которое с конца 70-х гг. составлялось элитой отечественного обществоведения, было именно «энциклопедией страны Тлён», и оно становилось год от года все более мрачным. К 1985 г. описание СССР, заполнившее пространство СМИ, стало быстро сливаться с образом «империи зла», сфабрикованным идеологами администрации Рейгана. Ничего в этом плане не изменилось с тех пор. Те же профессора и академики советуют сегодня правительству России, они же обучают российскую молодежь — по тем же учебникам, составленным из текстов «энциклопедии страны Тлён».

Причина такого отрыва от реальности фундаментальна: индустриальное общество не поддается верному описанию в рамках традиционного и обыденного знания; ядро знания об обществе должно быть рациональным, научного типа. Как и у всякой науки, главная функция общественных наук заключается в том, чтобы *формулировать запреты* — предупреждать о том, *чего делать нельзя*. Обществоведение обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей, — чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Этой функции советское обществоведение не выполняло.

Если отбросить предположения о том, что доктрина реформ, разработанная или одобренная ведущими обществоведами в 1980-е гг., являлась плодом сатанинского заговора против России, остается признать, что ее замысел включал в себя ряд ошибок *фундаментального* характера. Реформаторы и их ученые советники совершали ошибки, которые можно было предсказать чисто логическим путем, то есть ошибки

тривиальные. Отказываться от пересмотра ошибочных воззрений и продолжать называть себя учеными — это значит носить маску ученого.

Надо признать очень тяжелый факт: помимо ошибок, разрушительную роль сыграла заведомая *дезинформация*, которую вели авторитетные обществоведы. Вот пример. Академик А.Г. Аганбегян утверждал, будто в сельском хозяйстве СССР имеется невероятный избыток тракторов, что реальная потребность в них в 2—3 раза меньше наличного количества. Этот «абсурд плановой экономики» он красочно расписал в книге «Экономическая перестройка: революция на марше», которая в 1989 г. была переведена на европейские языки. Дословно он писал следующее: «Результат [абсурда плановой системы] — разрыв между производством и социальными потребностями. Очень показателен пример с тракторами. СССР производит в 4,8 раза больше тракторов, чем США, хотя отстает от них в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимы ли эти трактора? Эти трактора не нужны сельскому хозяйству, и, если бы их покупали за свои деньги и рационально использовали, хватило бы в два или три раза меньше машин» [53, с. 77].

Это утверждение произвело столь сильное впечатление на мировое сообщество экономистов, что не раз цитировалось на Западе не только в прессе, но и в серьезных монографиях. Это проблема Запада, но разве не удивительно было отечественным обществоведам слышать, что советским колхозникам хватило *бы в три раза меньше* тракторов, чем тех, что они имели? Когда же наша промышленность успела так перенасытить село тракторами? И неужели на Западе фермеры имели в три раза меньше тракторов, чем советские колхозники? Такая некогерентность должна была сразу привлечь внимание и встревожить образованную публику, но практически никто не встревожился.

Этот миф в СССР тиражировали идеологи ранга пониже. Так, А.С. Ципко писал в серьезной академической книге: «Мы буквально наводнили страну тракторами и комбайнами». Так изъяснялись доктора наук в академических трудах. «Наводнили» — это сколько тракторов на 1000 га пашни? Во сколько раз это больше, чем в Западной Европе, где рачительные

фермеры «не наводнили»? Никакой меры Ципко не вводит. Тут можно сказать, что имела место архаизация когнитивного аппарата.

В действительности в тот момент (1988 г.) в сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было *в 16,5 раза меньше, чем в ФРГ*, в 12 раз меньше, чем в Италии, и даже в 6,5 раза меньше, чем в Польше. Искажение меры столь велико, что знающие люди просто столбенели. Когда в беседах со знакомыми западными экономистами предлагали посмотреть данные о количестве тракторов в СССР и других странах в справочниках, эти данные их потрясали. Но сообщество советских экономистов без всяких сомнений приняло ложное утверждение одного из своих лидеров и, насколько известно, до сих пор никак на него не отреагировало. Если опросить профессоров-экономистов в МГУ, то, скорее всего, они поддержат Аганбегяна.

Рефлексии не было и нет поныне даже по тем *конкретным* выводам обществоведов, которые готовили обоснование доктрины реформ 1990-х гг. А ведь именно их обоснования были единственным авторитетным аргументом, потому что ни исторический опыт, ни здравый смысл доводов в пользу этих реформ дать не могли.

А вот еще явная дезинформация — утверждение о сельском хозяйстве СССР в книге, изданной Институтом экономики РАН в 1994 г.: «В 80-е годы среднегодовое производство большинства продуктов земледелия снизилось по сравнению с 70-ми годами» [54, с. 165]. Нетрудно было посмотреть реальные данные статистики: в СССР продукция растениеводства во всех категориях хозяйств (в сопоставимых ценах 1983 г.) составила за 1970—1979 гг. 835,6 млрд руб., а за 1980—1989 гг. — 922,3 млрд руб. Между тем автор главы 16, где это говорится, и ответственные редакторы книги и два ее рецензента — все доктора экономических наук. Никакой ответственности за дезинформацию они не понесли. А главное, скорее всего, никто из *всего сообщества экономистов* их за это искажение не упрекнул. А ведь это утверждение должно было сразу вызвать сомнения.

Как очевидность, обвиняли советское хозяйство в огосударствлении. В.В. Радаев и О.И. Шкаратан писали: «Этакратизм

не обязательно следует за капитализмом и не стоит выше него на лестнице общественного процесса. В самом деле, этот строй не дал более развитых, по сравнению с капитализмом, производительных сил, не обеспечил населению более высокого уровня материального благосостояния, не ликвидировал наемного характера рабочей силы, не поднял человека на действительно новую духовную высоту. В нем есть свои эксплуататоры и эксплуатируемые, своя система норм и ценностей, свои представления о социальной справедливости, свои экономические законы. Мы выбрали в качестве общего образца Советский Союз, ибо его можно признать классическим вариантом...

Даже при неглубоком рассмотрении экономических отношений этакратизма сразу бросается в глаза их нерациональность. Экономическая деятельность практически на всех уровнях предстает как цепь неэффективных решений: навязываются заранее несбалансированные планы, и подавляются проблески живой инициативы работников, растрачиваются дорогие, чрезвычайно дефицитные ресурсы, и возводятся гигантские, никому не нужные объекты, ведется всеобщая битва за урожай, после которой готовому продукту позволяють преспокойно догнивать на складах» [55].

Сейчас, сравнивая советское хозяйство с той экономической, которую экономисты-реформаторы сконструировали «выше него на лестнице общественного процесса», эти тирады выглядят, как будто история издевается над ними.

Назовем, только для примера, два положения, которыми обосновывалась радикальная реформа:

— утверждение, будто советское народное хозяйство переживало кризис и уже было на грани коллапса;

— утверждение, что кардинальная трансформация социально-экономической системы не приведет к социальному бедствию.

А.Н. Яковлев в интервью 2001 г. подтвердил первый тезис: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два» [56].

Чтобы проверить эти слова академика РАН от экономики, каждый мог тогда и может сегодня «взять статистику» и убедиться, что, согласно всем главным показателям, прежде всего размеру инвестиций, никаких признаков кризиса, а тем более коллапса, в середине 80-х гг. не было. Достаточно посмотреть на массивные, базовые индикаторы, определяющие устойчивость экономической основы страны (рис. 2 и 3)¹. Никто в их достоверности не сомневался и не сомневается.

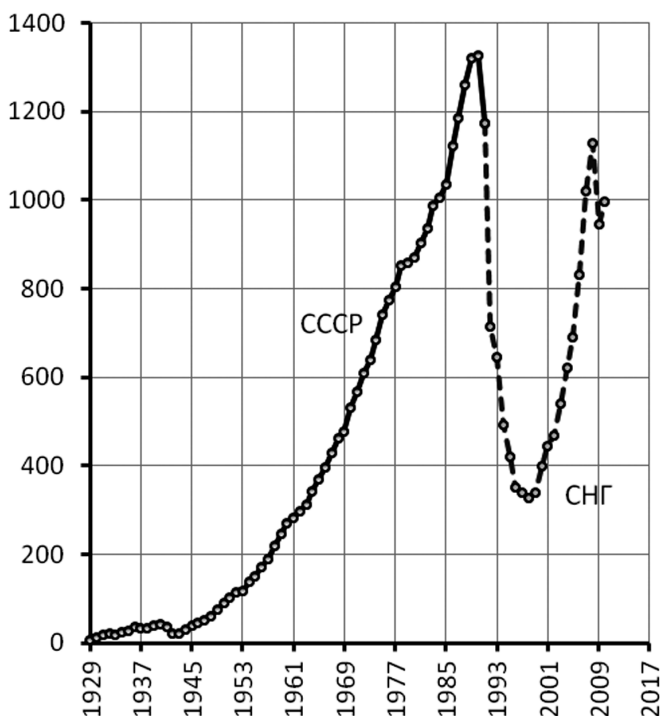

Рис. 2. Индексы инвестиций в основной капитал
в СССР и СНГ, 1940 = 1

¹ Графики составлены по данным ЦСУ СССР, Межгосударственного статистического комитета СНГ и Росстата. Подробнее см. [57].

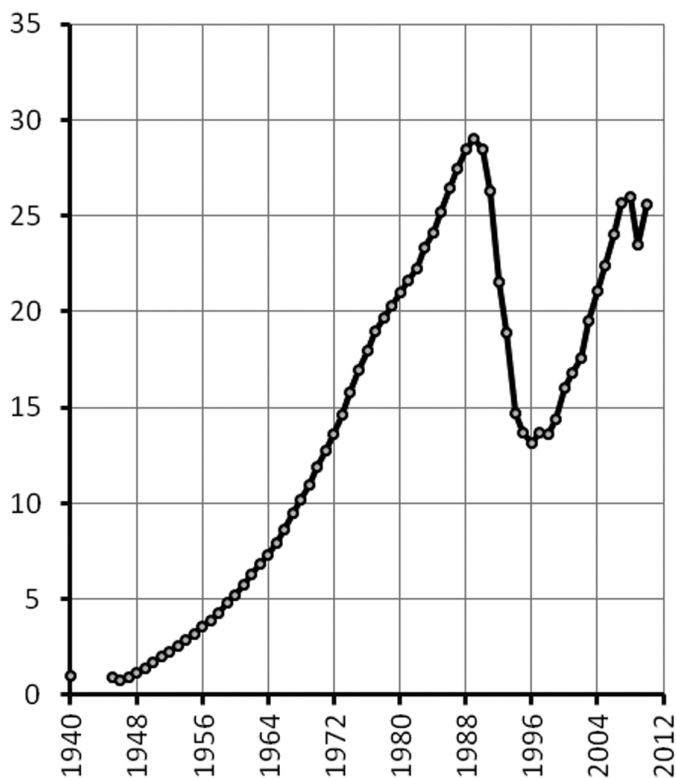

Рис. 3. Индексы промышленного производства СССР и СНГ,
1940 г. = 1

Что касается второго тезиса (что «невидимая рука рынка» принесет благоденствие населению), то приверженность этой утопии хорошо характеризуется той агрессивностью, которую вызывали у обществоведов сомнения массы самого населения.

В.В. Радаев и О.И. Шкаратан так трактовали в 1990 г. эти сомнения: «А что же нынешняя революция? (А это, безусловно, революция. Речь идет о смене формаций)... На практике против первых, даже робких шагов в стороны рыночной экономики и гражданского общества решительно выступи-

ли разноликие социальные силы... Казалось бы, вот путь, вот спасение — рынок, кооперативы, частная собственность. Но вплоть до сегодняшнего дня идут острейшие дискуссии... На самом деле трагическим является консерватизм не отдельных групп, а тем более отдельных лиц, но огромных масс... В сознании многих рыночные формы хозяйствования односторонне отождествляются с эксплуатацией, неравенством, безработицей. Да, пожалуй, нет для реформаторов более страшной преграды, чем народные предрассудки» [55].

Прошло 25 лет, «рынок, кооперативы, частная собственность» наглядно продемонстрировали «огромным массам» и обществоведам, что они несут именно «эксплуатацию, неравенство, безработицу». Выходит, что «огромные массы» оказались обладателями более надежного достоверного знания и более надежных рациональных методов предвидения. А видные обществоведы из АН СССР В.В. Радаев и О.И. Шкаратан¹ дали совершенно ложный прогноз и оказались интеллектуально несостоятельными. И где же их профессиональный разбор причин такой огромной ошибки?

Влиятельные обществоведы прямо призывали людей принять перспективу «опустошительного ущерба», внушая, что в середине 80-х гг. люди жили так плохо, что хуже не бывает. Перед нами явление крупного масштаба: на огромном пространстве при участии влиятельной интеллектуальной группировки искусственно создана хозяйственная и социальная катастрофа.

Вот как характеризовала суть перестройки академик Т.И. Заславская в книге-манифесте «Иного не дано» (1988): «С точки зрения ожидающих решения задач предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) *социальной революцией*. Речь, следовательно, идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а ре-

¹ В настоящий момент О.И. Шкаратан — профессор ГУ ВШЭ, В.В. Радаев — зав. кафедрой экономической социологии, профессор, первый проректор ГУ ВШЭ.

волюцией, в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами... Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова *революция*» [58, с. 40—41].

Главный социолог страны и советник генсека КПСС объявляет, что власть погружает страну в *революцию*, что не надо бояться самого слова *революция*, что будут «резкое перераспределение власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами» и «обострение социальной борьбы» — и ни слова о том, какие антагонистические противоречия делают неизбежной такую катастрофу. Какие классовые интересы столкнулись в середине 80-х гг. в стране, где были устранены массовая бедность и безработица, преодолена социальная вражда, вызванная резким расслоением по доступу к главным жизненным благам? В чью пользу произойдет «резкое перераспределение» всего? Ради каких ценностей элита тянет страну в революцию? Безответственность такого антинаучного доктринерства беспрецедентна.

Г.Х. Попов в 1990 г. определил задачи перестройки проще и откровеннее: «Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого дележа — суть перестройки, ее корень... Суть перестройки в политике — полная ликвидация Советов... Другими словами — десоветизация» [59]¹.

Та часть элиты обществоведов, которая выступала как идеологическая служба команды М. Горбачева, определенно рассматривала перестройку как *революцию*, целью которой была смена формации, ликвидация советского строя, а вовсе не «Больше социализма! Больше справедливости!». Они отбросили элементарные нормы научной этики и приверженность истине.

¹ О национально-государственном устройстве Г.Х. Попов говорил примерно то же, что и в «Конституции Сахарова»: «Формируется на месте СССР три, четыре, а то и пять десятков независимых государств... А потом эти республики решают: нужен ли новый Союз республик».

Т.И. Заславская в большой статье приводит примеры таких заявлений:

— «Революция сверху отнюдь не легче революции снизу. Успех ее, как и всякой революции, зависит прежде всего от стойкости, решительности революционных сил, их способности сломать сопротивление отживших свое общественных настроений и структур» (Н.П. Шмелев).

— «По своему значению, по глубине ломки социальных отношений, пронизавших все слои общества, [августовская] революция была для России более существенна и несравненно более плодотворна, чем Октябрьская 1917 г.» (Е.Г. Ясин).

— Е.Т. Гайдар и В.А. Мау называли эту революцию Великой, потому что она, «во-первых, реализовалась в условиях резкого ослабления государства, утраты им власти над экономикой и, во-вторых, прошла “весь цикл, все фазы”».

Сама Т.И. Заславская определяет этот сдвиг так: «Современный процесс преимущественно стихийных социально-экономических преобразований в рамках этой концепции трактуется как *естественное последствие революции*» [60].

Почти одновременно с Т.И. Заславской, которая говорила о перестройке как социальной революции, в «Правде» пишет помощник и идеологический советник М. Горбачева философ Г.Л. Смирнов¹: «Речь идет *не о социально-политической революции*, когда уничтожаются основы экономических отношений старого строя, устанавливается принципиально новая политическая власть, выражающая интересы свергающих классов. Здесь ситуация иная. Речь идет *не о разрушении общественной собственности на средства производства, а об ее укреплении* и более эффективном использовании... Речь идет не о сломе государственной власти, а о дальнейшем укреплении социалистического всенародного государства, углублении социалистической демократии, развитии народного социалистического самоуправления» (курсивом выделено мною. — С. К-М.) [61].

¹ Смирнов Г.Л., академик АН СССР (после 1991 г. — РАН), в 1983—1985 гг. — директор Института философии АН СССР, в 1987—1991 гг. — директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1985—1987 гг. был помощником М.С. Горбачева.

Как могут два ведущих обществоведа, оба советники Генерального секретаря ЦК КПСС, делать диаметрально разные принципиальные заявления, не давая никаких объяснений гражданам? И такие случаи были не единичными. Это недопустимо в научном дискурсе, а в политике такая дезориентация общества — грубая ошибка или провокация.

Но главное — что часть ведущих обществоведов заклеили свою страну как не имеющую права на существование. Вот несколько кратких утверждений из огромного потока программных сообщений в широком диапазоне авторов. Историк Ю.Н. Афанасьев: «СССР не является ни страной, ни государством... СССР как страна не имеет будущего». Советник президента Г.В. Старовойтова: «Советский Союз — последняя империя, которую охватил всемирный процесс деколонизации, идущий с конца Второй мировой войны... Не следует забывать, что наше государство развивалось искусственно и было основано на насилии». Историк М.Я. Гефтер говорил в Фонде Аденауэра об СССР, «этом космополитическом монстре», что «связь, насквозь проникнутая историческим насилием, была обречена».

Была произведена декомпозиция «образа прошлого» — история предыдущих полутора веков России и СССР. Итальянский историк М. Феретти, специалист по истории СССР, коротко и четко изложила схему этой операции: «Осуждение сталинизма перерастает в осуждение большевизма, причем второй термин за счет знаменательного семантического сдвига постепенно вытесняет первый и в конце концов полностью его заменяет. Большевизм объявляется феноменом, свойственным незначительному меньшинству и вдобавок *импортированным*, глубоко чуждым русской истории (тема, близкая также националистам, в устах которых слова “чужой” и “иностраный” играют роль эвфемизмов, заменяющих слово “еврейский”).

Итак, Октябрьская революция подвергается радикальной критике, ее объявляют первопричиной всех трагедий, которые впоследствии пережила страна. Критика эта обрушивается на всю советскую историю в целом; сталинские преступления при этом не отделяются от других объектов осуждения. Согласно этой концепции, революция заставила Россию отклониться от “естественного” пути, по которому пошли за-

падные страны, — пути, капиталистическому в экономике и демократическому в политике, — и насильно подвергла ее преступному “эксперименту” по воплощению в жизнь коммунистической утопии. Иначе говоря, революцию лишают социального масштаба и превращают в заурядный государственный переворот, устроенный горсткой кровожадных фанатиков, которые решили во что бы то ни стало воплотить в жизнь заветы К. Маркса. Революция предстает своего рода “исторической случайностью”, помешавшей России пожать плоды экономического роста, начавшегося на заре XX в.» [62].

В марте 1990 г. Т.И. Заславская представила на обсуждение в АН СССР доклад, который был опубликован под названием «Социализм, перестройка и общественное мнение». Доклад стал подведением итогов перестройки в оценке ведущего социолога, непосредственно отвечавшего за ее «научное сопровождение». Т.И. Заславская, в частности, заявила: «Демократическая перестройка, происходящая в нашей стране, была задумана как реформа “сверху”, но на практике переросла в революцию “снизу”, поддержанную многомиллионными массами...

Летом 1990 года мы спросили своих респондентов о том, каковы, по их мнению, главные результаты пяти лет перестройки общественных отношений. Наибольшее число голосов получили ответы: “потеря уверенности в завтрашнем дне” — 43%, “кризис национальных отношений” — 37%, “хаос и неразбериха в управлении страной” — 29%, “углубление экономического кризиса” — 28%...

Чтобы выяснить, как большинство людей оценивает влияние перестройки на [их] собственную жизнь, был задан вопрос: “Стала ли Ваша жизнь после того, как в 1985 г. к руководству пришел М.С. Горбачев, лучше, хуже или не изменилась?” 7% ответили, что их жизнь улучшилась, 22% — не изменилась, у 57% стала хуже, 14% затруднились ответить... Дальнейшее нарастание экономических трудностей и политической напряженности предсказывали 63 и 59%.

Общественное мнение чутко улавливает тенденцию к усилению социального расслоения: ее отмечают 59—63% опрошенных. Почти 60% уверены, что в дальнейшем различия в уровне жизни богатых и бедных будут расти. Когда же мы по-

пытались выяснить, кто имеет наибольшие шансы повысить свои доходы, то на первые места вышли ответы: “богаче станут только те, кто живет нечестным трудом” (46%), “получать больше станут те, кто сумеет пристроиться на хорошую работу” (43%), “богатые станут жить богаче, а бедные — беднее” (41%)... Только 2—3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция» [63].

Поражает логика идеолога *демократической* перестройки, якобы переросшей в *революцию многомиллионных масс*. Ведь по приведенным самой Т.И. Заславской данным, большинство опрошенных оценивали перестройку как бедствие, которое будет лишь углубляться в ходе начатой реформы. Какая может быть «революция снизу», если «только 2—3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция»? О чем думали ведущие обществоведы, слушавшие этот доклад в Президиуме АН СССР? Как можно было не заметить крайней алогичности и *антидемократизма* принципиальных положений этого доклада?

Удивляло и обращение ряда ведущих обществоведов к примитивному понятийному аппарату, как будто вдруг стало забытым то, что было достигнуто в исследованиях XX в. После работ Маркса, которые заложили основы классового подхода к структуре общества, западные историки (особенно Э. Томпсон в Англии) вновь исследовали понятие класса и пришли к выводу: в определенный исторический период классы — реальность! Эти современные историки, изучавшие, уже на базе нового знания, страну классического капитализма — Англию, — описали исключительно важный для нас процесс превращения общин и сословий в классы.

В важном труде Э. Томпсона «Формирование рабочего класса Англии» (1963) сказано: «Класс есть образование “экономическое”, но также и “культурное” — невозможно дать теоретического приоритета ни одному аспекту над другим. В последней инстанции принадлежность к классу может определиться в равной степени посредством и культурных, и экономических форм».

Труды этого направления заложили основы социальной истории, которая быстро приобрела характер *социокультурной истории*. В свете этих представлений позднее советское

общество имело сложную структуру социокультурных общностей, в которых, однако, почти исчезло классовое сознание. Это было очень важно знать, начиная реформировать такое общество.

Но в своем докладе Т.И. Заславская странным образом упрощает структуру общества: «Политически советское общество было и остается тоталитарным... Социально советское общество резко поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной прослойкой...

Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции. Границы этого класса в значительной степени совпадают с часто используемым газетным клише “трудящиеся”. С моей точки зрения, “трудящиеся” составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав. Положение этого класса характеризуется скученностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низкими доходами, ограниченной структурой потребления, неблагоприятными экологическими условиями жизнедеятельности, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты» [63].

Что это за класс — *трудящиеся*, которые «характеризуются скученностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты»? Все это очень примитивно и странно.

О.И. Шкаратан и В.В. Радаев пишут об СССР (еще в 1990 г.): «Большинство спорящих сложившуюся систему общественных отношений, существующие порядки называют казарменным, феодальным социализмом. Подавляющее большинство авторов тем не менее признает, что то ужасное общество, с кровавыми деспотическими порядками, миллионами жертв в мирные годы, невиданной нормой эксплуатации рабочих и крестьян, — все же общество социалистическое, хотя и деформированное, с отклонениями от некоей нормы. ...Наш подход заключается в другом: мы стремимся дать объектив-

ный анализ сложившегося особого, самостоятельного способа производства» [55].

Какой может быть «объективный анализ», если аналитик говорит на таком языке! Ведь язык — главное средство познания, мы «мыслим понятиями». Эта растиражированная статья О.И. Шкаратана и В.В. Радаева — призыв к свержению советского строя и апологетика грядущих «рынка, олигархии и криминала». Этот фанатический антисоветизм пополам с неолиберальной утопией — антипод научного мышления. Этого было невозможно не заметить.

Доктрина реформ противоречила знанию, накопленному даже в рамках *либерализма*! Как инструмент быстрого и необратимого разрушения советской экономики и единого народного хозяйства СССР была избрана т.н. «программа структурной стабилизации» МВФ. Ее применение готовилось группой экономистов в тесном контакте с американскими консультантами.

Уже к концу 80-х гг. было точно известно, что реализация программы МВФ привела к экономической катастрофе в Латинской Америке и Африке (кроме тех стран вроде Чили, Коста-Рики и Египта, которым по политическим причинам условия программы смягчили). Этого избежали страны Юго-Восточной Азии (Тайвань, Южная Корея и др.), которые не пустили к себе МВФ. Результаты применения программы МВФ были исследованы и изложены в более чем сотне диссертаций, защищенных в университетах США, причем объектами изучения стали все до одной страны, в которых эта программа была применена.

Об этом говорили даже крупные политики Запада. На проходившем осенью 1991 г. в Праге заседании Комитета действий за международное сотрудничество (в него входили бывшие руководители крупных стран) экс-президенты и премьеры П. Трюдо (Канада), В. Жискар д'Эстен (Франция), Мигель де ла Мадрид (Мексика) и Г. Шмидт (ФРГ) предупреждали СССР и восточноевропейские страны, что следование рекомендациям МВФ в экономических реформах и применение методов шоковой терапии приведут к тяжелым последствиям. Ответом было полное молчание и Горбачева, и Ельцина, и их советников по экономике.

В том же 1991 г. к М.С. Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трех лауреатов Нобелевской премии по экономике — Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу; еще один, У. Викри, стал нобелевским лауреатом в 1995 г.). Они предупреждали, что для успеха реформ надо сохранить землю и другие природные ресурсы в общественной собственности. Виднейшие западные экономисты видели разрушительный характер доктрины российских реформ и пытались предотвратить тяжелые последствия. Однако на их письмо просто не обратили внимания.

Очень мало кто из обществоведов признался в профессиональной несостоятельности своего сообщества. Чаще возлагают вину на власть. Например, академик, историк и экономист Г.А. Арбатов в своих воспоминаниях так определил состояние обществоведения при советском строе: «Тоталитарному строю настоящая наука... не нужна и даже опасна. Что касается обществоведения, то... роль его низводится до вульгарного прислуживания режиму, его обоснования, оправдания и восхваления его политики» [64, с. 39]. О причинах можно спорить, но важна констатация факта — по мнению академика Г.А. Арбатова, научного обществоведения не было.

А вот редкий пример рефлексии, который вспоминает А.С. Ципко: «Во время одной из телепередач на упрек в несостоятельности российских демократов Юрий Афанасьев неожиданно ответил: “Вы правы, результат реформ катастрофичен, и, наверное, не могло быть по-другому. Мы на самом деле были слепые поводыри слепых”» [65, с. 84].

СОСТОЯНИЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ: ОБЩАЯ КАРТИНА

Многие стороны колоссального кризиса, который сопровождает крах СССР, служат опытным доказательством методологической ущербности обществоведения времен перестройки и реформы.

В рамках нормальной логики и при соблюдении научного этоса профессиональному сообществу обществоведов невозможно было бы оправдать тех разрушительных изменений, которые были навязаны стране со ссылкой на «общественную науку». Сегодня чтение трудов обществоведов перестроечного периода оставляет тяжелое чувство. В них нарушены самые элементарные нормы мышления и утрачена способность «взвешивать» явления.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2004 г. сказано: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажом прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Реформа 1990-х гг. верхушкой обществоведов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики — а оказывается, что это был ее *демонтаж*, причем исключительно грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а общество не дало бы такого согласия. Речь идет о колоссальном обмане общества, совершенном с участием авторитетных обществоведов. Замалчивались даже суждения американских экономистов, которые были консультантами российского правительства.

В январе 1992 г. в Вашингтоне в Комитете по советско-американским отношениям Джеффри Сакс делал доклад о программе, к которой приступали в России. Как писал акаде-

мик Г.А. Арбатов, в своем выступлении по этому докладу Д. Гэлбрейт сказал: «На Западе слишком хорошо знают, что такой подход неприемлем. И потому никогда не позволят осуществлять его на практике в своих собственных странах». На это Дж. Сакс ответил: «Шоковая терапия имеет шанс на успех, но лишь в том случае, если Запад предоставит значительную помощь, особенно для стабилизации рубля. К сожалению, Запад едва ли такую помощь мобилизует» [66].

Гуманитарная элита, уже российская, знала и об этом докладе Дж. Сакса, и о выступлении Д. Гэлбрейта, но не было никакой попытки обсуждения и коррекции разрушительной доктрины. Это — выпадение из системы норм научной этики. Как же можно держать в советниках таких людей?

Главные обществоведы страны даже не утверждали, что жизнеустройство страны может быть переделано без катастрофы — но тут же требовали его переделать. Наблюдалась поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто никогда и не утверждал, что в России можно *построить* экономическую систему западного типа. Ситуация аномальная: заявления по важнейшему вопросу строились на невысказанном предположении, которого никто не решался явно изложить. Никто не заявил, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Сколько ни изучаешь сегодня документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва к катастрофе.

А вот предупреждений об очень высоком риске сорваться было достаточно.

Никакое научное сообщество не может принимать подобные катастрофические предложения без обоснования и критического анализа. Один этот штрих показывает, что к началу 1990-х гг. в СССР и России уже не существовало сообщества обществоведов как *научной* системы.

А возникло ли такое научное сообщество сегодня? Что произошло с российским обществоведением после ликвидации СССР?

В новой политической системе, которую строила номенклатура КПСС, перешедшая на антисоветские позиции, не предполагалось создавать новое профессиональное сообщество обществоведов на новой методологической и организационной основе. Считалось, что та элита советского обществоведения, которая обеспечила дискурсом, идеями и доктринами перестройку Горбачева, обеспечит этими инструментами и развитие капитализма в России. Считалось также, что большинство обществоведов, которые не примут эту «Великую антисоветскую революцию», можно будет если не подавить, то заставить молчать. Этот расчет оправдался — ценой разрушения сообщества обществоведов как социокультурной общности.

Процесс «косметического ремонта» советского обществоведения проходил так: «На первый взгляд, в начале 1990-х годов сложились исключительно благоприятные условия для развития политологического знания. Политической науке досталась в наследство вся инфраструктура, создававшаяся для обеспечения деятельности таких дисциплин, как научный коммунизм, история КПСС, марксизм-ленинизм и пр. На базе кафедр научного коммунизма и истории КПСС формировались политологические кафедры, на изучение политологических проблем переходили целые исследовательские институты. Академия общественных наук при ЦК КПСС была преобразована в Российскую академию государственной службы (РАГС); Институт марксизма-ленинизма — в Независимый институт социальных и национальных проблем, а позднее — в Институт комплексных социальных исследований РАН; Институт международного рабочего движения — в Институт сравнительной политологии. Высшие партийные школы стали кадровыми центрами при Правительстве России, а затем — региональными филиалами РАГС» [67].

Интеллектуальной общности, которая десять лет занималась подрывом государства, социальной и культурной систем, теперь поручили руководить познавательной деятельностью, образованием и проектированием строительства общества и государства в совершенно иной системе. Более того, элита этой новой общности раньше представляла систему капитализма в деформированном образе «идеологического врага» и

в то же время, в грезах, видела капитализм вождественной землей обетованной. Это глубокий когнитивный диссонанс!

Кризис, в создании которого активное участие принимало сообщество обществоведов, нанес самый тяжелый удар в системе знания именно по *обществоведению*. Специфические сценарии и процессы в каждой отдельной области (экономике, социологии, этнологии и пр.) могут различаться, но в целом их состояние характеризуется рядом общих черт.

Эту общность с расщепленным сознанием сразу прибрали к рукам службы бывшего «идеологического врага». Эта операция была проведена так: «Происходили масштабные метаморфозы, связанные с последствиями шоковой терапии начала 1990-х годов: по мере сокращения государственного финансирования исследовательского и учебного процесса научная интеллигенция быстро теряла былой социальный статус. ... В этой ситуации на помощь молодой российской политологии пришли западные благотворительные фонды. В их числе следует упомянуть Институт «Открытое общество» Дж. Сороса, фонды Аденауэра, Карнеги, К. и Дж. МакАртура, Форда, Эберта и др., которые внесли и вносят существенный вклад в развитие политической науки в России, выделяя гранты на проведение фундаментальных и прикладных исследований.

В содержательном плане рассматриваемый период характеризовался интенсивным освоением достижений западной (прежде всего американской) политической мысли. Было издано значительное количество переводных работ, причем некоторые из них бесплатно распространялись по грантам западных фондов» [67].

Это — важный фактор, но не причина, а следствие. Главными общими процессами и факторами кризиса постсоветского обществоведения можно считать следующие:

— кризис мировоззренческой матрицы советского проекта в 60—80-е гг. XX в. и производный от него кризис когнитивной основы советского обществоведения;

— кризис легитимности советской политической системы в 80-е гг. и распад сообщества обществоведов как профессионального; формирование группировок на идеологической и прагматической основе; «внешние» заказчики и спонсоры и их влияние на обществоведение;

— фрагментация информационной системы российско-го обществоведения; дискриминация при доступе к информационным ресурсам по идеологическим и экономическим основаниям;

— изменение системы отношений с «социальными заказчиками» и возникновение «интеллектуального предпринимательства» в сфере обществоведения;

— изменение системы господства в России и новая структура тематики в обществоведении; выведение в «социальную тень» важных социокультурных общностей и главных противоречий в обществе;

— системный кризис в России и отход от норм рационального мышления в элите и в массовом сознании;

— общий кризис когнитивных структур Просвещения и давление постмодернизма.

Согласно приведенному перечню, первым фактором, определяющим состояние обществоведения, является воздействие на научное сообщество *методологического наследия советского периода*. Инерция этого воздействия очень велика, и ее преодоление само по себе есть актуальная и сложная задача обществоведения, которая в явном виде даже еще не поставлена.

Истмат — доктрина, ставшая частью идеологии. Обществоведению нанесла вред уже *стереотипизация* истмата — превращение его формул в расхожие догмы. Описание социальной реальности тяготело к механистическому детерминизму XIX в. После краха СССР истмат был лишь «вывернут» в фундаментализм механистического неолиберализма. Его интеллектуальные структуры во многом симметричны структурам истмата, так как в принципе выводятся из той же картины мира. Реформа 90-х гг. никак не сказалась на статусе методологии истмата, потому что он с ней оказался вполне совместим. Поэтому основная масса обществоведов от истмата сегодня совершенно искренне находится в одном стане с ренегатами марксизма. Объяснять это конформизмом членов сообщества невозможно. Они не пережили драму предательства, т.к. их методология фатальным образом искажала реальность.

Более того, ликвидация «цензуры» марксизма освободила такие темные пласты сознания, что произошел откат в методологических и ценностных установках, которого мало кто мог ожидать. Речь, конечно, идет не обо всем обществоведении, но все же о доминирующей и официально признанной его части.

Антонио Грамши высказал в «Тюремных тетрадах» такую мысль о роли истмата в консолидации трудящихся: «Можно наблюдать, как детерминистский, фаталистический механистический элемент становится непосредственно идеологическим “ароматом” философии, практически своего рода религией и возбуждающим средством (но наподобие наркотиков), ставшими необходимыми и исторически оправданными “подчиненным” характером определенных общественных слоев. Когда отсутствует инициатива в борьбе, а сама борьба поэтому отождествляется с рядом поражений, механистический детерминизм становится огромной силой нравственного сопротивления, сплоченности, терпеливой и упорной настойчивости...

То, что механистическая концепция являлась своеобразной религией подчиненных, явствует из анализа развития христианской религии, которая в известный исторический период и в определенных исторических условиях была и продолжает оставаться “необходимостью”, необходимой разновидностью воли народных масс, определенной формой рациональности мира и жизни и дала главные кадры для реальной практической деятельности» [68, с. 54, 55].

Но затем Грамши объясняет, что после завоевания власти тот же самый фатализм истмата начинает играть негативную роль: «Когда “подчиненный” становится руководителем и берет на себя ответственность за массовую экономическую деятельность, то этот механизм становится в определенном смысле громадной опасностью... Фатализм является не чем иным, как личиной слабости для активной и реальной воли. Вот почему надлежит всегда развенчивать бессмысленность механистического детерминизма, который, будучи объясним как наивная философия массы... с возведением его в ранг осознанной и последовательной философии со стороны ин-

теллигенции, становится причиной пассивности, дурацкого самодовольства» [там же].

И Грамши записал такое замечание: «Что касается исторической роли, которую сыграла фаталистическая концепция философии практики, то можно было бы воздать ей заупокойную хвалу, отметив ее полезность для определенного исторического периода, но именно поэтому утверждая необходимость похоронить ее со всеми почестями, подобающими случаю» [68, с. 60].

Эти похороны не состоялись и сегодня — истмат легко вошел в альянс с неолиберализмом. Реформа 1990-х гг. никак не сказалась на статусе методологии истмата, потому что он с этой реформой оказался вполне совместим — стоило только сказать, что пролетарская революция не созрела, советский строй был реакционным, следовательно, надо способствовать развитию производительных сил в рамках капитализма.

Критический анализ методологического оснащения доктрины марксизма является для постсоветского общества абсолютно необходимым. Этот анализ тем более актуален, что как правящая элита, так и оппозиция в России продолжают, хотя в основном бессознательно, в своих умозаключениях пользоваться инструментами исторического материализма и марксистской политэкономией — смена идеологических клише «победившей» частью общества на это никак не влияет.

Л.Г. Ионин пишет: «Если отвлечься от чисто теоретических особенностей и от научно-организационных принципов, то иногда очень трудно найти различия в идеологических функциях изучения социальной структуры в марксистской и в так называемой буржуазной социологии. В обоих случаях подход был нормативным, высшей ценностью считались равенство и справедливость, образ идеального состояния и конечные ценности вытекали из одного и того же источника — духа Просвещения и Великой французской революции» [69].

Наследием советского и дореволюционного российско-го обществоведения стала когнитивная структура, следующая траектории натурфилософии, а не науки. В постсоветской России продолжилось включение в методологию обществоведения, претендующего быть научным, структур *внеаучно-*

го знания (художественного и все чаще религиозного). В преподавании социологии нередко даже делают упор на использование художественной литературы как источника знания о закономерностях общественных процессов.

Вот выдержка из статьи проректора обществоведческого вуза: «Возрастает значение обучения и воспитания социологов с использованием отечественной художественной литературы, в особенности той, что затрагивает корневые проблемы социально-исторического, духовно-культурного развития российского общества, жизни русского народа, составляющего более 80% населения страны.

Во второй половине XX века в нашей стране специфику жизненных сил и пространства жизни человека в художественной форме наиболее глубоко и лично, и социально акцентированно, по нашему мнению, выразили *“деревенщики”*, в том числе В.М. Шукшин. Его творчество стало одним из наиболее мощных ресурсов постижения модели нашей истории и культуры, перспектив будущего русских людей, их государственности. Вот почему, как представляется, для рассмотрения ключевых тем базовых учебных курсов современной российской социологии *могут использоваться фактически все художественные произведения В.М. Шукшина.*

Типичная, традиционная практика использования шукшинских произведений, особенно рассказов, была связана с *социологией села...* Тем самым была продолжена традиция русской художественной литературы и обществознания XIX века, связанная с осмыслением народного характера и национальной судьбы, уровень которого был задан А.С. Пушкиным, продолжен Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым» [70].

Даже академик М.К. Горшков, который принимает как аксиому, что социология должна отодвинуть политические пристрастия (апологетику и оппозиционность), в другой «аксиоме» противоречит себе: «В известной мере социолог-эксперт наследует миссию философов, поэтов и политических мыслителей прошлого, нередко стремившихся (подобно Платону или Макиавелли) играть роль “советника государя”».

Беспристрастный социолог научного типа должен быть не советником власти, а сообщать *достоверное знание* и го-

сударю, и революционеру — такова его функция как ученого. Выполнение этой миссии поднимает на более высокий уровень деятельность и государя, и революционера, и это благотворно для общества в целом.

Вторым по значению фактором кризиса можно считать ориентацию элиты обществоведения на политические и экономические интересы заказчиков и спонсоров, а не на объективную истину. Это отдаляет сообщество от науки не меньше, чем когнитивные средства натурфилософии.

Эти факторы деградации обществоведения стали общепризнанными. М.К. Горшков пишет: «Симптомами этого недуга можно считать следующие черты деятельности отечественных социологов, все отчетливее проявляющие себя в последнее время:

— *социологический сервиллизм*: в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами социологи чаще всего исполняют гувернерские, обслуживающие функции;

— *доминирование в социологической науке таких тем, которые связаны с оправданием сложившегося в России социального уклада*. Довольно редко в поле зрения отечественной социологической науки попадают темы, касающиеся повседневной жизни и трудовой деятельности широких масс населения страны; вопросы, связанные с изучением природы социального неравенства, истории и последствий приватизации в России; исследования в области причин региональных различий, криминализации общества и роста коррупции, отчуждения человека, произвола правящей бюрократии и породившейся российской буржуазии» [27].

Конечно, академик М.К. Горшков хорошо знает сообщество социологов, но, по моему мнению, нынешнее состояние этого сообщества нельзя объяснить сервиллизмом, обслуживающими функциями и оправданием сложившегося в России социального уклада. Все это имеет место, но это — производная более сильного мотива. На мой взгляд, элита сообщества обществоведов сложилась уже 30—40 лет назад как группа молодых амбициозных интеллектуалов, пошедших за «шестидесятниками». Выше приведены отрывки из их мемуаров, которые проливают иной свет на нынешнее состояние.

Именно эта группа в 1970-е гг. изменила «формат взаимодействия социологов и власти: теперь это не сотрудничество, а подрывная деятельность... Социологи, преодолевшие искушение сотрудничеством с обманувшей их надежды властью, теперь рассматривают социологическое исследование как *«сопротивление системе, но с помощью научного знания»*» (В.Н. Шубкин). И вот признание, смешанное с гордостью: социология «стала важным фактором реформирования и в конечном счете революционного преобразования» советского общества (В.А. Ядов). Почему же не верить им? Ведь мы хорошо знали их установки — дело не в сервилизме. Подрывная деятельность против СССР была их *служением*. Инерция очарования их миссии борьбы с «империей зла» оказалась более сильной, чем можно было предположить. Как не претили этим интеллектуалам грубые приемы Б.Н. Ельцина и криминализация общества и государства, они считали необходимым помогать новому режиму.

Кризис сообщества обществоведов был вызван их внутренними причинами. После краха СССР в социальной структуре обществоведения сложилась компактная господствующая группа, объединяющей силой и ядром идейной основы которой являлся *антисоветизм*. У нее было развито мессианское представление о своей революционной роли. Даже почтенным иерархам общественных наук (например, академикам Д.С. Львову, Н.Я. Петракову или Ю.В. Яременко) был закрыт доступ к трибуне, так что их рассуждения в узком кругу специалистов превратились в «катакомбное» знание.

Эта господствующая группа создала такую обстановку, что студенты и аспиранты, преподаватели и научные сотрудники, уже не обладающие антисоветской или просоветской пассионарностью, вынуждены стать конформистами и демонстрировать свой *сервилизм*: многие — прикрываясь маской. Все профессиональные обществоведы были вынуждены гласно принять установки работодателя, а единственным работодателем было государство. Нежелательное вольнодумие дозировалось и контролировалось, публикации были возможны лишь в малотиражных и маргинальных издательствах, а сообщество должно было делать вид, что таких публикаций

не существовало, — ни рецензий, ни критики, ни обсуждения не могло быть.

Замечательно подвели итоги своей деятельности в обществоведении сами В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон в большой статье в журнале «Вопросы философии» (1990). Они отказываются от советского строя: «Строй, который преподносился официальной идеологией как воплощение идеалов социализма, на поверку оказался отчужденной от народа и подавляющей личностью авторитарно-бюрократической системой... Идейным основанием этой системы был догматизированный марксизм-ленинизм» [71].

Эти два видных деятеля обществоведения и активные производители «догматизированного марксизма» были вынуждены заявить, что «на поверку» советский строй оказался не тем, что они писали. Печальное зрелище. Но еще важнее: это признание значит, что их «наука» не располагала существенными средствами для познания реальных общественных процессов. Ведь если бы они были исследователями, которые, для виду подчиняясь «системе», в то же время изучали нашу действительность эффективными методами, то в 1990 г. они вынули бы из ящика стола и опубликовали свои выстраданные откровения. Но этого нет, статья полна ритуальной ругани в адрес «авторитарно-бюрократической системы» и не содержит ни одной определенной мысли.

Вот эмпирический социологический факт. Социолог А.В. Грехов пишет:

«Все чаще приходится слышать словосочетания “оранжевая опасность”, “оранжевая угроза”, “болотные оранжисты”, предвещающие социально-политические потрясения. ...С помощью квантификационного метода мы утверждаем, что подобное “оранжевое” явление наше отечество претерпело на рубеже 1980—1990-х годов. Перестройка всех сторон жизни общества, предпринятая с 1985 г., вылилась в радикальные изменения в советском государстве и завершилась государственными переворотами 8 декабря 1991 г. и 21 сентября — 4 октября 1993 г.

Оранжезм этого периода проявился в целенаправленном формировании посредством коммуникативных возможностей средств массовой информации антисоциалистическо-

го общественного сознания с последующим общественным одобрением радикальных изменений общественно-политического строя...

Значительная часть творческой интеллигенции газетных и журнальных коллективов, находясь на стыке мировоззренческих катаклизмов и общественно-политических веяний, вставала на позицию негативного отношения к советской истории, выражала свою приверженность либерально-демократическим ценностям. Негативно-оценочный советско-публицистический бум, в том числе на страницах журналов "Знамя", "Новый мир", подготавливал крушение Советского Союза, закрепление основ "суверенно-демократического" государства, родившегося на руинах развенчанного социалистического идеала.

В центре мировоззренческого столкновения... оказалась проблема сущности и содержания Октябрьской социалистической революции как судьбоносного для страны события.

Квантификационный взгляд на исторические публикации того периода на страницах прессы позволил выявить тенденции и технологии целенаправленной деятельности средств массовой информации по "исправлению" общественного/исторического сознания советского населения» [72].

Публикуемые в популярных журналах и газетах авторы в годы перестройки вели интенсивную антисоветскую пропаганду в агрессивном стиле. Не только научные, но и просто рациональные рассуждения исчезли из прессы. Но это значит, что большинство сообщества обществоведов, которое вовсе не примкнуло к активной части антисоветской «цветной революции», было вынуждено замолчать — из осторожности и из-за утраты доступа к изданию публикаций (кроме ничтожного числа гротескных, которых можно было осмеять или назвать паранойей).

А.В. Грехов пишет о двух самых популярных журналах, которые до перестройки привлекали тем, что в них велась корректная дискуссия. Теперь публикуемые авторы «генерировали в общественном сознании негативную оценку октябрьским событиям со страниц журнала "Знамя". Это были в первую очередь представители филологической науки — писатели (7 публикаций), поэты (4), литературоведы (6), а также философы (4), политологи (2)...

Право формировать общественное сознание населения в перестроечные и постперестроечные годы было монопольно отдано противникам Октябрьской революции, сторонникам крушения созданной ею политической системы. Конъюнктурно-казачные авторы стали определять мировоззренческую направленность знаменской публицистики.

Квантификационный метод вскрывает подобную картину и в отношении журнала "Новый мир". Уже с 1989 г. в журнале доминировали негативно-оценочные публикации об Октябрьской революции... Отличие новомирской исторической публицистики от знаменской — более активное участие в антиоктябриане представителей философской, исторической, экономической, социологической наук. ...Авторами всех негативно-оценочных философских публикаций были российские эмигранты первой волны. ...Целенаправленные публикации знаменских и новомирских авторов формировали у читателей суггестивное отношение к социалистической революции и ее деятелям. В сознание читателей внедрялась неизбежность "научного" предсказания о крушении советской политической системы. Тем самым население подготавливалось к "оранжевому" варианту ликвидации советской системы власти, произошедшей в 1993 г.» [72].

Как иллюстрацию приведем одну из таблиц в этой статье. Из нее видно, насколько тотальным был сдвиг массива публикаций в журнале «Новый мир» к антисоветским установкам.

Таблица 1. Публикации об Октябрьской революции

Журнал «Новый мир»	1989	1990	1991	1992	1993	1994
Всего публикаций в журнале	228	168	217	214	197	227
В том числе количество публикаций об Октябрьской революции	37	32	44	41	25	37
Из них: количество негативно-оценочных публикаций	31	30	44	39	25	36

Логика ведущих обществоведов мейнстрима была и остается далекой от рациональности. Уже к середине 1990-х гг. стало очевидным и было зафиксировано в ряде работ, что исходные выводы доктрины реформ были ложны. Мнение, что экономическая реформа в России «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным и среди российских (пусть негласно), и среди западных специалистов. Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц дает такую оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества — колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [73, с. 188].

Вдумаемся: в результате реформ мы получили *самое худшее из всех возможных состояний общества*. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о *системе ошибок*, о возникновении в сознании проектировщиков реформы «странных аттракторов», которые тянули к выбору наихудших вариантов из всех возможных, тянули к катастрофе. Эти ошибки были обусловлены воздействиями идеологией, они делались вопреки хорошо систематизированному историческому опыту России, вопреки предупреждениям множества советских и российских специалистов, вопреки предупреждениям видных зарубежных ученых. Этот факт также требует рефлексии, ибо говорит об очень глубокой деформации всей системы норм научной рациональности в отечественном обществоведении.

Масштаб социального бедствия не имеет прецедента в индустриальном обществе Нового времени. Украина, ставшая после развала СССР большой европейской страной с высоким уровнем научного и промышленного развития, погрузилась в редкостный кризис — в 2000 г. средняя реальная заработная плата здесь составляла 27% от уровня 1990 г. (в Таджикистане — 7%). В Армении к концу 1997 г. средний уровень заработной платы составил около 28 долл., в то время как стоимость минимальной потребительской корзины в этот момент достигала 50 долл.

На рис. 4 показан масштаб бедности в странах с переходной экономикой (в основном постсоветских в начале

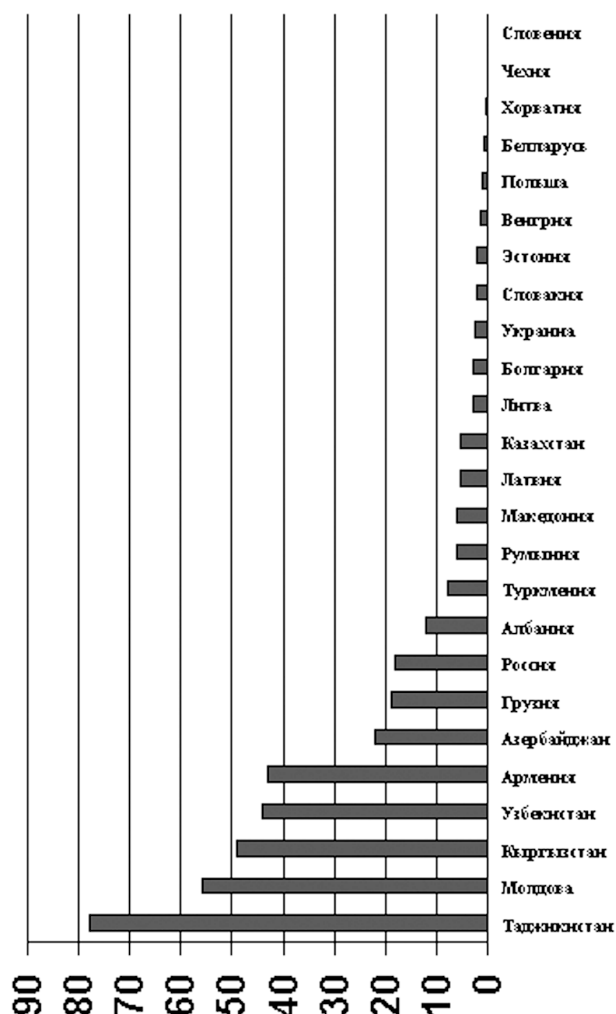

Рис. 4. Население, живущее в условиях абсолютной бедности в странах с переходной экономикой Европы и Средней Азии, % (Источник: Making Transition Work for Everyone: Poverty and Inequality in Europe and Central Asia, 2002, The World Bank, Washington, DC.)

2000-х гг.) [74, с.188—198]. Обществоведение было просто обязано объяснить, почему совсем недавно благополучные республики погрузились в такое бедствие, а также объяснить, почему Беларусь после 1996 г. смогла быстро вырваться из этой ловушки.

Поразительно, что программа реформы и не предполагала создать или сохранить механизмы, предотвращающие обеднение населения. Исследователи ВЦИОМ писали: «Процессы формирования рыночных механизмов в сфере труда протекают весьма противоречиво, приобретая подчас уродливые формы. При этом не только не была выдвинута такая стратегическая задача нового этапа развития российского общества, как предупреждение бедности, но и не было сделано никаких шагов в направлении решения текущей задачи — преодоления крайних проявлений бедности» [75].

Казалось бы, перед обществоведением возник очень важный в теоретическом и еще более в практическом плане объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Но за прошедшие 25 лет стремления к рефлексии по отношению к методологическим основаниям реформы в среде обществоведов не наблюдается (за исключением отдельных личностей, которые при настойчивой попытке гласной рефлексии становились изгоями сообщества обществоведов).

А ведь все это можно было надежно предвидеть уже в 1989—1990 гг. Тогда многие экономисты начали читать Хайека, можно было понять, какой эффект его концепции произведут на практике в России. Фридрих фон Хайек писал: «Имеет ли какой бы то ни было смысл понятие социальной справедливости в экономической системе, основанной на свободном рынке? Категорически нет». О.Т. Богомолов в 2004 г., комментируя это утверждение Хайека, сказал: «Современные российские либералы в этом отношении остаются последователями Ф. Хайека»¹. Коллеги промолчали.

Никак не ответив на эти работы, содержащие профессиональную критику, общность обществоведов, разработчи-

¹ В другом месте Фридрих фон Хайек писал в 1975 г.: «Попытка осуществить социальную справедливость несовместима с обществом свободных людей».

ков доктрины реформ, нарушила элементарные нормы науки. Это означало исчезновение сообщества как профессионального.

Народное хозяйство и жизнеустройство любой страны — это большая система, которая складывается *исторически* и не может быть переделана исходя из доктринальных соображений — даже если на время политикам удастся пробудить массовый энтузиазм и радужные иллюзии. Но никаких шансов на успех такая реформа не имела, устойчивой массовой поддержки неолиберальная доктрина реформ в России не получила, что показали многочисленные исследования и самые разные способы демонстрации позиции «послушно-агрессивного большинства» («совка», «люмпена», «иждивенца» и пр.). Сам набор ругательств, которыми идеологи реформ осыпали большинство населения, говорит о неприятии реформ.

Это и поражает западных обозревателей. В большом американском докладе сказано: «Критически важным политическим условием экономического успеха является разработка *стратегии перехода, опирающейся на широкую поддержку общества*. Без такой поддержки, без изначальной социальной направленности реформ ни одну из них нельзя считать “необратимой”... С точки зрения развития, нынешний режим, основанный на неолиберальной политике, — тупик. Он не способен провести истинные реформы в демократическом духе. Неолиберальная доктрина фактически не имеет общественной поддержки, что диктует авторитарную тактику проведения болезненных и непопулярных мер (которые несовместимы и с задачами развития). Все, что формируется в современных условиях, — зыбко и непостоянно» [76].

Проведенная замена советских учебников на переведенные западные лишь ухудшила положение — эти учебники уже не отвечают даже западной реальности и тем более не имеют никакой связи с российской действительностью. В 1996 г. Л.Г. Ионин сделал замечание, справедливое и сегодня: «Дело выглядит так, будто трансформирующееся российское общество в состоянии адекватно описать и понять себя при помощи стандартных учебников и стандартных социологических

схем, разработанных на Западе в 60—70-е гг. для описания западного общества того времени...

И западное общество, и российское почти одновременно подошли к необходимости коренной когнитивной переориентации. На Западе она произошла или происходит. У нас же она совпала с разрушительными реформами и полным отказом от приобретенного ранее знания, а потому практически не состоялась. Мы упустили из виду процессы, происходящие в нашем собственном обществе, и *живем сейчас не своим знанием, а тридцати-сорокалетней давности идеологией западного модерна*. Вместе с этой идеологией усваиваются и социологические теории, и методологии, тем более что они ложатся на заботливо приготовленную модернистским марксизмом духовную почву...

Теории, которые у нас ныне используются, описывают не то стремительно меняющееся общество, в котором мы живем сейчас. Переводимые и выпускаемые у нас ныне учебники социологии описывают не то общество, с которым имеет дело студент» [69].

Поскольку «выпускаемые у нас учебники» описывают не то общество, с которым имеет дело студент, и не то, которое существует в современном Западе, ни старые, ни новые поколения сообщества обществоведов, в общем, не могут адекватно представить ситуацию ни внутри, ни вне России, а значит, не могут и предвидеть ход общественных и политических процессов. И власть, и граждане делают свои умозаключения, исходя из опыта или интуиции. Здравый смысл и память помогают, но мощных аналитических методов науки они лишены.

Вспомним сравнительно недавнее состояние, сейчас несколько замаскированное, — веру элиты в то, что западная модель экономики является единственно правильной. Эта вера доходила до идолопоклонства. Экономист В. Найшуль, который участвовал в разработке доктрины реформ, даже опубликовал в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Это нелепое утверждение. Православные страны есть, иные существуют по полторы тысячи лет — почему же их экономику нельзя считать нормальной?

Странно как раз то, что российские экономисты вдруг стали считать нормальной экономику Запада — недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества. Если США, где проживает 5% населения Земли, потребляют 40% минеральных ресурсов, то любой овладевший арифметикой человек усомнится, что хозяйство США может служить нормой для человечества.

И опять же, вместо рациональных аргументов в интеллектуальной прессе преобладал поток художественных метафор, иногда доходивших до гротеска. Вот сентенция в «Вопросах философии» доктора наук, зав. сектором ИМЭМО РАН В.А. Красильщикова: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)» [77].

Представление о западном капитализме как *правильной* (нормальной) хозяйственной системе — следствие невежества наших энтузиастов «рынка», воспринявших этот стереотип из обществоведческих теорий, проникнутых евроцентризмом (сначала из марксизма, потом из обрывков либерализма). Эти теории насыщены идеологией. М. Фуко в книге «Археология знания» показывает, что наиболее идеологизированной областью знания является *политэкономия*.

Виднейший американский антрополог М. Сахлинс в статье «Прощайте, печальные тропы»¹ пишет о культурной уникальности и необычности западного капитализма: «Западный капитализм в своей тотальности — это поистине экзотическая культурная схема, такая же странная, как и любая другая, отмеченная поглощением материальной рациональности ог-

¹ Название перекликается с названием известной книги К. Леви-Стросса «Печальные тропики». Тропы — слова, употребляемые в образном смысле, при котором происходит переход от прямого значения слова к переносному.

ромным сводом символических отношений. Нас слишком сильно сбивает с толку кажущийся прагматизм производства и торговли. Культурная организация экономики остается невидимой, мистифицированной денежной рациональностью, посредством которой реализуются ее произвольные ценности. Весь идиотизм современной жизни — от кроссовок “Уолкман” и “Рибок” до норковых шуб и бейсбольных игроков, получающих по 7 миллионов долларов в год, до МакДональдса, Мадонны и другого оружия массового уничтожения — вся эта нелепая культурная схема тем не менее представляется экономистам как ясное проявление универсальной практической мудрости» [78].

Надо учитывать, что важным фактором, искажающим результаты обществоведческого анализа и принимаемых на его основе решений, было то, что обсуждение важнейших проблем реформы происходило в обстановке *замалчивания* знания, например, о свежем опыте приватизации в Польше и Венгрии. Более того, во многих случаях имела место и *дезинформация*, что углубило раскол общества и кризис 1990-х гг.

Околовластные обществоведы во время реформы избегали использовать слова, смысл которых устоялся в общественном сознании. Их заменяли *эвфемизмами* — благозвучными и непривычными терминами. Так, в официальных и даже пропагандистских документах никогда не употреблялось слово «*капитализм*». Нет, что вы, мы строим *рыночную экономику*. В целом за 90-е гг. произошло изменение *функции языка* — его *магическая* функция стала доминировать над *информационной*. Это резко сузило каналы социодинамики знания.

П. Бурдьё так определяет эту функцию общественных наук: «Социальный мир есть место борьбы за слова, которые обязаны своим весом — подчас своим насилием — факту, что слова в значительной мере делают вещи и что изменить слова и, более обобщенно, представления... значит уже изменить вещи. Политика — это в основном дело слов. Вот почему бой за научное познание действительности должен почти всегда начинаться с борьбы против слов» [79].

Тот факт, что в идеологическую борьбу активно включились авторитетные обществоведы, обладавшие «удостоверением» разумного беспристрастного профессионала, резко изменило темп нарастания кризиса в культуре.

Тогда было сказано с самой высокой трибуны, что главное в перестройке экономики — «радикальное изменение отношений собственности». Более подробных объяснений не было. Люди искали разъяснения ученых. Появилась серия статей видного юриста, председателя комиссии Верховного Совета СССР, член-корреспондента АН СССР С. С. Алексеева. Его первое разъяснение было таково: необходимо «совершить воистину революционный акт — передачу всех, без исключения, государственных имуществ тому, кто только и может в Советской стране ими обладать, Советам».

Слово ученого внушало страх. Представляете себе баллистические ракеты на балансе Рязанского облисполкома? Или кусок проходящей по его территории железной дороги? Призывы к муниципализации инфраструктуры и техносферы огромной страны на пороге XXI в. казались мистификацией. Сейчас это забыто, а тогда это усилило дестабилизацию общественного сознания.

Второй тезис объяснял беды нашей экономики господством наемного труда. В его ликвидации автор предлагает следовать... опыту капиталистических стран. По его мнению, капиталистическое хозяйство потому и эффективно, что «там, по сути, произошло преобразование собственности...», вывели новые элементы, так или иначе выражающие общественное начало, участие тружеников в распределении дохода». И это слово ученого сильно удивило.

С.С. Алексеев даже утверждал, что на Западе давно нет частной собственности и эксплуатации, а все стали кооператорами и распределяют трудовой доход. Казалось невероятным: член-корреспондент АН СССР наверняка знал, что на тот момент в США 1% взрослого населения имеет 76% акций и 78% других ценных бумаг. Вот сводка в «Нью-Йорк таймс» от 17 апреля 1995 г.: 1% населения США владеет 40% всех богатств (включая недвижимость и пр.).

А вот данные из переведенной на русский язык книги: «Наиболее богатые 0,05% американских семей владеют 35% всей величины личного имущества, в то время как имущество “нижних” 90% домашних хозяйств составляет лишь 30% его совокупной величины» [80, с. 358]. Так что десяток акций, которые имеет в США кое-кто из рабочих, — фикция вроде ваучера Чубайса. Зачем такая наивная пропаганда ученому?

Странно было слышать от народного депутата сетования на социальную защищенность трудящихся СССР. Он пишет: «Наемный труд, неэффективный и сам по себе, становится — как это ни странно — еще менее эффективным в результате повышенной его юридической и социальной защищенности».

Как все это понимать? Куда мы идем? Ведь эти статьи были изданы тиражом в несколько миллионов.

С.С. Алексеев приводит такое высказывание С.Н. Федорова (известный хирург-офтальмолог): «*Наемный труд должен быть запрещен повсеместно*». Тут даже идея сплошной коллективизации бледнеет. Что же у нас будет за экономика? Это можно было бы принять за шутку, если бы речь не шла о жизненно важных для страны вопросах и если бы это писал не столь высокого ранга ученый.

С.С. Алексеев открывает «сокровенную тайну социализма». Она, оказывается, в сдаче в аренду всех госпредприятий. Причем их не надо сдавать в аренду трудовым коллективам, потому что они не являются «свободными ассоциациями производителей». Трудовые коллективы — это «аморфные соединения людей, связанных друг с другом в основном лишь местом работы, не имеют устойчивых общих интересов». Значит, в аренду сдавать только кооперативам или частным собственникам.

Все это — мифы! Неужели ученый, предлагая кардинальное изменение всей нашей социально-экономической системы, не знает «альтернативной экономики» Запада с арендой, кооперативами и «народными предприятиями»? Все эти формы маргинального уклада отличаются высокой интенсивностью труда и более низкой зарплатой. Что он рекомендовал советскому обществу!

Мифологична и трактовка С.С. Алексеевым роли государства в экономике: «Наемный труд связан с присвоением результатов его другим субъектом... У нас-то кто присваивает? Ответ один: гигантский монополист, каковым является государство».

Казалось, что эта примитивная идея отошла в прошлое с перехлестами первых лет перестройки. Нет, она развивается в статьях ученого.

С.С. Алексеев призывал вспомнить «справедливые слова» Анджее Вайды: «...чем люди живут беднее, тем они более алчны». Это и есть жесткий классовый подход, но теперь он проникнут ненавистью к беднякам. И все это печаталось под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Вся эта серия странных идей не была просто плодом размышлений личности С.С. Алексеева — личности тогда были увлечены лихорадочным производством идеологием целого интеллектуального сообщества. Кто-то удержался, других унесло потоком, включая выдающихся и даже великих ученых. Поддерживала напор этого потока мощная машина — для статей С.С. Алексеева были предоставлены страницы «Правды», «Известий», «Литературной газеты».

Гражданам не было возможности обдумать и обсудить все эти идеи. Вот, газеты 7 сентября 1989 г. сообщили, что в сентябре депутатам будут представлены проекты, содержащие «непривычные нам дотоле понятия — рынок труда, банкротство убыточных предприятий...».

Переход к «непривычным нам дотоле понятиям» — шаг принципиальный. Используемые категории и понятия тесно связаны со стоящим за ними содержанием. Если под лозунгом «Больше социализма!» начинаем устраивать *рынок труда*, то это означает отказ от принципа «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Но такие вещи нельзя делать тайком, без объяснения и обсуждения — особенно в среде ученых.

Что означает понятие «рынок труда»? Что общество не гарантирует каждому человеку рабочее место: он выносит свою рабочую силу на рынок, а там как повезет. Право на труд исчезает. Рынок — стихийный регулятор, купля-продажа свободная, цена на рабочую силу определяется спросом и предложением.

Банкротство убыточных предприятий — нормальное явление в рыночной экономике, цена определяется рынком. Но как можно закрывать «убыточные» предприятия, если цену на их продукцию и их рентабельность установил не рынок, а Госплан и Госкомцен? И как можно все это предлагать, не дав прогноза последствий? Казалась дикой сама идея ликвидировать в сентябре общественные институты, к которым население привыкло и приспособилось за 70 лет (это 6 поколений!), и навязать ему институты, в которых не разбираются даже авторы этого проекта.

Уже только приготовления к «рынку труда» создали социальную пороховую бочку (конкретно первый кровавый погром в Сумгаите). В той же статье в «ЛГ» зампреда Госплана Л.Б. Вид сообщал, что за прошлый год «хозрасчет, сокращение капитального строительства высвободили из народного хозяйства миллион человек, главные же сокращения впереди. В стране сегодня нет работы в целых районах, и это не только Средняя Азия. Целый город Надым остался без работы, как и строители десятков ГЭС, трассовики на тысячах километров магистралей».

Наступает бедствие — и такой тупой, дремучий произвол в социальной сфере! Ну как это можно назвать наукой? Ведь невозможно было предположить, что обществоведы, которые разрабатывали этот проект, выполняли задание теневых и криминальных групп, которые готовились к приватизации.

Почему же вдруг потеряли работу «строители десятков ГЭС, трассовики на тысячах километров магистралей»? Потому, что сообщество обществоведов стало убеждать власть и общество прекратить большие программы инфраструктурного строительства. Рынок сам решит! Ряд ученых тиражировал миф, будто строительство «рукотворных морей» и стоящих на них ГЭС было следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России.

Наглядным примером служит приватизация промышленности. В 1992 г. группа ведущих мировых экспертов (социологов и экономистов) под руководством М. Кастельса (США) посетила Москву. Она провела интенсивные дискуссии с членами

Правительства Российской Федерации, в том числе с Г.Э. Бурибулисом, Е.Т. Гайдаром, А.Н. Шохиним.

В качестве экспертов с российской стороны выступали профессор Ю.А. Левада, Л.Ф. Шевцова, О.И. Шкаратан и В.А. Ядов. После отъезда группа иностранных экспертов составила доклад Правительству России, который был опубликован только недавно, хотя там нет ничего секретного.

В докладе эти эксперты критикуют доктрину приватизации и, изложив свои аргументы, напоминают хорошо известные вещи: «Рыночная экономика не существует вне институционального контекста. Основной задачей реформаторского движения в России сегодня является в первую очередь создание институциональной среды, т.е. необходимых условий, при которых рыночная экономика сможет функционировать. Без подобных преобразований рыночная экономика не сможет развиваться, не создавая при этом почвы для спекуляций и воровства. То есть создание эффективной рыночной экономики принципиально отличается от простой задачи передачи прав собственности от государства и старой номенклатуры к успешным частным управляющим... Культура куда важнее масштабов приватизации».

Они так характеризуют общности, которым в ходе приватизации предполагалось передать основную массу промышленной собственности: «В настоящий момент все они так или иначе демонстрируют паразитическое поведение, их действия носят не инвестиционный, а спекулятивный характер, свойственный в большей мере странам “третьего мира”... Такая ситуация характерна скорее не для зарождающегося, а для вырождающегося капитализма. Фактически идет процесс передела накопленной собственности, а не создание нового богатства. В этих условиях исключительно либеральная экономическая политика, основанная на непродуманной и неконтролируемой распродаже государственной собственности, обречена на провал, что приведет лишь к усилению власти спекулятивных групп в российской экономике».

И вот общий вывод: «Резюмируя все сказанное, мы утверждаем, что существующая концепция массовой приватизации является главной ошибкой, которую Россия может совершить в ближайший год реформ» [85].

Несомненно, Кастельс, Турен и их коллеги-эксперты высказали принципиальные и важные концептуальные суждения о начавшейся в России приватизации. Их предупреждения быстро получили эмпирические подтверждения. Ведущие российские социологи были ознакомлены с их суждениями в ходе прямой дискуссии. Они знали и выводы, и аргументы комиссии экспертов — но от широких кругов обществоведов, не говоря уже об обществе, *это знание было скрыто*.

Это было признаком распада профессионального сообщества обществоведов.

РАЗРЫВ КОММУНИКАЦИЙ И РАСПАД СООБЩЕСТВА ОБЩЕСТВОВЕДОВ

В начале 1990-х гг. раскол сообщества обществоведов приобрел новый характер. В годы перестройки оформились две политизированные группы, которые вели полемику без диалога. «Молчаливое» большинство выжидало развязку, хотя радикальные реформаторы попрекали его за конформизм и скрытую враждебность. На I съезде народных депутатов СССР 27 мая 1989 г. Ю. Афанасьев (видный идеолог, историк и ректор историко-архивного института, а затем РГГУ) заклеил его как «агрессивно-послушное большинство»¹. Но в тот момент разрыв коммуникаций между частями интеллигенции, включая обществоведов, был понятен: политическая власть не допускала диалога, поскольку приближалась кульминация антисоветской революции и антагонизм крайних общностей был очевиден.

Их установки и тезисы были несовместимы. Иногда в секторах и отделах по вечерам сходились старые товарищи — «реформаторы» и «консерваторы», спонтанно возникали лихорадочные, надрывные разговоры. В основном говорили реформаторы: откровения, «обильные, страстные речи», множество метафор и туманных аллегорий, странных аналогий. Эти разговоры оставляли тяжелый осадок, ощущение беспомощности — десять лет работаешь рядом с человеком, близким и рассудительным, и вдруг он заговорил как инопланетянин. Ничего похожего на совещания бригады сотрудников, какие регулярно происходили еще 4—5 лет назад. И тогда были расхождения и конфликты, но в основном они были в границах рациональности и помогали лучше понять проблему.

¹ Примечательно, что в день смерти Ю. Афанасьева другой «прораб перестройки» Н. Травкин написал: «Ушёл Ю. Афанасьев, автор фразы агрессивно-послушное большинство. А это БОЛЬШИНСТВО осталось и стало ещё агрессивнее...».

После ликвидации СССР и его политической системы ситуация принципиально изменилась. Власть декларировала переход к конструктивным реформам, и даже убежденные оппоненты доктрины реформы из среды обществоведов скрепя сердце стали готовиться к обсуждению конкретных шагов с целью минимизировать ущерб от радикализма победителей.

В течение 1992 г. были интенсивные контакты с коллегами в США, Западной и Восточной Европе, в Латинской Америке и с учеными Китая. Было много ценных бесед и предложенным нам текстов, много наших докладов и тоже текстов. Видные ученые (и левых, и правых направлений, включая советологов США) с большим участием и тревогой обсуждали альтернативы реформ в России, предупреждали о рисках, указывали на ошибки, которые они считали очевидными, исходя из опыта и Запада, и развивающихся стран. За этот год мы сильно продвинулись в понимании и советской системы, и причин ее кризиса.

Каков же был результат попыток начать диалог дома? Нулевой! Не только не было возможности завязать с коллегами и даже бывшими друзьями связный обмен тезисами и аргументами, но и нормальные вопросы вызывали странную агрессивную реакцию. Довольно большая общность образованных людей была в состоянии эйфории от эфемерной политической победы, которая запустила лавинообразный процесс кризиса. Сейчас можно сказать, что это состояние было похоже на то, что творится в последние два года в политической элите Украины. Разница в том, что в первую половину 1990-х гг. в России это случилось и в среде интеллектуалов общественных наук, ставших частью власти.

Американские эксперты А. Эмсен и др. пишут в своем докладе: «Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык скрытых сталинистов» [76]. Понятно, что мало кто шел на конфликт, пытаясь открыть дискуссию. Так методологическая основа, заложенная «шестидесятниками», в конце 1980-х гг. стала господствовать в обществоведении, поскольку ее адепты опирались на административный ресурс, обеспеченный новой политической властью. Эта господствующая группа получила монополию на образова-

ние новых поколений обществоведов и, таким образом, стала диктовать методологические нормы. Постепенно устоялось и жестко контролируется современное состояние сообщества обществоведов в целом, как *мейнстрим*.

Была ликвидирована внутренняя информационная система обществоведения! Это было фундаментальное пороговое явление. Инкубационный период вызревания этой трансформации системы сообщества обществоведов длился примерно пять лет.

Научное сообщество является модельным случаем общности, деятельность которой с необходимостью требует *гласной* фиксации очень многих ее следов — идей, объяснений и программ. Профессиональное сообщество — коллективный субъект деятельности в своей области, в нашем случае обществоведения. Слово «сообщество» указывает, что имеется некоторая общая основа, которая объединяет эту группу. Ее объединяет прежде всего общая *когнитивная структура* — система категорий и понятий, научные факты, теоретические представления и комплекс исследовательских методов. Эта структура подвижна, но ее развитие упорядочено, пока не происходит системный кризис.

Вторая связующая сила — *система общих ценностей и норм*. П.А. Сорокин, говоря об интеграции и распаде сообществ, исходил из того, что «движущей силой социального единства людей и социальных конфликтов являются факторы духовной жизни общества — моральное единство людей или разложение общей системы ценностей».

Третья система сообщества, которая соединяет все его элементы между собой и с внешней средой, — *информационная*.

Крах этой системы, как отказ нервной системы, сделал недееспособной и когнитивную, и ценностную системы нашего обществоведения. Стало понятно, что сообщество распалось. Обмен сообщениями, мнениями и идеями стал происходить в кулуарах, в малых группах «своих» и не был доступен для сообщества. Невозможно было представить себе открытый научный семинар или совещание, где бы ведущие обществоведы (высшей категории и доктора наук) всерьез обсуждали главные проблемы постсоветских обществ. Как будто на

обсуждение реальности, в которой оказалось российское общество, было наложено табу.

В результате на месте профессионального сообщества, пусть с неадекватной современной сложности когнитивной структурой, осталось два рыхлых сгустка «туманности» с различными ценностными системами и методологическими платформами, то есть неспособными вести диалог. Одна «туманность» считается мейнстримом (близка к власти, щедро финансируется и контролирует образование и информационную инфраструктуру). Другая «туманность» маргинализована, ведет катакомбную интеллектуальную деятельность и пока не может соединить в сеть множество малых групп, которые пытаются запустить переход «хаос—порядок» в парадигме, альтернативной мейнстриму. Основная часть образованных людей с дипломами специальностей в социальных науках, получивших рабочие места в обществоведении, существует, скрывая свои установки и ценности под масками конформистов.

Для иллюстрации приведем эпизод принципиальных расхождений в представлении проблем всего общества, но в диалоге большинству было отказано.

Реформа школы

Школа — социальный механизм, «производящий» и социализующий человека данного общества, сохраняющий и передающий от поколения к поколению культурное наследие данного общества. Само слово «образование» указывает на смысл школы: образование есть создание из ребенка частицы народа, причем народа конкретной страны.

В конце XIX — начале XX в. в России шли дискуссии о выборе типа массовой школы. В проектах реформы средней школы при министре П.Н. Игнатьеве была поддержана идея перехода к *единой* школе (в отличие от западной школы «двух коридоров» — для элиты и массы). Именно эти проекты, нашедшие поддержку большинства учительства, и были воплощены в программу создания массовой средней школы. В августе 1918 г. I Всероссийский съезд по просвещению рассмотрел и единогласно одобрил проект «Положения о единой трудовой школе РСФСР».

Принцип единой общеобразовательной школы был реализован как нечто естественное — так, что подавляющее большинство советских граждан даже и не представляло себе, что может быть по-другому. Принцип единой общеобразовательной школы позволил СССР провести форсированную индустриализацию, победить в войне, стать великой державой, создать огромные ресурсы квалифицированных и открытых знанию работников. Эта школа сформировала новый культурно-исторический тип со многими исключительными качествами. Они позволили СССР компенсировать значительное еще отставание от Запада в уровне экономического и технологического развития.

Подготовка преобразования школы началась в 1987—1988 гг. Для разработки концепции был учрежден Временный научно-исследовательский коллектив (ВНИК «Школа»), возглавляемый Э.Д. Днепровым. Он же стал министром образования России (1990—1992) и академиком Российской академии образования. Важную роль сыграл Дж. Сорос. По словам Э. Днепров, программа гуманитаризации российского образования Сороса представляла собой один из наиболее крупных образовательных проектов в истории отечественного просвещения. Активную роль сыграл международный фонд «Культурная инициатива» — неправительственная благотворительная организация, созданная в 1988 г. по инициативе Сороса. Ее деятельность была направлена на сферы образования, науки и культуры. В период «запуска» реформы директором фонда «Культурная инициатива» являлся Я. Кузьминов.

Естественно, что в ходе революции и смены общественного строя неизбежны были изменения в укладе и программах школы, но мало кто ожидал, что целью реформы станет отход от сложившейся к концу 20-х гг. XX в. модели единой общеобразовательной школы, которая, в принципе, хорошо выполняла свои функции и была институтом, консолидирующим общество. Эта модель в XX в. была эффективно адаптирована в разных политических и социальных условиях и вполне могла бы работать в «рыночной» России с косметическими изменениями. Зачем надо было ломать школу?

Министр образования В.М. Филиппов объяснил: «Изменившееся российское общество требует адекватных измене-

ний и от системы образования — нельзя консервировать то, что когда-то было лучшим в мире». Это не убеждает. Что в «изменившемся российском обществе» несовместимо с «лучшим в мире» образованием?

Видный математик и деятель математического образования, профессор МГУ и член исполкома Международной комиссии по математическому образованию И.Ф. Шарыгин писал: «Руководители российского образования, а они все сплошь реформаторы, не только не отвечают на такие важнейшие вопросы, как: “Почему надо реформировать образование? Каковы цели этого реформирования?” Они даже не ставят этих вопросов. Ни в одном документе, от них исходящем, не сформулированы четко цели образования вообще. Непонятно даже, что такое реформа образования» [81].

В «Независимой газете» И.Ф. Шарыгин так писал об аргументации реформаторов: «Утверждение, что система российского образования, как и все прочее, оставшееся от советской власти, нуждается в серьезном реформировании, объявляется сегодня аксиомой, а аксиомы, как известно, не доказываются. Вот наши руководители и их советники и не утруждают себя доказательствами. “Вы, конечно, понимаете, что наше среднее и иное образование необходимо реформировать”, — говорят нам. И мы смущенно бормочем: “Да, конечно, понимаем, но...”» [82].

Идеологи этой реформы не отвечали на простые и ясные вопросы или изъяснялись метафорами и абстрактными понятиями так, что это поражало даже после того, чего мы слышали в 1991 г.

Преподаватель литературы С. Волков пишет: «Что поразило меня на коллективных обсуждениях проблемы? То, что сами разработчики нынешнего варианта ЕГЭ прекрасно понимают многие из перечисленных его минусов и сами признаются, что считают наилучшей формой экзамена по литературе сочинение. Зачем же они тогда всё это делают? Зачем участвуют в работе, которая может повлечь за собой разрушение многих основ существования предмета в школе?

Ответ на этот вопрос ещё более поразителен: если не ввести литературу в формат ЕГЭ, тогда этот предмет будет из школы выдавлен. “Вы не понимаете! — много раз слышал я сло-

ва. — Там, наверху (указательный палец вонзается в потолок), нам дали понять (вариант: прямо сказали), что литература неудобна сейчас: единых критериев оценки работ не выработано, субъективизма во всём выше крыши, да и идеологически русская классика несовременна. Где, например, положительный образ предпринимателя? Мы стоим перед реальной угрозой вытеснения литературы из школы. Войти в ЕГЭ — последний шанс выжить. В неудобной позе, «на аршине пространства», но выжить”.

Итак, вот, оказывается, в чём корень вопроса. Вот какие ставки в этой игре. Тогда было бы желательно знать, кто лично возьмёт на себя ответственность... за запрет литературы в школе?.. А если никто и не собирается такую ответственность на себя брать? Если всё это миф..? Если все эти намёки так, на всякий случай — вдруг сами, первые, без приказа поддадимся и суетливо начнём всё ломать собственными руками? И ведь начали ломать!» [83].

Будучи министром образования РФ, В.М. Филиппов привел такой аргумент: «Кто-то очень метко заметил: “В США есть цивилизация, но нет истинной, древней культуры. В России — богатая культура, но нет цивилизации”. Наша задача — сохранить российскую культуру и создать цивилизованное общество».

Что в России «нет цивилизации» и минобр должен «создать цивилизованное общество» — нелепая мысль. Главное в тираде министра — то, что он видит смысл школьной реформы в изменении главных культурных устоев России — так, чтобы она стала похожа на цивилизацию в понимании американцев.

Строго говоря, авторы такой доктрины, видные обществоведы и педагоги, должны были бы представить обществу доказательства (или хотя бы доводы), что российское общество в тот момент и в среднесрочной перспективе обладает достаточным подобием западному обществу, так что перестройка школы по западным канонам как раз и будет «адекватным изменением системы образования». Это элементарное требование в профессиональном сообществе.

Такого обоснования никогда никто не давал. Напротив, имелось много свидетельств (в том числе со стороны самих реформаторов), что нынешнее российское общество во мно-

гих важнейших аспектах очень сильно отличается от современного западного общества — как США, так и Западной Европы. А значит, всю доктрину реформ надо считать утопическим произволом — школа подстраивается под общество, *которого в России нет*.

Перестройка школы по американскому шаблону была предусмотрена и в документах министерства. Один из них — «Проект федерального компонента государственного стандарта общего образования. Часть первая. Начальная школа. Основная школа» (М., 2002), редактором которого является бывший министр образования, положивший начало преобразованиям школы, Э.Д. Днепров. В этом документе прямо и без обиняков ставится задача *«эволюционной смены менталитета общества через школу»*: «Именно образование в первую очередь должно обеспечить смену менталитета общества, устранение старых, изживших себя стереотипов, проложить дорогу новому гражданскому общественному сознанию, новой политической и правовой культуре, изменить само качественное состояние общества» [84, с. 12].

И.Ф. Шарыгин писал в 2001 г.: «Идейные сторонники реформ в образовании главной своей целью ставят изменение менталитета русского народа. Такие заявления я сам читал в газетах. Это геноцид в чистом виде. Здесь следует заметить, что у любой системы есть характеристики, которые в принципе не подлежат изменению, и любая попытка их изменить может привести к уничтожению самой системы. При этом сами эти характеристики могут быть не так уж и значимы. Простейший пример: нельзя России перейти на левостороннее движение, не уничтожив наш автопарк и не потеряв много жизней» [82].

В действительности доктрина реформы предполагала, согласно неолиберальной доктрине, последовательное снижение уровня «культурности» населения. Цель перехода школы от воспитания личности к фабрикации человека массы в разных вариантах излагается руководящими чинами системы образования. Вот, например, какую задачу учителям Самарской области поставил глава областного департамента образования Е.Я. Коган, удостоенный в 2000 г. официального звания «Человек года в образовании»: «Постулат о развитии

личности замените приматом “карьеры и технологий”. Срочно перенацельте учащихся на другие приоритеты. Забудьте о высшем образовании. Важнее, чтобы каждый смог выполнить простейшие операции: заполнить бланк, составить договор, подсчитать доход».

Министр А.А. Фурсенко на молодежном форуме на Селигере 23 июля 2007 г. сказал, что «недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы *взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других*». Эта формулировка замысла реформы обошла всю прессу. Превратить основную массу российской молодежи из творцов в потребителей — это и есть тайная цель «революции интеллектуалов».

Как видилась ситуация 15 лет после начала реформы? Пишет руководитель исследования, проведенного в школах в 2005—2008 гг. и охватившего учителей, школьников 9—11-х классов и их родителей: «Идеология целей образовательной реформы... Для чего реформируется образование? Чтобы стать более эффективным и конкурентоспособным. Эти установки на конкурентность и эффективность, как заклинание, повторяют все официальные лица, говорящие о реформе... Мы совершаем опасную подмену. Традиционная цель классического образования — “воспитание зрелой, гармонично развитой личности”... Это совсем иное, чем “воспитание конкурентоспособной и эффективной личности”... Так, при сохранении нынешней идеологии в школе и вузе выхолащиваются содержание воспитательной работы и интерес к отвлеченному, якобы “бесполезному” теоретическому знанию» [86].

Обществовед и педагог высшего ранга, гендиректор издательства «Просвещение» А.М. Кондаков в интервью радио «Свобода» в феврале 2011 г. сказал: «Я очень внимательно просмотрел программы по литературе царских гимназий. Там из всего Льва Толстого изучали только одно произведение: “Севастопольские рассказы”. Это именно то, что формирует в ребенке патриотизм, чувство любви к отечеству, уважение к защитникам отечества, товарищество и так далее. И я перед литераторами поставил вопрос: а скажите, пожалуйста,

с чем связан отбор произведений? Они говорят: ну как же не изучать “Войну и мир” Толстого, как не изучать Достоевского? А один очень уважаемый директор академического института был возмущен тем, что Шиллера и Гете в шестом классе не изучают. Я спрашиваю: а что ребенку даст это изучение? Ведь все то, что входит в школьную программу, должно ребенку обеспечить его дальнейшую успешность» [87]¹.

Все эти доктринальные идеи реформаторов вызвали недоумение, неприятие или даже возмущение. Но на все эти сообщения, как и вопросы, авторы доктрин молчали или отделались демагогией.

Нельзя было всерьез принять рассуждения, что «демократизация образования должна затронуть не только систему управления, но и проникнуть во все сферы школьной жизни, изменить весь ее дух, внутренний строй». При этом реформа предполагала — «разгосударствление школы, ликвидацию монополии государства на образование и переход к общественно-государственной системе образования». По словам Э. Днепров, «демократическое общество начинается с демократической школы. И потому общество, которое хочет себя раскрепостить, прежде всего раскрепощает школу» [88, с. 68—69].

«Демократизация образования» — именно демагогия. Образование — это *дисциплина*. Еще в демократических Афинах школьное образование ассоциировалось со словом дисциплина, что означает *розгу*, которой секут ученика. Отсюда и пошло слово ученик (*discípulo*) — тот, которого сечет розгой учитель. Школа — консервативный авторитарный организм, иной она быть не может. Да, на Западе школа для низших слоев «массы» стала «царством лени и вседозволенности». Кто и когда решил, что Россия берет это за ориентир? Детская де-

¹ А.М. Кондаков — член-корреспондент РАО по отделению философии образования и теоретической педагогики. Лауреат Премии Президента РФ в области образования, Премии Правительства РФ в области образования, соруководитель разработки фундаментального ядра содержания общего образования, руководитель разработки нового поколения федеральных государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования, соавтор Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России.

мократия таит в себе угрозу действительно страшную — у детей с наклонностями «лидера» она разжигает неконтролируемое властолюбие, которое, как правило, ведет к детскому и подростковому насилию, в том числе и к убийствам.

Стоит нашим демократам прочитать роман-антиутопию английского писателя У. Голдина «Повелитель мух». В нем показано, как сотня нормальных детей, попавших без взрослых на тропический остров, решает воспроизвести демократию «как у взрослых» — с выборами парламента, президента и т.д. И как этот строй неизбежно перерождается в жестокую диктатуру подростков. Наша школа охраняла детство от радикалов Пролеткульта. Была проведена огромная программа по массовому изданию и внедрению буквально в каждую семью *сказок народов СССР* (прежде всего русских сказок), а также Пушкина и сказок писателей-классиков. Они задавали определенный тип отношений взрослых и детей. Она смогла нейтрализовать соблазн детского самоуправления.

Возможно, авторы доктрины школьной реформы действительно хотели заменить «идеологию» детей из позднесоветских семей на «буржуазно-либеральную» идеологию (как они ее понимали). Но это крайне странная идея. Скорее всего, все эти доктрины составлены из обрывков множества несовместимых концепций и фантастических образов демократии, рынка, прав человека и общечеловеческих ценностей. Никакой связной идеологии они в основу воспитания заложить не могли, и никакими «буржуазными либералами» выпускники этой новой школы не стали. А стали подростками и юношами с разрушенной системой ценностных координат — дезориентированными жертвами глубокой аномии.

А.А. Зиновьев уже на первом этапе реализации реформы писал (1995): «В России больше нет той системы воспитания и образования детей и молодежи, которая еще не так давно считалась лучшей в мире. Вместо нее новые хозяева России создали систему растления новых поколений с раннего детства и во всех их жизненных проявлениях. Те поколения, которые теперь подрастают, уже принадлежат к иному миру, к иной цивилизации, к иной человеческой общности. Они не имеют исторических корней в делах, идеях и системе ценностей своих предшественников. Растет поколение людей, яв-

ляющееся карикатурной имитацией всего худшего, созданного в странах Запада. Растет поколение плохо образованных, завистливых, жадных до денег и развлечений, морально растленных с детства, лишенных понятия Родины и гражданского долга и т.п. ловкачей, мошенников, деляг, воров, насильников и вместе с тем людей с рабской психологией и изначальным комплексом неполноценности. С таким человеческим материалом уже невозможны никакие великие свершения» [89].

Как философ А.А. Зиновьев слишком пессимистичен, он — человек с трагическим мировосприятием. Цивилизация и культура — большие инерционные системы, даже самая радикальная реформа не может их сломать за 20—30 лет. Повреждения непрерывно заделываются и залечиваются в «молекулярной» деятельности родителей, общества, государства и самой школы. Конечно, заделываются не все повреждения и трещины, образуются уродливые шрамы и разрывы, нагноения и фантомные боли, но жизненные ресурсы российской культуры далеко еще не исчерпаны. Однако структуру процесса деградации ценностной шкалы и характера новых поколений детей и подростков России А.А. Зиновьев обрисовал верно.

Социологи писали в 2003 г.: «Для социологов и психологов важны специфические особенности социальной политики в России 90-х годов, которые повлияли на судьбы детей и подростков. Подрастающее поколение лишилось ориентиров в условиях культурного вакуума. Точнее говоря, провозглашение “частнособственнических” норм поведения, осуждавшихся прежде, привело к сосуществованию взаимоисключающих ценностных ориентиров, одновременно действующих в обществе. Это самым непосредственным образом повлияло на усложнение социализации подростков, рожденных во второй половине 70-х — начале 80-х гг. XX века» [90].

Никакой реакции на подобные предупреждения не было. «Социализм в школьном образовании закончился, — убеждал идеолог модернизации школы А.А. Пинский. — Школа должна зарабатывать»¹. Какой социализм и как должна за-

¹ Анатолий Аркадьевич Пинский — российский педагог, член Российского общественного совета развития образования, координатор Экспертно-аналитического Центра Минобразования РФ, один из разработчиков рефор-

рабатывать школа? Базовый учебный план полностью исчерпывает часы, разрешенные санитарными нормами. Что имеет в виду разработчик доктрины реформы? [91].

Все эти изобретатели инноваций педагогики и разработчики доктрин говорили на каком-то бессмысленном новоязе и как будто забыли смыслы давно устоявшихся понятий. Часто возникало подозрение, что все это мистификации.

Выступая 13 сентября 2004 г. на коллегии Министерства образования и науки РФ, А.А. Фурсенко сказал: «Эксперимент по ЕГЭ начался для того, чтобы ввести четкие и однозначные критерии оценки выпускников школ и абитуриентов вузов, чтобы в конечном счете гарантировать качество и доступность образования» [92].

Министр обещает «ввести четкие и однозначные критерии», хотя за десять лет вся многочисленная бригада реформаторов не смогла назвать даже *индикаторов*, которыми она предлагает характеризовать измеряемые стороны объекта оценки. К чему чиновники собираются прилагать свои «*однозначные критерии*»?

В действительности о критериях еще и речи не могло идти, поскольку не были названы даже самые простые, «сырые» инструменты оценки — *параметры*. Что конкретно измеряется в ходе ЕГЭ? На каком основании потом эта мера превращается в баллы, с которыми производятся арифметические действия? Ведь это — шаманство, которое ведет к правдоподобным, но вовсе не достоверным числам. Более того, это и не числа, а похожие на них условные рисунки, которые не поддаются арифметике. Когда преподаватель или комиссия ставят ученику на традиционном экзамене «четверку», этим знаком обозначается интегральное понятие «хорошо». Так обозначается *качество*, и его обозначения не обладают свойством *аддитивности*.

Верные (точнее, приемлемые) отношения между параметрами и индикаторами были нащупаны в течение много-

мы образования 2000 года. Автор трудов по истории педагогики, по общим проблемам построения содержания образования. В качестве исходной модели Пинский внедрил в школе № 1060, где он был директором, принципы вальдорфской педагогики. Вальдорфская педагогика основывается на выделенном из теософии религиозно-мистическом учении — *антропософии*.

летней практики. В 1970-е гг. и в СССР, и в США около десяти лет велись интенсивные дискуссии о методологии оценки в интеллектуальной сфере. В этих дискуссиях участвовали ученые высшего ранга. Долго обсуждались отношения между параметром, индикатором (показателем) и критерием. Многие задачи в этой сложной проблеме были разрешены. Этот драгоценный опыт учительского корпуса и научного сообщества был просто выброшен Министерством.

Мы говорим о параметрах, а ведь они нужны не сами по себе. Для использования количественной меры в каком-то суждении нужны показатели (индикаторы), характеризующие какую-то сторону явления. Любому явлению присуще множество параметров, разные его стороны можно измерять и так, и эдак. Какой же параметр может служить в качестве индикатора? Тот, который надежно связан с интересующей нас величиной, которую трудно измерить непосредственно (это латентная величина). И знание ученика, и его умение логически мыслить — величины латентные. С помощью вопросов и задач учитель исследует интеллектуальную сферу ученика. Это исследование дает достоверную информацию только при правильном выборе параметров и их умелом превращении в индикаторы.

Параметр становится показателем только в том случае, если мы имеем *теорию* или эмпирически найденное *правило*, которое связывает параметр с интересующей нас латентной величиной. Если связь неизвестна, никаким индикатором параметр не является.

В практических руководствах даже подчеркивается, что если исследователь выдает параметр за показатель, не сообщая явно, какую латентную величину он стремится охарактеризовать, и не излагая теорию (или хотя бы гипотезу), которая связывает параметр с латентной величиной, то он нарушает нормы логики. В этом случае рекомендуется не доверять выводам этого исследователя, хотя они случайно и могут оказаться правильными. Принимать такой параметр за показатель нельзя.

Этой проблемы для ЕГЭ не существует! Всякая связь между измерением и латентной величиной здесь утрачена, да о ней и не вспоминают. Общей нормой рассуждений о ЕГЭ ста-

ла подмена показателя параметром без изложения теории соотношения между ними и даже без определения той скрытой величины, которую хотят выразить при помощи параметра. Разработчики его «контрольно-измерительных материалов» вообще ничего не сообщали о выборе параметров и их превращении в индикаторы — как будто критерии имеют смысл без этих инструментов!

Игнорирование элитой обществоведов попыток серьезного диалога о главных проблемах и последствиях реформ было все 30 лет возмутительным, иного не скажешь. Это редко, но все же иногда вызывает организованный протест профессиональных *институтов*.

Примером может служить заявление Межрегионального профсоюза работников высшей школы **«Открытое письмо несуществующему сообществу преподавателей российской высшей школы»**: «17 ноября 2012 г. министр образования и науки Дмитрий Ливанов в интервью программе “Вести в субботу” на телеканале “Россия 1” сделал весьма оскорбительные для вузовских преподавателей страны заявления. Министр так объяснил причины невысокой средней заработной платы преподавателей ряда московских вузов, которая, по его словам, составляет 20—30 тыс. рублей: “Как это назвать? У меня есть несколько версий того, чем это может объясняться. Версия первая: это просто преподаватели невысокого уровня, готовые работать за эти деньги. Версия вторая: это преподаватели, которые подрабатывают в нескольких вузах, перебегая между ними. Версия третья: они просто перекладывают часть расходов по своему содержанию на студентов. И в том, и в другом, и в третьем случае такой вуз не может называться эффективно работающим...”¹.

Мы не считаем нужным обращаться ни к президенту, ни к премьер-министру, ни к Российскому союзу ректоров, поскольку они сами несут ответственность за состояние дел в высшей школе» [93]².

¹ См.: <http://top.rbc.ru/society/17/11/2012/825512.shtml>

² Речь в письме шла о принципиальных проблемах, но существенно и кстати сделанное замечание: «Констатируем вопиющую некомпетентность министра, который явно оторвался от действительности, поскольку оперирует цифрами зарплат, совершенно не отражающими реального положения

Стоит посмотреть список поставивших свои подписи 126 профессоров и преподавателей, а также имена их вузов! И — никакого ответа от ректоров, академиков, министров... И тем более — от профессионального сообщества. Вот в чем фундаментальная национальная проблема России: письмо написано *несуществующему сообществу преподавателей российской высшей школы!*

Но, пожалуй, самой важной демонстрацией было в 2012 г. заявление Ученого совета филологического факультета МГУ. Завершает этот документ исключительно тяжелый вывод: «Несколько лет подряд отдельные представители гуманитарного сообщества предупреждали о возможности катастрофы как в школьном образовании вообще, так и в его гуманитарном сегменте в частности. Ситуация изменилась качественно: катастрофа произошла и русская классическая литература более не выполняет роль культурного регулятора образовательного процесса».

К этому выводу и к предположению о причинах такого хода событий следовало бы отнестись внимательно, отставив в сторону конъюнктурные идеологические мотивы. В ответ — молчание или несколько раздраженных бессодержательных реплик.

Надо сказать, что это заявление «О реформе образования, ее итогах и перспективах» было подписано *всеми* членами Ученого совета. На Заявлении поставлено: «Принято единогласно на заседании Ученого совета филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 22 ноября 2012».

Это, пожалуй, первое такое событие во всей истории России — манифест, подписанный авторитетными представителями институционально оформленного научного сообщества лучшего университета страны! Такие указы и приговоры подписывали все до одного лишь участники общинных сельских сходов в революцию 1905—1907 г., а профессора если и писали петиции, то подписывали маленькими группами.

дел. В абсолютном большинстве вузов столицы средние зарплаты ассистентов, старших преподавателей и доцентов (имеющих степени кандидатов наук) не дотягивают даже до 18 тысяч рублей».

Онлайн-опрос, проведенный Агентством REGNUM с 7 по 10 декабря 2012 г. с вопросом «МГУ заявил о разгроме гуманитарного образования в России. Вы согласны?», показал, что 85,3% опрошенных согласны с заявлением МГУ о разгроме гуманитарного образования в России. Не согласны с заявлением МГУ были 8,6% участников опроса. Еще 6,2% не смогли определиться со своей позицией. Проголосовали 4645 человек [94].

Но организованных коллективных откликов в среде профессионалов было очень мало. Как коллективный отклик можно привести письмо коллектива исторического факультета Томского государственного факультета. В нем сказано: «Поддерживаем заявление Ученого совета филологического факультета МГУ “О реформе образования, ее итогах и перспективах”, выразившего серьезную озабоченность состоянием гуманитарного образования в России...

Принято на собрании трудового коллектива исторического факультета ТГУ 13 декабря 2012 г.» (стоит посмотреть письмо и подписи: [95]).

На сайте филологического факультета МГУ собрали и выложили адреса в Интернете откликов на заявление Ученого совета (более 70 информационных сообщений и статей) [96]. Большая часть их — сообщение о заявлении и его краткое содержание в региональной прессе. Много сообщений опубликовало (17) агентство REGNUM, следом сайт — православной электронной библиотеки «Pravmir.ru» (8), далее «Новая газета» и Росбалт (по 4). В большой мере моментом воспользовалась «либеральная оппозиция», которая поддерживала реформу школы, но в то же время обвиняла государство в разрушительных последствиях этой реформы.

Приведем несколько выдержек из интервью профессора кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ Д. Ивинского журналу «Эксперт». Он касается именно методологической основы реформы, которая расколола сообщество. В частности, говорит: «Это принятая программа развития образования, из которой следует, что правительство в полной мере удовлетворено сделанным, не собирается что-либо корректировать, менять, пересматри-

вать и так далее, а продолжает намеренно следовать избранным курсом, не обращая внимания на мнение значительной части общества. И здесь не только профессионалы, но и школьники и их родители...

Это чувство удовлетворенности сделанным на чем конкретно базируется? На каких аналитических разработках, на каких описаниях ситуации, на каком анализе ситуации, на каком видении будущего?.. Общество потребления — что это и с какой идеологией может быть связано, с какой системой ценностей и с какой картиной мира? Если вы заявляете некоторую программу, которая касается всех, заявите эти ценности напрямую. Но ведь этого не сделано».

Как было сказано выше, после ликвидации СССР предмет расхождений в сообществе обществоведов сдвинулся с конфликта между сторонниками сохранения советского строя и радикальными противниками — кризис сделал приоритетной задачей остановить процесс разрушения и деградации. Здравый смысл говорил, что это одинаково необходимо для восстановления приемлемого жизнеустройства в форме хоть социализма, хоть капитализма. Об этом почти буквально говорил и профессор истории русской литературы Д. Ивинский. И он был так поражен, что с трудом подбирал слова.

Он сказал: «Открытием оказался тот факт, что в Интернете сканируют учебники советского времени. Ну, давайте согласимся с тем, что... Давайте согласимся в том, что советская эпоха чудовищна, это средоточие зла, я так не думаю, но давайте согласимся, и вот вы пришли спасать нас от той страшной и ужасной системы образования, так почему же... Но ведь это же фантастика! Четверть века прошло. Так нет...» [97].

Мы взяли для иллюстрации некоторые ситуации реформы образования. Но положение в других программах реформ очень похоже.

Вступление в ВТО: рациональность обоснования

Вопрос вступления РФ в ВТО несколько лет разделял общества обществоведов на два лагеря. Число нейтральных или колеблющихся было невелико. Это значит, что основания для раскола имели фундаментальный характер. Отношение к

планам вступления в ВТО стало пробным камнем при размежевании общности. Определить, в какой пропорции она разделила общество и какова динамика изменения этой пропорции, весьма трудно.

Здесь мы не обсуждаем выгоды и потери от вступления России в ВТО, наш предмет — методологические установки той части обществоведов, которая убеждала общество и власть в том, что вступление в ВТО будет несомненным благом.

Противники вступления предсказывали столь тяжелые последствия этой акции для России, что эти предсказания были равноценны обвинению другой стороны в намерении совершить государственную измену. Отделаться классическим афоризмом “хотели как лучше, а получилось как всегда” не удастся. Само описание структуры этого конфликта достойно стать предметом исследовательского проекта.

Важной главой этого конфликта стал сравнительный анализ *дискурса* тех сообществ, которые заняли противоположные позиции, их *когнитивной основы*. Это уже история, но поучительная. На наш взгляд, когнитивная структура пропагандистов вступления в ВТО является *вырожденной* — настолько, что она не соответствует нормам рациональности. В понятийном аппарате, которым пользуются сторонники вступления в ВТО, изобилуют туманные, неопределимые термины (типа «интеграция в мировую экономику»). Часто они просто неприменимы к реальности России (говорится о необходимости продвижения отечественных товаров на мировой рынок, в то время как они явно вытесняются с внутреннего рынка и рынка СНГ). Строгие понятия нередко подменяются метафорами, обычно неадекватными. Количественная мера практически отсутствует (никогда не говорилось, сколько и каких товаров Россия может дополнительно «продвинуть на мировой рынок» и какова от этого будет выгода). Не формулируются постулаты, допущения и гипотезы. Нет связного массива фактов для аргументации, многие тезисы прямо противоречат эмпирическим данным.

Не названы *ограничения*, в рамках которых будет вынуждена действовать Россия при вступлении в ВТО, трудно найти перечень *индикаторов*, по которым реформаторы со-

бираются следить за ходом процесса, и тем более нет никаких указаний на то, каким образом эти индикаторы связаны с *латентными величинами*, которые они должны представлять. Наконец, скандальным являлся демонстративный уход от формулировки *критериев*, по которым реформаторы будут судить об успехе или провале всей программы. Вся конструкция настолько туманна, что в ней отсутствует даже самый простой вывод в виде ответа на примитивный вопрос: **зачем** РФ вступать в ВТО? Разве Китай перестанет покупать у России нефть, а Германия газ, если Россия уклонится от вступления в ВТО?

В целом интеллектуальная основа, на которой стоит утверждение о пользе вступления в ВТО, напоминает ту, что была построена для обоснования приватизации 1992—1994 гг. Но тогда ее манипулятивный характер не вызывал такого возмущения, потому что общество переживало «время гибели богов», так что приватизация была лишь элементом общей катастрофы. В 2011 г. мы проходили период относительной стабильности, все берется на учет и запоминается.

Напротив, противники вступления в ВТО использовали простые, однозначно трактуемые понятия, опирались на эмпирическую базу опыта мировой капиталистической системы «центр—периферия». Система периферийного капитализма изучена настолько, что знание о ней во многих аспектах достигло уровня теории, модели которой, в отличие от неolibеральных концепций, включают в себя важные черты реальности как центра, так и периферии.

Противники вступления в ВТО сформулировали небольшое число важнейших («ядерных») постулатов, а также создали защитный пояс тезисов второго эшелона. Их аргументы вполне определены, и логика прозрачна. Хотя по ряду вопросов разные авторы имеют отличные точки зрения, в целом логика отрицания была внутренне непротиворечива. Когнитивная структура этой позиции была целостной, достаточно полной и *способной к развитию*. По каждому важному тезису можно быстро найти массу эмпирических данных — просто взяв базу данных «Dissertation Abstracts», содержащую

рефераты диссертаций, защищенных в США и частично Западной Европе, и привлечь результаты исследований по конкретным вопросам.

По своим свойствам когнитивная структура противников вступления РФ в ВТО — это нормальная структура, отвечающая требованиям научной рациональности. Конечно, в оппозиционной прессе эта позиция излагалась эмоционально, но она без труда могла быть выражена в совершенно беспристрастных терминах, без всякой апелляции к моральным ценностям¹.

Сильнейшей стороной в тактике противников вступления в ВТО являлось проведение в ряде отраслей анализа («штабных игр»), в ходе которого были изучены, с реальными данными, последствия приложения норм ВТО к этим отраслям². Ни один добросовестный специалист, каким бы энтузиастом ВТО он ни был, не должен был игнорировать результатов этих исследований. Они были представлены на слушаниях в Госдуме и опубликованы в виде доклада Российского национального комитета Международной торговой палаты совместно с отраслевыми союзами и ассоциациями и Российской академией наук.

Вот, например, выдержка из выводов такого анализа, проведенного в промышленности гражданского авиастроения: «Российская авиационная промышленность, несмотря на глубокий кризис, сохраняет потенциал развития... Перспективы вывода из кризиса связаны с многоаспектной государственной поддержкой. Отечественный авиапром в силу принадлежности к оборонно-промышленному комплексу, высокой степени государственного участия и общего критического положения в отрасли не готов к функционированию

¹ Эмоциональный накал выступлений против вступления в ВТО был вызван тем, что в СМИ эта позиция была представлена в ничтожной пропорции, по сравнению с позицией «либералов». Кроме того, авторам трудно было мириться с тем, что их сообщения демонстративно игнорировались противной стороной.

² Анализ был выполнен для семи ведущих отраслей российской экономики, а именно черной металлургии, алюминиевой, авиа- и автомобильной промышленности, химической промышленности, сельского хозяйства, банковского дела и страхования.

в условиях ВТО... В целом вступление в ВТО чревато потерей для России национальной авиапромышленности, причем не только ее гражданской части, но, в значительной степени, и военной» [98].

Как можно не замечать таких выводов и делать вид, что «отечественные товаропроизводители» поддерживают идею вступления в ВТО! Можно было бы вести со сторонниками вступления в ВТО разумный диалог, если бы они сказали: «Да, нам не нужна авиастроительная промышленность». Об этом можно спорить. Или бы они сказали: «При вступлении в ВТО отечественная авиастроительная промышленность не пострадает». Об этом тоже можно спорить. Но они просто молчали!

Парадоксально, но позиция противников вступления России в ВТО согласуется с представлениями *западных* ученых — тех, кто как раз и проектировал ВТО. Напротив, энтузиасты ВТО ссылались на *идеологические* заявления западных политиков и замалчивали суждения ученых. В 1995 г., после Уругвайского раунда, видные проектировщики ВТО дали подробное толкование, каждый в своей области, тех выгод и потерь, которые понесут страны с разной структурой экономики от вступления в ВТО. Из этих докладов почти с очевидностью следовало, что кому-кому, а России пока не следовало вступать в ВТО. Выгоды от этого она может получить только как страна периферийного капитализма, которая добровольно откажется от обладания собственным научно-техническим потенциалом и от производства наукоемкой продукции. Но разве в российском сообществе обществоведов этот вопрос обсуждался?

Позже это объяснение повторили эксперты в докладах Давосского форума, тоже очень толково. Те вообще не оставляли России места в международном разделении труда по схеме ВТО, кроме как места поставщика сырья. Издержки промышленного производства в Азии ниже, НИОКР полностью забирают себе США и Западная Европа. В туманных высказываниях сторонников вступления в ВТО, которые были завсегдатями Давоса, ни разу не приходилось видеть хоть какого-то комментария по поводу этих расчетов западных экспертов.

Надо сказать, что сам тип коммуникации с оппонентами, который приняли сторонники вступления в ВТО, выводил их доктрину за рамки рационального дискурса. Они принципиально не реагировали ни на какие тезисы и аргументы оппонентов — не соглашались с ними, но и не оспаривали. Просто не упоминали.

Более того, была произведена *подмена предмета* спора. Агитаторы за вступление в ВТО делали упор на торговых аспектах экономики. Это заблуждение. Сторонники вступления в ВТО говорят исключительно о балансе выгод и потерь для России в торговой сфере, а центр тяжести проблемы не в этом! ВТО — один из главных инструментов *глобализации*. Участие в ВТО снизит или полностью устраним барьеры, защищающие хозяйство России от мирового рынка — в момент, когда наше хозяйство больно, а большинство производств неконкурентоспособны.

При обсуждении потерь и выгод для России от вступления в ВТО должно было быть рассмотрено и оценено *системное* воздействие на хозяйство страны, а влияние на торговлю является всего лишь одним и далеко не главным элементом этого воздействия. И самое серьезное влияние на экономику России окажет выполнение т.н. «системных» условий вступления в ВТО. Они тщательно замалчивались. В результате «системные условия» не изучались даже в тех отраслях экономики, которые пострадают больше всего. Например, свободный доступ иностранных фирм на рынки России и уравнивание их в правах с отечественными может нанести несравненно более тяжелый удар по экономике, чем снижение пошлин.

Условием ВТО является уравнивание внутренних и мировых цен на топливо и электроэнергию, а также транспортных тарифов. Ликвидация таможенных пошлин и квот на вывоз сырья повлечет за собой рост цен на энергоносители, что может парализовать не только возрождение промышленности, но и систему жизнеобеспечения населения (например, теплоснабжение). Издержки производства возросли бы уже потому, что только на отопление жилищ и помещений в России расходуется в среднем 4 тонны условного топлива на семью, а другие страны этих расходов не несут. При наших расстоя-

ниях повышение транспортных тарифов до мирового уровня тоже повредило бы производственную ткань страны.

Нормой ВТО, которая не подвергается обсуждению, является отказ государства от избирательной поддержки отдельных отраслей или предприятий посредством субсидий, дотаций, льготных цен, налогов и т.д. Такая поддержка государства позволяет отечественному производителю выдерживать конкуренцию более сильного зарубежного производителя, а условие ВТО тормозит развитие передовых отраслей производства. А значит, она утратила бы всякие шансы на выход из кризиса и восстановление народного хозяйства.

Любая страна, претендующая на статус независимой, вынуждена сохранять ядро современной производственной системы, даже если в коммерческом отношении ее ключевые отрасли неэффективны или даже убыточны. В этосе промышленников США есть такая аксиома: «Главные вещи делайте сами». Необходимость для страны и государства поддержки некоторых отраслей и предприятий вызвана не *экономическими* соображениями, а главными национальными интересами. Независимость страны есть категория более фундаментальная, нежели выгода отдельного производства. Подвергать ослабленное кризисом хозяйство удару конкуренции недопустимо.

Можем мы так отделить оборонное производство, которое государство имеет право поддерживать, от гражданского производства, поддерживать которое нормы ВТО запрещают? Нет, не можем — так уж исторически сложилось. Вот что писал авторитетный эксперт, бывший заместитель председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам В.В. Шлыков о том, почему ЦРУ не могло, даже затратив миллиарды долларов, установить реальную величину советского ВПК: «За пределами внимания американского аналитического сообщества и гигантского арсенала технических средств разведки осталась огромная “мертвая зона”, не увидев и не изучив которую, невозможно разобраться в особенностях функционирования советской экономики на различных этапах развития СССР. В этой “мертвой зоне” оказалась уни-

кальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная Сталиным в конце 20-х — начале 30-х годов, оказалась настолько живучей, что её влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая “невидимая рука рынка” Адама Смита.

Чтобы понять эту систему, следует вспомнить, что рожденный в результате Первой мировой и Гражданской войн Советский Союз был готов с первых дней своего существования платить любую цену за свою военную безопасность... Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развертывания Красной армии...

Советское руководство сделало ставку на оснащение Красной армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных (дуальных) технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции. Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ... Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала...

Сама система централизованного планирования и партийного контроля сверху донизу идеально соответствовала интеграции гражданской и военной промышленности и была прекрасной школой для руководства экономикой в условиях мобилизации. Повышению эффективности мобилизационной

подготовки способствовали и регулярные учения по переводу экономики на военное положение... Именно созданная в 30-х годах система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны...

После Второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. Многие военные предприятия вернулись к выпуску гражданской продукции, однако экономика в целом по-прежнему оставалась нацеленной на подготовку к войне...

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности» [99].

Все это было известно производственникам. На слушаниях в Госдуме они говорили, что в любом изделии отечественного машиностроения эксперты ВТО обнаружат скрытую субсидию — или использован материал, разработанный по заказу государства для ВПК, или оборудование, закупленное для оборонного производства, но в «свободное время» используемое для гражданских целей. Обнаружение таких субсидий наказывается, согласно нормам ВТО, крупным штрафом независимо от их величины (которую к тому же невозможно вычислить, как показал опыт ЦРУ).

Кстати, США не подчиняются нормам ВТО, они оговорили для себя особый режим — главенство национального законодательства над нормами ВТО¹. Наоборот, в Конституции РФ установлено главенство международных договоров над законами России.

Нормы ВТО означают прямое воздействие на *научно-техническую деятельность* в России. Дело не только в запрете государству поддерживать ту или иную наукоемкую отрасль (например, авиастроение) с помощью субсидий, но и в

¹ Представитель президента Клинтона заявил, что постановление ВТО, принятое против США из-за нарушения правил свободной торговли, не имеет значения и не причиняет беспокойства, так как «что-либо, что говорит или делает ВТО, не может заставить США изменить свои законы» [158, с. 117].

обязательствах страны-члена ВТО привести свое патентное законодательство в соответствие с соглашением ВТО об интеллектуальной собственности (ТРИПС). Оно позволяет принудительное лицензирование патента, если его держатель в течение трех—пяти лет не начал промышленного производства и экспорта продукта или если он производит его с завышенной, по сравнению с конкурентами, себестоимостью. Нынешние возможности быстрого внедрения результатов нашей отечественной науки сократились, и западные конкуренты смогут выпускать на рынок запатентованные в России продукты раньше наших товаропроизводителей. В этих условиях продолжится свертывание отечественных исследований и разработок.

Говоря попросту, выполнение норм ВТО в условиях кризисов невозможно. Важная сторона глобализации заключается в ослаблении национальных государств большинства стран, подчиняет суверенитет интересам *инвесторов*. В 1997 г. большая передовая статья в «Нью-Йорк таймс» имела заголовок: «США экспортируют свои рыночные ценности с помощью глобальных торговых соглашений». Речь шла о соглашении ВТО по телекоммуникациям. Как сказано в статье, это соглашение дает США «новый инструмент международной политики» — участники соглашения обязаны предоставить иностранным инвесторам права делать без ограничений капиталовложения в этой сфере [100, с. 105].

Вступление в ВТО — препятствие ***интеграции стран СНГ и укрепления Евразийского союза***, т.к. не допускаются привилегированные отношения в области тарифов, пошлин и цен, особенно на сырье и энергоносители.

Хотя мы не оцениваем баланс выгод и потерь от ВТО, отметим, что через три года пребывания в ВТО директор Департамента содействия инвестициям и инновациям Торгово-промышленной палаты России А. Вялкин сообщил, что заметно усилилось расслоение экономики России на высокодоходные и малорентабельные сектора, не оправдываются надежды на увеличение доступа на международные рынки. Он сказал: «Фактически перекрыт доступ к передовым технологиям, катастрофически упали объемы прямых иностранных инвести-

ций, чрезвычайно затруднен доступ к дешевым финансовым ресурсам — а ведь это были главные цели нашего вступления в ВТО. Да и для простого российского потребителя членство в ВТО малозаметно: ожидаемого снижения розничных цен на импортные товары так и не произошло... Парадокс в том, что применяемые сегодня в отношении России ограничительные меры находятся в прямом противоречии с принципами ВТО, что позволяет говорить о том, что возможности членства в этой организации в ближайшей перспективе вряд ли обеспечат нам ожидаемые экономические преференции» [101].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЪЯНЫ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Ценностный нигилизм

Это изъян мировоззренческой матрицы, который при рассуждениях и объяснениях становится методологическим дефектом. Йохан Хейзинга говорил, что свобода государства от морали — величайшая опасность, угрожающая западной цивилизации, это «открытая рана на теле нашей культуры, через которую входит разрушение». Эта свобода была легитимирована для власти в период Возрождения нарождавшейся интеллигенцией. В Новое время эту функцию взяли на себя обществоведы и очень немногие ученые в естествознании.

Точнее, эта опасность возникла в ходе Реформации, которая изменила и картину мира (разрушение Космоса и десакрализация мира), и представления об этике и эффективности. Есть выражение: протестантизм «позволил власти эмансипироваться». Имеется в виду, что раньше церковь ограничивала свободу политической практики запретами христианской религии.

Лютер в полемике с католичеством сказал: «Светская власть может лишь ведать дела, постигаемые разумом, ... посему люди от мира сего и могут быть в мирских делах гораздо искуснее, нежели люди духа. Язычники, например, оказались гораздо искуснее христиан, мирские дела они начали и окончили более счастливо и в более широких размерах, нежели божьи святые, как указывает и Христос (Луки 16.8): "Сыны века сего догадливей, в своем роде, сынов света". Они лучше умели управлять мирскими делами, нежели ап. Павел и другие святые; вот почему римляне имели такие превосходные законы и право» (см. [102], с. 156).

Исторический опыт подтвердил вывод Аристотеля: справедливость — ценность *высшего* уровня. Она, по словам Ролса, так же важна в социальном порядке, как истина в науке или красота в эстетике: «Изящная и экономически выгодная

теория должна быть отвергнута или пересмотрена, если она не соответствует истине; точно так же законы и учреждения, независимо от того, насколько они эффективны и хорошо организованы, должны быть изменены или отменены, если они несправедливы».

Невозможность «уловить» ценности научным методом — едва ли не важнейший вывод философии науки. Но поскольку наука завоевала очень высокий авторитет, все политические силы активно привлекают ученых для поддержки именно *ценностных* суждений. Перестройка в СССР дала для этого красноречивые свидетельства — тогда узурпация авторитета науки идеологами породила острый конфликт в среде интеллигенции, вплоть до распада профессиональных сообществ.

Проблемы политики не являются *ценностно нейтральными* и не укладываются в формализуемые модели, предлагаемые теориями. Подход к политическим проблемам без оглядки на нравственные ценности может иметь катастрофические последствия. Обществоведение не должно быть «слишком научным».

А. Бовин, бывший помощником и Брежнева, и Горбачева, в книге-манифесте «Иного не дано» (1988) высказал важную мысль: «Бесспорны некоторые методологические характеристики нового политического мышления, которые с очевидностью выявляют его тождественность с научным мышлением».

Но для мышления государственного деятеля «*тождественность* с научным мышлением» звучит как страшное обвинение. Научное мышление ориентировано на *истину*, оно автономно по отношению к этическим ценностям, а мышление политика должно быть неразрывно связано с проблемой выбора между добром и злом. Он исходит из знания о *человеческих* проблемах. К ним, как говорилось выше, нельзя подходить, отбросив этические ценности. Без них нельзя получить и достоверное знание о предмете.

В своем подслеповатом рационализме современные либералы нашей реформы сильно откатились от уровня диалектики либералов России начала XX в. Нынешний рационализм «репрессирует» почти все другие виды сознания, деформируя систему интеллектуального и духовного освоения реаль-

ности. Методолог науки П. Фейерабенд пишет: «Либеральные интеллектуалы являются также “рационалистами”, рассматривая рационализм (который для них совпадает с наукой) не как некоторую концепцию среди множества других, а как базис общества... Свобода обеспечена лишь тем, кто принял сторону рационалистской (т.е. научной) идеологии» [103].

Дж. Грей писал, что политические доводы зависят от обстоятельств, они не могут быть доказанными, как теорема: «Политические рассуждения являются формой практического умозаключения, и ни один шаг в них логически не следует из другого; намеки на это можно найти еще у Аристотеля. Политическое мышление обращается к концепции политической жизни как к сфере практических рассуждений, чья цель (*telos*) — это образ жизни (*modus vivendi*), а также к освященной авторитетом Гоббса концепции политики, понимаемой как сфера стремления к гражданскому миру, а не к истине» [104, с. 150].

В. Гейзенберг подчеркивает важную мысль: нигилизм может привести не только к рассыпанию общества, ценностный хаос преобразуется «странными» аттракторами в патологический порядок. Он писал: «Характерной чертой любого нигилистического направления является отсутствие твердой общей основы, которая направляла бы деятельность личности. В жизни отдельного человека это проявляется в том, что человек теряет инстинктивное чувство правильного и ложного, иллюзорного и реального. В жизни народов это приводит к странным явлениям, когда огромные силы, собранные для достижения определенной цели, неожиданно изменяют свое направление и в своем разрушительном действии приводят к результатам, совершенно противоположным поставленной цели. При этом люди бывают настолько ослеплены ненавистью, что они с цинизмом наблюдают за всем этим, равнодушно пожимая плечами» [105, с. 31].

Разрушительно этический нигилизм проявился в массивной **лжи**. Перестройка велась под лозунгом «Больше социализма! Больше социальной справедливости!». А в 2003 г. академик РАН А.Н. Яковлев признался: «Для пользы дела пришлось и отступать, и лукавить. Я сам грешен — лукавил не

раз. Говорил про “обновление социализма”, а сам знал, к чему дело идет... Есть документальное свидетельство — моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 г., т.е. в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать» [106].

А.Н. Яковлев открыто сказал, что идеологам перестройки приходилось «лгать и лицемерить». Он пишет в своих мемуарах: «Обстановка диктовала лукавство. Приходилось о чем-то умалчивать, изворачиваться, но добиваться при этом целей, которые в “чистой” борьбе, скорее всего, закончились бы тюрьмой, лагерем, смертью, вечной славой или вечным проклятием. Конечно, нравственный конфликт здесь очевиден, но, увы, так было. Надо же кому-то и в огне побывать, и дерьмом умыться. Без этого в России реформы не проходят. ... Скажи, например, тогда на высшем политическом уровне о губительной милитаристской направленности индустриализации, об уродливой коллективизации, о разрушительной идеологии, о террористическом характере государства и партии. И что бы из этого получилось? Ничего путного, кроме очередного спектакля по “разоблачению” авторов подобных высказываний» [46, с. 35, 571].

Ну, обманули население — но как не стыдно обществоведам из этой партии до сих пор убеждать школьников и студентов, что в начале 1990-х гг. произошла «народная демократическая революция»!

Ложь, или неспособность признать и исправить свои ошибки, стала элементом дискурса элиты обществоведов перестройки и реформы. На передаче «Времена» В. Познера 25 января 2004 г. выступил А.Н. Яковлев, представленный как «действительный член РАН по Отделению экономики». Я сидел за столом напротив него. Он сказал по бумажке: «Фактически Ленин приостановил движение России. Если мы вспомним, историки это знают, при Столыпине Россия в два раза увеличила производство, урожай собирала Россия, равный совокупному урожаю Канады, США и Аргентины».

Идейная позиция А.Н. Яковлева — его личное дело. Однако, выступая как академик-экономист и представитель РАН, он не имел права прибегать к заведомой фальсификации. Экономические результаты реформы Столыпина изучены досконально. Если ученый решился оспорить эти результаты, он должен сначала сообщить прежние данные, принятые как научный факт, а потом изложить доводы в пользу своего открытия. Это — элементарная минимальная схема его заявления.

Научный факт, принятый российской статистикой и экономистами, таков. За 1906—1910 гг., по сравнению с 1901—1905 гг., посевные площади во всей России возросли всего на 4,8%. За это время производство ржи уменьшилось на 9,9%, пшеницы выросло на 0,1%, овса — на 2,1% и лишь ячменя выросло на 19,6%. В 1911 г. были неурожай и голод. Самый высокий урожай зерновых до революции был собран в 1913 г.: урожай пшеницы в 1913 г. был **в два раза** выше, чем в 1911 г., и на 38,5% выше, чем средний урожай за 1906—1911 гг.

В этом самом урожайном году было собрано зерна (в сумме по главным культурам: пшенице, ржи, ячменю, овсу и кукурузе): в России — 5,3 млрд пудов; в США — 6,4 млрд пудов; совокупный урожай США, Канады и Аргентины — 7,9 млрд пудов. Российская империя уступала даже одним США. А на душу населения в России в 1913 г. было собрано 30,3 пуда зерна, в США — 64,3 пуда, в Аргентине — 87,4 пуда, в Канаде — 121 пуд. На что рассчитывал академик?

По совокупности утверждений А.Н. Яковлева на той передаче пришлось обращаться с открытым письмом к президенту Российской академии наук [107]. На это письмо ответили. Президент РАН Ю.С. Осипов объяснил, что руководство не должно вмешиваться в научные споры, а если речь идет о прямом обмане, то нет «предмета для научного обсуждения». Из Отделения историко-филологических наук ответил член-корреспондент РАН В.А. Тишков: «Мы ценим деятельность академика А.Н. Яковлева как ученого... Но Ваш с ним спор — спор убеждений (заслуживает ли советский режим нравственного осуждения или нет?). Он находится вне науки, ибо речь идет о столкновении нравственных установок».

В действительности не было никаких споров — ни научных, ни относительно убеждений, ни нравственных установок. Речь в письме шла о другом — о системе норм и процедур в общественной науке, организованной в Российской академии наук. Из ответов руководства РАН видно, что система норм и процедур в этом сообществе ликвидирована и санкции за фальсификацию отменены. Это важное признание.

Каков главный смысл, который вкладывается в понятие *ценностный нигилизм*? Очевидно, что любой человек следует какой-то системе ценностей и что любая общность людей собрана на какой-то ценностной платформе. Даже метафора «изверги рода человеческого» в действительности представляет маргинальную общность людей, противопоставляющую себе все остальные общности, — она имеет свою, изуверскую шкалу ценностей. Думаю, что и Хейзинга, и Хайдеггер, и Ролс понимают *ценностный нигилизм* в сфере человеческих отношений как пренебрежение ценностями «иных» общностей — социальных, культурных, этнических¹.

В 1990-е гг. мы пережили со стороны элиты обществоведения всплеск *этического нигилизма* прежде всего в социальной и культурной сферах. Так, депутат и позже академик Н.П. Шмелев писал: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно, и, наоборот, что эффективно — то нравственно» [108].

В этом суждении приоритет отдается ценности *экономической* эффективности с пренебрежением ценности *социальной* эффективности (социальной справедливости). У Н.П. Шмелева принятое в представлениях большинства соподчинение фундаментальных категорий — *эффективности* и *нравственности* — вывернуто наизнанку. Даже философы капитализма XVIII в. предупреждали: «Совесь — выше выгоды!» Или *то, что безнравственно, неэффективно*. Потому-то они и смогли довольно быстро усмирить «дикий капитализм». А у нас дискриминация этики справедливости привела к глубокому кризису.

¹ Ограничиваемся сферой человеческих отношений потому, что трактовки нигилизма охватывают диапазоны разного масштаба. Некоторые включают трансцендентные, эзотерические, экологические и другие ценности.

Именно этот этический нигилизм стал принципиальным дефектом той когнитивной структуры, на основе которой вырабатывалась доктрина реформ. Игнорирование реальной «карты» этических ценностей общества в целеполагании больших реформ выхолащивает их смысл, лишает легитимности. Постановка цели реформы всегда предваряется манифестами, выражающими этическое кредо ее интеллектуальных авторов. Они обязаны сказать людям, «что есть добро», «что есть зло» и «как примирить ценностные расхождения».

Западный капитализм и буржуазное общество могли быть построены потому, что им предшествовало построение новой нравственной матрицы — *протестантской этики*. Она предложила людям новый способ *служения Богу*, инструментом которого, в частности, была нажива. Именно в частности, как один из инструментов, а не как идеальная цель. Новое представление о добре и связанный с ним новый тип знания, порожденные Реформацией, легитимировали новое жизнеустройство, оправдали страдания.

Ничего похожего не породило обществоведение эпохи Горбачева—Ельцина. За первые десять лет перестройки и реформы обществоведение реформаторов много сделало, чтобы вообще устранить из мировоззренческой матрицы власти сами понятия греха и нравственности, заменив их критерием экономической эффективности. В социальной политике Н.П. Шмелев предлагал делать ставку на обман. Он призывал к приватизации — но с «какой-то действенной социальной анестезией при проведении столь болезненной хирургической операции», рекомендовал «приглушить какими-то компенсационными мерами понятную зависть все более и более нищающей толпы к удачливым предпринимателям». Этическая компонента исключалась им также из установок работника: «Рубль должен быть поставлен в центр всего. Он и только он должен быть наградой за усердный труд». Концепции неолиберализма принимались за теории или даже за научную истину.

М. Вебер выступал против фетишизации теории, которая, будучи высшим продуктом рационального мышления, превращалась в инструмент иррациональности, если приобретает ранг фетиша. Он подчеркивал, что логическая упорядочен-

ность теории может привнести «утопический» элемент в познание, поскольку историческая действительность в каждой «точке» и в каждый «момент» выступает как нечто уникальное и неповторимое. А следовательно, не подчиняющееся никакому «объективному закону».

Теория необходима как инструмент — как микроскоп или телескоп — для выявления тенденций в развитии общественного процесса. Но вера в то, что теория полностью адекватна самой действительности, означает поражение рациональности.

В нашем случае в постсоветском обществоведении произошла фетишизация теории неолиберализма, и доктрина преобразования советского хозяйства в рыночную экономику превратилась в разрушительную утопию — руки на ней нагрела часть номенклатуры и «джентльменов удачи».

Значительную часть элиты обществоведов поразило необычное состояние — утрата чувства сострадания к простому человеку. Надо подчеркнуть, что во время перестройки возникло явление, немыслимое в современном и тем более демократическом обществе, — *пропаганда безработицы* ведущими обществоведами страны. Право на рабочее место («от каждого — по способности») было одним из главных устоев советской социальной системы.

Одним из первых кампанию за безработицу начал Н.П. Шмелев. Он писал в 1987 г.: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракодельством мы во многом обязаны чрезмерно полной (!) занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» [109].

Т.И. Заславская писала в важной статье: «По оценкам специалистов, доля избыточных (т.е. фактически не нужных) работников составляет около 15%, освобождение же от них по-

зволяет поднять производительность труда на 20—25%. Из сопоставления этих цифр видно, что лишняя рабочая сила не только не приносит хозяйству пользы, но и наносит ему прямой вред... По оценкам экспертов, общая численность работников, которым предстоит увольнение с занимаемых ныне мест, составит 15—16 млн человек, т.е. громадную армию... Негативные последствия существования резервной армии труда могут быть компенсированы соответствующими социальными гарантиями, как это делается в развитых капиталистических странах...

Система, при которой люди, увольняемые со своих предприятий, испытывали бы некоторые трудности с нахождением новой работы, должны были... менять профессии, переходить на более низкие должности или худшие рабочие места, была бы в этом плане более эффективной. Она ставила бы работников в более жесткие экономические и социальные условия, требовала от них более качественного труда. Лично мне ближе последняя точка зрения, но общественное сознание не подготовлено к ее восприятию. По данным опроса, 58% людей считают, что безработица в СССР недопустима., мнение о том, что безработица необходима для более эффективного хозяйствования, поддерживают всего 13%» [110].

Так безработицу сделали реальностью, и приложили много усилий, чтобы легитимировать эту социальную болезнь. В журнале Академии наук СССР «Социологические исследования» печатались статьи с заголовками такого рода: «Оптимальный уровень безработицы в СССР». Оптимальный! Наилучший! Что же считает «оптимальным» для нашего народа социолог из Академии наук? Вот его идеал: «Оптимальными следует признать 13%... При 13% можно наименее болезненно войти в следующий период, который, в свою очередь, должен открыть дорогу к подъему и процветанию» [111]. Процветание, по его мнению, должно было наступить в 1993 г.

Само по себе появление подобных рассуждений на страницах академического журнала — свидетельство деградации нашего обществоведения. В общественных науках социолог — аналог врача в науке медицинской. Безработица — социальное бедствие, ибо приносит страдания людям. Можно ли представить себе врача, который в стране, где полно-

стью ликвидирован, скажем, туберкулез, предлагал бы рас-сеять палочки Коха и довести заболеваемость туберкулезом до оптимального уровня в 20 млн человек? В США, например, рост безработицы на один процент ведет к увеличению числа убийств на 5,7%, самоубийств — на 4,1%, заключенных — на 4%, пациентов психиатрических больниц — на 3,5% (эти дан-ные автор сам бесстрастно приводит в своей статье).

Н.П. Шмелев доводит апологию безработицы до абсур-да. Он пишет в 1995 г., что в России якобы имеется огромный избыток занятых в промышленности работников: «Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излиш-ней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, го-родов и районов все занятые — излишни абсолютно» [112]. Здесь утрата рациональной меры довела нарушение логики до гротеска. Что значит «в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно»? Как это понимать? Что значит «в этой отрасли *все занятые — излишни абсолютно*»?

Но какова была аргументация Т.И. Заславской, начавшей эту кампанию! «Освобождение» от 15% ненужных работников, «по расчетам специалистов», поднимает (предположительно!) производительность труда на 20%. Нетрудно видеть, что при этом объем произведенной продукции возрастает на 2%! И ради этого социолог предлагает превратить 15—16 млн че-ловек в безработных! Академик, насытив свой текст бессмыс-ленными числами, даже не удосужилась посчитать результат.

В ходе реформы Т.И. Заславская признала «снижение со-циальных запросов населения вследствие постепенного свы-кания с бедностью и утраты надежд на восстановление преж-него уровня жизни». Казалось бы, невозможно было уйти от этических проблем такого изменения. Однако, выступая по поводу реформы, обществоведы не касались ее «человече-ского измерения».

Изредка кто-то из них в 90-е гг. критиковал правительст-во, хотя и не ставя при этом принципиальных методологиче-ских вопросов. Так, академик Г.А. Арбатов в 1992 г. отмеже-вался от младореформаторов Е.Т. Гайдара: «Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетни-

чают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаясь поправиться МВФ» [113].

Впрочем, профессор Е. Майминас объяснил, что эти упреки вызваны вовсе не состраданием к своему народу и не угрызениями совести, а исключительно прагматическими соображениями — как бы не раздражить зверя. Он пишет: «Почему эти серьезные люди — отнюдь не экстремисты — бросают в лицо правительству тяжелейшие обвинения в жестокости, экспроприации трудящихся, некомпетентности или сознательном развале экономики..? Первая причина — в небезосновательных опасениях, что предстоящая либерализация практически всех цен, особенно на топливо и хлеб, даст новый импульс общему резкому их росту, дальнейшему падению жизненного уровня и вызовет мощный социальный взрыв, который может открыть путь тоталитаризму» [114].

Дескать, вот если бы стояли у нас оккупационные войска, которые защитили бы «демократов» от красно-коричневых, тогда можно было бы бесстрашно обрекать людей на голодную смерть.

Академик О.Т. Богомолов после десяти лет реформ поднял этот вопрос на уровне методологии: «Как это не печально констатировать, но реформы в России сопровождались опасным расстройством не только экономики, но и всей системы общественных отношений. Что при этом было первичным, а что вторичным? Думаю, что ответ на этот вопрос требует теоретического взгляда на проблему взаимодействия экономики и общественной среды... Как бы совершенны не были законы и государственные институты, устанавливающие рыночные правила и следящие за их соблюдением, нужны еще и нравственные устои и принципы, которых придерживаются участники рынка... Порождаемая рынком жажда наживы, жестокая конкурентная борьба способны привести к дикости, бесчеловечности, если не ввести рыночные отношения в строгие рамки права и моральных требований» [115, с. 22].

Отношение к большинству общества как *низшим* ("совкам") неминуемо вело и к отходу от норм научной рациональности.

Особенно это тяжело наблюдать в научной среде. Надевая на себя тогу ученого, человек обязуется на время осво-

бодиться от давления иных интересов и целей, кроме поиска достоверной информации (истины). Эта норма была отброшена: человек, ведущий пропаганду безработицы, подчеркивал свою ученость. Вот мелкий, но красноречивый пример. Преподаватель философского факультета МГУ Д.А. Левчик (ныне политтехнолог, доктор исторических наук) дает в журнале «СОЦИС» рекомендации власти, как *испоганить* митинги левой оппозиции. Он это называет «контрмеры с целью ослабления эффекта митинга». Вот что предлагает историк:

«... — Доказать обществу, что место проведения митинга не “святое” или принизить его “священный” статус, например, перезахоронить тело Ленина, тем самым понизить статус Красной площади в глазах ленинцев;

— доказать, что дата проведения митинга — не мемориальная, например, развернуть в средствах массовой информации пропаганду теорий о том, что большевистская революция произошла либо раньше 7 ноября, либо позже;

— наконец, можно просто нарушить иерархию митинга или демонстрации, определив маршрут шествия таким образом, чтобы его возглавили не “главные соратники героя”, а “профаны”. Например, создать ситуацию, когда митинг памяти жертв обороны Дома Советов возглавит Союз акционеров МММ.

Другими словами, профанация процедуры и дегероизация места и времени митинга вместо митинговой эйфории создает смехотворную ситуацию, в условиях которой возможна вовсе не мобилизация участников митинга, а их дезорганизация. Катализатором профанации митинга может стать какая-нибудь “шутовская” партия типа “любителей пива”. Например, в 1991 г. так называемое Общество дураков (г. Самара) профанировало Первомайский митинг ветеранов КПСС, возложив к памятнику Ленина венок с надписью: “В.И. Ленину от дураков”. Произошло столкновение “дураков” с ветеранами компартии. Митинг был сорван, а точнее превращен в хэппенинг» [116].

К кому он обращался через журнал «СОЦИС»? Не к власти, а к сообществу социологов — и это никого не удивило. Ведь это недостойно и противно — неужели этого не видели на философском факультете МГУ и в редакции журнала «Социологические исследования»?

Разумеется, в сообществе были редкие протесты против отношения своих коллег к большинству населения — нельзя не видеть, что это заводит в тупик все сообщество и непрерывно углубляет раскол. Приведем выдержку из статьи Е.Н. Даниловой (Институт социологии РАН):

«“Выигравшие и проигравшие” — идеологическая конструкция, которая влияет на идентичность и поведение людей, задает представления об успехе. Немалую роль в [ее] воспроизводстве сыграли экспертное сообщество, обществоведы, прежде всего экономисты и социологи. В проводимых реформах нельзя не заметить доминирующей идеологической подоплеки при видимом политическом плюрализме идеологий...

В публичном пространстве возникли интерпретации “выигравших”; им, выигравшим, начали приписываться “прогрессивные” черты. Напротив, считается, что “прогрессивные” черты не могут преобладать среди тех, кто оказался непригодным, необразованным, “несовременным”, не в состоянии адаптироваться. “Лузеры” сконструированы как *Другие*. Проигравшие виноваты сами...

В российской литературе представления о “хорошем собственнике” соседствуют с описанием “недостаточно эффективного простого советского человека”. Можно задать вопрос, почему проигравшие — бедные, а также учителя, военные, крестьяне, рабочие, — помечены и сконструированы как *Другие*. Создание “нижних категорий” людей — интеллектуальный процесс, который разделяет такую логику и способ мышления, узаконивает политическую практику и политику. С одной стороны, интеллектуалы делают это, чтобы отмежеваться от них, тем самым “примкнуть” к стану победителей, с другой — чтобы указать на необходимость их перевоспитания...

Буховский пишет, что в маневрах интеллектуалов, обращенных к экономическому либерализму, и сторонников теории модернизации есть несколько типичных характеристик, которые ведут к такому дискурсу, при котором в категорию лузеров могут попасть народы и территории. В России в той же логике представляется человеческий материал, доставшийся в наследство от советской эпохи...

Сети выигравших и сети “носителей знаний” оказываются взаимосвязанными. Каждая властная группа связана со своей

сетью легитимирующих ее положение “носителей знаний”... Просматриваются последствия дискурса, который превращает целые слои населения в неспособных “лузеров”, стигматизируя и маргинализируя их...

Дискурс выигравших и проигравших ведет к размежеванию и закреплению противоборствующих ценностей в массовом сознании» [117].

Но за 25 лет этот ценностный раскол укоренился — влиятельная часть обществоведческой элиты перешла к изощренному и прямому оскорблению большинства населения. Основанием стало выделение класса интеллектуалов, которых противопоставили «совкам» (люмпенам и пр.). Вот программная статья В. Иноземцева «On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века» (2007). Он пишет: «Государству следует обеспечить все условия для ускорения “революции интеллектуалов” и в случае возникновения конфликтных ситуаций, порождаемых социальными движениями “низов”, быть готовым не столько к уступкам, сколько к жесткому следованию избранным курсом» [118, с. 71].

Вот что пишет в 2010 г. Лев Любимов, заместитель научного руководителя Высшей школы экономики — «мозгового центра», главного разработчика программ реформирования важнейших экономических и социальных систем РФ: «У нас все сильно не в порядке с сельской местностью... Эти местности — а их число несметно в Центральной России — дают в российский ВВП ноль, но потребляют из него немало. А главное — они отравляют жизнь десяткам миллионов добропорядочных россиян. Вдобавок эти местности — один из сильнейших источников социального загрязнения нашего общества.

Создавать в таких местностях рабочие места накладно и бесполезно — эти самобезработные, как уже говорилось, работать не будут “принципиально”. А принудительный труд осужден на уровне и международного, и национального права. Что же делать? Или мы вновь в культурной ловушке, из которой выхода нет?

Одно делать нужно немедленно — изымать детей из семей этих “безработных” и растить их в интернатах (которые, конечно, нужно построить), чтобы сформировать у них навыки цивилизованной жизни, дать общее образование и втолк-

нуть в какой-то уровень профессионального образования. То есть их надо из этой среды извлекать. А в саму среду всеми силами заманивать, внедрять нормальные семьи (отставников, иммигрантов и т.д.), создавая очаги культурной социальной структуры» [119].

Этим интеллектуалам никто не может возразить — нет теперь такого института. Они свободны загонять процесс восстановления России в тупик, просто создавая ценностные расколы общества. Такая наукоемкая технология.

Гипостазирование

Один из старейших подходов к предмету изучения — методологический эссенциализм (от лат. *essentia* — сущность). Этот подход имел своей целью открытие истинной «природы вещей». Древние философы Греции считали, что заключенную в вещи сущность (первопричину) выражает Слово, *имя* вещи. Научная революция стала разделять *слова* и *вещи*, заменять сущность абстрактным понятием (например, «материальной точкой» вместо реальной вещи, *тела*). Для ученого вещь уже не обладала скрытой сущностью, для каждого взгляда она стала носителем какой-то одной «сущности» из множества. Какова сущность кирпича? Для геометрии одна, для археолога — другая, для материаловеда — третья, для экономиста или механика — своя.

Но эссенциализм сохранился по сей день, потому что он побуждает к нахождению познавательных метафор и чувственных представлений. Это полезный прием, но превращение таких метафор и чувственных моделей в догматическую веру вызывает тяжелые последствия. Сегодня, как и прежде, представление об *обществе* проникнуто присущим натурфилософии эссенциализмом: об обществе думают как о *вещи* — массивной, подвижной, чувственно воспринимаемой и существующей всегда. Критики даже пишут (1996): «Можно констатировать, что подавляющее большинство социологов отождествляет социальную группу с “субстанцией” — множеством людей, границы которого тем или иным способом конструирует научное сообщество» [42].

Вот чрезвычайно актуальный для нас случай — этнология. Те обществоведы, которые остаются приверженцами эс-

сенциализма, доходят до буквального овеществления этничности, считая ее материальной субстанцией, включенной в структуры генетического аппарата человека. Этничность понимается как вещь, как скрытая где-то в глубинах человеческого организма материальная эссенция (скрытая сущность). Условно говорят, что она находится в крови, а в Средние века говорили плоть. И есть основания предположить, что большинство обществоведов в отношении этничности так и остались эссенциалистами, многие даже привержены к биологическому примордиализму¹.

Эссенциализм породил склонность к широко распространенному виду деформации сознания — *гипостазированию*². Оно ведет к заблуждениям. Это вызвано тем, что абстрактное понятие, которое мы используем для мысленной «обработки» какой-то одной из множества сторон явления, мы принимаем за скрытую сущность этого явления, которая нам объясняет все его стороны. Фантом, привидение вещи мы принимаем за реальность. Экономист Л. фон Мизес предупреждал: «Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям, — худший враг логического мышления».

Гипостазирование понятий и обозначений резко снижает возможности сознания и воображения, это важный тормоз для творчества в исследовании, особенно в обществоведении, где явления и процессы многослойны и их образы содержат много зон неопределенности. Как только понятие «замораживает» заданный обозначением образ, воображе-

¹ В 2005 г. В.Д. Соловей — историк и политолог, доктор наук, сотрудник РАН и эксперт «Горбачев-фонда» — опубликовал книгу «Русская история: новое прочтение». В ней так излагается природа этничности русских: «Русскость — не культура, не религия, не язык, не самосознание. Русскость — это кровь, кровь как носитель социальных инстинктов восприятия и действия. Кровь (или биологическая русскость) составляет стержень, к которому тяготеют внешние проявления русскости» [120].

² В словаре читаем: «*Гипостазирование* (греч. *hypostasis* — сущность, субстанция) — присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле — возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».

ние перестает перебирать возможные образы явления. А значит, блокируются рефлексия и логика.

Как только в конце перестройки наши обществоведы кинулись к западным учебникам 1970-х гг., образы советского общества и государства перевели в «зазеркалье»: брались термины и понятия с Запада и приклеивались к советской реальности. Сразу обрушилась система структурно-функционального анализа, методология выработки решений и образование впали в ступор. Этот кризис пережила социальная наука и Запада при ускорении усложнения общества, но там быстро поставили диагноз.

Дж. Сартори пишет в программной статье (1970): «Представленная в этой статье точка зрения заключается в том, что политическая наука как таковая в значительной мере страдает методологическим невежеством. Чем дальше мы продвигаемся технически, тем обширнее оказывается неизведанная территория, остающаяся за нашей спиной. И больше всего меня удручает тот факт, что политологи (за некоторыми исключениями) чрезвычайно плохо обучены логике — притом элементарной...

Мне кажется, что крупные различия слишком часто приносятся в жертву второстепенным, мелким сходствам. Трудно представить себе человека, который бы стал всерьез утверждать, будто люди и рыбы одинаковы, поскольку и те, и другие «способны плавать». Но многое из того, что говорится в глобальной сравнительной политологии, несет в себе не намного больше смысла» [121].

Очевидно, что под одним и тем же названием и в похожих зданиях в разных странах находятся не одни и те же структуры. У нас с переходом на «чужой язык» от быстрой деградации знания той реальности, в которой мы живем, многие обществоведы стали отрицать само существование реальности, которая не согласуется с «тем, что должно быть». У многих это стало своеобразным методологическим принципом.

С. Московичи говорил: «Приписывать словам реальность — это катастрофа для общественных наук. Как только слово распространилось и всеми принято, считается, что оно отражает реальность. Так, все говорят “власть”, как будто это компактная вещь, хоть режь ее на кусочки. ...Бывает, посред-

ством флуктуаций из хаоса возникает порядок, но это не выходит нечто, что пряталось, а что-то, что *рождается*... При переходе в хаос старые системы исчезают, возникают иные, и этот порядок не существовал "в подполье", он не выходит и не освобождается, он *создается* ходом явлений» [122].

Во время перестройки рассуждения обществоведов были проникнуты гипостазированием. Так, возник схоластический спор о том, являлся советский строй социализмом или нет. Спорили, что из себя представляет советский строй: мобилизационный социализм? казарменный социализм? феодальный социализм? Академик Т.И. Заславская в важном докладе озадачила: «Возникает вопрос, какой тип общества был действительно создан в СССР, как он соотносится с марксистской теорией?» Страну уже затягивало дымом, а глава социологической науки погрузилась в дефиниции, смысл которых даже закоренелые начетчики марксизма помнили очень смутно. Социализм — неопределенное понятие, его смысл задается содержательными признаками.

Эта метафора «казарменный социализм» была в обществоведении возведена в статус *сущности* советского строя. Скажут: «казарменный социализм», — и как будто все понятно. Превращая эту метафору в привычное клише, все больше увязали в гипостазировании. Например, в СССР имело место моральное стимулирование — очень скромный элемент средств мотивации. Профессор А.С. Ципко придает ему статус сущности советской системы: «Разве не абсурд пытаться свести все проблемы организации производства к воспитанию сознательности, к инъектированию экстаза, энтузиазма, строить всю экономику на нравственных порывах души?.. Долгие годы производство в нашей стране держалось на самых противоестественных формах организации труда и поддержания дисциплины — на практике "разгона", ругани, окрика, на страхе» [123, с. 80].

Можно ли придумать для организации производства в СССР более неадекватное обвинение, чем назвать его попыткой «строить всю экономику на нравственных порывах души»? Кстати, Ципко не замечает, что его второе суждение (о том, что «производство в нашей стране держалось на прак-

тике “разгона”, ругани, окрика, на страхе») начисто отрицает первое.

Подверглось гипостазированию и понятие *коммунизм*. В июне 1993 г. по западной прессе прошла статья советника Ельцина, директора Центра этнополитических исследований Эмиля Паина «Ждет ли Россию судьба СССР?» В ней он так объясняет западному читателю желание ликвидировать СССР: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 года, оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю» [124].

Что же это за коммунизм надо было ликвидировать, ради чего стоило разрушить страну? Коммунизм Горбачева и Яковлева! Это абсурд, «политический режим, который был в тот момент», не мог претендовать даже на звание социал-демократического, он тяготел к неолибералам типа Тэтчер, к правому крылу буржуазных партий.

В слово-заклинание превратилось понятие «рынок». Дж. Гэлбрейт, побывав в Москве в 1990 г., сказал: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить».

На Западе, начиная с Гоббса, были озабочены тем, чтобы государство-Левиафан ограничило свободу рынка и корыстолюбие торговцев, угрожающее разрушить общество; а в России поднимали наверх теневиков и воров, чтобы и отключали государственные механизмы. Один философ экономики (Ален Кайе) пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно». А российские академики были ослеплены утопическим образом рынка-спасителя.

Была предпринята большая кампания по мифотворчеству относительно *частной собственности*. Представление о ней было поднято на небывалую в мире, религиозную вы-

соту. Академик-экономист А.Н. Яковлев писал в 1996 г.: «Нужно было бы давно узаконить неприкосновенность и священность частной собственности».

Известно, что частная собственность — это не зубная щетка, не дача и не автомобиль, это *средства производства*. Единственный смысл частной собственности — извлечение дохода из людей («Из людей добывают деньги, как из скота сало», — гласит американская пословица, приведенная М. Вебером). Где же и когда средство извлечения дохода приобрело статус святыни? Этот вопрос поднимался во всех мировых религиях, и все они, включая иудаизм, наложили запрет на поклонение этому идолу (золотому тельцу). В период возникновения рыночной экономики лишь среди кальвинистов были радикальные секты, которые ставили вопрос о том, что частная собственность священна. Но их преследовали даже в Англии. Когда же этот вопрос снова встал в США, то отцы-основатели США не пошли на создание идола, а утвердили: частная собственность — предмет *общественного договора*. Она не священна, а *рациональна*. О ней, как и о других типах человеческих отношений, надо договариваться и ограничивать человеческим законом.

Между тем философы и даже правоведы стали доказывать, что лишь частная собственность является *правовым* феноменом. Надо, мол, коллективную, общенародную и государственную собственность немедленно как-то раздать, чтобы смыть с себя клеймо разбойника. Эксплуатируя миф о собственности, философы доходили до абсурда. Видный философ-правовед В.С. Нерсисянц писал: «Создаваться и утверждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и внеправовыми средствами — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т.д.» [125].

Вдумаемся: философ отрицает всякую возможность создать социалистическую собственность экономическими и правовыми способами. В.С. Нерсисянц, видимо, имеет в виду национализацию 1918—1920 гг., но почему же национализация — неправовой акт? А приватизация — правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать комсо-

мольскому работнику Кахе Бендукидзе машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену — одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

Г.Х. Попов запустил в обиход, как нечто сущее, термин «административно-командная система». Смысла никакого, но словечко стали употреблять, как будто оно что-то объясняет. Как будто это нечто уникальное, созданное в СССР. На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез», и иначе просто быть не может. И армия, и церковь, и хор имени Свешникова — все имеют свою административно-командную ипостась, *наряду с другими*.

Ключевое слово реформы — «дефицит». Оно означает *нехватку*. Обществоведы уверяли, что в СССР «мы задыхались от дефицита», а теперь наступило изобилие. Но объяснили бы, как может образоваться изобилие при спаде производства. Много производили молока — был дефицит; снизили производство вдвое — наступило изобилие. А вот что означает понятие *дефицит* в его жестком значении: в 1985 г. в РСФСР в среднем на душу населения было потреблено 23,2 кг рыбы и рыбопродуктов, а в 1997 г. в РФ — 9,3 кг. Возник дефицит рыбы на столах граждан как *продукта питания* — при ее изобилии на прилавках как *знак*. Люди, которые приветствуют такое положение, впадают в гипостазирование.

И даже в чисто «рыночном» смысле реформа привела именно к опасному дефициту, какого не знала советская торговля. Чтобы увидеть это, надо просто посмотреть статистические справочники. Товарные запасы в розничной торговле (в днях товарооборота) составляли в СССР в 1985 г. 92 дня, а в РФ в 1995 г. — 33 дня. Положение регулировалось посредством низкой зарплаты, а то и невыплатами зарплаты и пенсий.

Профессор д.э.н. С.А. Дятлов писал в 1997 г.: «Долги по невыплаченной зарплате и пенсиям в два с лишним раза превышают товарные запасы. Оборотные фонды предприятий на 80—90% обеспечиваются кредитами коммерческих банков. Можно говорить о том, что экономика России в ее нынешнем виде — это не только долговая экономика, но и экономика *хронического дефицита*, скрытого высоким уровнем цен и искусственным сжатием платежеспособного спроса» [126].

Академик Т.И. Заславская в конце 1995 г. делала программный доклад и говорила о дефиците, преодоленном посредством повышения цен: «Это — крупное социальное достижение... Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально» [127].

Такова логика ведущего социолога — следствие гипостазирования, заданного идеологическими целями.

Объектом гипостазирования стали понятия *свобода* и *демократия*. Этим абстрактным понятиям придавали значение реальных сущностей — и ради них ломали устойчивые, необходимые для жизни установления и отношения. Реформа и началась с того, что были разрушены всякие разумные очертания понятий свобода и демократия. Это особая тема.

Идеологи демонтажа советского строя соблазнили людей жизнью без запретов — так же, как средневековый крысолов в отместку городу, где ему не выдали обещанного золота, сманил своей дудочкой и увел всех детей этого города. Его дудочка пела: «Пойдемте туда, где не будет взрослых с их запретами».

Вот первый вывод: в основании всей антисоветской концепции свободы лежала ложная посылка о свободе как отрицании норм и запретов, бывших якобы порождением советского тоталитарного строя. Вместо диалога о критериях «выбора несвобод» людям внушили разрушительную мысль о ликвидации норм и запретов. Ведь только через огромную и разнообразную систему несвобод мы приобрели и сохраняем те свободы, которые так ценим.

В статье «Патология цивилизации и свобода культуры» (1974) Конрад Лоренц писал: «Функция всех структур — сохранять форму и служить опорой — требует, по определению, в известной мере пожертвовать свободой. Можно привести такой пример: червяк может согнуть свое тело в любом месте, где пожелает, в то время как мы, люди, можем совершать движения только в суставах. Но мы можем выпрямиться, встав на ноги, — а червяк не может» [18, с. 306].

Даже в связи с совершенно конкретными утверждениями наших интеллектуалов реформы были сделаны предупреждения виднейшими западными философами и политиками. Например, одним из главных пунктов в доктрине реформы было признание безработицы — но Улоф Пальме в книге «Шведская модель» специально обсуждал роль безработицы как самого мощного средства сокращения свободы человека.

Еще более общим требованием была экономическая свобода, «свобода рынка». На этот счет высказался К. Поппер, философ открытого общества, либерал, которого так превозносили во время перестройки. В своей главной книге «Открытое общество и его враги» он писал: «Неограниченная экономическая свобода может быть столь же саморазрушающей, сколь и неограниченная физическая свобода... Дело в том, что тот, кто обладает излишком пищи, может заставить тех, кто голодает, “свободно” принять рабство, не используя при этом никакого насилия» [128, с. 196].

Лидер германских социал-демократов О. Лафонтен сказал проще: «Там, где свобода рынка становится самоцелью, там ограничивается свобода человека» [129, с. 155].

А вот фундаментальная мысль американского либерального философа К. Лэша: «Ядро любой культуры стоит на ее “запретах” (“глубоко впечатавшихся вето, выгравленных в превосходных и правдивых символах”). Вот почему имеет смысл описывать нынешние Соединенные Штаты как “общество без культуры”. Это общество, в котором нет ничего святого и, стало быть, нет ничего недозванного» [130].

Какой смысл было брать именно США за пример для реформы?

Удивительно ограниченным был смысл понятия *демократия*. Его в основном сводили и сводят до сих пор к *процедурам* — избирательного процесса, создания партий, разделения полномочий структур власти и т.д. Эта убежденность образованных людей, даже политологов была странной, потому что уже в XIX в. стали возникать режимы не только авторитарные, но и очевидно тиранические (например, в Латинской Америке), которые легко обеспечивали формальное соблюдение требуемого перечня демократических процедур. Более того, фашистское государство в Германии возникло, по

словам первого вице-канцлера Папена, «пройдя до конца по пути демократизации» Веймарской республики. То есть гражданское общество с помощью присущих ему *демократических* процедур породило фашистское государство. Философ Хоркхаймер сказал о фашизме: «тоталитарный режим есть не что иное, как его предшественник, буржуазно-демократический порядок, вдруг потерявший свои украшения». А вот что пишет об этом Маркузе: «Превращение либерального государства в авторитарное произошло в лоне одного и того же социального порядка. В отношении этого экономического базиса можно сказать, что именно сам либерализм “вынул” из себя это авторитарное государство как свое собственное воплощение на высшей ступени развития». Фашизм — это ветвь западной демократии на высшей ступени развития.

Сведение демократии к набору процедур правления стало проблемой политической философии уже в начале XX в. Сужение рамок демократии выхолащивает ее смысл как непрерывного строительства общественных отношений — оно вело к *деполитизации* общества. Ведь процедуры либеральной демократии в Веймарской республике позволили привести к власти фашизм потому, что общество утратило навыки рационального анализа политических программ и «каждодневного плебисцита» относительно их предвидимых последствий.

Дж. Дьюи (США) поставил эту проблему в трудах 1920—1930-х гг. и дал определение демократии не как системы процедур правления, а как *образа жизни* общества, то есть процесса непрерывного строительства. Более того, в его концепции демократия как образ жизни есть *этическое понятие*. Представление демократии как *процесса* и как *образа жизни* означает, что формы демократии тесно связаны с *культурой*, а значит, формы воплощения ее принципов столь же различны и многообразны, как культуры. Вера в то, что в какой-то культуре найдена совершенная модель, которую надо не только предложить, но и силой навязать иным культурам, — рецидив евроцентризма конца XIX в.

Таким образом, проектирование демократического процесса в любой стране требует не столько переноса патентованных моделей, сколько структурно-функционального ана-

лиза с учетом социальной и культурной реальности отечественного общества и государства. Особенно осторожно надо было относиться к вере в старые теории и к попыткам имитации политических и общественных институтов «либеральных демократий», которые в данный период переживают болезненные изменения с резким ослаблением их эффективности. На беду, в России верх взяла та часть обществоведов, которая впала в утопию имитации западных институтов.

С понятиями демократии и свободы тесно связано и понятие *права*. То, как трактовалось это понятие в гуманитарной и обществоведческой элите в начале реформ, было несовместимо с логикой и здравым смыслом. Философы реформ утверждали «самозаконность человеческого поведения»! Отрицалась сама возможность общества и государства ограничивать поведение индивида общими правовыми нормами. На круглом столе 1990 г. в «Вопросах философии» Э.Ю. Соловьев утверждал: «О наличии в обществе права можно говорить лишь в том случае, если член этого общества признан государством в качестве разумного существа, способного самостоятельно решать, что для него хорошо... Цели людей не подлежат властно-законодательному определению» [131].

Надо вдуматься в картину того «правового» общества, которое последовало бы этим императивам! Чикатило, пока его не поймали, был «признан государством в качестве разумного существа» и имел бы право «самостоятельно решать, что для него хорошо». Более того, он имел бы право превратить свои решения в цели, а затем реализовать эти цели в виде деятельности — ведь его цели «не подлежат властно-законодательному определению», а поведение обладает *самозаконностью*. Это — разумное суждение философа?

Случаем крайнего гипостазирования был призыв перейти к «нормальной» экономике. Никто даже не спросил: а каковы критерии «нормального»? Туманно объясняли: это, мол, рынок, конкуренция... Представление о западном капитализме как некой установленной Провидением *норме*, как *правильной* (нормальной) хозяйственной системе — следствие невежества нашей интеллигенции, воспринявшей этот стереотип из обществоведческих теорий, проникнутых евроцентризмом.

Это — национальная проблема нынешней России. Любая, самая разумная инициатива власти теряет смысл просто потому, что она выражена понятиями, определяющими не систему отношений, ресурсов, структур, а некоторую магическую сущность, которая должна решить поставленную проблему сама собой.

В общем, можно считать, что все рассуждения о свободе наших обществоведов, авторов доктрины реформ, были построены на большом методологическом подлоге или ошибке — саму категорию свободы они представили широкой публике ложно.

Обществоведы и гуманитарии — «хозяева дискурса». Как только появились СМИ (пресса, радио, телевидение), именно эта общность стала формировать язык — его словарь и структуру. Язык как система понятий, слов (имен), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное *средство подчинения*. «Мы — рабы слов», — сказал Маркс, а потом это буквально повторил Ницше. Во второй половине XX в. произошел следующий перелом. Французский философ Иван Иллич, изучающий роль языка в обществе, ссылается на исследование лингвистов, проведенное в Торонто перед Второй мировой войной. Тогда из всех слов, которые человек слышал в первые 20 лет своей жизни, каждое десятое слово он слышал от какого-то «центрального» источника — в церкви, школе, в армии. А девять слов из десяти слышал от кого-то, кого мог потрогать и понюхать. Сегодня пропорция обратилась — 9 слов из 10 человек узнает из «центрального» источника, и обычно они сказаны через микрофон.

«Хозяева дискурса» теперь заставляют население гипотазировать, преувеличивая значение каких-то общественных явлений и процессов — просто заполняя сознание и память людей потоком слов, обозначающих эти явления и процессы. Одновременно важные для общества стороны реальности «выводятся в тень», обозначающие их слова и понятия исключаются из текстов, учебников, передач и т.д.

Информационная концепция «картины мира» объясняет это так: «Человек воспринимает мир не как хаотический поток образов, символов и понятий. Вся информация из внеш-

него мира проходит через картину мира, представляющую собой систему понятий и символов, достаточно жестко зафиксированную в нашем сознании. Эта схема-картина пропускает только ту информацию, которая предусмотрена ею. Ту информацию, о которой у нас нет представления, для которой нет соответствующего термина (названия), мы просто не замечаем. Весь остальной поток информации структурируется картиной мира: отбрасывается незначительное с ее точки зрения, фиксируется внимание на важном» (см. [1]).

Перестройка была мощной операцией «промыывания» русского языка, прежде всего в философии, социологии и экономике. Многие слова исчезли, другие были заменены иностранными словами, которые не имели коннотации в русском языке и теряли смысл. Так, например, вместо *наемного убийцы* появился *киллер* — профессия вроде брокера, дилера, риэлтера и пр.

С помощью языка было резко ослаблено самосознание социокультурных общностей, которые реформаторам надо было парализовать. О.А. Кармадонов в большой работе (2010 г.) так пишет о «направленности дискурсивно-символической трансформации основных социально-профессиональных групп в годы перестройки и постсоветской трансформации»:

«В тот период развенчивались не только партия и идеология. В ходе “реформирования” отечественного социума советского человека убедили в том, что он живет в обществе тотальной лжи. Родная армия “на самом деле” — сборище пьяниц, садистов и ворья, наши врачи, по меньшей мере, непрофессионалы, а по большей — просто вредители и убийцы, учителя — ретрограды и садисты, рабочие — пьяницы и лентяи, крестьяне — лентяи и пьяницы. Советское общество и советские люди описывались в терминах социальной патологии — парадигмы социального уродства, которая якобы адекватно отображает реалии. Это, разумеется, не могло не пройти бесследно для самоощущения представителей этих общностей и для их социального настроения, избираемых ими адаптационных стратегий — от эскапизма до группового пафоса.

Происходила массированная дискредитация профессиональных сообществ, обесмысливание деятельности профессионалов» [132].

Эта предварительная программа, к которой советское общество было совершенно не готово, обеспечила возможность и ликвидации СССР, и приватизации промышленности. Поскольку в исполнение этого заказа была втянута большая часть сообщества обществоведов, и эта программа привела к дезинтеграции почти всех крупных социокультурных общностей России (чего большинство обществоведов и не предвидело), приведем большую выдержку из работы О.А. Кармадонова. Она для нашей темы имеет общее значение, надо в нее вникнуть.

Он пишет: «В периоды глубоких социальных трансформаций реестры престижных и непрестижных групп могут подвергаться своего рода конверсии. Группы, престижные в “спокойные” времена, могут утратить таковое качество в ходе изменений, а группы, пребывавшие в социальной тени, выходят в центр авансцены, и возврата к былому не предвидится.

Собственно, это и есть трансформация социальной стратификации в дискурсивно-символическом аспекте. Понятие “социальной тени” использовано здесь не случайно. Поощрения в данном типе стратификации включают прежде всего *объем* общественного внимания к группе и его *оценочный характер*. Общественное внимание можно измерить только одним способом — квантифицировать присутствие данной группы в дискурсе масс-медиа в тот или иной период жизни социума. Полное или частичное отсутствие группы в дискурсе означает присутствие её в социальной тени. Постоянное присутствие в дискурсе означает, что на эту группу направлено общественное внимание...

Драматичны трансформации с группой рабочих — в референтной точке 1984 г. они занимают максимальные показатели по обоим количественным критериям. Частота упоминания — 26%, и объем внимания — 35% относительно обследованных групп. Символические триады референтного года подчёркивают важную роль советских рабочих. Когнитивные символы (К-символы) — “коллектив”, “молодёжь” — говорят о сплочённости и привлекательности рабочих профессий в молодёж-

ной среде. Аффективные символы (А-символы) — *“активные”, “квалифицированные”, “добросовестные”* — фиксируют высокий социальный статус и моральные качества советских рабочих. Деятельностные символы (Д-символы) — *“трудятся”, “учатся”, “премируются”* указывают на повседневность, на существующие поощрения и возможности роста...

В 1985 г. резко снижаются частота упоминания и объем внимания к рабочим — до 3 и 2% соответственно... Доминирующая символическая триада более умеренна, чем год назад, К-символ — *“трудящиеся”*, А-символ — *“трудолюбивые”*, Д-символ — *“работают”*...

В конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда разворачивалось рабочее движение, частота упоминания и объем внимания по группе рабочих возросли — 16 и 7% (1989, 1990). В последующие годы показатели в “АиФ” никогда больше не превышали по этой группе 5 и 6% (соответственно) — показатель 2008 г.

Был период почти полного забвения — с 1999 по 2006 г. индексы по обоим параметрам не поднимались выше 0,3%. Снижение внимания к рабочим объясняется отказом от пропаганды рабочего класса в качестве “гегемона”, утратой к нему интереса — другими словами, экономической и символической депривацией данной общности.

Работают символы и символический капитал. Утратив его, рабочий класс как бы “перестал существовать”, перешел из состояния организованного социального тела в статус дисперсной и дискретной общности, вновь превратившись в “класс в себе” — эксплуатируемую группу людей, продающих свою мускульную силу, озабоченных выживанием, практически не покидающих область социальной тени, то есть лишенных санкционированного поощрения в виде общественного внимания» [132].

Выведение в тень промышленных рабочих произошло не только в СМИ и массовом сознании, но и в самой общественной науке — это две части программы. Казалось бы, при первом приближении обществоведения к структуре социальной системы логично делать объектом анализа наиболее массивные и социально значимые общности. Так, в индустриальном обществе объектом постоянного внимания обществоведения

является *рабочий класс*. Обществоведение, «не видящее» этого класса и происходящих в нем (и «вокруг него») процессов, становится инструментом не *познания*, а *трансформации* общества.

Социолог Б.И. Максимов пишет (2003 г.): «Если взять российскую социологию в целом, не много сегодня можно насчитать научных центров, кафедр, отдельных ученых, занимающихся проблемами рабочих, рабочего движения, которое совсем недавно, даже по шкале времени российской социологии, считалось ведущей силой общественного развития и для разработки проблем которого существовал академический институт в Москве (ИМРД). Почти в подобном положении оказалась вся социально-трудовая сфера, ...которая также как будто бы “испарилась”. Она оказалась на периферии внимания сегодняшней раскрепощенной социологии. Неужели эта сфера стала совершенно беспроблемной? Или, может быть, общественное производство до такой степени потеряло свое значение, что его можно не только не изучать (в том числе социологам), но и вообще не иметь (развалить, распродать, забросить)?» [133].

Постепенно сама численность рабочих стала выпадать, как особый показатель, из публикуемой статистики. С 2006 г. в статистических ежегодниках и сборниках «Промышленность» указывается только «численность занятых». Ежегодные сведения о численности промышленных рабочих не публикуются, а отрывочные данные о рабочих приводятся лишь в оперативных статсводках¹.

Сейчас, в 2015 г. и накануне «новой индустриализации», стратегические программы пишут ведущие обществоведы, которые продолжают гипостазировать побочные понятия и явления, оставляя в «социальной тени» главные и массивные проблемы и процессы. В тексте важного документа «Стратегия-2020» (2011 г.) слово *образование* (*образовательный*) встречается 891 раз, а *промышленность* (*промышлен-*

¹ Б.И. Максимов сообщает: «Обращаюсь в Петербургкомстат за справкой о заработной плате, условиях труда, занятости рабочих. Отвечают: показатель “рабочие” изначально не закладывается в исходные данные, собираемые с мест. Поэтому “ничем помочь не можем”. Даже за деньги» [133].

ный) — 52, сельское хозяйство — 7 раз; конкуренция — 247 раз, нефть — 212 раз, а энергетика — 10, машиностроение — 1 раз [134].

Так доминирующее в обществоведении сообщество ставит перед обществом фильтр понятий, грубо искажающий образ реальности.

Пример гипостазирования: концепция «преступных приказов»

Государство отличается от всех других институтов власти тем, что оно имеет монопольное право и обязанность применять *насилие*, пресекая нарушение законов. М. Вебер сформулировал главную и общепринятую дефиницию сути государства: «Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который добился успеха в монополизации **легитимного физического насилия** как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей».

Одной из важнейших операций перестройки по развалу СССР было категорическое отрицание этого инструмента государства. Была предпринята атака на монопольное право государства на легитимное насилие и на *обязанность* использовать это право в целях безопасности страны, общества и личности. Эта атака началась еще при Хрущеве, когда была поднята проблема «сталинских репрессий». Новая кампания была начата в 1980-е гг. В обыденное сознание и в представления большей части должностных лиц была внедрена концепция *преступных приказов*.

В тот период эта концепция стала серьезной угрозой для государственности СССР. Вспомним, как создавалось в «новом мышлении» понятие о преступных действиях власти и как оно гипостазировалось, обретая облик самостоятельной и почти осязаемой *сущности*. Это важно потому, что в постсоветской России функция государства применять легитимное насилие была сильно осложнена наследием перестройки.

Подрыв авторитета и самосознания армии и правоохранительных органов СССР как систем, обеспечивающих безопасность государства и общественного строя, был важной программой перестройки. В частности, были спровоцирова-

ны (с участием преступного мира) очаги насилия под этническими лозунгами. Одновременно демократические силы под лозунгом «Нельзя применять силу против своего народа!» срывали выполнение государством своей обязанности предотвращать и пресекать такие конфликты с насилием.

Один из активных деятелей перестройки, народный депутат А. Нуйкин признавался в 1992 г.: «Как политик и публицист я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть... Мы поддерживали все, что расшатывало ее. И правильно, наверное, делали. А без подключения очень мощных национальных рычагов, взаимных каких-то коллективных интересов ее было не свалить, эту махину» [135].

Видные обществоведы участвовали непосредственно и в политических действиях. Генерал-майор КГБ В.С. Широнин, направленный в зону конфликта в Нагорном Карабахе, пишет: «Первый сигнал к волнениям в Карабахе поступил к нам "из-за бугра". Академик Абел Аганбегян в середине ноября 1987 г. во время приема, устроенного в его честь Армянским институтом Франции и Ассоциацией армянских ветеранов, выразил желание узнать о том, что Карабах стал армянским. Кроме того, в Москве широко распространились слухи о том, что Аганбегян сослался на свою беседу с Горбачевым, в которой всемогущий генсек ЦК КПСС якобы сказал, что Карабах будет передан Армении. Поразительно, несмотря на этот чрезвычайно устойчивый слух, ни тогда, ни позже, даже в разгар карабахской войны, Горбачев ни прямо, ни косвенно его не опроверг...

Заявление Абега Аганбегяна мгновенно стало центральной темой для многих зарубежных армянских газет и журналов, для радиостанции "Айб" в Париже, а также армянских редакций радио "Свобода", "Голос Америки" и других... В результате прозвучавший в далеком Париже призыв к незаконию стал, по сути, началом карабахского конфликта» [136, с. 256—257].

В этих условиях А.А. Собчак писал: «За десятилетия сталинизма глубоко укоренились в нашем общественном сознании антигуманные представления о безусловном приоритете ложно понимаемых государственных интересов над общечеловеческими ценностями... Необходим общий законодательный запрет на использование армии для разрешения внутри-

политических, этнических и территориальных конфликтов и столкновений» [137].

Во время всплеск насилия в Ферганской долине, Сумгаите, Нагорном Карабахе армия и правоохранительные органы сначала делали попытки пресечь действия провокаторов и преступников, но в Москве проводились демонстрации против «преступных действий военщины» — и давалась команда отступить. Насилие вспыхивало с удвоенной силой, государство, не выполнив своей обязанности подавить очаг насилия, теряло авторитет.

Одной из крупных провокаций против центральной власти и армии стали события в Тбилиси 9 апреля 1989 г., затем расследование депутатской комиссией под председательством А.А. Собчака и обсуждение его доклада на I Съезде народных депутатов. В ходе этой операции и была создана концепция *преступных приказов* и преступных действий военнослужащих, которые выполняют эти приказы. СМИ широко транслировали «доклад Собчака», но не было опубликовано заключение Главной военной прокуратуры, которая проводила расследование тех событий.

Так, «комиссия Собчака» сделала выводы, что причиной смерти людей, погибших при разгоне митинга, были ранения, нанесенные саперными лопатками, и воздействие отравляющих веществ. Следствие опровергло эти выводы на основании экспертизы внутренних органов и одежды погибших. В проведении экспертизы участвовали эксперты ООН. Не было и ранений саперными лопатками. В выдержках из заключения следствия, выложенных в Интернете, сказано, что 18 человек погибли в давке, один «погиб от сильного удара о плоский предмет. Этот боевик-каратист намеревался в прыжке обеими ногами пробить цепь солдат, цепь расступилась, и нападавший упал, получив смертельное ранение головы» [138]. Но источником массовой информации оставался «доклад Собчака».

После событий в Тбилиси начались интенсивные требования приоритета демократических идеалов перед воинской дисциплиной. Эта кампания достигла максимума во время событий августа 1991 г. в Москве («путч ГКЧП»). Тогда в Москве было объявлено чрезвычайное положение и в город введе-

ны армейские части, но на третий день выведены, а члены ГКЧП арестованы. Всякое насилие человека в форме государственных силовых структур было объявлено преступным, и, как следствие, началось стирание грани между насилием легитимным и преступным.

В ночь на 21 августа в транспортном туннеле на пересечении Калининского проспекта и Садового кольца погибли три москвича. По Садовому кольцу двигался военный патруль в составе роты на БМП, который направлялся для охраны «Белого дома». На въезде в туннель колонну ждала преграда из пустых троллейбусов. Колонна обошла их, но на выезде из туннеля баррикада полностью преграждала путь. Была заблокирована и дорога назад. В БМП стали бросать бутылки с зажигательной смесью. Несколько человек прыгнули с парашюта на БМП, чтобы закрыть брезентом смотровые щели. Это и привело к трагедии: двое были задавлены машинами, один погиб от ricochet пули, когда экипаж стал стрелять в воздух.

В заключении следственной группы прокуратуры Москвы и РСФСР, которая расследовала происшествие, говорилось: «Когда колонна БМП, вышедшая на патрулирование, встретила на своем пути баррикады и подверглась нападению гражданских лиц, это расценивалось военнослужащими как попытка захвата боевой техники, оружия и боеприпасов. Когда же были подожжены заблокированные в туннеле боевые машины с находившимися в них боекомплектами снарядов и патронов, а жизнь военнослужащих подверглась непосредственной опасности, применение ими оружия являлось способом защиты, соответствующим характеру и степени опасности нападения».

Таким образом, было совершено нападение на военнослужащих, находящихся при исполнении служебных обязанностей и действовавших в соответствии с законами СССР. Согласно следствию, не было состава преступления и в действиях других военнослужащих, причастных к инциденту: командира Таманской дивизии, командира полка, командира батальона. Такова юридическая сторона дела. Однако преступниками были представлены именно военнослужащие, а совершившим на них нападение лицам присвоено звание Героя Советского Союза.

Идея «не подчиняться преступным приказам» и «оказывать сопротивление преступной власти» стала официально принятой догмой, что стало важным фактором краха государства. В результате постоянных повторений граждане так привыкли к понятию «преступные приказы», что стали воспринимать его как обозначение целостной и почти очевидной *сущности*. Сказал эти магические слова — и ситуация сразу становится ясной, нет необходимости ее исследовать, выявлять разные связи и отношения, из которых она соткана, встраивать ее в контекст. Гипостазирование стало важным дефектом построения умозаключений в массовом сознании.

Сложнейшая проблема обязанности государства применять насилие, не допуская утраты монополии на это право и в то же время минимизируя злонамеренное использование этой монополии, представлена в ложном виде. Это стало способом отменить явочным порядком монополию государства на насилие — первая репетиция киевского Майдана-2013, который стал трагедией и Украины, и России.

Эта проблема встала с появлением современных армии и полиции и современного права. В России уже Петр I ввел положение, что исполнению подлежит лишь приказ, «пристойный и полезный государству». Дисциплинарный устав Красной армии 1919 г. предписывал подчиненному не исполнять явно преступного приказа и немедленно докладывать об этом по команде. Этот принцип принят и в законодательстве западных стран. И везде он является *декларативным*. Потому что наряду с ним в уставах и в законах утверждается *обязательность* приказа для подчиненного.

И везде и обществоведы, и учителя, и преподаватели университетов объясняют эту диалектическую проблему, которую постоянно должны совместно решать государство и общество. Во время перестройки и реформ в суждениях ведущих обществоведов доминировал приоритет «общечеловеческих ценностей» — понятие, откровенно манипулятивное. Ценности — продукт не биологии человека как вида, а продукты культур, которые очень различаются в пространстве и времени.

Разработка этой проблемы была выполнена Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Там было приня-

то положение, что в случае выполнения преступного приказа наказанию подлежит и начальник, отдавший приказ, и его исполнитель. Позже были введены два уточнения: 1) приказ является законным, если он отдан лицу, обязанному его выполнить, в рамках компетенции, с соблюдением надлежащей формы; 2) приказ является законным, если он не противоречит действующим нормативным актам и носит обязательный характер (то есть в случае его невыполнения подчиненный несет ответственность — дисциплинарную, административную или уголовную).

Очевидно, что проблема этим не решается, — даже когда приказ отдан компетентным лицом с соблюдением формы, его исполнение не исключает ответственности, если *очевиден* его преступный характер. Но *оценка законности* отданного приказа — сложный процесс, он зависит от возможности получить и обдумать необходимую для оценки информацию, от юридической подготовки исполнителя, его способности правильно истолковать приказ в свете действующих законов. Поэтому в законодательстве большинства стран принято ключевое требование, что незаконность приказа должна быть *явной*. При этом незаконность приказа должны осознавать оба — и начальник, и исполнитель. Это и есть признак *заведомости*.

В реальной практике наличие всех условий заведомости — вещь редкая. Поэтому разъяснения этой статьи законов очень скудны, и руководствоваться ими довольно трудно. Говорится, что «преступным является, например, приказ о казни мирных жителей». Но даже и в этих случаях очевидность не является абсолютной: различие мирного жителя и боевика во многих типах вооруженных конфликтов проблематично.

Таким образом, ни законы, ни уставы не могут дать формального ответа на вопрос, что является приоритетом — приказ или необходимость соблюдать закон. Преступность или законность действия «человека в форме» не являются *сущностями*, которые участники коллизии видят одинаково, как нечто, данное объективно. Это каждый раз есть явление, «сшитое» множеством условий и отношений. Как правило, достаточно подробный и тем более юридический анализ си-

туаций проводится *по завершении событий*, а в момент получения и исполнения приказа такой возможности нет.

Так, в России обязательность приказа для военнослужащих определяется Федеральными законами «О воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащих», «О милиции». Таким образом, здесь возникает известная в философии проблема *несоизмеримости ценностей*. Она не имеет простых решений.

Даже новый строевой устав Вооруженных сил РФ, введенный в действие 1 июня 2006 г., оставляет нерешенным вопрос об ответственности за исполнение преступных приказов. Один из разработчиков устава, генерал-майор А. Моисеенко, сделал такое заявление: «Приоритет отдается приказам, и ответственность за преступные приказы должен нести только командир. Подчиненный обязан исполнить приказ, а если он считает его незаконным, то имеет право после его выполнения обжаловать действия командира в суде» [139].

Это не устраняет несоизмеримости ценностей и не разрешает противоречия, так как закон имеет приоритет перед уставом. Но это — практический способ смягчить противоречие между необходимостью выполнять приказы и невозможностью, в большинстве случаев, моментально оценить его законность. Оценка переносится в более адекватные для нее условия, и тем самым снижается вероятность ошибки, которую может совершить представитель власти, по сравнению с ошибкой индивида.

В постсоветских государствах эта проблема остается актуальной и периодически обостряется. Вот пример: в конце ноября 2009 г. министр внутренних дел РФ Р. Нургалиев сделал важное заявление. СМИ передали его так: **«Глава МВД напомнил россиянам о праве дать отпор милиционеру**. Министр внутренних дел Рашид Нургалиев напомнил, что любой гражданин России, который не является преступником и который ничего не нарушил, может дать сдачи милиционеру, напавшему на него без причины, сообщает "Интерфакс". Об этом он заявил на встрече с курсантами Московского университета МВД РФ, которая прошла на базе ОМОН в Подмоскowie.

По словам Нургалиева, такие действия будут расцениваться как самооборона. «Мы все равны, а гражданин равен

вдвойне”, — отметил министр. Нургалиев также подчеркнул, что если милиционер напал на законопослушного гражданина, то он сам является преступником в форме. По словам министра, такого человека “надо изолировать и посадить»» [140].

Свое заявление министр сделал под давлением «общественного мнения». В сообщении прессы уточняется: «Неправомерные действия сотрудников милиции в последнее время вызывают все больше критики как со стороны депутатов Госдумы и правозащитников, так и со стороны обычных граждан. В среду, 25 ноября, член генсовета партии “Единая Россия” Андрей Макаров даже предложил ликвидировать МВД, так как реформировать или модернизировать эту структуру, по его мнению, невозможно» [140].

На это заявление министра был получен ответ гражданского общества (4 декабря): «Житель Перми нанес черепно-мозговые травмы двум сотрудникам милиции, выкрикивая, что глава МВД РФ Рашид Нургалиев “разрешил бить милиционеров”». Пресса уточнила: «Сначала нетрезвый 24-летний пермяк избил своего брата. Потерпевший вызвал домой наряд милиции. Когда милиционеры прибыли в квартиру, дебошир набросился на них, оправдывая свое поведение словами Нургалиева. После этого сотрудникам правоохранительных органов потребовалась госпитализация. Против пермяка возбуждено дело по статьям УК 318 (“Применение насилия в отношении представителя власти”) и 319 (“Оскорбление представителя власти”). Ему грозит до пяти лет лишения свободы».

Как видно, созданный в 1989 г. провал в рациональном мышлении общества оказался незакрытым. Р. Нургалиев призвал к самообороне гражданина против «человека в милицеской форме» в случаях, «если этот гражданин не преступник, которого задерживают». Эта установка исходит из того, что в такой ситуации преступность действий милиционера выявляется как очевидная сущность. Если ты считаешь, что милиционер (полицейский) приближается к тебе с преступными намерениями, — бей его первым! Если ты считаешь, что экипаж БМП выполняет преступный приказ, — подожги эту БМП!

Используя понятие, обозначающее явление, люди часто забывают, что *понятие* — инструмент, отсекающий от реального содержания явления множество черт. Важная просвети-

тельская функция обществоведения — объяснять это население. Но во время перестройки обществоведение взялось за выполнение политического задания и толкнуло общество на ложный путь. Этот мотив изживается очень медленно.

Некогерентность (алогичность)

Деградация когнитивной структуры обществоведения — необычный и плохо изученный объект. Актуальность его изучения чрезвычайна. В результате продолжается и распад общества, скрепленного государством. Одним из важных проявлений этого кризиса стало массовое нарушение логики рассуждений, которое приводило к *некогерентности* умозаключений и высказываний¹. Такой тип рассуждений стал стереотипным, авторы высказываний перестали замечать нарушения логики. Это явление стало столь массовым, что для его обзора нет места. Приведем несколько типичных примеров, почти без комментариев.

Началось это во время перестройки и вызывало предчувствие катастрофы. Ведь говорили странные вещи люди, которые нам представляли как цвет интеллектуальной элиты.

А.С. Ципко, ставший известным автором, заявил: «Не было в истории человечества более патологической ситуации для человека, занимающегося умственным трудом, чем у советской интеллигенции. Судите сами. Заниматься умственным трудом и не обладать ни одним условием, необходимым для постижения истины» [141, с. 345].

Представляете, в СССР люди не обладали *ни одним* условием для постижения истины. Не имели ни глаз, ни слуха, ни языка, ни безмена. Как же они вообще могли жить, не говоря уже о том, чтобы в космос Гагарина снарядить? И подобные суждения с нарушенной логикой смысла мощным потоком обрушились на умы людей.

В другом месте А.С. Ципко пишет: «Все прогнозы о грядущей социал-демократизации Восточной Европы не оправдали себя. Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерва-

¹ Утверждения, высказанные на языке несоизмеримых понятий и с провалами в логике, не связываются в непротиворечивые умозаключения. Их называют *некогерентными* (*incoherent*).

тизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов» [142].

Здесь крайняя некогерентность (не говоря уж о несоответствии фактам). Что значит, например, что Польша в 1989 г. «начала сначала, *а то и с нуля*»? И почему неолиберализм, возникший в конце 60-х гг. XX в., «проверен веками»? Уж если А. Ципко считает, что «лучше идти от проверенных веками ценностей и принципов», то надо было бы брать за образец первобытнообщинный строй: он проверен двумястами веков. Или уж, на худой конец, рабство: тоже десять веков его проверяли. Ведь из программы средней школы известно, что частная собственность и капиталистическое предпринимательство — очень недавние и специфические явления.

М.К. Мамардашвили утверждал, что со времен Ивана Грозного в России начался распад социальных связей, который завершился в 1917 г. гибелью общества: «Все пространство Советского Союза — охватившая зона распада общественных связей, социальных связей, т.е. зона отсутствия общества... Я утверждаю, что в 1917 г. произошло коллективное самоубийство общества и государственности» [143, с. 79—80].

Как понимать его категории и термины? Это — аллегория, художественные метафоры или новая оригинальная трактовка понятия *общество*? Как бы удалось в СССР провести индустриализацию, победить мощную систему фашизма в войне и развить науку, сравнимую с западной, не имея ни государственности, ни общества? А ведь М.К. Мамардашвили в лекциях ратовал за строгость мышления, у него даже есть популярное эссе под названием «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно».

В важной книге Н. Шмелева и В. Попова «На переломе: перестройка экономики в СССР» (рецензенты книги — академик С.С. Шаталин и член-корреспондент АН СССР Н.Я. Петраков) говорится: «Наше сельское хозяйство производит на 15% меньше продукции, чем сельское хозяйство США, но зато потребляет в 3,5 раза больше энергии» [144, с. 169].

Могло ли такое быть, если на 100 га пашни в СССР в 1989 г. имелось 259 кВт энергетических мощностей, а в США —

405 кВт? Потребление энергии измеряется в кВт-часах. Если верить академику-экономисту Н.П. Шмелеву, то получится, что при загрузке в сельском хозяйстве СССР его энергетических мощностей в течение 8 часов в сутки моторы и машины сельского хозяйства США (в расчете на 100 га пашни) работали всего *1,5 часа в сутки*. Это следует из простого уравнения: $259 \cdot 8 = 3,5 \cdot 405 \cdot x$, где x — время работы энергетических мощностей сельского хозяйства США за сутки. Автор не удосужился подсчитать.

Развивая в той же книге тезис о якобы избыточном производстве стали в СССР, Н.П. Шмелев пишет: «Мы производим и потребляем в 1,5—2 раза больше стали и цемента, чем США, но по выпуску изделий из них отстаем в 2 и более раза» [144, с. 169].

Это утверждение некогерентно, в нем грубо нарушена логика. Невозможно «потреблять» в 2 раза больше стали, чем США, но при этом «выпускать изделий из стали» в 2 раза меньше, ибо сталь потребляется только в виде *изделий* — рельсов, арматуры, стального листа и т.д. Кроме того, производство стали и потребление стали — совершенно разные категории. Объект потребления — весь стальной *фонд*, вся сталь, накопленная в стране за столетие. Это сталь, «работающая» в зданиях и конструкциях, машинном парке и железнодорожных путях. Годовое производство стали — это лишь *прирост* фонда, *поток*. Увеличив в 1970—1980-е гг. производство стали, СССР стал постепенно ликвидировать огромное отставание от США в величине металлического фонда, накопленное за XX в.

Теперь о «выпуске изделий из стали». Вот справка по СССР: «Как видно из баланса металла по металлопотребляющим отраслям за 1970 г., из поступивших в процесс потребления 98,3 млн т металлопродукции перешло в готовые металлоизделия и в состав сооружений 81,5 млн т, или 83,0%» [145, с. 298]. Следовательно, чтобы в США смогли произвести из тонны стали в 4 раза больше металлоизделий, чем в СССР, американские фабриканты должны были бы суметь *из одной тонны стали* произвести как минимум *3,2 тонны металлоизделий*. Это при том же количестве отходов. Кстати, количество отходов при металлообработке в СССР снижалось, за 10

лет выход изделий повысился на 3,4% относительно уровня 1970 г.

В той же книге говорится: «Сейчас примерно два из каждых трех вывезенных кубометров древесины не идут в дело — они остаются в лесу, гниют, пылают в кострах, ложатся на дно сплавных рек... С каждого кубометра древесины мы получаем продукции в 5—6 раз меньше, чем США» [144, с. 144].

Какое глубокомысленное утверждение: «два из каждых трех *вывезенных из леса* кубометров древесины... *остаются в лесу*». Но давайте внимем в тезис о том, что из бревна в СССР выходило в 5—6 раз меньше продукции, чем в США. Заглянем в справочник и увидим такую сводку (табл. 2):

Таблица 2. Выход изделий из древесины в СССР и США. 1986 г. (в расчете на 1000 кубических метров вывезенной древесины)

Вид изделий	СССР	США
Деловая древесина, плотных м ³	786	790
Пиломатериалы, м ³	281	197
Клееная фанера, м ³	6,2	37,9
Древесностружечные плиты, м ³	17,4	18,8
Древесноволокнистые плиты, м ²	1602	1590
Древесная масса, т	5,6	10,3
Целлюлоза, т	23,0	96,5

Где здесь эти фантастические «в 5—6 раз меньше продукции»? Отходов при переработке бревна в деловую древесину в США было чуть-чуть меньше, чем в СССР (а с учетом стружек, пошедших на изготовление древесностружечных плит, эту разницу вообще трудно определить). Как использовать продукцию первого передела — **деловую древесину**, зависит уже от приоритетов. Строишь дом из пиломатериалов — делаешь больше бруса и досок, строишь из фанеры — делаешь больше фанеры. Много в стране бездомных, живущих в картонных ящиках, — делаешь много картона. Много тратишь бумаги на упаковку — перерабатываешь древесину на целлюлозу.

А вот нарушение логики при использовании определенной, но численной меры приводит к тому, что числа не согласуются с выводом. В 1994 г. член Президентского совета

доктор экономических наук Отто Лацис сообщил: «Еще в начале перестройки в нашей с Гайдаром статье в журнале “Коммунист” мы писали, что за 1975—1985 годы в отечественное сельское хозяйство была вложена сумма, эквивалентная четверти триллиона долларов США. Это неслыханные средства, но они дали нулевой прирост чистой продукции сельского хозяйства за десять лет» [146].

Вложения 250 млрд долларов за десять лет, то есть по 25 млрд в год, названы «неслыханными средствами». Что же тут «неслыханного»? Годовые вложения в сельское хозяйство страны масштаба СССР в размере 25 млрд долларов — сумма не просто рядовая, но очень и очень скромная. Если бы экономист О. Лацис следовал нормам рациональных рассуждений, он обязан был бы сказать, сколько, по его оценкам, *следовало бы* ежегодно вкладывать в сельское хозяйство. Он должен был бы, например, упомянуть, что в 1986 г. только *государственные бюджетные дотации* сельскому хозяйству составили в США 74 млрд долларов¹. К тому же утверждение о «нулевом приросте чистой продукции сельского хозяйства за десять лет» ложно. Чистая продукция сельского хозяйства СССР в 1985 г. составила 120% от продукции 1975 г. (в ценах 1983 г.).

Грубое нарушение логики стало обычным делом. Вот что сказал академик А.Г. Аганбегян, выступая в Новосибирском государственном университете 1 декабря 2003 г.: «Рынок — это система, где производится то, что может быть оплачено со стороны потребителей. В плановом хозяйстве производилось много продукции, которая не была востребована. Например, мы производили в 7 раз больше тракторов, чем США... Когда перешли к рынку, цена на тракторы резко выросла... в результате производство тракторов сократилось примерно в 20 раз. Такие примеры можно привести и по грузовикам, и по бульдозерам, и по железнодорожным вагонам, и по станкам, и по многому другому. Если столько продукции не нуж-

¹ Примечательно, что почти одновременно с Лацисом в академической печати выступал другой влиятельный экономист-демократ, депутат Верховного Совета СССР и профессор МГУ

^{А.} Емельянов. Он говорил нечто совершенно противоположное: «За счет сельского хозяйства долгое время решали многие проблемы, перекачивая из деревни ресурсы. Теперь настала пора вернуть долги» [147].

но, то и выплавлять 146 млн т стали бессмысленно — с падением платежеспособного спроса производство стали сократилось в 3 раза.

Сказанное относится и к зерну. Наша страна производила 120 млн т зерна и еще докупала. Этого не хватало, считалось, что для скота надо больше кормов... С переходом к рынку, когда за зерно стали спрашивать реальные деньги, выяснилось, что его столько не нужно. В прошлом году урожай был 84,5 млн т зерна. Это бедствие — на него резко упала цена, вывезено на экспорт 17 млн т и еще 10 млн т остались невостребованными.

Поэтому переход к рынку — крайне болезненная вещь, связанная с огромным сокращением производства» [148].

Здесь разумные привычные понятия вывернуты наизнанку, так что все рассуждение перемещается в какое-то зазеркалье. Почему же тракторы, вагоны, грузовики и зерно были в СССР «невостребованы»? Ведь ими пользовались, их не хватало, экономику требовали перестроить именно для того, чтобы всех этих вещей **производить больше**, — вспомните хотя бы драматические рассуждения об импорте зерна. Что значит «считалось, что для скота надо больше кормов»? Не надо было кормить скот? Скот порезали, а потом перестали кормить и детей. Не сказал академик, что в той «экономике ради прибыли», за которую он ратовал, «отмечается **вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания**, уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 г. более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела — ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ», — это сказано в «Государственном докладе о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году».

Понятие *потребность* у экономистов этой группы означает *платежеспособный спрос*. А если на производство зерна дается дотация, значит, это зерно не нужно. Вот, значит, к чему стремились наши ведущие экономисты — организовать в стране «огромное сокращение производства»! А значит,

и сокращение *потребления* для большинства населения — и пищи, и культуры, и образования. Хороший урожай у этих экономистов — бедствие!

Некогерентность рассуждений иногда вызывается умалчиванием или искажением важных сторон реальности из идеологических побуждений. Известно, например, что в культуре России укоренено глубокое отвращение к убийству. Пропаганда запрета смертной казни во время перестройки болезненно принималась в обществе. Здесь мы не касаемся сути этой проблемы и лишь обращаем внимание на то, что эта пропаганда часто велась с нарушением норм рациональности. Например, видный юрист-социолог Я.И. Гилинский писал в академическом журнале: «Мы полагаем, что государство не может считаться правовым и цивилизованным, пока в нем сохраняется узаконенное убийство... В настоящее время в большинстве цивилизованных стран смертная казнь отменена *de jure* или не применяется *de facto*» [149].

Это утверждение некогерентно, поскольку главным образцом «правового и цивилизованного государства» в тот момент были официально признаны США. Но в США дискуссия о смертной казни велась с 1972 г., и позиции шаг за шагом ужесточались. 11 июля 1990 г. сенат США 94 голосами против 6 одобрил, как сказано, «самый жесткий и самый всеобъемлющий в истории США» закон о борьбе с преступностью, расширяющий применимость смертной казни на 33 вида преступлений. Я.И. Гилинский не мог этого не знать, да и читатели журнала «СОЦИС» в большинстве знали.

Привычная некогерентность стала фоном рассуждений, который стал неразличимым для журналистов, читателей и слушателей. Академик А.Н. Яковлев сказал в интервью в мае 1991 г.: «Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма — точнее, периода 60-х — середины 80-х годов — еще впереди, его даже не начинали» [150, с. 24]. Если так, то какое же право имел академик давать категорические оценки советскому обществу за целый исторический период и даже требовать его уничтожения! Здесь есть острая некогерентность, а главное, очень многие рассуждали так же, как Яковлев.

А.Н. Яковлев пишет в 2001 г.: «На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы... Только частная собственность через действие закона стоимости и конкуренции непрерывно повышает производительность труда и создает материальные блага в изобилии. Частная собственность — первооснова автономии личности, ее обогащения — интеллектуального и материального и т.п.» [45, с. 24].

Это суждение некогерентно в каждом его утверждении. Что значит «на Руси правили люди, а не законы»? А в США законы Святой Дух в виде голубя в конгресс приносит — или люди их пишут? Что значит «частная собственность создает материальные блага»? Теория стоимости еще у Локка была *трудо*вой, так что, согласно закону стоимости, материальные блага создает не собственность, а *труд*. А изобилие материальных благ у части буржуазного общества определяется тем, что частная собственность позволяет диктовать способ *распределения*, а не *создания* благ.

Мысль, будто «только частная собственность повышает производительность труда», фантастична. Неужели академик РАН по Отделению экономики всерьез считает, что за двадцать тысяч лет истории цивилизации, которые предшествовали возникновению частной собственности, производительность труда людей не повышалась? Мы знаем о *скачкообразных* повышениях производительности труда (революциях), которые оказали на судьбу человечества гораздо более фундаментальное влияние, чем изобретение компьютера, — например, приручение лошади и верблюда, выведение культурных растений и переход к земледелию, изобретение хомута и использование лошади на пахоте вместо вола. Частной собственности при этом еще и в помине не было.

В 2003 г. А.Н. Яковлева спрашивают, как «архитектора перестройки», о ее программе. Он отвечает: «Интересно, как вы себе представляете “план перестройки”? Это что, перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке» [106].

А.Н. Яковлев не отвечает на простой вопрос, пытается превратить нормальный вопрос в глупость, но сам не видит несвязности своей иронии. Почему же, если бы Горбачев предложил «перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ», то его «тут же поставили бы к стенке»? Кто бы его поставил к стенке, если КГБ и прочие ведомства этот перечень изучили и завизировали? С другой стороны, косвенно А.Н. Яковлев признает, что план был, причем ему хорошо известно главное содержание этого плана — оно таково, что если бы этот план стал достоянием гласности, то авторов его *тут же следовало бы поставить к стенке*, это было бы естественным и правильным, с точки зрения государства.

21 апреля 2004 г. в публичной лекции о замысле реформы 1990-х гг. рассказал член группы теоретиков экономист В.А. Найшуль. Его главное рассуждение пространно. Он говорит: «В конце 70-х годов не только наша группа, но и еще несколько толковых человек в Госплане знали, что страна находится в смертельном экономическом кризисе... Госплан лихорадило, лихорадило не как организацию, а как схему работы — Госплан все время пересчитывал собственные планы. Итак, в конце 70-х годов в Госплане ощущалось, что система находится в кризисе, из которого у нее, по всей видимости, нет выхода...

Часть наших размышлений состояла в ответе на вопрос: если эта система не выживает, то в чем дело?.. Выход был в децентрализации. Децентрализация — все с этим соглашались, но дальше надо было додумать. ...Ясно было, что отсюда следуют свободные цены.

Далее. Если у нас свободные цены, то возникает вопрос о собственности... Мы получаем, что необходима частная собственность, а необходимость частной собственности предполагает приватизацию, мы получаем как логическое упражнение ваучерную приватизацию. Собственно, в 1981-м году эта ваучерная приватизация была придумана» [151].

Все эти утверждения некогерентны. Кратко рассмотрим их.

Вот первый тезис: «Несколько толковых человек» считают, что «страна находится в смертельном экономическом кризисе».

Для такого вывода требуются рациональные доводы, но видимых симптомов смертельной болезни Найшуль не называет. Экономические и социальные показатели (динамика инвестиций, рост производства, потребления и даже производительности труда) не предвещали не только смерти, но даже и тяжелого кризиса. Попробуйте сегодня найти тексты тех лет, в которых спокойно и внятно была бы обоснована неминуемая гибель советской экономики. Нет таких текстов.

Единственный аргумент Найшуля — «Госплан лихорадило». Это заключалось в том, что «Госплан все время пересчитывал собственные планы». Ну и что? На то и Госплан, чтобы считать и пересчитывать планы. Хозяйство стало большим, прежняя методология не отвечала сложности объекта, это обычный *кризис метода*. Как из этого следует, что, «по всей видимости, нет выхода»?

Никак не следует, это просто глупое утверждение. В 2004 г. мы были наслышаны, как «пересчитывают планы» крупные западные корпорации. Их плановые отделы были снабжены суперкомпьютерами, но поставки «Аэробусов» опаздывали на два года, а «Боинг» задерживал поставку уже оплаченных самолетов на 14 месяцев. Строительство туннеля под Ламаншем оказалось намного дороже, чем планировалось, а сам туннель — убыточным. Но если бы какой-нибудь экономист на основании этого сказал, что «эта система не выживает», его посчитали бы идиотом.

Допустим, «несколько толковых человек» прозрели признак кризиса. Что делают в таком случае? Ставят диагноз болезни, обсуждают его, составляют перечень альтернативных подходов к предотвращению беды, вырабатывают критерии выбора альтернативы и доказывают ее преимущества. Найшуль пропускает все необходимые стадии анализа: «Выход в децентрализации!» Почему, откуда это следует?

Даже закрадывается подозрение, что все эти группы теоретиков и их лекции — большой спектакль. Но ведь эти актеры — элита нашего сословия обществоведов, они учат молодежь, им до сих пор рукоплещут, как новому платью короля.

Что понимает Найшуль под «децентрализацией» экономики? Вовсе не сокращение планируемой периферийной части хозяйства с сосредоточением усилий на ядре из клю-

чевых отраслей. Напротив, по его понятиям, децентрализация — это уничтожение именно **ядра** экономической системы. Какая же это реформа, это революционное уничтожение системы. Сначала без всяких оснований утверждают, что человеку грозит смертельная болезнь, а потом на этом основании его убивают. Вот так обществовед, врач общества!

Из лекции видно, что эти теоретики готовили именно разрушение советской экономической системы. Вот рассуждения Найшуля, которыми он оправдывает результаты своих теоретических выводов: «Проблема, которая до сих пор не решена, — это неспособность связать реформы с традициями России. Неспособность в 85-м году, неспособность в 91-м, неспособность в 2000-м и неспособность в 2004 году — неспособность у этой группы и неспособность у страны в целом. Никто не представляет себе, как сшить эти две вещи» [151].

Этим теоретикам характерна «неспособность связать реформы с традициями России»! Неспособен, так что ж ты берешься?! В этом есть какая-то детская безответственность.

Продолжая считать свой «умственный продукт» высококачественным, Найшуль утверждает: «То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают. Скажем, начиная от наукоемких отраслей и банковского сектора, кончая государственным устройством, судебной и армейской реформой. Список можно продолжить» [151].

Какое голое место? Где в России такое голое место, где у Гайдара с Найшулем «получилось»? Мы видим страшный регресс в мышлении.

Вот еще рассуждение Найшуля: «Я бы сказал еще, на какие страны мы ориентировались... Для меня в 90-м году, особенно после той поездки, была и остается очень релевантной страной Чили. Страной, у которой очень много чему надо научиться» [151].

Можно ли представить себе более дикий взгляд на советскую систему хозяйства? Учиться у Чили! Критерии подобия между системами двух стран не выполняются, но Найшулю нравится. Поразительно и то, как легко наши экономисты поверили в миф об успехах Пиночета. Реальность Чили была совсем иной. В 1989 г. 41,2% населения жили ниже черты бедно-

сти. Вокруг Сантьяго и других больших городов выросли трущобы. В 1970 г. дневной рацион беднейших 40% населения имел энергетическую ценность 2019 калорий. К 1980 г. эта величина упала до 1751, а к 1990-му — до 1629 [152].

Вспомним более близкие времена: как видные экономисты, даже в ранге министров, объясняли, почему вырученные от продажи нефти деньги надо хранить за границей и ни в коем случае не вкладывать в отечественную экономику. В 2006 г. прошла целая серия выступлений по телевидению на эту тему. Экономист В. Мау утверждал, что беда России — высокие цены на нефть. Слишком быстро мы богатеем — и от этого беднеем с невероятной скоростью. Эта идея поначалу шокировала своей алогичностью, и внятно разъяснить ее никто не мог. Но она настойчиво пропагандировалась. Тогдашний начальник экспертного управления Президента РФ А. Дворкович заявил с экрана телевидения: «Сегодня у нас проблем больше действительно с высокими ценами на нефть, чем благоприятных тенденций. Цены на бензин растут, многие предприятия говорят, что удорожание рубля ведет к потере конкурентоспособности».

Если принять эту логику, то следовало бы вылить нефть в море или раздавать ее даром.

На телепередаче «Времена» у В.В. Познера (17 апреля 2006 г.) Г. Греф объяснял, что надо делать с лишними деньгами, которые душат Россию: «У стабилизационного фонда есть две функции. Первая функция очень малопонятна — это функция стерилизации избыточных денег».

Функция и впрямь очень малопонятная. Стерилизовать деньги! Философ рыночной экономики Франклин завещал потомкам: «Помните, что деньги по своей природе плодоносны!» Да, у американцев плодоносны, у них избыточных денег не бывает, а русские обязаны свои деньги стерилизовать — чтобы не плодоносили.

Как же правительство РФ стерилизовало деньги? Оно их вкладывало в чужую экономику! Г. Греф объясняет: «Когда в экономику приходит большая масса денег, не обеспеченных товарами, то они либо должны изыматься из экономики и не тратиться внутри страны, или будет очень высокая инфляция, ну, в полтора раза выше, чем сейчас, а это прямое влияние на

инвестиционный климат, отрицательное влияние. И мы этими деньгами ничего не сможем решить, кроме как очень быстро потратить их».

Какова логика: если у нас завелись деньги, то инвестировать их внутри страны ни в коем случае нельзя, потому что это испортит инвестиционный климат и тогда к нам прибудет мало инвестиций!

Г. Греф продолжает: «Все экономисты, профессиональные экономисты, утверждают в один голос — стабилизационный фонд нужно инвестировать вне пределов страны, для того чтобы сохранить макроэкономическую стабильность внутри страны. Как это ни парадоксально, инвестируя туда, мы больше на этом зарабатываем. Не в страну! Это первое. Вторая функция стабилизационного фонда — это вот сундук на черный день. Но этот черный день не будет таким черным, что случится какой-то коллапс».

Здесь острая некогерентность! Если инвестиции «в страну» вредны, то зачем же нам этот инвестиционный климат? А если правительство ради этого климата старается, то почему же его «профессиональные экономисты» утверждают в один голос, что деньги «нужно инвестировать вне пределов страны»? Ведь это сразу отпугнет всех инвесторов.

Возможно, это *сознательная иррациональность* — инструмент политического постмодерна, который уже стал фактором роста напряженности в мире. Возможно, какая-то часть обществоведов, составляя свои некогерентные суждения, не верит своим словам и сознательно нарушает нормы научности, выполняет какие-то «партийные задания». Но, наблюдая непрерывный поток подобных рассуждений, приходишь к выводу, что этот поток принят за норму, освобождающую множество дипломированных специалистов от логики, этой «полиции нравов» интеллигенции.

П.А. Сорокин сказал об этом так: «Кризис теоретического аспекта системы [истины] обнаруживается прежде всего в стирании грани между чувственной истиной и ложью, реальностью и вымыслом, законностью и утилитарной условностью» [153, с. 175]. Это стало хронической болезнью нашего обществоведения. Особенно глубоко она поразила молодежь — дипломников и аспирантов. Они наполняют свои тексты экс-

травагантными цитатами, часто вырванными из контекста, и искренне не видят, что эти суждения неправдоподобны или противоречат здравому смыслу. Стираются грани между истиной и ложью, реальностью и вымыслом.

Утрата способности к рефлексии

Важной функцией обществоведения является предвидеть состояние и поведение важных общественных систем. Это предвидение опирается на анализ предыдущих состояний и их изменений, включая анализ понимания этих состояний, решений и действий. Для такого анализа необходим навык рефлексии — «обращения назад». Рефлексивное отношение к реальности, способность регулярно «оглядываться назад» — важное свойство научного метода. Эту методологию можно освоить и развивать, а можно и утратить.

Рефлексия как норма современной науки унаследована еще от античной философии — Гераклит эфесский сказал: «Только тогда можно понять сущность вещей, когда знаешь их происхождение и развитие». Знание о том, как зародилась проблема и как эволюционировали ее понимание, объяснение и методический арсенал исследования, является обязательным для ученого.

Именно рефлексия дает возможность поступательного движения в познании реальности. В условиях кризиса, когда динамика всех процессов резко изменяется и возникают разрывы непрерывности, рефлексивный аспект мышления приобретает критическое значение. Задержка с анализом предыдущих состояний и решений нередко становится фатальной — движение процесса по плохой траектории становится необратимым. Самые фундаментальные процессы во время кризиса становятся резко нелинейными и протекают в виде череды сломов и переходов.

Трудно сказать, когда и почему начался процесс деградации навыков рефлексии в нашем обществе. Можно сказать, что важным условием успеха операции рефлексии является умение представить предмет мысленного изучения в каком-то чувственном образе в процессе его развития (шире — изменения). Обычно для этого прибегают к «визуализации», составляя образ изучаемой системы в каких-то знаках. Чаше

всего, даже не думая об этом, делают рисунок, схемы, векторы, графы. Для следующего приближения делают карты, макеты, графики в разных системах координат, математики строят модели на своем языке. Исследователи в естественных науках, конструкторы, инженеры получают эти навыки с первого месяца обучения в вузе.

Такую задачу «структуризации и визуализации» решают военные, это у них вопрос жизни и смерти. У них есть цели и есть структуры, которые выполняют конкретные функции (войска, штабы, тылы...). Они добывают достоверное знание о себе, противнике и местности, находят «белые пятна» и создают образ реальности — на карте, на ящике с песком или в уме. И еще, они напряженно думают и извлекают уроки из каждого успеха и поражения.

Сейчас кажется странным, что русские крестьяне пореформенного поколения (деды наших нынешних стариков) и их детей, современников и участников революции, Гражданской войны, индустриализации и ВОВ, обладали культурой рефлексии высшего класса. Вехи истории двух с половиной веков были для них обыденным инструментом рассуждений и бытовых разговоров, а подосновой этого инструмента были предания и былины. Утрата этой культуры у нынешнего образованного класса должна была бы стать предметом дошного исследования.

Т. Шанин, поднявший в своей книге «Революция как момент истины» историю Всероссийского крестьянского союза, пишет: «Протоколы и отчеты со съездов Всероссийского крестьянского союза 1905 г. оставляют впечатление эпической драмы — выступления звучали временами как крестьянские легенды, жития святых и речи на сельском сходе, слитые воедино. Большинство ораторов были крестьянами, их представления и аргументы исходили как из опыта крестьянской жизни, так и из Библии» [154].

Т. Шанин делает обзор выступлений делегатов двух съездов Всероссийского крестьянского союза в 1905 г., на которых было достигнуто общее согласие относительно идеального будущего — образ будущего России именно как целостности в ее развитии. Он пишет: «Крестьянские делегаты продемонстрировали высокую степень ясности своих целей. Иде-

альная Россия их выбора была страной, в которой вся земля принадлежала крестьянам, была разделена между ними и обрабатывалась членами их семей без использования наемной рабочей силы. Все земли России, пригодные для сельскохозяйственного использования, должны были быть переданы крестьянским общинам, которые установили бы уравнилельное землепользование в соответствии с размером семьи или “трудовой нормой”, т.е. числом работников в каждой семье. Продажу земли следовало запретить, а частную собственность на землю — отменить» [154, с. 204].

Сейчас основная масса наших обществоведов старается совсем не знать о крестьянстве, ни прежнем, ни нынешнем (они путают крестьянина с фермером). Хотя бы познакомились с рефлексивной методологией Ленина. Ведь он был, видимо, основоположником парадигмы обществоведения, основа которой была перенесена из постклассической науки — *науки становления*. Это фундаментальный сдвиг от механицизма *науки бытия*, на которой стоял исторический материализм Маркса.

В 1899 г. Ленин написал книгу «Развитие капитализма в России» в русле ортодоксального марксизма. Но уже после крестьянских волнений 1902 г. начинает меняться представление Ленина о крестьянстве и его отношении к капитализму. В ходе революции 1905—1907 гг. складывается образ России как целостности, несовместимый с моделью, изложенной в «Капитале» Маркса. После 1908 г. Ленин уже совершенно по-иному представляет сущность спора марксистов с народниками (который он сам активно вел в последние годы XIX в.). Он пишет в письме И.И. Скворцову-Степанову (16 декабря 1909 г.): «Воюя с народничеством как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозе-вали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества... Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что “диктатура пролетариата и крестьянства” (классическая постановка) противоречит “всему ходу хозяйственного развития”. “Противоречит всему ходу хозяйственного развития” — это ли не реакционность?!» [155, с. 231].

Трактовка, которую Ленин давал русской революции менее десяти лет назад, ушла в прошлое. Ход событий предстал в ином свете, и это позволило выработать стратегический проект и важный методологический подход общего значения. Т. Шанин пишет: «Какими бы не были ранние взгляды Ленина и более поздние комментарии и конструкции, он был одним из тех немногих в лагере русских марксистов, кто сделал радикальные и беспощадные выводы из борьбы русских крестьян в 1905—1907 гг. и из того, в чем она не соответствовала предсказаниям и стратегиям прошлого. Вот почему к концу 1905 г. Россия для него уже не была в основном капиталистической, как написано в его книге 1899 г.» [154, с. 279].

Сейчас наши ученые и конструкторы, инженеры и военные, вероятно, и не заметили, что большая часть обществоведов к 1970-х гг. как будто утратила навыки рефлексии. Почти нет разработок по визуализации образов больших общественных систем. В этой области в основном стали пользоваться образами, представленными вербальными моделями. Это ценный метод, но перебрать в уме разные (пусть грубые) образы больших систем этим методом очень трудно.

Во всяком случае, мы все время сталкиваемся с ситуацией, когда образованный и умный специалист в общественных науках затрудняется или даже отказывается обсуждать большую систему в целом, особенно в динамике. Он не видит ее образа и готов рассуждать лишь о конкретных элементах системы. Но это совсем другое дело! Рефлексия требует увидеть структуру предмета в ее изменении, особенно если оно происходит нелинейно. Тут приходится «чувствовать» образ во времени, быстро меняя «картинки». А какая может быть рефлексия, если образа предмета изучения нет?

В результате оказывается, что студенты и аспиранты «не чувствуют» таких систем, как *общество*, *народ*, и, нередко бывает, такие целостности, как *экономика* и *кризис*. Говорят об элементах: кто о нефти, кто о курсе валют, кто о ценах. Но все это обрывки ниток клубка, который катится, разматывается и заматывается. Более того, при таком разделении трудно увидеть контекст, связи системы со множеством факторов среды (например, экономисты часто предлагают свои доктрины, со-

всем не принимая во внимание состояния общества или хотя бы рабочего класса).

Шагом к общему кризису методологии у нас стала *порча* и других инструментов рефлексии. Произошел сдвиг от реалистического мышления, которое дает *правильные* представления о реальности, к аутистическому — оно создает *приятные* представления.

Вот оценка видного экономиста Дж. Стиглица главной операции реформы — приватизации. Он констатирует: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем “проведения приватизации любой ценой”... Программа стабилизации-либерализации-приватизации, разумеется, не была программой роста. Она была нацелена на создание предварительных условий для роста. Вместо этого она создала предварительные условия для деградации. Не только не делались инвестиции, но и снашивался капитал — сбережения испарились в результате инфляции, выручка от приватизации или иностранные кредиты были растрачены. Приватизация, сопровождаемая открытием рынка капитала, вела не к созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным» [73, с. 81, 176].

Это суждение предполагает, что в доктрине реформы были сделаны фундаментальные ошибки. Элементарная норма науки обязывает сообщество, причастное к разработке этой доктрины, обдумать и обсудить критическое суждение и гласно ответить на него: признать свои ошибки или защитить свои идеи и выводы. Наука немыслима без такой рефлексии. Но в сообществе российских обществоведов и даже непосредственных авторов доктрины реформы не было никакой реакции. Они просто игнорируют нормы научного метода.

В своих грезах элитарные обществоведы — авторы доктрины реформы — категорически отказывалась обсуждать и даже видеть *отрицательные* последствия этой реформы. Вот академик Т.И. Заславская делает важный доклад (1995): «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, ос-

тальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.» [127].

Подумайте, 93% работников не могут жить так, как жили до приватизации, — за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные, часто преступные источники дохода («спекуляцию, мошенничество и т.д.») — а главный социолог, видя все это, считает, что *приватизация не повлияла на экономическое поведение*. Она как идеолог реформы видит только *приятные* изменения, а если приватизация «на поведение массовых социальных групп» повлияла неприятно, то этого влияния она просто не видит.

Целеполагание выступает в связке с *рефлексией*. Одно без другого недействительно. Невозможно ставить цель на будущее, не подведя итога прошлому как результата предыдущих решений.

Реформаторы первым делом ликвидировали главные инструменты рефлексии и коллективной памяти, которые выработала наша культура. К их числу относится, например, регулярный гласный отчет по понятной и строгой форме. И этот отчет кладется в библиотеку, как летопись наших дел. А главное, к нему в любой момент можно обратиться, чтобы «освежить» память. Не имея ни ясно изложенных программ, ни отложившихся, как летописи, отчетов, ни доступной статистики, нельзя оценить пройденного пути, проанализировать решения, выявить ошибки.

Мы сегодня живем в аномальном состоянии, мы — общество без рефлексии. В таком состоянии общество нежизнеспособно. Оно может выздороветь или распасться, но оно не может долго так существовать. И сама собой болезнь не пройдет, нужна целенаправленная «починка инструментов».

Нарушение норм рациональности при утрате памяти и способности к рефлексии — большая общенациональная проблема, она сама должна стать предметом усиленной рефлексии, а затем и специальной культурной, образовательной и организационной программы.

Вот известный пример. В 2002 г. в РФ собрали 86 млн тонн зерна. 12 октября было заявлено, что в России достигнут *рекордный урожай*. Сказано буквально следующее: «В послед-

ние годы, несмотря на плохую погоду, удалось добиться таких результатов, *которых не было в советское время*».

Как можно было произнести такое? Реальные данные Госкомстата РФ о производстве зерна (в весе после доработки) публикуются регулярно и общедоступны. Они таковы: в 1970 г. в РСФСР было собрано 107 млн т зерна; в 1973 г. — 121,5; в 1976 г. — 119; в 1978 г. — 127,4; в 1990 г. — 116,7; в 1992 г. — 107 т. Мы видим, что в 1978 г. было собрано зерна *в полтора раза больше*, чем в «рекордный» 2002 год. То есть память экспертов власти о зерновом хозяйстве России была стерта. Более того, урожай 1992 г., т. е. *уже во время реформы*, был больше «рекорда» почти на треть. Урожай менее 100 млн т в последние 20 лет в РСФСР вообще был редкостью. Даже в *среднем* за пятилетку в 1986—1990 гг. зерна собирали в среднем 104,3 млн т в год.

Более того, когда в декабре того же 2002 г. в конференции на экономическом факультете МГУ докладчик (то есть я) изложил этот казус и привел данные Госкомстата о производстве зерна на территории РФ, по аудитории прокатился гул недоверия, и несколько человек с мест закричали, что приведенные им данные касаются *всего СССР*. Таким образом, многие экономисты, собравшиеся в «лучшем вузе страны», не только не знали, как сказалась реформа на зерновом хозяйстве России, но и не помнили, что с 1976 по 1985 г. в СССР собиралось *в среднем* по 193 млн т зерна в год, а рекордные урожаи доходили до 215 млн т.

У экономистов утрачен навык мысленно встраивать сообщение с количественной мерой во временной контекст. Ведь утверждение, будто 2002 г. стал рекордным для территории РФ за всю ее историю, вовсе не тривиальное. Как можно, называя какое-то достижение рекордом, не взглянуть назад и не поинтересоваться, какими были достижения в прошлые годы? Тем более экономисты знали о том кризисе, который переживало сельское хозяйство страны в начале десятилетия. Как могла такая сенсация не вызвать интереса и сомнения? Ведь рекордный урожай в тех условиях был бы чудом и должен был стать объектом пристального внимания.

Когда принимали закон о купле-продаже земли, экономисты много говорили об ипотеке — кредитах под залог зем-

ли. Президент поставил задачу: «В 2006—2007 годах должна быть создана система земельно-ипотечного кредитования, позволяющая привлекать средства на длительный срок и под приемлемые проценты под залог земельных участков». Срок истек — каков результат? Почему банки не дают «средства на длительный срок и под приемлемые проценты»? Каковы альтернативы для изменения ситуации? Где эти экономисты? Молчание.

Вот реальность: в 2000 г. размер долгосрочного кредитования сельского хозяйства РФ составил (в сопоставимых ценах) 1,3% от уровня 80-х гг. А ведь кредит — это *рыночный* инструмент финансирования. Кто проектировал рыночную реформу, которая лишила сельское хозяйство рыночных методов, что действовали даже при плановой системе?

Как можно без памяти о пройденном рассуждать о программах и проектах?! Прочитайте сегодня, скажем, «программу Грефа». Мы пять лет слышали об этой программе, а потом она куда-то исчезает. Что же с «программой Грефа»? Она выполнена? Она прекращена? Она оказалась ошибочной? Никто о ней и не вспомнил. Мы сегодня живем в специально устроенном аномальном состоянии, мы — общество без рефлексии. В таком состоянии общество нежизнеспособно. Оно может выздороветь или распасться, но оно не может долго так существовать.

Внедрение невежества

В XX в. индустриальная цивилизация втягивается в глубокий кризис, одним из проявлений которого стали частые и массовые отказы и срывы рационального сознания, а также поразительная беззащитность массового сознания против манипуляции. Говорят даже, что одним из главных противоречий человеческого общества является столкновение *рационального с иррациональным*. История XX в. показала это самым драматическим образом. Особым случаем отказа рациональности стал соблазн фашизма, которому поддался разумный и рассудительный народ. Без таких чудовищных проявлений, но сходным по глубине спада рациональности случаем можно считать катастрофу СССР—России, которая стала

хронической. Результатом атаки иррационализма стал мировой кризис финансовой системы капитализма.

Логичное мышление — сравнительно недавний продукт культурной эволюции человека. Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное, как предполагает Шопенгауэр, а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим».

Но это поздно приобретенное благо можно утратить. Это во многом зависит от научного сообщества. Кризис обществоведения сильно усугубил общий культурный кризис России. Общность обществоведов поздно зафиксировала симптомы общего кризиса индустриализма, который охватил и СССР, а затем не исследовала причины этого явления и возможные способы остановить или смягчить данный процесс.

Этот процесс можно было проследить по динамике *когнитивной активности* рабочих и в целом горожан. В 1930 г. затраты времени на самообразование в среде горожан составляли 15,1 часа в неделю. С середины 60-х гг. начался резкий откат. Среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 г. 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 часов в неделю (14,9% своего свободного времени). В 1986 г. таких осталось 5%, и тратили они в среднем 0,7 часа в неделю (2,1%) свободного времени. К 1997—1998 гг. таких осталось 2,3%. В 1980—1981 гг. в РСФСР обучались новым профессиям и повышали квалификацию на курсах 24 млн человек, повысили квалификацию 19,3 млн человек, из них 13,6 млн рабочих. В 1990—1991 гг. повысили квалификацию 17,2 млн, а в 1992—1993 гг. — 5,2 млн человек [156].

Лежащий в основе методологии обществоведения истмат сильно ограничил чувствительность к изменениям в научной картине мира. Общество и государство опирались больше на здравый смысл и опыт. Кризис механистической картины мира возник с рождением термодинамики, когда оказалось, что мир можно видеть не как движение масс, а как движение энергии, и законы этого движения оказались иными, нежели у Ньютона. Сейчас мы освоили и включили в нашу культуру само понятие «энергия», хотя это — не более чем абстракция и выражается только через другие понятия (движение масс,

нагревание тел и т.д.). Наверное, многие даже удивятся, узнав, что этого понятия в его нынешнем виде просто не существовало до середины XIX в.

Второе начало термодинамики ввело меру *качества* энергии (энтропию), и оно нанесло сильный удар по полит-экономической модели и идее неограниченного прогресса. Но влиятельная часть обществоведов просто игнорировала это изменение картины мира и тем самым погружалась в *невежество*.

Энгельс в «Диалектике природы» отверг второе начало термодинамики, он верил в возможность вечного двигателя второго рода. Это было его ошибкой, но допущенной во второй половине XIX в. А вот 1971 г. в Берлине выходит 20-й том собрания сочинений Маркса и Энгельса, и в предисловии сказано: «Энгельс подверг детальной критике гипотезу Рудольфа Клаузиуса, Вильяма Томсона и Жозефа Лошмидта о так называемой “тепловой смерти” Вселенной. Энгельс показал, что эта модная гипотеза противоречит правильно понятому закону сохранения и преобразования энергии. Фундаментальные принципы Энгельса... предопределили путь, по которому должны были впоследствии идти исследования прогрессивных ученых в естественных науках».

В 1971 г. отрицать второе начало термодинамики! Официальный истмат активно защищал механистический материализм, воспринятый из ньютоновской картины мироздания. Из веры его «объективных законов» вытекала уверенность в стабильности общественных систем как особого рода машин. Общество верило, что, для того чтобы вывести такую машину из равновесия, нужны очень крупные общественные силы. Еще в 1991 г. граждане не верили в саму возможность ликвидации СССР, потому что это было бы против интересов подавляющего большинства граждан. Не верили — и потому не воспринимали никаких предостережений.

Но главное, что часть обществоведов стала не только сама сдвигаться в невежество, но и активно толкать туда же население СССР и России.

Главное подспорье логическим рассуждениям и умозаключениям в нашей жизни — *здравый смысл*. Здравый смысл не настроен на выработку блестящих, оригинальных решений, но

он надежно предохраняет против *наихудших* решений. В среде высокообразованных людей часто здравый смысл ценится невысоко, они ставят его куда ниже, чем развитые в науке теоретические модели. На его защиту выступали философы разных направлений (например, А. Бергсон и А. Грамши).

А. Бергсон говорил перед студентами, победителями университетского конкурса, в 1895 г.: «Повседневная жизнь требует от каждого из нас решений столь же ясных, сколь быстрых. Всякий значимый поступок завершает собою длинную цепочку доводов и условий, а затем раскрывается в своих следствиях, ставящих нас в такую же зависимость от него, в какой находился он от нас. Однако обычно он не признает ни колебаний, ни промедлений; нужно принять решение, поняв целое и не учитывая всех деталей. Тогда-то мы и взываем к здравому смыслу, чтобы устранить сомнения и преодолеть преграду. Итак, возможно, что здравый смысл в практической жизни — то же, что гений в науках и искусстве...

Сближаясь с инстинктом быстротой решений и непосредственностью природы, здравый смысл противостоит ему разнообразием методов, гибкостью формы и тем ревнивым надзором, который он над нами устанавливает, оберегая нас от интеллектуального автоматизма. Он сходен с наукой своими поисками реального и упорством в стремлении не отступать от фактов, но отличен от нее родом истины, которой добивается; ибо он направлен не к универсальной истине, как наука, но к истине сегодняшнего дня...

Я вижу в здоровом смысле внутреннюю энергию интеллекта, который постоянно одолевает себя, устраняя уже готовые идеи и освобождая место новым, и с неослабевающим вниманием следует реальности. Я вижу в нем также интеллектуальный свет от морального горения, верность идей, сформированных чувством справедливости, наконец, выпрямленный характером дух... Посмотрите, как решает он великие философские проблемы, и вы увидите, что его решение социально полезно, оно проясняет формулировку сути вопроса и благоприятствует действию. Кажется, что в спекулятивной области здравый смысл взывает к воле, а в практической — к разуму» [157].

Но на исходе перестройки «элиты», готовясь к приватизации, нуждалась в быстром отключении у граждан *здорового*

смысла. При отсутствии развитой теории советского строя и при массовом переходе интеллигенции на сторону антисоветской номенклатуры здравый смысл был единственной интеллектуальной основой для того, чтобы граждане могли выработать свою позицию в быстро меняющейся обстановке. Какие же авторитеты занялись дискредитацией здравого смысла как инструмента мышления? Философы и обществоведы!

В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон, бывшие главными интерпретаторами исторического материализма, в 1990 г. писали в большой статье в журнале «Вопросы философии»: «Поверхностные, основанные на здравом смысле высказывания обладают немалой притягательной силой, ибо создают видимость соответствия непосредственной действительности, реальным интересам сегодняшней практики. Научные же истины всегда парадоксальны, если к ним подходить с меркой повседневного опыта. Особенно опасны так называемые “рациональные доводы”, исходящие из такого опыта, скажем, попытки обосновать хозяйственное использование Байкала, поворот на юг северных рек, строительство огромных ирригационных систем и т.п.» [71].

Итак, отключив сначала у людей здравый смысл в массовой кампании против строительства крупных систем орошения, профессиональные «марксисты» в принципе отвергали рациональные доводы, исходящие из повседневного опыта. И преподаватели с подобными установками продолжают обучать студентов и контролировать главные журналы обществоведения. Можно утверждать, что была сознательно подорвана существовавшая в России культура рассуждений, грубо нарушены интеллектуальные нормы политических дебатов, что привело к тяжелой деградации общественной мысли. Приведем несколько простых примеров.

Экономист Н.П. Шмелев, депутат Верховного Совета СССР, ответственный работник ЦК КПСС, позже академик РАН, писал в важной книге: «Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель» [144, с. 140]. Но это суждение — продукт невежества. Водохранилища отнюдь не «поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель», зато позволили оросить 7 млн га засушливых земель и сдела-

ли их действительно плодородной пашней. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн га пашни из имевшихся 227 млн га — 0,35% всей пашни¹.

Но главное, что утверждалось принципиальное, мировоззренческое отрицание больших созидательных программ. Это было внедрение невежества в массовое сознание. Как это ни нелепо звучит, но именно отсутствие почти всякого строительства какое-то время действительно было козырем правительства Гайдара и Черномырдина.

Был создан устойчивый стереотип отрицания «вмешательства в природу», на активизации которого строилось множество идеологических программ. Отвергался не конкретный технический проект (место преодоления водораздела, схема каналов и водохранилищ и т.д.), а именно сама идея «преобразования природы». Само слово «*водохранилище*» приобрело зловещий, антигуманный оттенок. И запрет этот звучал настолько тоталитарно, что никогда в нем не вставал вопрос о количественной мере. Запрет был абсолютным, но никто не спросил: а пойти к колодцу, вытащить ведро воды и отнести домой — разве не такое же это изъятие и переброска воды?

Исследования сдвига людей к антисоветским установкам выявили их связь с *архаизацией* мышления, склонностью к антинаучным взглядам, появлением суеверий и т.п., отказ от прививок против эпидемических болезней и даже на соглашение на деиндустриализацию.

Казалось бы, значение ГЭС должно было быть для каждого очевидно — за их счет существенно снижается цена электроэнергии в России. Так, в 2008 г. Усть-Илимская, Братская и Иркутская ГЭС поставляли на рынок электроэнергию по цене 1,45 коп. /кВт-час. Это в 30 раз дешевле, чем электрическая энергия близлежащих тепловых станций той же компании «Иркутскэнерго» [159].

¹ Отставание России от мирового уровня в использовании водохозяйственного потенциала было колоссально, но общество легко поверило, что водное хозяйство приобрело у нас безумные масштабы — ну как не поверить слову ученых! Когда велась кампания против водохранилищ, в США было 702 больших водохранилища, а в России — 104. А больших плотин (высотой более 15 м) было в 2000 г. в Китае 24 119, в США — 6 389, в Канаде — 820, в Турции — 427 и в России — 62 [158].

Большая часть наших топ-обществоведов высказывает-ся по критическим проблемам, исходя из априорных идеологических установок, не обращаясь к реальности и не зная альтернативных объяснений. Вот известный экономист, научный руководитель ГУ ВШЭ Е. Ясин на следующий день после аварии на СШГЭС заявил: «Саяно-Шушенская ГЭС была символом крупных проектов, которые осуществлялись в СССР. Мы не знаем истинных причин этой крупной техногенной катастрофы, почему произошел гидроудар. Но, я уверен, истинная причина — в безалаберности и наплевательском отношении к строительным стандартам» [160].

Вот такие «научные руководители» обучают элиту реформаторов. «Мы не знаем истинных причин... Но, я уверен, истинная причина — в...». Не знает, но уверен! Какой регресс...

Страшный по своим последствиям провал в рациональности произошел в отношении обеспечения энергией страны. Атака на почти уже выполненную Энергетическую программу велась объединенными силами ученых и деятелей культуры. Вот логика их аргументов: «Зачем увеличивать производство энергоресурсов, если мы затрачиваем две тонны топлива там, где в странах с высоким уровнем технологии обходятся одной тонной? Вся многолетняя действительность Минэнерго завела наше энергетическое хозяйство в тупик, нанесла огромный и непоправимый урон природе... Именно этот абсурдный принцип развития нашей энергетики заложен в Энергетической программе СССР и ныне осуществляется. Никто за все это не понес ответственности» [161, с. 8—9].

Миф о «двух тоннах вместо одной» — постыдный продукт нежелания узнать фактические данные. Энергетический баланс всех производств известен досконально, это обязательное знание технологов любого профиля. Главный потребитель топлива — производство электрической энергии. Но в РСФСР благодаря Единой энергетической системе удельный расход топлива на 1 кВт·час отпущенной электроэнергии был *низким*. Если в 1985 г. в РСФСР принять расход за единицу, то в США он будет равен 1,14, в Великобритании — 1,09, в ФРГ — 1,05 и в Японии — 1,04.

Другой крупный потребитель — транспорт. В среднем в мире транспорт потреблял 20% от всей производимой

энергии, в США — 28%, а в СССР с его огромными расстояниями — только 13,4% произведенной энергии. Если доктора наук подписывают «меморандумы» с такими многозначительными утверждениями, должны же они были посмотреть хотя бы учебники и справочники (см. [162]). Л.Л. Зусман писал в важной книге: «Большое преимущество имеет СССР перед США в относительном объеме погрузочно-разгрузочных работ. Средний коэффициент перегрузок в США в 1,8 раза выше, чем в СССР... В значительной мере это вызвано многократной перепродажей товаров посредниками, что приводит к переправке грузов... В итоге объем погрузочно-разгрузочных работ на каждую тонну продукции в США почти вдвое больше, чем в СССР: 11 т в США, 6 т в СССР» [145, с. 370—371].

В рассуждениях обществоведов стали как будто необязательными элементарные знания. Полезно было бы сегодня в учебных целях поднять материалы хотя бы по двум большим психозам, созданным в общественном сознании в начале реформ, — *нитратном* и *сероводородном*. Тогда многие видные «деятели науки и культуры» сделали кучу нелепых, противоречащих и знанию, и логике, и здравому смыслу заявлений. Это — важный феномен нашей новейшей истории, нельзя его обходить вниманием.

«Литературная газета» писала: «Что будет, если, не дай бог, у черноморских берегов случится новое землетрясение? Вновь морские пожары? Или одна вспышка, один грандиозный факел? Сероводород горюч и ядовит... в небе окажутся сотни тысяч тонн серной кислоты». И читатели, а это в основном образованные люди, эту чушь *принимали*.

Максимальная концентрация сероводорода в воде Черного моря составляет 13 мг в литре, что в 1000 раз меньше, чем необходимо, чтобы он мог выделиться из воды в виде газа. В тысячу раз!

Группа океанологов смогла только в «Журнале Всесоюзного химического общества» изложить «сероводородную проблему» Черного моря и представить ее как симптом глубокого кризиса рациональности. Они писали: «Работая во взаимодействии с выдающимися зарубежными исследователями, восемь поколений отечественных ученых накопили огромные знания о сероводородной зоне Черного моря. И все

эти знания, накопленные за столетие, оказались невостребованными, ненужными. В самое ответственное время они были подменены мифотворчеством.

Эта подмена — не просто очередное свидетельство кризиса в социальной сфере, к которой принадлежит наука. В силу ряда особенностей это, по нашему мнению, является ярким индикатором социальной катастрофы. Особенности заключаются в том, что на всех уровнях надежное количественное знание об очень конкретном, однозначно измеренном объекте, относительно которого в мировом научном сообществе нет разногласия по существу, подменено опасным по своим последствиям мифом. Это знание легко контролируется с помощью таких общедоступных измерительных средств, как канат и боцманский нос. Информацию о нем легко получить в течение десятка минут обычными информационными каналами или телефонным звонком в любой институт океанологического профиля АН СССР, Гидрометеослужбы или Министерства рыбного хозяйства. И если в отношении такого, вполне определенного знания оказалась возможной подмена мифами, то мы должны ожидать ее обязательно в таких областях противоречивого и неоднозначного знания, как экономика и политика.

Множество кризисов, в которые погружается наше общество, представляет собой болото искусственного происхождения. Утонуть в нем можно только лежа. Дать топографию болота кризиса на нашем участке, показать наличие горизонта, подняв человека с брюха на ноги, — цель настоящего обзора» [163].

Похоже, что элитарные обществоведы действительно не знают, что такое сероводород или нитраты. Но ведь они стали забывать главные смыслы понятий, которые давно отчеканены в сознании. Как же они изъясняются, если размыты слова их профессионального языка?

Так, будущий советник Президента по экономическим вопросам А. Илларионов говорил в интервью (1999 г.): «Выбор, сделанный весной 1992 года, оказался выбором в пользу социализма... — социализма в общепринятом международном понимании этого слова. В эти годы были колебания в экономической политике, она сдвигалась то “вправо”, то “влево”. Но

суть ее оставалась прежней — социалистической» [164]. Возможно, это издевательство над публикой, но, скорее, распад смыслов.

А вот, например, статья демографа в академическом журнале с таким утверждением: «С какими же заболеваниями связано присутствие в воде различных химических элементов? Если в воде имеется какая-либо концентрация солей, она представляет собой полимер. Незримая опасность такой воды заключается в том, что она обладает способностью полимеризовать в организме человека все другие компоненты биологических жидкостей. И тогда получается не просто полимерная, а многополимерная вода. ...В целом вода содержит 13 тыс. потенциальных токсичных химикатов» [165].

Что за невежество гнездилось в Российской академии наук!

Все это простые, «прозрачные» примеры, со сложными проблемами положение хуже. Там невежество оплачивается огромными потерями.

В 1996 г. американские эксперты, работавшие в РФ (А. Эмсен и др.), признали: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества» [76].

Страх — понятная эмоция специалистов, чьи рекомендации привели к катастрофе. Но почему этот страх не был обуздан рациональным научным знанием? Объяснить этот феномен — приоритетная задача российской научной общест-венности. Какова природа *невежества*, которое привело реформу к тяжелому кризису? Можно говорить о глубокой деградации когнитивной структуры, которая связывала обществоведов в профессиональное сообщество¹.

А недавно ректор Российской академии народного хозяйства и госслужбы при президенте РФ В. Мау изложил свои представления о том, как надо вести модернизацию здраво-

¹ Дж. Стиглиц подчеркивает: «За последние пятьдесят лет экономическая наука объяснила, почему и при каких условиях рынки функционируют хорошо и *когда этого не происходит*» [73, с. 253]. Но наши экономисты, проектируя реформы, это знание игнорировали. Причина нашего неизбывного кризиса — именно смесь «страха вредителя» и невежества.

охранения в России. Он пишет: «В России всегда доверяли государственному университету, но частному врачу» [166].

Это шутка или невежество? Что значит, что в России «всегда» доверяли частному врачу? И какой процент населения доверял, чтобы представлять это «доверие» как всеобщую социальную норму в России? Трудно принять, что экономист на посту ректора не знает, что подавляющее большинство жителей дореволюционной России не имело доступа к врачебной помощи! В 1913 г. в Российской империи на 10 тыс. человек населения приходилось 1,77 врача и 13 коек в больнице, а в РСФСР в 1990 г. — 47 врачей и 134 койки. В России просто не было той общности «частных врачей», которым население могло верить или не верить, сравнивая их с «государственными». А когда стала возникать сеть больниц, врачи в них были *земскими*, а не *частными*, а затем советскими *государственными*.

Как же видит В. Мау главные проблемы здравоохранения в нынешней России в среднесрочной перспективе? Видит так странно, что просто ставит читателя в тупик: «При обсуждении принципов функционирования и реформирования современного здравоохранения можно выделить две ключевые проблемы. Во-первых, быстро растущий интерес образованного человека к состоянию своего здоровья. Во-вторых, асимметрия информации» [166].

Что такое он говорит? Население больно, иммунитет подорван стрессом, идет деградация остатков советского здравоохранения, а нам выдают туманные намеки насчет «растущего интереса образованного человека к здоровью» и «асимметрии информации».

Скольжение к невежеству сообщества обществоведов, а за ними и самого общества — проблема фундаментальная и системная. О ней не говорят и тем более к ней не подходят. Но придется. На мой взгляд, в этой проблеме есть ряд приоритетных тем, предметы которых уже стали актуальными угрозами. Я бы назвал такие:

— незнание и даже нежелание знать главные критические проблемы Российской Федерации и постсоветского пространства;

— незнание и мифологизация генезиса и процессов катастроф 1917 г. и краха СССР;

— незнание генезиса, процессов становления и трансформации больших систем, построенных за советский период;

— отсутствие рефлексии на локальные катастрофы постсоветского периода (Саяно-Шушенская ГЭС, пожары 2010 г., кризис Украины, этнические процессы);

— незнание роли иррационализма в генезисе и современном состоянии капиталистической экономики;

— незнание генезиса, процессов становления и трансформации Запада и причин актуального конфликта с Россией. Ком этих проблем быстро нарастает.

Case study. Фермеризация

Хороший учебный материал дает история введения купли-продажи земли и «фермеризации» России в 1990-е гг. Кратко рассмотрим этот случай: он остался без рефлексии науки и общества.

В доктрине реформ было принято, что главным типом хозяйства на селе в будущей рыночной системе станут **фермерские** хозяйства. Их пропагандой занимались идеологи и ученые широкого диапазона.

В 1994 г. вышла подготовленная Институтом экономики РАН книга, где говорилось: «В основу преобразования сложившихся в плановой экономике земельных отношений положена фермерская стратегия. При этом в качестве главного аргумента выдвигается положение о том, что фактическая эффективность производства в фермерских хозяйствах выше, чем в колхозах и совхозах» [54, с. 50].

Никаких данных в пользу этого «главного аргумента» не приводилось. Кампания эта проходила с крайним гипостазированием, игнорированием реальных фактов и нарушением логики.

Как видятся результаты огромного изменения сегодня, через 25 лет после начала «фермеризации всей страны»? Ведь невозможно разумное планирование дальнейших шагов без анализа тех последствий, к которым привела большая программа.

Результаты таковы. В 2006 г. число фермерских хозяйств в РФ составило 255,4 тыс. со средним размером земельного участка 81 га. Всего у них было 15% всей пашни в России. На этой земле фермеры произвели в 2006 г. 6,5% всей валовой сельскохозяйственной продукции страны (см. рис. 5).

Мы видим на рисунке, что во второй половине 1980-х гг. в сельском хозяйстве был симбиоз: 78% производили предприятия (колхозы и совхозы) и 22% — сельские жители на подворьях (в основном для своего потребления). В 1992 г. предприятия были задавлены железной пятой реформы, большинство сельского населения потеряло рабочие места, а возникшее фермерство по своим возможностям не может и сравниться с утраченными производственными мощностями предприятий («организаций»).

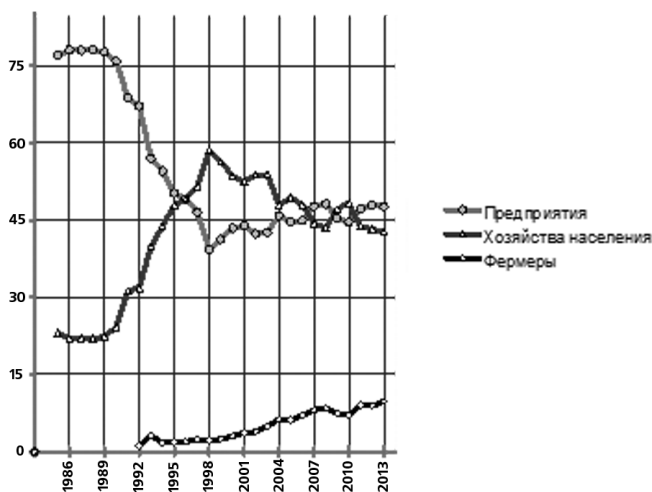

Рис. 5. Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (%)

Особенно сильно у фермеров отстает трудо- и энергоемкая часть сельского хозяйства — *животноводство*. Они в 2013 г. дали только 2,26% от общего объема продукции. Предположение, что этот уклад является наиболее прогрессив-

ным и продуктивным, не оправдалось. Но ведь ученые, которые разрабатывали доктрину реформы сельского хозяйства, исходя из этого предположения, никогда не обмолвились об этом выводе.

Тем не менее главный ресурс сельского хозяйства — земельные угодья — продолжали передавать (уже посредством «экономических рычагов») из разгромленных предприятий фермерам (рис. 6).

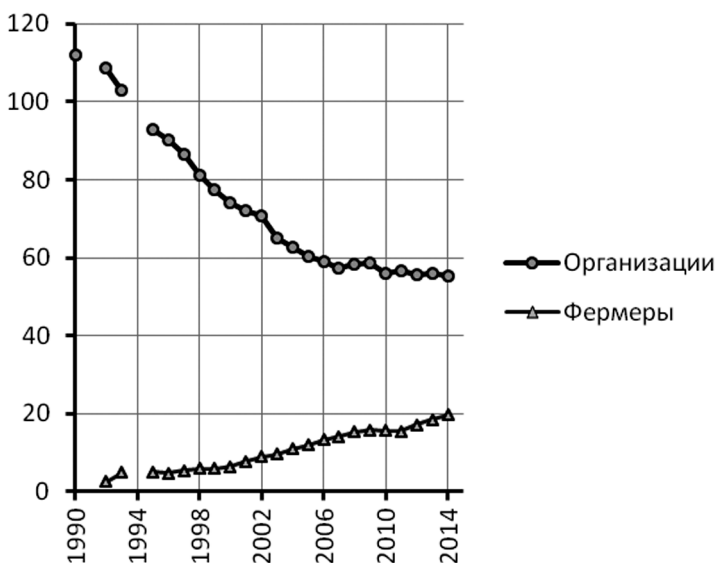

Рис. 6. Посевные площади в сельскохозяйственных организациях и в фермерских хозяйствах, млн га

Какова же эффективность использования земли у фермеров в сравнении с сельскохозяйственными организациями, в которые были преобразованы прежние колхозы и совхозы? Простым и прозрачным индикатором может служить величина посевных площадей, на которой организации и фермеры производят одинаковое количество валовой сельскохозяйственной продукции. За единицу этого количества можно взять 1% совокупного валового продукта всех категорий хозяйств.

Например, в 2010 г. организации использовали посевную площадь размером 56 млн га, и с этой площади получили 44,5% всей продукции сельского хозяйства России. А фермеры в том году использовали 15,6 млн га посевной площади и получили 7,2% всей продукции сельского хозяйства. Таким образом, организации для производства 1% валовой продукции использовали 1,26 га посевной площади, а фермеры — 2,17 га. Эффективность использования земли (посевной площади) у сельскохозяйственных организаций была в 1,72 раза выше, чем у фермеров.

И после этого улучшений у фермеров не произошло. В 2014 г. организации с 55,3 млн га получили 49,5% продукции сельского хозяйства России, а фермеры с 19,73 млн га получили 10% продукции. То есть эффективность использования земли (посевной площади) организаций была в 1,76 раза выше. При этом фермеры в основном специализируются на производстве зерна, это менее трудоемкая и более рентабельная подотрасль, чем выполнять цикл производства кормовых культур и животноводства.

Тем не менее 6 марта 2016 г. министр сельского хозяйства А. Ткачев в интервью НТВ заявил: «Мы делаем ставку на фермерское движение. И я считаю, что это настоящее и будущее АПК России. И мы видим, как фермерские хозяйства, семейные фермы во многом как раз этот рост и обеспечивают. Фермеры дают 10% от товарной продукции. Это только начало... Я уверен, с каждым годом они будут прибавлять». Он даже сделал прогноз о соотношении производства между «крупными холдингами, крупными комплексами» и фермерами: «примерно доля будет 70 на 30, может быть, 60 на 40» [167].

Скорее всего, эти расчеты и прогнозы сделали экономисты министерства, а не сам министр. По рис. 5—7 видно, что фермерский сектор достиг потолка своих возможностей и «делать ставку на фермерское движение» — утопия.

Начало фермерству было положено в 1992 г., стабильное производство было налажено к 1995 г. С тех пор тренд не меняется: колхозы и совхозы, пережившие разрушительные трансформации в ОАО и другие «организации», используют землю гораздо более эффективно, чем фермерские хозяйства (рис. 7).

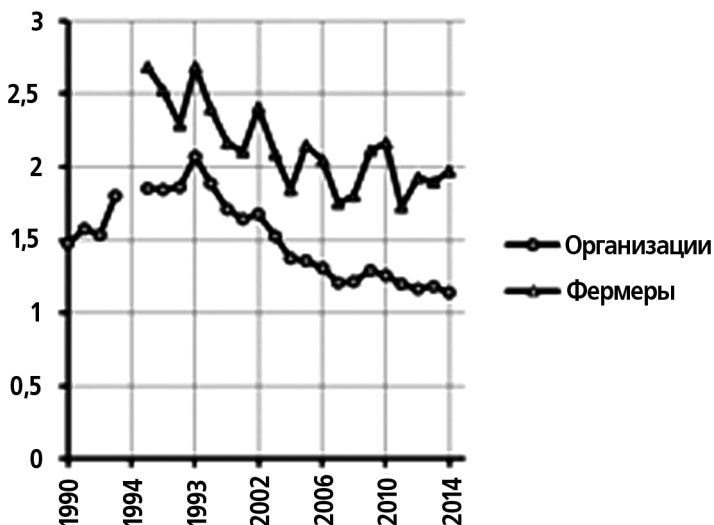

Рис. 7. Посевная площадь, необходимая для производства 1% совокупной валовой продукции при двух укладах сельского хозяйства, млн га

Надо обратить внимание на то, что в ходе реформы организации снижали эффективность из-за болезненной перестройки, а затем эффективность повышалась — но ценой свертывания культивирования менее рентабельных технологий, связанных с техническими культурами и с животноводством. В России резко сократились производство льна и поголовье крупного рогатого скота и овец.

Нетрудно видеть, как велика была роль обществоведов в разработке доктрины реформы сельского хозяйства. Экономисты и социологи составили программу столь радикальной трансформации, что ее можно назвать институциональной революцией, которая ввергла в кризис целый сектор экономики, подорвала потенциал важной системы национальной безопасности и жизнеустройство сельского населения России. При этом были созданы такие рамочные условия для сельского хозяйства и его социальных структур, что переломить процесс деградации теперь очень трудно. Вот индикатор

тор этой тенденции — энергетические мощности сельскохозяйственных организаций (рис. 8):

Доктрина этой реформы разрабатывалась и принималась без дискуссий, предупреждения и прогнозы некоторых специалистов, которые вскоре подтвердились, не только не обсуждались — они просто игнорировались. Это состояние сообщества обществоведов с тех пор не изменилось, оно приобрело форму устойчивого института. Кто же может предложить коррекции?

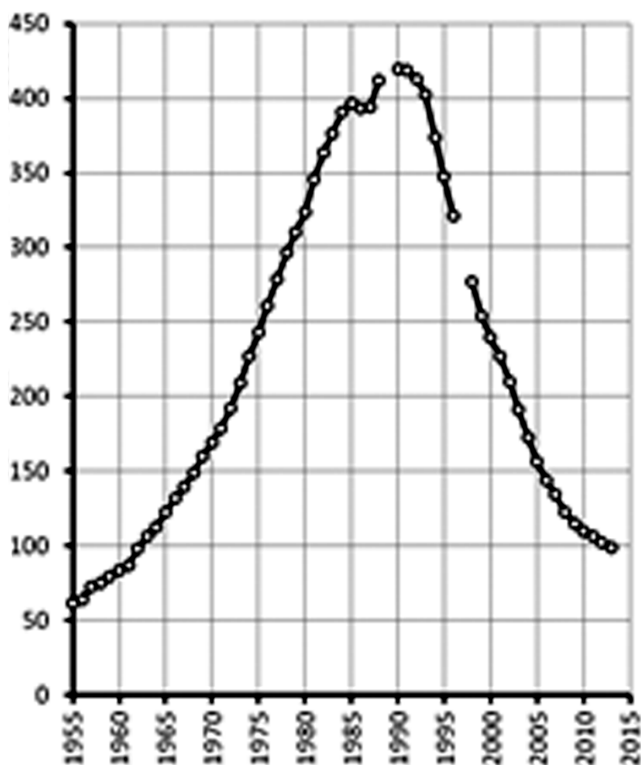

Рис. 8. Энергетические мощности сельскохозяйственных организаций РСФСР и РФ, млн л.с.

Каковы перспективы фермерства в нынешней системе хозяйства? Судя по объективным данным, очень небольшие. По данным Сельскохозяйственной переписи 2006 г., из имеющих фермерских хозяйств **сельскохозяйственную деятельность** осуществляли в 2006 г. только 124,7 тыс. А 107 тыс. фермеров относились к категории *«прекративших сельскохозяйственную деятельность»*. Еще 21,4 тыс. хозяйств считались *«приостановившими сельскохозяйственную деятельность»*. Выходит, половина фермеров, получив землю, хозяйства на ней не ведет! Можно ли замалчивать этот факт?

Ведь из него следует, что не увенчалось успехом главное институциональное изменение в сельском хозяйстве России, которое было положено в основу реформ, — не действует институт **купли-продажи земли**. Такое фундаментальное изменение жизнеустройства страны требовало обширного обоснования и общественного диалога. Диалога не было, задать вопросы было нельзя, доводы реформаторов были очень скудными. Но как реально пошла купля-продажа земли, как оправдалось первое предвидение авторов реформы?

В «Государственном (национальном) докладе о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2004 г.» сказано: «Из 401 млн га земель сельскохозяйственного назначения в собственности граждан и юридических лиц находится около 126 млн га, или более 30% от всех таких земель. Остальные 275 млн га (около 70%) находятся в государственной и муниципальной собственности. Из 121 млн га, которые являются собственностью граждан, около 113 млн га (93%) составляют земельные доли, из них примерно 27 млн га (24%) — это невостребованные земельные доли. В сельскохозяйственном производстве не используется более 30 млн га пашни» [168].

Итак, в государственной и муниципальной собственности в 2004 г. находилось 275 млн га (около 70%) земель сельскохозяйственного назначения России. Эту землю в небольших размерах покупают сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства. Так, в 2004 г. ими было выкуплено у уполномоченных органов государственной и муниципальной власти 8 тыс. га земель вне населенных пунктов. Это 0,0029% земли, предлагаемой к продаже.

Переломить эту тенденцию не удастся, частный капитал не покупает землю, чтобы вести сельское хозяйство. Землю скупают спекулянты. Вот что сказал в своем докладе на заседании Президиума Совета при Президенте РФ 25 декабря 2007 г. министр сельского хозяйства А.В. Гордеев: «Добросовестные землепользователи и инвесторы сталкиваются с проблемами оформления земли в собственность или в долгосрочную аренду. Одновременно с этим все последние годы идет процесс повышения привлекательности земли как рыночного товара, как актива. В результате в эту сферу вошли многочисленные земельные спекулянты» [169].

28 января 2009 г. Первый заместитель председателя Правительства В.А. Зубков провел совещание «О совершенствовании законодательства в области земельных отношений в части земель сельскохозяйственного назначения». Он заявил: «Активного движения эффективных собственников на земли сельхозназначения пока не видно» [170]. По его данным, к началу 2009 г. из 12 млн дольщиков только 400 тысяч (3%) оформили свою землю в собственность.

Реально никто землю для производства хлеба не покупает, 93% земли граждан — полученные от колхозов пай, а у юридических лиц земли чуть больше 1%. При этом ликвидация колхозов и совхозов привела к сокращению посевных площадей на треть. Надо зафиксировать этот вывод, ставший несомненным за годы реформ: институт *купли-продажи земли*, ради внедрения которого реформаторы пошли на создание глубокого раскола в обществе, в России не действует.

Почему же и половина начавших свое дело фермеров прекратила пахать и сеять? Причина в том, что мелкая ферма не может вести хозяйство и тягаться с крупным хозяйством без очень больших бюджетных дотаций. А обещанных дотаций фермерам в России не дали.

В 1906—1916 гг. были хорошо изучены причины неудачи Столыпинской реформы. Но ведь буквально те же ошибки мы видим и сегодня — вот что поразительно. Разница в том, что Столыпин не громил огромную систему крупных сельскохозяйственных предприятий, какие были созданы в СССР.

Политики и академики даже не задумались, почему колхозы и совхозы обходились 11 тракторами на 1000 га пашни, в то время как среднеевропейская норма для фермеров в 10 раз больше — 110—120 тракторов (а в ФРГ — более 200 тракторов). Никто не подсчитал, во сколько обошлась бы в России замена колхозов фермерскими хозяйствами, если бы она действительно произошла в полном масштабе. Между тем только обеспечение тракторами обошлось бы, в ценах 2008 г., в 1,3 трлн долл.¹

Хозяйства фермеров в основном являются *семейными*. По сути дела, это трудовые крестьянские хозяйства с очень малой долей наемного труда. В 1999 г. в фермерском хозяйстве в среднем было 1,3 работника, причем в среднем один работник за год отработал только 43,9 человеко-дня. Реально это были батраки-сезонники. Затраты на оплату труда с социальными отчислениями в структуре расходов фермерских хозяйств составляли всего 10%. В 2006 г. общее число работников, занятых во всех фермерских хозяйствах, составляло 475 тыс. человек. В их числе наемных работников, занятых на постоянной основе, было 83 тыс. человек, то есть в среднем по одному работнику на 3 фермерских хозяйства. Остальные — поденщики или сезонники. Таким образом, фермерские хозяйства в России в целом стали еще менее «капиталистическими», чем в 1999 г.

В 2013 г. фермерские хозяйства произвели 9,8% всей валовой сельскохозяйственной продукции РФ, имея 24,4% всех посевных площадей России. Так ради чего разрушили, а не реформировали имевшиеся до реформы крупные развитые хозяйства?

Надо искать новые формы соединения трудовых крестьянских хозяйств с крупными предприятиями, совместно мо-

¹ Расчет здесь таков. На 134 млн га пашни, которые использовала Россия до реформы, для фермеров надо было бы купить 16 млн тракторов. В 2008 г. средняя цена трактора в России составляла, по данным Росстата, 2018,0 тыс. руб., или 84 тыс. долл. Значит, для приобретения нужного количества тракторов потребовалось бы около 1300 млрд долл. Для СНГ это было бы 2,5 трлн долл. Вот цена «входного билета» в капиталистическое сельское хозяйство для России и СНГ. И ведь трактор — это лишь часть всей материально-технической базы фермы!

дернизировать их как *систему*. Но для этого требуется *рефлексия*, а она отсутствует.

Причины поражения навыков рефлексии фундаментальны и находятся в синергическом (кооперативном) взаимодействии. Соединились и усиливают друг друга политические и мировоззренческие факторы, которые отличают режим переходного периода. Этот режим возник и действовал в состоянии перехода «порядок—хаос». Хотя внимание обычно привлекают необъяснимые ошибки в решениях органов власти и управления, основанием для таких ошибок является повреждение инструментов мышления у широких категорий специалистов-обществоведов, связанных с подготовкой решений.

После разрушений от гитлеровского нашествия, сравнимых с нынешними, промышленность была восстановлена за два года, а хозяйство в целом — за 5 лет. В 1955 г. объем промышленного производства превзошел уровень 1945 г. почти в 6 раз, а сельского хозяйства — почти в 3 раза. Это — *индикатор жизнеспособности*. Сейчас промышленность только-только выходит на уровень 1990 г., а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этого уровня достигнет. А реформа длится уже 25 лет. Эту разницу надо объяснить. Ведь дело явно не в мелочах, причины фундаментальны, и речь идет об историческом вызове, от которого не уклониться.

Пока не восстановится рефлексия общности обществоведов и не будет вскрыт и разрушен механизм разрушающего рациональность мифотворчества, строительство нового российского научного сообщества в обществоведении будет парализовано.

Натурализация общества и культуры. Социал-дарвинизм

Дискурс идеологов реформы был проникнут *биологизаторством* — сведением социальных и культурных явлений к явлениям животного мира, к «закону джунглей». Это — фундаментальный мировоззренческий сдвиг.

Вспомним ставшее общепринятым утверждение, будто рыночная экономика (капитализм) является «естественным» типом хозяйства, в отличие от советского, «неестественно-

го». Г.Х. Попов изрек в своей книжке «Что делать»: «Социализм пришел как нечто искусственное, а рынок должен вернуться как нечто естественное»¹.

Поразительно, как с помощью идеологии и авторитета профессоров и академиков удалось стереть в общественном сознании очевидную вещь: экономика суть явление *социальное*, присущее только человеческому обществу. Это порождение культуры, а не явление природы. Называть «естественным» завод, построенный «частным предпринимателем, а не Госпланом», — глупость. Это такой же «артефакт», могущий «существовать только в искусственной среде». Рыночная экономика тем более не является чем-то *естественным* и универсальным. Уж если на то пошло, естественным (натуральным) всегда считалось именно нерыночное хозяйство, хозяйство ради удовлетворения потребностей — потому-то оно и обозначается понятием *натуральное хозяйство*. Разве не странно, что образованные люди перестали замечать этот отраженный в языке смысл понятия.

Более того, придание обществу черт дикой природы (в частности, к этому сводится социал-дарвинизм) — культурная болезнь Запада, давно осмысленная и во многом преодоленная. Казалось невозможным, чтобы она в конце XX в. вдруг овладела умами российской интеллигенции. Под натурализацию общественных процессов, которая в сознании властной элиты приобрела черты радикального социал-дарвинизма и мальтузианства, околловластные интеллектуалы подводили «научную базу».

Вот антрополог В.А. Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН, академик РАН в интервью в 1994 г. высказывает сентенцию: «Общество — это часть живой природы. Как и во всей живой природе, в человеческих сообществах существует доминирование, неравенство, состязательность, и это есть жизнь общества. Социальное равенство — это утопия и социальная смерть общества» [171].

И это после фундаментальных трудов этнографов в течение шести последних десятилетий, которые показали, что

¹ Заметим, что, противопоставляя социализму капитализм, Г.Х. Попов застенчиво заменяет это неприятное слово туманным термином «рынок».

отношения доминирования и конкуренции есть продукт исключительно социальных условий и культуры, что никакой «природной» предрасположенности к ним человеческий род не имеет. Постулат Тишкова о доминировании и неравенстве в человеческом обществе как естественном законе природы — чисто идеологический вывод. Но для нас здесь важнее, что это — грубая ошибка. Равенство и состязательность — *несоизмеримые ценности*. Социальное равенство так же необходимо для существования общества, как и свобода — обе эти ценности *несоизмеримы*. Их конфликт и взаимодействие — фундаментальная проблема обществоведения. Эту проблему в ходе реформ в России просто игнорировали — ценность *свободы* поставили неизмеримо выше ценности *равенства*.

Даже на Западе, где с конца XIX в. следят за балансом этих ценностей (для «своих»), сейчас именно рассогласование этого баланса считается важным фактором кризиса. Дж. Стиглиц пишет: «В условиях небывалого неравенства со времен Великой депрессии уверенное восстановление в краткосрочной перспективе будет затруднительным, а американская мечта — хорошая жизнь в обмен на усердный труд — медленно умирает... Если даже журнал *The Economist*, ориентированный на принципы свободного рынка, заявил, что величина и природа неравенства в стране представляют собой реальную угрозу Америке» [172].

В России с начала XX в. эта проблема была и осталась острой. Н. Бердяев (либерал!) писал незадолго до смерти: «Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку — волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство. ...Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше» [173].

Можно сказать, что неприятие социального равенства как отрицание *биологизации* общества стало устоем нашей

культуры уже полтора века. Вот П. Сорокин, отнюдь не коммунист, пишет в 1915 г. в свой преподавательский конспект (то есть, видимо, записывает мысль, достаточно широко признанную): «Человечество — новая сила мира. Сила эта все более и более растет; она определяет область существования его самого и все шире и шире раздвигает эту область. То, что “естественно” вне его, “неестественно” для него. “Естественный” закон борьбы за существование, уничтожение слабых сильными, неприспособленных — приспособленными человечество заменяет “искусственным” законом взаимной помощи и солидарности» [174].

Нынешний всплеск социал-дарвинизма — необычное явление в русской культуре. При восприятии дарвинизма в XIX в. в русской науке произошло его очищение от мальтузианской компоненты, что является замечательным феноменом культуры. В своих комментариях русские ученые предупреждали, что мальтузианство — английская теория, которая вдохновляется политэкономическими концепциями буржуазии. Произошла адаптация дарвинизма к русской культурной среде («Дарвин без Мальтуса»), так что концепция межвидовой борьбы за существование была дополнена теорией межвидовой *взаимопомощи*.

Эту концепцию П.А. Кропоткин изложил в книге «Взаимная помощь: фактор эволюции», изданной в Лондоне в 1902 г. Он так резюмирует эту идею: «Взаимопомощь, справедливость, мораль — таковы последовательные этапы, которые мы наблюдаем при изучении мира животных и человека. Они составляют органическую необходимость, которая содержит в самой себе свое оправдание и подтверждается всем тем, что мы видим в животном мире... Чувства взаимопомощи, справедливости и нравственности глубоко укоренены в человеке всей силой инстинктов. Первейший из этих инстинктов — инстинкт Взаимопомощи — является наиболее сильным» [175].

Жизнь показала несостоятельность антропологической модели, в которой человек представлен как индивид, ведущий гоббсову «войну всех против всех». Но российские обществоведы, консультирующие власть, продолжают исходить из принципов методологического индивидуализма и берут

homo economicus как стандарт для модели человека. Это делает многие постулаты обществоведения неадекватными реальности.

Обществоведы, уверовав в естественную природу рынка, игнорировали труд крупнейшего западного экономиста XX в. Дж.М. Кейнса. Ведь он специально обсуждал концепцию естественного порядка вещей и якобы «природных» законов общественной жизни. Он вскрыл методологическую ловушку, скрытую в самом понятии «естественный», и отверг правомерность распространения этого понятия на общество. Мы переживаем уникальный в истории культуры случай, когда элитарная интеллектуальная бригада реформаторов выступает как сила обскурантистская, антинаучная.

Биологизаторство части интеллектуальной элиты обществоведения становится все круче. В ее среде возникли течения, следующие болезненному ницшеанству. Они мечтают о выведении не просто новой породы людей («сверхчеловека»), а нового *биологического вида*, который даже не сможет давать с людьми потомства. Они предвидят «революцию интеллектуалов».

Информационное агентство «Росбалт» учредило в Петербургском университете проект «Мировые интеллектуалы в Петербурге». Там делают доклады «признанные мировые интеллектуалы и лидеры влияния». Доктор философских наук А.М. Буровский так рассуждает об «интеллектуалах-люденах» и обычных людях (2008): «Молодые люди из этих слоев вряд ли будут способны соединиться — даже на чисто биологическом уровне. Малограмотный пролетариат малопривлекателен для люденов. И для мужчин, и для женщин. Мы просто не видим в них самцов и самок, они нам с этой точки зрения не интересны... Иногда мужчине-людену даже не понятно, что самка человека с ним кокетничает. А если даже он понимает, что она делает, его “не заводит”... Поведение текущей суки или кошки вполне “читаемо” для человека, но совершенно не воспринимается как сигнал — принять участие в игре... Я не раз наблюдал, как интеллигентные мальчики в экспедициях прилагали большие усилия, чтобы соблазнить самку местных пролетариев» [176, с. 208].

Это говорит в ХХI в. с кафедры Санкт-Петербургского университета профессор двух вузов.

Биологизаторство элиты обществоведения сделало мировоззренческим основанием доктрины реформ *социал-дарвинизм*, представление о человеческом обществе как части природы. Это тяжелый провал в рациональности и в культуре, откат на целое столетие, тем более неожиданный, что он произошел в среде интеллигенции России.

А.Н. Яковлев представлял основную массу трудящихся не иначе как паразитов, поражал мировую общественность заявлениями о «тотальной люмпенизации советского общества», которое надо «*депаразитировать*». Даже приводил довод, странный для академика-экономиста: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других».

Это рабочие и крестьяне сами себя не кормят? А паразитируют на других — на ком?

Вот «грузинский Сократ» М.К. Мамардашвили объясняет французскому коллеге суть уродства России: «Живое существо может родиться уродом; и точно так же бывают неудавшиеся истории. Это не должно нас шокировать. Вообразите себе, к примеру, некоторую ветвь биологической эволюции — живые существа рождаются, действуют, живут своей жизнью, — но мы-то, сторонние наблюдатели, знаем, что эволюционное движение не идет больше через эту ветвь. Она может быть достаточно велика, может включать несколько порой весьма многочисленных видов животных, но с точки зрения эволюции это мертвая ветвь.

Почему же в социальном плане нас должно возмущать представление о некоем пространстве, пусть и достаточно большом, которое оказалось выключенным из эволюционного развития? На русской истории, повторяю, лежит печать невероятной инертности, и эта инертность была отмечена в начале XIX в. единственным обладателем автономного философского мышления в России — Чаадаевым. Он констатировал, что Просвещение в России потерпело поражение... По-моему, Просвещение и Евангелие (ибо эти вещи взаимосвязанные) совершенно необходимы... Любой жест, любое человеческое действие в

русском культурном космосе несут на себе, по-моему, печать этого крушения Просвещения и Евангелия в России» [177].

Для М.К. Мамардашвили обычные люди (например, в очереди) выглядят «скорпионами в банке» — почему? Ведь это восприятие ненормально. Он пишет: «Что мы видим вокруг себя, в наших грязных домах, пустых магазинах и в наших людях, лица которых сведены звериным оскалом? Насилие, садизм и отсутствие законности копились десятилетиями и не находили выхода, поскольку существовала монополия государства на насилие и беззаконие. Теперь, когда монополия нарушена или нейтрализована, вся мерзость прет наружу из самых темных уголков человеческого “я”. Если мы и спали в течение семидесяти лет, то отнюдь не невинным сном праведника, пробуждающегося во всей своей красе и чистоте. Во сне мы переродились, выродились. Ведь можно проснуться и насекомым, как один из персонажей Кафки. Вот что происходит в настоящий момент в Москве, Ленинграде, Тбилиси...» [143, с. 345].

Но ведь множество наших обществоведов двинулись за этим «дискурсом». Зачем-то они собирали все эти рассуждения и публиковали их как великие истины.

Социал-дарвинизм иногда принимает форму тупого этнического национализма, конкретно — *русофобии*. Так, М.К. Мамардашвили писал, что у грузин «благоустроенные квартиры забиты вещами, высококачественной импортной аппаратурой», делая из этого факта «философский» вывод: «Эта атмосфера отражает самоуважение грузин, которое отсутствует у русских». Он даже усиливает этот аргумент: «Обстановка отражает мое отношение к самому себе. На стол я стелю скатерть, а не газету. Русские готовы есть селедку на клочке газеты. Нормальный, невыродившийся грузин на это не способен. ...Мы должны отделиться. ...Хватит вместе страдать и вместе жить в дерьме» [143, с. 350].

Разве позволительно философу переходить на бытовой уровень и пускать свои вульгарные оскорбления в пространство общественного сознания?! Зачем друзьям М.К. Мамардашвили было тиражировать эти недостойные слова? Значит, и эти друзья, и составители книги, и большинство читателей не видят ничего предосудительного в таких рассуждениях. Их

интеллектуальное сообщество это принимает — вот в чем проблема.

Вновь вышел на тропу войны и бывший декан МГУ и ныне ректор одного из новых университетов экономист Г.Х. Попов. Он выдал такие мальтузианские «откровения демократа», что поначалу многие подумали: не мистификация ли это? Через блог «Московского комсомольца» он дает человечеству такие указания: «Должны быть установлены жесткие предельные нормативы рождаемости с учетом уровня производительности и размеров накопленного каждой страной богатства. Нельзя, чтобы быстрее всех плодились нищие... Страшную перспективу прогрессирующего накопления у одного ребенка генетических болезней уже двух родителей надо прервать. Наиболее перспективным представляется генетический контроль еще на стадии зародыша и тем самым постоянная очистка генофонда человечества» [178].

Вот доктор наук, руководитель Центра междисциплинарных исследований общественного сознания (ныне Центра исследований идеологических процессов) Института философии РАН А.В. Рубцов, выступая в «Горбачев-фонде» перед лицом бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС, говорил такие вещи: «Британский консерватор скорее договорится с африканским людоедом, чем член партии любителей Гайдара — с каким-нибудь приматом из отряда анпиловцев» [179, с. 63].

Вдумаемся: философ, который считает себя *демократом*, на большом собрании элитарной интеллигенции называет людей из «Трудовой России» *приматами*. Только потому, что они пытались, чисто символически, защитить именно демократические ценности человеческой солидарности. А посмотреть на список участников этого «круглого стола» — цвет гуманитарной и обществоведческой интеллигенции.

В отношении большинства трудящихся (рабочих и особенно крестьян) в среде элитарных обществоведов стали обычным делом рассуждения в духе тяжелого социал-дарвинизма. Где же наши философы, гуманитарии и юристы? Ведь это обрушение культуры, чреватое цепной реакцией. Достигнет критической массы — «и у поколения будет собачье лицо».

В самых разных выражениях давалась характеристика того большинства («охлоса»), которое в реформе должно было быть отодвинуто от власти и собственности. Г. Померанц пишет: «Добрая половина россиян — вчера из деревни, привыкла жить по-соседски, как люди живут... Найти новые формы полноценной человеческой жизни они не умеют. Их тянет назад... Слаборазвитость личности — часть общей слаборазвитости страны. Несложившаяся личность не держится на собственных ногах, ей непременно нужно чувство локтя» [180].

Согласно А.П. Бутенко, крестьянин, рабочий и люмпен в России «не имели ничего» — ни дисциплины, ни привязанности к частной собственности, ни образования, ни культуры, — ибо все это несет людям только капитализм, который в России не успел развиваться. Он пишет: «В ходе исторического развития именно патриархальное крестьянство, глубоко враждебное товарному производству и власти денег, разлагающих его консервативный, застойный мир, отстаивая свои интересы и устои жизни, выступает поборником “сильной власти” (К. Маркс), поскольку деспотическая власть самого такого крестьянина как главы патриархальной семьи есть продукт его натурального, мелкого производства, покоится на его незыблемости»¹ [48, с. 129].

Вот с какой страстью пишет А.Н. Яковлев о крестьянах и их общине столетней давности: «Давно убежден, что многие беды в России идут от нерешенного *земельного вопроса*. Я всегда считал его роковой проблемой. Только Столыпин решился покончить с паскудством общины. И уже тогда все деревенские горлопаны завопили о незыблемости общинных порядков на земле. Доорались до Ленина со Сталиным, до нового крепостничества» [46, с. 640].

¹ Эти представления о реакционном характере крестьянского мироощущения уже в перестройке были распространены в среде интеллектуалов. Философ Д.Е. Фурман в книге «Иного не дано» (1988) пишет о влиянии консерватизма крестьян на становление СССР как государства: «Основные носители этих тенденций — очевидно, поднявшаяся из низов часть бюрократии, которая, во-первых, унаследовала многие элементы традиционного крестьянского сознания, во-вторых, хочет не революционных бурь, а своего прочного положения» [181, с. 575].

И это — академик, ведущий ученый-экономист! А какова его риторика: «В деревне все еще колхозом воняет. Не дотации колхозам надо давать, а кредиты фермерам. Да еще са-могонку пить надо в два раза меньше и в два раза работать больше — и пойдет-поедет. ...Деревенская общественность, неизменно голосующая за возвращение к “строительству коммунизма”, редко бывает трезвой, но, протрезвев, люто ненавидит “оккупационный режим” демократов, поскольку нет денег на опохмелку. А еще за то, что в России появились более или менее состоятельные люди. Речь идет не о ворах. Речь идет о трудягах, вкалывателях. О тех, кто держит на своем подворье две-три коровы и кормит полдюжины, а то и дюжину поросят. Купил автомобиль, чаще всего подержанный, перестраивает свой образ жизни, значит — ату его! Кто сначала потный, а потом уже пьяный, но потеет больше, чем пьет, навеки проклят большевиками» [46, с. 628—629].

Вот тебе и демократия XXI века!

Может показаться странным, но натурализация культуры, особенно производства, сопровождалась во время перестройки вытеснением понятий, которые обозначают *природные* явления. Они представлялись рукотворными благами и включались в категории, определяемые *ценой*, а не *ценностью*. Это сыграло большую роль в реформе, поскольку замена понятий на время деформировала мировоззрение.

Вот пример. Раньше у нас четко разделялись понятия *производство* и *добыча*. В производстве человек создает новое, частицу мира культуры. При добыче человек изымает из природы то, что она создала без усилий его рук и ума. Поэтому говорилось «производство стали», но «добыча нефти». Когда старое мышление было отброшено, стали говорить «*производство* нефти». Важнейшее мировоззренческое различие было стерто. Инновационный и сырьевой типы экономики стали почти неразличимы. Это был важный сдвиг в общественном сознании.

Но добычей, как охотой или собиранием корней, большой народ прокормиться не может. Ему требуется свое производство, чтобы с помощью нефти и машин обрабатывать землю, выращивать культурные растения и их зеленым листом

улавливать солнечную энергию, превращая ее в пищу и сырье. Российский ученый С. Подолинский в 1880 г. подсчитал, что устойчивым является такое развитие, при котором затраты одной калории энергии (мускулов или топлива в моторе) вовлекают в оборот 20 калорий солнечной энергии («принцип Подолинского»).

Замени лошадь трактором, и нефть окупится сторицей. Растения Земли, поглощая бесплатную энергию Солнца, за год превращают в глюкозу около 100 млрд т углерода из атмосферы. А нефти человечество добывает в сто раз меньше. На первый взгляд, может показаться, что мировоззрение и экономические теории не играют особой роли в нашей судьбе: примет правительство решение — и покатится Россия по пути инновационного развития. Это неверно. Решение такого масштаба должно быть легитимировано культурой. Если мы не видим разницы между получением денег от производства и от добычи, если одобряем «прибыль сегодня» как высший критерий политики, то призыв к восстановлению производства обществом принят не будет. Инерция в мировоззрении укрепляет инерцию «сырьевого пути».

Приравнивание добычи к производству уже вошло в сознание. Экономисты приняли этот язык и спорят о том, в пользу общества или олигархов отдать «природную ренту». Но прибыль от месторождений нефти нельзя считать рентой, ибо рента — это регулярный доход от возобновляемого источника. Земельная рента создается трудом земледельца, который своими усилиями соединяет плодородие земли с солнечной энергией. По человеческим меркам, это источник неисчерпаемый. С натяжкой природной рентой можно считать доход от рыболовства — если от жадности не подрывать воспроизводство популяции рыбы. Но доход от добычи нефти — не рента, ибо это добыча из невозобновляемого запаса.

Английский экономист А. Маршалл в начале XX в. писал, что рента — доход от потока, который истекает из *возобновляемого источника*. А шахта или нефтяная скважина — вход в склад Природы. Доход от них подобен плате, которую берет страж сокровищницы за то, что впускает туда для изъятия накопленных Природой ценностей. И проблема вовсе не в том,

как разделить доход. Нефть для народного хозяйства — это жизнь для народа России. Нефть для мирового рынка — это, после некоторого предела, угасание России.

Вот жестокий факт: для внутреннего потребления в 1985 г. в РСФСР осталось по 2,51 т нефти на душу населения, а в 2005 г. — по 0,72 т на душу. Это в 3,5 раза меньше того, чем располагал житель РСФСР в 1985 г. В 2013 г. осталось по 0,91 т нефти (не учитывая трудовых мигрантов). Это скудный паек энергоносителей для новой индустриализации.

Вот наглядный результат «сырьевого» пути: в РФ за годы реформы сократились посевные площади на 42,3 млн га. Более чем на треть! Нет солярки для крестьян, нет для них и удобрений, чтобы дать сырье «перерабатывающим отраслям». Откуда взять электроэнергию для сельского хозяйства — производственное потребление электроэнергии в сельскохозяйственных организациях сократилось за годы реформы в 4,2 раза!

Это катастрофическое сокращение использования двух главных бесплатных ресурсов — земли и солнечной энергии.

Ошибки в представлении систем: векторные и скалярные величины; ограничения

Выше говорилось, что важный методологический изъян кризисного обществоведения выражался в отказе от определения категорий и их места в иерархии. Это приводило к смешению ранга проблем, причем, как правило, это смешение имело не случайный, а направленный характер — оно толкало к *принижению* ранга проблем, представлению их как простого, очевидного и не сопряженного ни с каким риском улучшения некоторой стороны жизни. Проблемы бытия представлялись как проблемы быта.

Проектирование будущего, определение общего вектора развития требуют осмысления фундаментальных вопросов бытия и актуального состояния реальности. Не определив цели движения, государство вместо определения стратегического курса захлебывается в ситуативных решениях. Между тем и власть, и общество вынуждены периодически делать выбор или коррекцию вектора (проекта будущего), как витьязь выбирает путь на «перекрестках судьбы».

Признаком регресса стало равнодушие к различию *векторных* и *скалярных* величин. Определить главный вектор значило бы снизить риск тяжелых аварий и срывов политического процесса и, в принципе, уже в среднесрочной перспективе отвечало бы интересам подавляющего большинства населения, в том числе и самих реформаторов. Но эксперты власти предпочитали «набирать очки» обещанием или даже предоставлением «скалярных благ», например: раскрутить спираль потребительского кредита и дать среднему классу какое-то время пожить в «обществе потребления», пожертвовав развитием.

Потеря навыка видеть фундаментальную разницу между векторными и скалярными величинами привела к глубокой деформации понятийного аппарата и нечувствительности к даже очень крупным ошибкам. В 1988 г. академик Т.И. Заславская огласила целевую установку перестройки. Она заявила: «Перестройка — это изменение типа траектории, по которой движется общество».

Предлагалось кардинально изменить вектор развития страны, произвести не улучшение каких-то сторон жизни, а смену самого типа жизнеустройства, то есть всех сторон общественного и личного бытия. Однако понять, каковы ориентиры этого изменения, в сторону какого образа будущего будет двигаться страна, было невозможно.

Утрата способности к рефлексии и к предвидению будущего как развития по разным возможным векторам превращает целеполагание в *магическое действие*. Это сразу ликвидирует все барьеры, которые защищали структуру мышления властной элиты от господства аутистического мышления. Отодвигается в сторону рациональный расчет, начинаются «грёзы наяву».

К различению векторных и скалярных величин, которое игнорировали проектировщики реформы, тесно примыкает другое необходимое условие рациональных умозаключений — различение *цели* и *ограничений*. Здесь произошел тяжелый методологический провал, связанный со сдвигом к *аутистическому* мышлению: из рассмотрения была почти полностью устранена категория ограничений.

Когда мы рассуждаем об изменениях каких-то сторон нашей жизни (в политической сфере, экономике, образовании и т.д.), мы используем знания и применяем навыки мыслительного процесса, данные нам образованием и опытом. В процессе целеполагания мы выделяем какую-то конкретную цель. Поскольку разные цели конкурируют, мы вынуждены не беспрестанно увеличить или уменьшить какой-то показатель, а достичь его *оптимальной* (или близкой к ней) величины.

Но, определяя цель (целевую функцию, которую надо оптимизировать), разумный человек всегда имеет в виду то «пространство допустимого», в рамках которого он может изменять переменные ради достижения конкретной цели. Это пространство задано ограничениями — запретами высшего порядка, которые нельзя нарушать. Иными словами, разумная постановка задачи звучит так: увеличивать (или уменьшать) такой-то показатель в сторону его приближения к оптимуму *при выполнении таких-то ограничений*.

Без последнего условия задача не имеет смысла — мы никогда не имеем полной свободы действий. Ограничения-запреты есть категория *более фундаментальная*, нежели категория цели. Недаром самый важный вклад науки в развитие цивилизации заключается в том, что наука нашла метод отыскивать и формулировать именно *запреты*, ограничения. Невозможность устройства вечного двигателя, закон сохранения материи и энергии, второе начало термодинамики, запрет есть человечину — все это ограничения, определяющие «поле возможного».

Анализ «пределов» (непреодолимых в данный момент ограничений) и размышление над ними — одна из важных сторон *критического* рационального мышления, выработанного программой Просвещения. В такой критике наших устремлений есть позитивное начало — эта критика неразрывно связана с самой идеей прогресса, развития. Ведь развитие — это и есть нахождение способов преодоления ограничений посредством создания новых «средств», новых систем и даже новой среды. Как писал французский философ М. Фуко, «речь идет о том, чтобы преобразовать критику, осуществлявшуюся

в виде необходимого ограничения, в практическую критику в форме возможного преодоления» [182, с. 352].

Ограничения на наши планы накладывает *реальность*. Это реальность природная, политическая (внутренняя и международная), экономическая, социальная, культурная, нравственная и т.д. Важная функция обществоведения — непрерывно изучать *всю систему* ограничений, ее развитие и изменения, устранение старых ограничений и появление новых. Но уход от размышлений об ограничениях, в рамках которых развивались советское общество и хозяйство, привел к тому, что попытка игнорировать эти реальные ограничения в годы реформы обернулась крахом.

Старое утверждение, гласящее, что «искусство управлять является разумным при условии, что оно соблюдает природу того, что управляется», кажется настолько очевидным, что Фуко называл его *пошлостью*. Но реформаторы России и их эксперты принципиально не признавали этого тезиса. Они открыто провозгласили, что будут управлять государством и обществом *вопреки* их природе, ломая и переделывая их природу. Главная идея реформы сводилась к переносу в Россию англо-саксонской модели экономики. Эта идея выводилась из примитивного мифа, согласно которому Запад выражает некий универсальный закон развития человечества в его чистом виде.

Более того, реформаторы игнорировали реальность в целом. Это было принципиальным пренебрежением одного из важнейших компонентов рационального сознания — категории *ограничений*. Теперь, когда разрушение жизнеустройства страны состоялось, эти интеллектуалы рассказывают об этом с иронией и даже гордостью. Вот, 29 апреля 2004 г. в клубе «Bilingua» (Москва) дал публичную лекцию С. Кордонский — член одной из трех интеллектуальных групп, которые разрабатывали доктрину реформы (сам он принадлежал к группе Т.И. Заславской). Он описывает группу, которая начала первый этап работы: «На семинаре в “Змеиной горке” в Питере в 1985 году, собственно, все и познакомились: большая часть как ушедших, так и еще действующих политиков и экономистов».

Как же он характеризует сегодня этих экономистов и гуманитариев? Он выделяет такую их главную черту: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства — то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени» [183].

Для человека науки это признание покажется чудовищным. Такая безответственность не укладывается в голове, но это говорится без всякого волнения, без попытки как-то объяснить такую интеллектуальную патологию. После лекции Кордонского были вопросы, и он высказал странную мысль, что «реформ не было» — так, мелочи. Его и спрашивают об одной из «мелочей»:

«Рогов. Реформ не было, а отпуск цен был. Это был благотворный шаг?

Кордонский. А хрен его знает».

Представьте, одного из соавторов доктрины реформ через 12 лет после либерализации цен спрашивают, какова нынешняя оценка этого шага, и он отвечает: «А хрен его знает». Это распад рациональности — ведь речь идет о шаге, который привел к социальной катастрофе. Не нашлось других слов!

Присутствовавший на лекции Глеб Павловский, который в тот момент занимался разработкой реформ в плане политики, добавляет: «Лет 15 назад, при начале нашего общественного движения, имела место неформальная конвенция. Конвенция о том, что знания о реальности не важны для какого-то ни было политического или общественного действия. Действительно, эта конвенция состоялась, и реформаторы действовали внутри нее, как часть ее. С моей точки зрения, утверждения докладчика можно интерпретировать так, что собственно реформаторы были людьми, которые согласились действовать, не имея никаких представлений о реальности, но при наличии инструментов для преобразования, изменения того, что есть, особенно в направлении своих мечта-

тельных предположений. Эти люди делали то, что они делали, и погрузили остальных в ситуацию выживания».

Но эта конвенция вовсе не отменена! Павловский продолжает уже об элите нынешнего обществоведения, которое и служит интеллектуальным обеспечением политиков: «Они развивают очень изощренные технологии, в том числе исследовательские, политические, научные, общественные технологии вытеснения любого реального знания... Это... питает энергетикой наш политический и государственный процесс, — уход от знания реальности, отказ, агрессивное сопротивление знанию чего бы то ни было о стране, в которой мы живем».

Вот наглядный пример. Активной интеллектуальной группой, которая разрабатывала проекты «региональной перекройки» России, был Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа (ЦСИ ПФО). В 2000 г. он представил доклад «На пороге новой регионализации России». В нем выдвигалась идея разорвать территорию старой России на манер «архипелагов», придав ей «лоскутный» характер, — так якобы строится ныне «Европа регионов» или «Европа самоопределившихся муниципий». Эту идею поддерживал и Всемирный банк в его «Докладе об экономике России» (2005), который советовал России перейти к этой «новой региональной политике при значительной элиминации роли государства».

В докладе «Россия: принципы пространственного развития» (2004 г., ред. В. Глазычев и П. Щедровицкий) была изложена стратегическая доктрина кардинального изменения всей системы расселения людей на территории России. Начинается доклад с туманного предупреждения: «Множество западных источников указывает на относительное сокращение роли национальной государственной машины».

Эти указания «западных источников», представленные как некий глас свыше, принимаются как исходный постулат доклада. Очевидно, что этот «постулат» противоречит реальности. Видим ли мы «сокращение роли национальной государственной машины» в США, где военный бюджет государства составил в 2010 г. 698 млрд долл., государство национали-

зирует крупнейшие банки или делает финансовые вливания размером в триллионы долларов? Видим ли мы такое «сокращение роли» в Китае, Японии или Индии? Нет, «указание» дается именно России — притом, что государство осталось в ней практически единственной организованной силой.

Предлагая принципы тотальной переделки пространства России, авторы постоянно ссылаются на опыт Запада и его окраин (Австралии и Канады). Но при этом они признают, что критерии подобия между Россией и этими образцами не соблюдаются. В докладе сказано: «Исторический процесс формирования ландшафта России имеет лишь сугубо поверхностные признаки подобия с другими территориальными системами, будучи доказуемо уникальным. Мера одновременного разнообразия как ландшафтов, так и этноконфессиональной конструкции Российского государства значительно превышает аналогичные характеристики иных государственных образований».

Но если есть «лишь сугубо поверхностные признаки подобия», зачем же вы суете Австралию и Канаду как образец России? Ведь ограничением выбора аналогии для страны служат *признаки подобия*.

Вот как видят реформатирование России проектировщики ЦСИ ПФО: «Есть основания прогнозировать следующие изменения. Окончательное исчезновение останцев традиционной русской деревни в ее искаженном советской эпохой формате — повсеместно, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев, где можно ожидать формирования агроиндустриальной схемы, управляемой крупными холдингами, базирующимися на сращении банков и региональной власти... В русских областях, в отсутствие (маловероятного) притока иммигрантов из дальнего зарубежья, необходимо предвидеть исчезновение одного малого города из трех, так как на них всех не хватит населения... Исчезновение русского сельского населения должно способствовать усилению традиционалистских рисунков в региональной культуре за счет дальнейшей этнизации региональных элит» [184].

В этнической плоскости главное утверждение этого прогноза касается русского населения: «Окончательное исчезно-

вание останцев традиционной русской деревни... — повсеместно, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев... Исчезновение русского сельского населения... за счет дальнейшей этнизации региональных элит».

Это — беспрецедентная в истории идея радикальной переделки межнационального общежития путем своеобразной «этнической чистки» всей сельской местности страны. «Исчезновение русского сельского населения» — вот какие «принципы пространственного развития» вынашивались в российских центрах стратегических исследований!

Предлагаемый принцип межэтнического общежития называется *апартеид*. Мы не имеем в виду его одиозных форм, какие были в ЮАР. В данном случае речь идет о сельских поселениях: русские оттуда будут перемещаться в города, а в сельской местности останутся нерусские народы. Как в Латинской Америке: в городах — европейский модерн, а в сельской местности — традиционалистские индейские общины.

Надо подчеркнуть, что авторы доклада видят стратегическое развитие России не как соединение всего населения в полиэтническую гражданскую нацию, а именно как цивилизационное разделение русского и нерусских народов. В их представлении ликвидация «останцев» русской деревни «должна способствовать усилению традиционалистских рисунков в региональной культуре»¹. Иными словами, модернизации подлежат крупные города, куда будет стянуто русское население из деревень и малых городов, а в «региональной культуре» произойдет отступление к традиционному обществу (точнее, архаизация). Эвфемизм «усиление традиционалистских рисунков» означает именно архаизацию, поскольку утрата структур современного индустриального общества не ведет к восстановлению традиционной культуры.

Этот проект, видимо, поддерживался Минэкономразвития. Вот сообщение прессы: «Количество малых и средних городов в России в течение ближайших нескольких десятков лет будет неуклонно сокращаться, сообщила министр эконо-

¹ Малоизвестное слово «останцы» (видимо, взятое из какого-то местного диалекта) должно очаровать читателя колоритом «традиционной русской деревни в ее неискаженном советской эпохой формате».

мического развития Эльвира Набиуллина на Московском международном урбанистическом форуме.

“Нам вряд ли удастся сохранить жизнеспособность всех малых и средних городов. Убывание городов небольшого размера — это такая непреодолимая глобальная тенденция”, — сказала она... Министр привела оценки некоторых экспертов, согласно которым поддержка неэффективных городов стоит стране около 2—3% экономического роста ежегодно. В ближайшие 20 лет из малых и средних городов может высвободиться и мигрировать в крупные города до 15—20 млн человек» [185].

«Зоны развития», по мнению авторов проекта перестройки «пространственного развития», будут соотноситься с остальной территорией России как метрополии с колонией. Они ставят такую задачу: «Наращивание различий между территориями — как на межрегиональном, так и на внутрирегиональном уровне. Это позволит сохранить потенциал экономического развития, который поддерживается значительным различием на большом пространстве. Мировая деревня есть утопия социального равенства, следствием которого является социализм и далее — стагнация и упадок. Потенциал развития — в колонизационной (теперь экономической) политике. Различия между территориями мы должны рассматривать наподобие различий между метрополией и колонией, из которых теперь следует вывозить не столько людей, нефть, золото и алмазы, сколько знания и умения, чистоту и красоту природы».

«Вывозить красоту природы» — красиво сказано, но реальность колонизационной политики груба и жестока, красивыми словами ее не прикрыть. Авторы доклада предлагают *срочный и чрезвычайный* проект перестройки всей страны по схеме «метрополия—колония». Для обеспечения устойчивости России они считают необходимым выделить в ней анклавы («зоны развития») с плотностью населения не менее 50 человек на 1 кв. км. Временной горизонт решения этой задачи — десятилетие, средства — радикальные, хотя авторы допускают, что они *могут быть и ненасильственными*.

В документе сказано: «В ближайшие десять лет достичь подобной плотности можно только одним способом — осоз-

нанно пойти на депопуляцию периферийных районов в большинстве областей. При том, что средний эффективный радиус расселения вокруг малого города составляет порядка 50 км, достижение искомой плотности осуществимо на территории порядка 3 млн кв. км, сосредоточенной вокруг примерно 400 городов, против сегодняшних 1080. Разумеется, приведенный выше усредненный расчет сугубо условен... Условностью, разумеется, является и игнорирование сложностей, сопряженных с выработкой и реализацией ненасильственных действий, необходимых для реконструкции системы расселения».

В принципе, проект исходит из необходимости ликвидировать региональные национальные автономии, а некоторые автономные республики предлагается устранить немедленно.

В документе сказано: «На среднесрочную перспективу вполне целесообразно сохранить границы субъектов Федерации как учетных единиц — отчасти по сентиментальным соображениям, во избежание излишних социальных напряжений. Единственным исключением могут стать те регионы, где по малолюдству и наследуемой, затяжной экономической слабости сохранение самостоятельной канцелярии чрезмерно обременительно для федерального бюджета. Среди таких — Псковская и Новгородская области, Ульяновская и Пензенская области, Марий-Эл и, возможно, Удмуртия» [184].

Поначалу казалось, что это мистификация или что это писал какой-то бесноватый прогрессор, не слыхавший, какую роль в становлении и воспроизводстве России играют деревни и малые города. Но угроза закрыть часть малых городов и переселить жителей в мегаполисы уже звучала с трибуны министров.

Этот доклад был полезен как ясное представление проекта принципиальной перестройки межэтнического общежития России. Речь шла об историческом выборе, и нельзя делать вид, что подобные проекты не влияют на мышление и представления политиков и чиновников, не формируют средства культурной и политической поддержки этих планов. В. Глазычев и П. Щедровицкий, под редакцией которых был опубликован данный проект, были известными и влиятельными в экспертном сообществе интеллектуалами.

Игнорирование ограничений во многом вызвано тем, что обществоведение (экономисты, социологи и статистики) неудовлетворительно снабжает хозяйство и общество *индикаторами*. Используются старые советские или западные показатели, которые в условиях кризиса и трансформации «не работают». С ними не увидишь верный образ реальности.

Вот пример. В качестве основных причин нынешних экономических неурядиц России постоянно упоминается медленный рост *производительности труда*. Она оценивается по отношению выпуска продукции к среднесписочной численности работников за год и считается фундаментальным индикатором.

Но в ходе реформ в промышленности изменились численность работников и их структура. Численность рабочих снизилась более чем вдвое, с 17 млн в 1990 г. до 5,5 млн в 2012 г., а общая численность всех занятых в промышленности сократилась только в 1,6 раза — изменилась структура занятости. Непроизводственный персонал почти сравнялся с «рабочим классом»: в 2012 г. — 4,13 и 5,54 млн человек соответственно (в 1990 г. — 1,8 и 17 млн человек).

Но рабочих стало вдвое меньше, а производство за 1991—2013 гг. после двукратного падения восстановлено на 83%. Значит, производительность труда в промышленности выросла — при общем регрессе промышленного производства (по большинству ключевых показателей: инвестиции, расход энергии, выпуск продукции, подготовка кадров, освоение производства высокотехнологичных видов продукции)! Почему этот важный индекс реформ нигде не фигурирует в качестве достижения последних лет? Напротив, реформаторы сетуют, что производительность труда растет медленнее, чем зарплата.

Разумно предположить, что в особом режиме переходного состояния промышленности привычные для стабильных периоды индикаторы и критерии дают ложное представление о реальности (см. [57]).

Например, чему обязан трехкратный рост производительности в машиностроении, переживающем регресс (рис. 9)? Ведь производство сложной высокотехнологичной техники

(станкостроение, авиапром, судостроение и пр.) сворачивается. Может ли «отверточная сборка» (автомобилей, стиральных машин, телевизоров и др.) заменить при оценке эффективности это сложное производство?

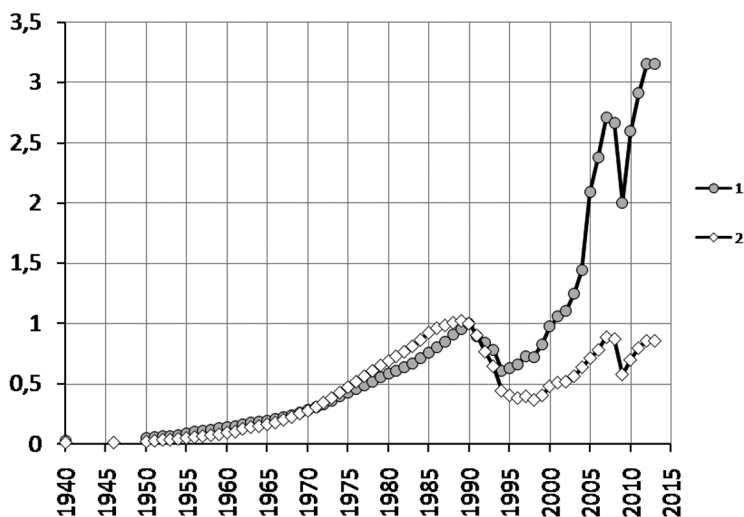

Рис. 9. Индексы производительности труда (1) и производства (2) в машиностроении РСФСР и РФ (1990 г. = 1)

Прекрасные результаты по критерию производительности труда (с 1996 г. почти пятикратный рост) демонстрирует легкая промышленность, объем производства которой снизился в 5 раз (рис. 10).

В погоне за *эффективностью* (*нормой прибыли*) в промышленности сократились и «поток» производимого, и материально-техническая «база». В доктрину реформы были заложены ложные индикаторы. В капиталистическом производстве считается, что «масса прибыли важнее нормы прибыли».

Выше говорилось о том, что исключительно важная программа «фермеризации» осталась без рефлексии общественно-ведения. Во многих элементах программы были использованы ошибочные индикаторы и нарушены почти очевидные ограничения. В общем, есть один неумолимый факт, без учета

которого всякие проекты «постсоветского фермерства» потерпят неудачу. Фермерское хозяйство как идеальная ячейка капитализма в деревне есть вещь очень *дорогостоящая*. Оно требует больших субсидий, и на Западе его содержит государство. Это на результатах своей реформы прочувствовал Столыпин.

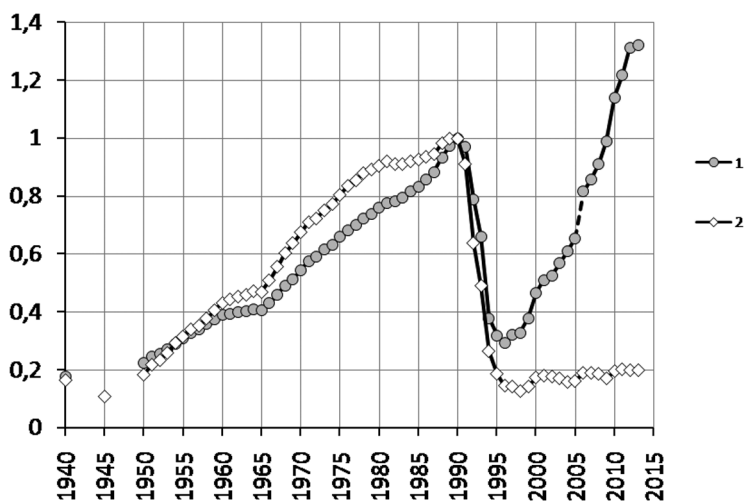

Рис. 10. Индексы производительности труда (1) и производства (2) в легкой промышленности РСФСР и РФ (1990 г. = 1)

В 1990-е гг. был шанс *надстроить* на колхозно-совхозную систему сеть фермерских хозяйств, и это было бы большим шагом в модернизации села. Фермерство и начало устраиваться *во взаимодействии* с угасающими колхозами и совхозами, опираясь на их инфраструктуру и ресурсы (большинство фермеров были до этого специалистами и членами руководства этих предприятий). Инерция этого взаимодействия иссякла, шанс был упущен. Декларируя переход от планового хозяйства к рыночному, реформа создала условия, в которых сельское хозяйство России существенно снизило товарность и отступило к укладу *натурального* хозяйства как

средству выживания — с лопатой и тяпкой на приусадебном участке.

Вообще, если кто-то рассуждает о цели как наивысшей ценности, не указывая на ограничения, то его слова можно принять лишь как поэтическую метафору или как отступление от норм рационального мышления.

Перестройку и реформу можно рассматривать как постановку множества целей по улучшению разных сторон нашей жизни. Ради этого предлагалось изменить те или иные переменные (отношения собственности, политическое устройство, тип армии и школы и т.д.). В совокупности все эти изменения означали смену общественного строя. И если мы вспомним весь перечень частных задач, то убедимся, что ограничения не упоминались вообще или затрагивались в очень расплывчатой, ни к чему не обязывающей форме (вроде обещания Ельцина «лечь на рельсы»).

Возьмем частную задачу — «улучшение экономики». У нас имелся определенный тип хозяйства (советский). В течение примерно пяти лет авторитетные ученые убеждали, что рыночная экономика западного типа лучше советской экономики. И убедили! Поэтому люди спокойно отнеслись и к ликвидации плановой системы, и к приватизации промышленности, а затем и к приватизации земли. Критерий *улучшения* был очень расплывчатым, положение оптимума вообще не определено, но самым недопустимым было обращение с *ограничениями*.

Мы сравниваем капитализм («рынок») и советский строй («план»). Какой строй лучше? Абстрактного ответа быть не может, надо задать условия. Правильный вопрос звучит так: какой тип хозяйства лучше в тех условиях, в которых реально находится СССР (Россия) — при условии, что он(а) продолжит свое существование? Никто не говорил: устроим рыночную экономику, хотя бы из-за этого погиб СССР и начались войны на Кавказе.

Каков же был тот аргумент, которым проектировщики реформы убедили интеллигентов поддержать слом экономической системы, на которой стояло жизнеобеспечение страны? Аргументом была «экономическая неэффективность» плановой системы. Рынок, мол, лучше потому, что он эффективнее.

Никто даже не сказал, по какому критерию оценивается эффективность. Но еще важнее, что никто не заикнулся о фундаментальном ограничении!

Когда речь идет о таком выборе, как тип народного хозяйства, пространство допустимого определено самым жестким ограничением — *выживанием*. Это значит, что все переменные системы можно менять лишь в тех пределах, где гарантируется выживание системы (народа, страны — уровень тех систем, гибель которых для нас неприемлема). Зачем, например, самая прогрессивная экономическая система, если при ее построении вымрет треть населения?

Примем во внимание факт, который историк капитализма Фернан Бродель, поднятый на щит именно во время перестройки, сформулировал таким образом: *«Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда»*.

Здесь слово «развиваться» равноценно понятию «существовать». То есть «услужливая помощь чужого труда» есть условие выживания капитализма — мысль довольно банальная, которую, однако, наши экономисты умолчали.

К этому факту и прилагаем для сравнения столь же очевидный факт: *«Советский строй мог развиваться без услужливой помощи чужого труда»*. Согласно самому абсолютному критерию — выживаемости, — делаем вывод: в условиях, когда страна не получает услужливой помощи чужого труда, советский тип хозяйства эффективнее капиталистической экономики. Если источники услужливой помощи чужого труда доступны, надо разбираться особо. Но этот случай для России был и остается неактуальным, поскольку ни СССР, ни нынешняя Россия этих источников не имели, не имеют и, скорее всего, не будут иметь. Место занято!

Та формула, которую дал Ф. Бродель на основе скрупулезного подсчета ресурсов, которые западный капитализм бесплатно получил из колоний, в разных вариантах повторяется и другими крупными учеными и философами самого Запада, так что тут никакой ошибки нет. Удивительно, что это вдруг перестала знать и понимать элита нашего обществоведения. Советский строй сломан, надо идти вперед, но проектирование будущего должно быть ответственным.

Красноречивым признаком дерационализации мышления стал демонстративный отказ экономистов-реформаторов от определения критериев оценки хода реформы. В конце 1993 г. на международном симпозиуме в Москве сотрудник Е. Гайдара по Институту экономики переходного периода В.В. Иванов доказывал, что «реформа Гайдара» увенчалась успехом.

Последовал вопрос: «Вадим Викторович, в прессе и в научных дискуссиях приходится сталкиваться с различными, подчас противоположными суждениями об эффективности реформ, проводимых “командой Гайдара”. Одни, в том числе и Вы, подчеркивают их успешность, другие говорят о полном провале. На основе каких критериев Вы и Ваши единомышленники судите об успехе реформ? В каком случае или при какой ситуации Вы констатировали бы успехи реформ, а при какой согласились бы, что они провалились?»

Ответ этого экономиста красноречив. Он сказал: «Я не сталкивался с критериями оценки реформ. Какое-то время я занимался методологией оценок, в частности критерием оптимальности народного хозяйства, исследовал этот вопрос, и, на мой взгляд, не существует объективных критериев оценки реформ, существуют лишь некоторые субъективных критерии» [186, с. 7—13].

Итак, ученый из НИИ, созданного специально для изучения хода реформ, «не сталкивался с критериями оценки реформ». Выходит, реформаторы даже не задумывались над тем, хорошо ли то, что они делают, получается ли у них именно то, что они предполагали, или нечто совсем иное. Но ведь и экономическое сообщество не потребовало объявить критерий, по которому можно было бы судить и о самом замысле реформы, и о том, как сказываются ее результаты на разных сторонах жизни. В сознании экономистов было полное равнодушие к инструментарию реформаторов. Это — общий провал рациональности.

Экономист И. Бирман (США) в своем докладе даже уделил этому эпизоду особое внимание. Он сказал о типе мышления экономистов команды Гайдара: «Он и его команда гордились тем, что они никогда не были ни на одном предприятии. А недавно люди, стоящие у власти, позволили себе сказать, что они

никому не объясняли, что они делали, потому что их бы не поняли. Это заявление руководителя правительства. Для меня, уже много лет живущего на Западе, это ужасное заявление. После этого человеку надо немедленно уходить в отставку. И пожалуй, закончить характеристику этой команды можно, коснувшись только что сказанного здесь. Человек, который защищал здесь эту политику — коллега Иванов, специалист, как он сам нам объяснил, по критерию оптимальности, — отказался охарактеризовать меру эффективности этой реформы. Надо ли к этому что-либо добавлять?» [187, с. 44—46].

Проектирование будущего, определение общего вектора развития требуют осмысления не только фундаментальных вопросов бытия, но и *актуального состояния реальности*. В большой картине «актуального состояния» есть сюжетный план, о котором почти не думают. Этот сюжетный план — совокупность тех процессов, которые уже сложились в реальности и направлены в совсем другие стороны, нежели выбранный властью (обществом, народом, личностью) вектор. Особенно необходимо учесть и оценить те процессы, которые направлены прямо в противоположную сторону и обладают мощным потенциалом. Лучше, конечно, составить более полную картину, поскольку многие побочные процессы, кажущиеся безобидными, могут и повернуть в сторону самых опасных. Это — одна из важных функций обществоведения.

Вот типичная и систематическая ошибка, к которой равнодушно экспертное сообщество. Вот наглядный пример: важной категорией политических деклараций стали *программы развития*, в разработку которых вовлечено обществоведение. Понятие *развитие* обозначает векторную величину — процесс созидания новых структур, укрепляющих страну и улучшающих фундаментальные показатели ее бытия. Лейтмотивом этих деклараций служит формула: «Следует принять долгосрочную программу развития...», — а дальше обозначается какая-то сфера (дорожное строительство, судостроение, развитие животноводства и пр.).

Обычно эта вводная фраза противоречит дальнейшему описанию состояния, ибо вслед за ней речь идет о деградации или даже разрушении этой сферы или отрасли. Иными словами, актуальная реальность описывается векторной

величиной, направленной противоположно развитию. Если так, то и цели, и структура программы должны соответствовать совсем иному процессу, нежели желательное *развитие*. Нельзя же игнорировать реальность!

Какой смысл принимать программу развития, если продолжает действовать уже сложившийся механизм разрушения, который за 25 лет показал свой потенциал? Ведь здравый смысл подсказывает, что прежде надо выполнить программу по остановке и демонтажу этого механизма. Когда в доме пожар, никто не занимается покупкой новой мебели — все занято ликвидацией механизма разрушения.

Вот аналогия: в 1941—1945 гг. в нашей стране действовал механизм разрушения нашего хозяйства — нашествие фашизма. Соответственно, приоритетной была программа по уничтожению этого механизма: «Всё для фронта, все для победы!» Более того, уже в конце 1930-х гг., предвидя войну, промышленность перевели на производство техники и материалов для войны, а продовольствие стали закладывать в неприкосновенный запас. Город был на голодном пайке, это как будто забыли. Эти решения были понятны, зато «долгосрочная программа развития», начатая сразу *после* победы, сплотила общество не меньше, чем война, и была эффективной.

Можно даже предположить, что программы развития и вырастают как контрнаступления — из программы борьбы против сил разрушения. Но в стратегических решениях применяется примерно такая формулировка: «Целью программы является развитие речных перевозок». Но как может возникнуть это развитие? Развитие было с 1970 по 1990 г. — объем речных перевозок вырос тогда в три раза. Но в начале 1990-х гг. был создан и начал действовать *механизм деградации* речного судоходства. Произошел спад речных перевозок в 6 раз, и подъема не наблюдается. Созданный в 1990-е гг. механизм демонтажа водного транспорта никуда не делся, этот вектор — данность сложившейся реальности! Механизм деградации надо нейтрализовать, чтобы стало можно вновь *развить* речной транспорт. Но об этой стороне проблемы и речи нет.

Такая же нечувствительность наблюдается в отношении процессов, идущих в социальной сфере. Вот, например, в По-

слании 2007 г. было сказано: «Разрыв между доходами граждан **ещё** недопустимо большой» [выделено нами]. Слово «ещё» искажает реальность. Оно соответствует вектору процесса *сокращения* разрыва между доходами, в то время как доминирует вектор противоположного процесса — после 2000 г. разрыв доходов между богатыми и бедными *увеличивается*, а не уменьшается. Если надо было дать верную картину, то фраза должна была бы звучать примерно так: «Разрыв между доходами граждан **уже** недопустимо большой, но **ещё** не достиг показателей Конго».

Неверные определения вектору процессов давались и во время обострения кризиса 2008 года. Правительство определяло ситуацию так: «В последнее время мы сталкиваемся с замедлением роста объемов экономики». Но на деле речь шла не о *замедлении* роста, а о *спаде*, о *сокращении* объемов производства. Это противоположно направленный вектор! В ряде важнейших отраслей спад уже был критическим. Так, в ноябре 2008 г. производство минеральных удобрений составило 48,4% по отношению к ноябрю 2007 г., а производство грузовых автомобилей — 41,9%.

Здесь не ошибки, а отказ от диалектики, причина неудач многих программ и проектов. Вспомним национальный проект «Развитие АПК» (2005—2007 гг.). Ядром его было развитие животноводства. На высшем уровне говорилось об ускоренном развитии и субсидировании покупки телят, в то время как целью проекта должна была бы быть ликвидация тех экономических и социальных структур, которые загнали животноводство России в кризис.

25 декабря 2007 г. министр сельского хозяйства А.В. Гордеев сделал доклад о предварительных итогах национального проекта и сказал: «Все двадцать контрольных целевых показателей по всем трем направлениям нацпроекта “Развитие АПК” будут полностью выполнены». В 2008 г. он был даже награжден Орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени — *за большой вклад в реализацию национального проекта «Развитие АПК»*. Какие целевые показатели «полностью выполнены»? Относительно уровня 2002 г. производство молока в 2007 г. **сократилось** на 3,9% — это показатель?

В 2006 г. А.В. Гордеев сказал: «В 2005 году в целом по России численность крупного рогатого скота к уровню 2004 года уменьшилась более чем на 1,5 млн голов, в том числе коров — на 722 тыс. голов. Таким образом, мы катастрофически теряем базу производства продукции животноводства».

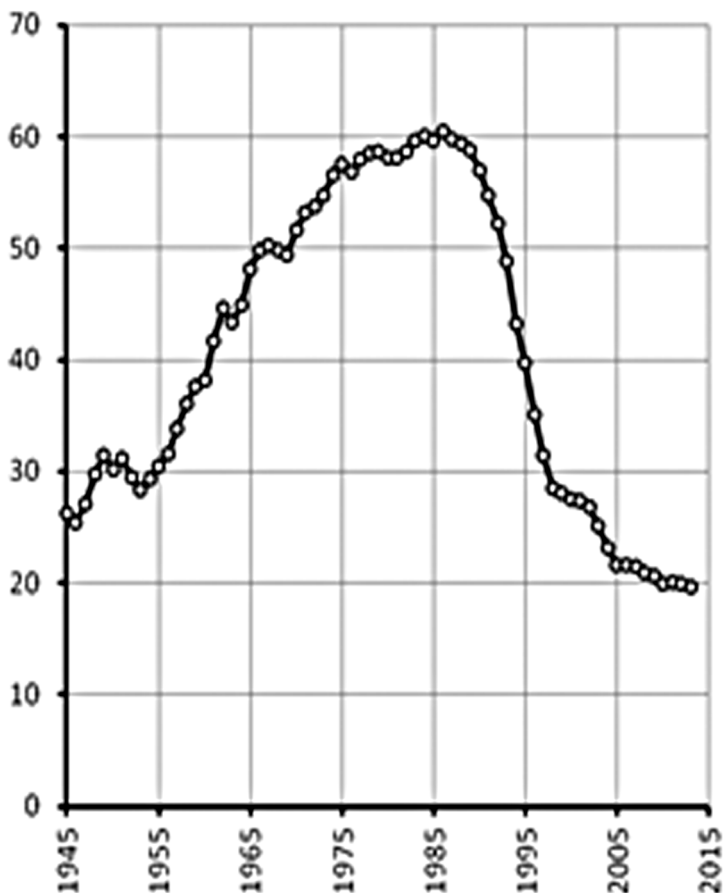

Рис. 11. Поголовье крупного рогатого скота в РСФСР и РФ, млн голов

Потеря базы производства — процесс именно катастрофический. Задача остановить этот процесс фундаментальна. А в отчетах представляется важным достижением проекта закупка на условиях лизинга 105 тыс. племенных телят за два года. Как, не устранив доминирующего вектора сокращения поголовья скота по миллиону в год, обеспечить развитие посредством покупки 50 тыс. телят? Эффект национального проекта не виден на следах хода событий (рис. 11).

Кратко определим влияние кризиса обществоведения на качество его продуктов, потребляемых государством и обществом.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА СООБЩЕСТВА ОБЩЕСТВОВЕДОВ

Тупиковая концепция реформы

Оставляем за скобками конъюнктурный политический интерес и корыстные интересы части номенклатуры и дельцов теневой и криминальной экономики. Помимо этих отягчающих обстоятельств, несостоятельность обществоведения была важным условием, чтобы недомогание страны переросло в системный кризис.

Идея в конце XX в. повторить неудавшуюся программу российских либералов начала века была не просто странной, но и иррациональной. 1990-е гг., грубо говоря, лишили Россию шанса построить мягкий капитализм социал-демократического толка. «Дикий капитализм» в XXI в. — это историческая ловушка, и эволюционного выхода из нее пока не видно.

Вот вывод исследования оценки реформы через 15 лет (2007 г. — на пике благоденствия): «Главным итогом приватизации, по мнению опрошенных, стало изменение общественного строя в России — не стало ни свободного, классического капитализма (только 3% идентифицировали подобным образом общественно-государственное устройство страны), ни социально ориентированного рыночного строя (5%), ни “народного капитализма” (2%). Тот общественный строй, который сложился в России, большинство респондентов определяет как олигархический капитализм (41%) и “криминальный капитализм” (29%), который не защищает интересы простых людей, а проводимая государством политика не отвечает интересам большинства населения страны (так считают 67% респондентов)» [188].

Доктрина, которая привела Россию к такому общественному строю, — это очевидный провал экспертного сообщества, которое ее разрабатывало. Возлагать ответственность за это на «чикагских мальчиков», которых правительство наняло в консультанты, невозможно. Ведущие экономисты и социо-

логи Запада, эксперты ЦРУ и даже экс-президенты предупреждали о последствиях реализации принятой доктрины.

Однако концепция, исходящая из ложных посылок, до сих пор не была подвергнута гласному анализу и не объявлена ошибочной, а значит, она продолжает регулярно генерировать ошибочные решения, многие с очень тяжелыми последствиями.

Дело здесь вовсе не в идеологии, речь идет об исторически заданных *ограничениях* для выбора модели развития. Можно говорить о рациональности и гипотетической приемлемости неолиберализма — в рамках специфической культуры Запада и его экономической реальности. Но это вовсе не значит, что постулаты и доводы неолиберализма являются рациональными и в существенно иной реальности — например, в Латинской Америке или России. Это — элементарное правило.

Анализируя причины краха неолиберальной реформы в России, мы должны понять природу «гибридизации» западного и отечественного научно-социального сознания, которая порождает синергическую интеллектуальную конструкцию, доводящую травмирующие свойства любой реформы до состояния абсурда, несовместимого с жизнью общества.

Реформаторы приняли к исполнению программу МВФ, которая была разработана, чтобы вышибать долги из слаборазвитых стран. Было хорошо известно, что эта жесткая программа разрушала национальные экономики «третьего мира». Пытаться с ее помощью построить в России рыночную экономику было неразумно. Россия долгов не имела и принимать эту программу не была обязана. Один из патриархов философии либерализма Дж. Грей писал о программе МВФ: «Она утопична в своем игнорировании или отрицании той истины, что рыночные институты стабильны тогда и только тогда, когда они укоренены в совокупности культурных форм, ограничивающих и наполняющих смыслом их деятельность» [104, с. 203].

Никаких шансов на успех реформа, основанная на имитации, не имела. Предупреждения о рисках, которые таила в себе программа МВФ, были сделаны, угрозы осмыслены, но программа была принята и угрозы реализовались. В.В. Путин сказал о 1990-х гг.: «За время длительного экономического

кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала». Это — страшный удар по жизнеспособности. Следствием стали быстрая криминализация и демодернизация экономики, утрата Россией признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах.

Зачастую сильные утверждения, положенные в основание концепции реформы и задающие ее вектор, были заведомой дезинформацией. В ноябре 1993 г., когда в России разразился небывалый в истории индустриального общества кризис, академик А.Г. Аганбегян так объяснил его причины в интервью Институту социологии РАН: «Надо прямо сказать, что рыночная система — это очень жестокая система по отношению к человеку. Система с очень многими негативными процессами. Рыночной системе свойственна инфляция, рыночной системе обязательно свойственна безработица. С рынком связано банкротство, с рынком связан кризис перепроизводства, рецессия, которую, скажем, сейчас переживает Европа, с рынком связана дифференциация — разделение общества на бедных и богатых... Дифференциация у нас, конечно, к сожалению, уже сейчас, ну, не к сожалению — это неизбежно, у нас уже сейчас растет, и будет дальше резко расти» [189].

Этот руководитель экономической науки был главным и самым авторитетным пропагандистом рыночной реформы. Но тогда он не говорил ничего, даже отдаленно похожего на это заявление. И никто из его коллег-экономистов, академиков и профессоров не сделал ему никакого упрека — по сей день. Сравните с тем, что писал и говорил Аганбегян в 1989—1990 гг.!

Построенная на целом комплексе фундаментальных ошибок концепция привела к краху всей программы реформ, каждый конкретный провал приходилось компенсировать ситуативно, обычно с большими издержками и для государства, и для населения. Но успевать заделывать каждый провал не удастся — они соединяются в систему с сильным кооперативным эффектом. Так, обеднение и немыслимое расслоение населения привели к непримиримому ценностному конфликту, массовой насильственной преступности, глубокой аномии практически всего населения, дезинтеграции общества и нации. Нарушились устоявшиеся, стабильные соотношения в

социальных индикаторах разных республик, краев и областей Федерации. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,53 раза. В 1995 г. она выросла до 15,6 раза, а в 2006 г. составила 10,2 раза и колеблется на этом уровне. В доктрину реформ была заложена концепция перехода России на путь анклавного развития — такого же, как метрополии «развивали» колонии.

Все это вызвало дрейф от России постсоветских республик (и даже некоторых регионов РФ) или к Западу, или к Азии. Кульминацией стал социальный, культурный и политический взрыв на Украине.

И каждый раз доктрину реформ российские обществоведы не подвергали критическому системному анализу, хотя ее принципиальные ошибки были очевидны. Это немыслимо в сообществе, следующем нормам научного метода. Вместо анализа проваленные проекты предавали забвению. Оппоненты, которые призывали произвести гласный анализ, не получали никакого ответа.

Представители элиты обществоведов вели идеологическую кампанию, чтобы убедить граждан, будто частная собственность и основанный на ней капитализм «создают» права и свободы человека. Они не могли не знать, что этот тезис противоречит давно установленным выводам западной социологии и философии. Тезис о связи капитализма с демократией был отвергнут уже в начале XX в. не только марксизмом, но и либеральными мыслителями. Вот что писал М. Вебер в 1906 г. именно как предупреждение российским либералам: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, — этой неизбежности нашего хозяйственного развития — избирательное сродство с “демократией” или вовсе со “свободой” (в каком бы то ни было смысле слова)» (см. [37]).

Эта пропаганда была бы «в высшей степени смешной, если бы не была положена в основу доктрины реформ. Наши элитарные гуманитарии не слушали ни Маркса, ни Вебера, ни даже Бердяева — не соглашались с ними и не спорили, просто игнорировали. Они поступали не как интеллектуальное сообщество, а как секта, отвергающая нормы рациональности.

Говорить о причинно-следственной связи между рынком, демократией и правами человека стало просто неприлично после того, как мир пережил опыт фашизма. Ведь фашизм — порождение именно капитализма и присущего ему общества, в ином обществе он и появиться не мог. Вот что пишет философ Г. Маркузе: «Превращение либерального государства в авторитарное произошло в лоне одного и того же социального порядка. В отношении этого экономического базиса можно сказать, что именно сам либерализм “вынул” из себя это авторитарное государство как свое собственное воплощение на высшей ступени развития».

Реформа, которую проектировала элита обществоведов, вызвала не только экономическую катастрофу, но и еще более долговременный кризис культуры. Этот кризис стал главным фактором в дезинтеграции общества.

Л.Г. Ионин пишет в 1995 г.: «Гибель советской моностилистической культуры привела к распаду формировавшегося десятилетиями образа мира, что не могло не повлечь за собой массовую дезориентацию, утрату идентификаций на индивидуальном и групповом уровне, а также на уровне общества в целом... Болезненнее всего гибель советской культуры должна была сказаться на наиболее активной части общества, ориентированной на успех в рамках сложившихся институтов, то есть на успех, сопровождающийся общественным признанием. Такого рода успешные биографии в любом обществе являются собой культурные образцы и служат средством культурной и социальной интеграции. И наоборот, разрушение таких биографий ведет к прогрессирующей дезинтеграции общества и массовой деидентификации. Наименее страдают в этой ситуации либо индивиды с низким уровнем притязаний, либо авантюристы, не обладающие устойчивой долговременной мотивацией... Авантюрист как социальный тип — фигура, характерная и для России настоящего времени» [190].

Это необъяснимая страсть разрушения, которая была выплеснута на исходе перестройки когортой солидных, образованных и высокопоставленных интеллектуалов, сама по себе произвела культурную травму. Зачем было надо гроить структуры, которые с такими усилиями и даже жертвами были построены примерно за полтора века? Разве детские

сады и дома культуры представляли какую-то угрозу реформаторам?

Л.Г. Ионин допускает даже, что и многие институты политической системы могли способствовать разумной реформе: «Возможно (сейчас это суждение, как и многие другие, неверифицируемо), что если бы реформы протекали в условиях культурной и институциональной преемственности, индивиды с устойчивой мотивацией на успех имели бы шансы реализовать свои притязания. Собственно, сначала такое развитие имело место... Если исходить из того, что марксистская идеология в СССР постепенно превратилась в культуру, можно утверждать, что КПСС в Советском Союзе к концу ее существования превратилась из политического в культурный институт. Представление о партии и ее роли в мире определяло, наряду со многими прочими вещами, даже структуру социализации индивида... Поэтому существование партии как института было крайне важным с точки зрения сохранения единства и преемственности в биографическом развитии индивидов. Она играла роль идентификационной доминанты. И это совершенно безотносительно ее политико-идеологического смысла, а только в силу ее культурной роли. Поэтому, когда завершился этап перестроечного, эволюционного развития и началось систематическое разрушение институтов советского общества, запрет КПСС, бывшей ядром советской институциональной системы, сыграл решающую роль в процессах деидентификации» [190].

Наши постсоветские гуманитарии все это знали, они выполняли «партийное задание» — и теперь продолжают засорять головы студентов и аспирантов идеологическими клише.

К чему привела эта разработанная ими доктрина? К тому, что взявшая США за образец Россия оказалась и страной-изгоем для Запада, и на грани войны с Украиной, и с разрушенной экономикой и обществом.

Тяжелый удар по всей государственной системе России реформа нанесла своими формами. Была избрана тактика, при которой *подвижность* всех институтов вошла в режим перманентного лихорадочного потрясения — постсоветская Россия была увлечена неолиберальной волной, и это было

фундаментальной ошибкой в доктрине реформ. Эта ошибка тем более необъяснима, что на самом Западе неолиберальная доктрина к тому моменту уже была дискредитирована.

Для России эта *непрерывная институциональная революция* стала бедствием. Складываясь *исторически*, а не *логически*, общественные институты обладают большой инерцией, так что замена их на другие, даже действительно более совершенные, всегда требует больших затрат и непредвиденных потерь. Об этом на протяжении веков регулярно предупреждали философы.

Шопенгауэр писал в своей книге «Афоризмы житейской мудрости»: «Прежде чем браться за выполнение какого-либо намерения, надо несколько раз хорошенько его обдумать и даже после того, как все нами уже подробно рассмотрено, следует принять в расчет несовершенство людского познания, из-за коего всегда возможно наступление обстоятельств, исследовать и предвидеть которых мы не смогли, — обстоятельств, способных опрокинуть все наши расчеты. Такое размышление непременно прибавит весу на сторону отрицания и скажет нам, что не следует, без необходимости, трогать ничего важного, нарушать существующий покой».

Люди разумно сопротивляются изменению устоявшихся институтов, особенно тех, которые задают принятый образ жизни (институциональные матрицы). В 1990-е гг. дело было не только в непрерывности изменений в институтах, хотя и это само по себе наносило культурную травму населению, но и в том факте, что эта институциональная революция исходила из радикального отрицания *традиции*. Ликвидировались государственные и общественные институты, которые просуществовали в России сотни лет, к которым привыкло все население и уже не мыслило без них нормальной жизни. Это создавало риски, которые превратились в угрозы.

Большую тревогу порождает тот факт, что доминирующая часть обществоведов в России категорически отвергает предложения произвести «разбор ошибок», совершенных при проектировании доктрины реформ.

Сделаем отступление на изложение одного из массы эпизодов, специально не слишком драматического.

Как говорилось выше, в 2011 г. был опубликован доклад «Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика» [191]. Он был подготовлен «мозговыми центрами» реформы. Рассмотрим представление «стратегии улучшения системы пассажирского транспорта в России». В современном виде эта система сложилась в СССР в послевоенный период: была создана промышленность транспортных средств, начато большое строительство дорог. За 1981—1990 гг. в СССР построено 278 тыс. км автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием. Подвижность населения быстро росла, тарифы были доступны всем слоям населения, в 1960-е гг. даже самолет стал обыденным средством передвижения.

В 1988 г. *пассажирооборот* транспорта (произведение числа отправленных пассажиров на дальность поездки) превысил уровень 1940 г. более чем в 10 раз. В 1960 г. один человек из населения СССР в среднем совершил 122 поездки на общественном транспорте, а в 1988 г. — 288 поездок.

В 1991 г. началась реформа, которая стала отрезать от транспортных услуг один слой населения за другим. Большинство лишилось доступа сначала к самолету, потом и поезд стал многим не по карману. Зажиточные пересели на автомобиль, но, поскольку дороги почти перестали строить, они надолго застряли в пробках.

В «Стратегии-2020» сказано: «Население России распадается по фактору мобильности на полярные кластеры: высокомобильный (подвижность 15% населения приближается к американским стандартам) и маломобильный. *Подвижность основной части населения находится на уровне эпохи гужевого транспорта.* К числу регулярных пользователей авиалиний относится не более 2—3% населения».

Как же объясняют стратеги такой откат в ранний феодализм?

Вот их трактовка: «На ряде территорий, как правило, рудиментах искусственной (социалистической) системы расселения и размещения производственных мощностей, происходит объективно обусловленный процесс сжатия пространства, обслуживаемого массовыми видами транспорта — железнодорожным, авиационным, речным, автобусным.

Повсеместно в стране идут динамичные процессы развития частного автомобильного транспорта и автомобилизации населения, которые обеспечили транспортную самодостаточность значительной части домохозяйств и малого бизнеса и компенсировали тем самым снижение объема услуг массовых видов транспорта».

Это объяснение приходится назвать демагогией.

Деревни России никаким «рудиментом искусственной социалистической системы» не являются, они возникли еще до феодализма. Их просто лишили автобусного сообщения, одновременно лишив и колхоза, который в случае чего помогал транспортом. Число сельских населенных пунктов, обслуживаемых автобусами, в 2009 г., по сравнению с 2000 г., сократилось на 24,9%, а протяженность маршрутов — на 27,8%.

Этот способ удушения деревни стратегии «развития России» определяют как «объективно обусловленный процесс сжатия пространства, обслуживаемого массовыми видами транспорта — железнодорожным, авиационным, речным, автобусным!» Ничего в этом «сжатии пространства» нет объективного — это результат доктрины обществоведов-проектировщиков. И какая детская хитрость — утверждать, будто «транспортная самодостаточность значительной части домохозяйств и малого бизнеса» компенсировала снижение объема услуг общественного транспорта для большинства населения, не купившего автомобиля или не имеющего времени сидеть в пробках.

Причина в том, что доктрина реформы предполагала демонтаж больших коммунальных систем, в том числе общественного транспорта, с заменой их сетью малых автономных субъектов (например, массой личных автомобилей). Система общественного транспорта была резко сокращена, а адекватной замены не возникло (см. рис. 12).

Самый массовый общественный транспорт — автобусный. В 1990 г. он перевез 28,6 млрд пассажиров, а в 2013 г. — 11,6 млрд — в 2,5 раза меньше. В три с лишним раза сократились перевозки пассажиров железнодорожным транспортом (рис. 13).

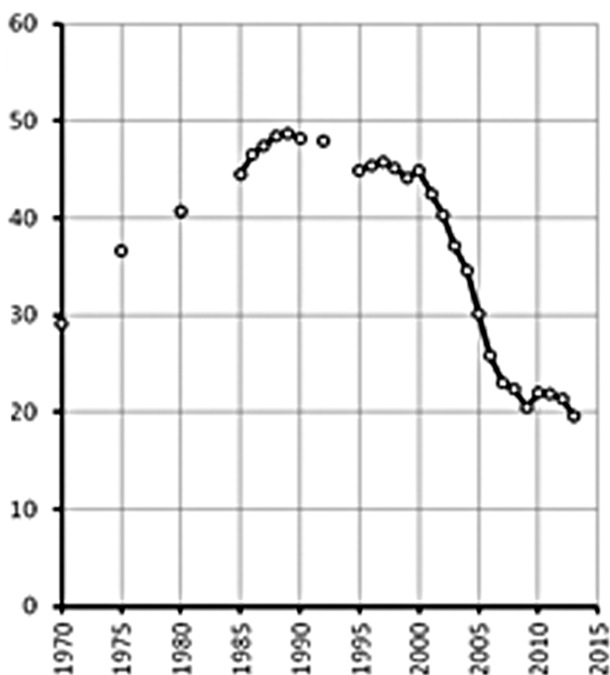

Рис. 12. Перевозка пассажиров общественным транспортом в России, млрд пассажиров

В условиях реформы аэропорты местного значения сворачивали свою работу, было закрыто $\frac{3}{4}$ аэропортов. Численность авиапассажиров в Братске и Чите сократилась, соответственно, в 5 и 7 раз. В аэропорту Вологды за 6 лет реформ численность авиапассажиров упала в 13 раз, а в Йошкар-Оле — в 21 раз. В целом к 2000 г. перевозки пассажиров воздушным транспортом сократились относительно 1990 г. в 4 раза. Затем рост перевозок стал все больше определяться международными рейсами. В 1995 г. международные перевозки воздушным транспортом составляли 32% от перевозок по России, в 2000 г. — 57%, то в 1911 г. оба потока сравнялись (рис. 14).

Вот почему снизилась подвижность большинства населения.

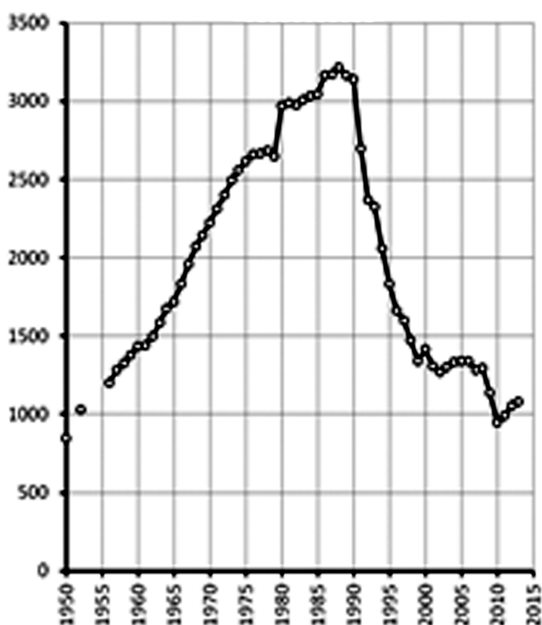

Рис. 13. Перевозка пассажиров железнодорожным транспортом, млн пассажиров

Что же говорит «Стратегия-2020» о том меньшинстве, которое «обеспечило себе транспортную самодостаточность», чего ему ждать в будущем? Читаем в докладе: «Во всех вариантах фискальная компонента в цене владения автомобилем должна вырасти в среднем на 20 тыс. рублей в год: в том числе в мегаполисах — на 45—50 тыс. рублей, в средних и малых городах — на 11—13 тыс. рублей». И это — при резком сокращении «услуг массовых видов транспорта»! Профессура ГУ ВШЭ не утруждает себя и винит проклятое прошлое: «Потенциал автомобильных дорог и городских улиц, сооруженных в советскую эпоху, был рассчитан на уровень автомобилизации населения в 60 автомобилей на 1000 жителей; сегодня автомобилизация городов и регионов страны в 4—6 раз больше; накопленный ранее потенциал дорожной сети полностью исчерпан».

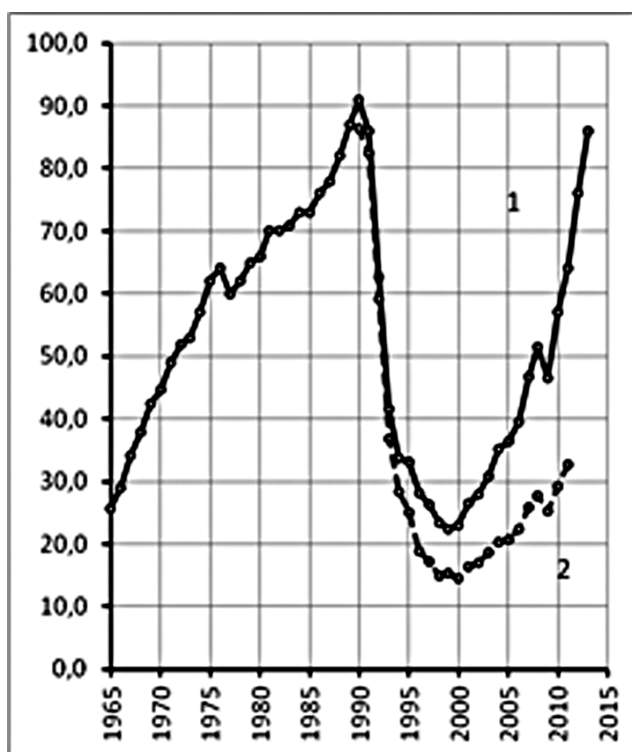

Рис. 14. Перевозка пассажиров воздушным транспортом, млн пассажиров; 1 — все рейсы; 2 — внутренние рейсы

О чем же думали авторы доктрины реформ? В СССР потенциал автомобильных дорог увязывался с уровнем автомобилизации, это были элементы одной системы, и развивались они совместно, по мере роста экономики. Реформа разорвала эту связь. В РСФСР в 1990 г. было построено 40 тыс. км дорог с твердым покрытием — 12,8 тыс. км больших шоссе и 28 тыс. км местных, а в 2009 г. — всего 2,5 тыс. км. Нетрудно было накопить для среднего класса машин за рубежом, а про дороги «забыли»? Пробки и разруху на дорогах авторы представляют дефектами советского строя, но это уже не действует.

Вот что советуют Правительству стратеги: «Повышение в 2012—2015 гг. акцизов на моторные топлива в размере не ме-

нее чем 7—8 рублей в расчете на 1 литр. Перспективная налоговая конструкция должна предусматривать, что “целевые дорожные деньги” (“road money”) должны составлять порядка 30% от розничной цены бензина... Повышенную цену за бензин придется платить немедленно».

Какая простая стратегия: цены на бензин взвинтить и все дороги сделать платными, обязать всех установить в машине навигатор GPS и взимать плату согласно пробегу. В докладе есть пункт: «Вводится универсальный налог за километр пробега, дифференцированный в зависимости от категории и местонахождения дороги. Размер платежа определяется по результатам обработки GPS-трека автомобиля (наличие необходимого для этой цели бортового оборудования становится обязательным)».

Во что превратится Россия согласно этой стратегии? Фантазия авторов выходит из берегов: «Будет снят вопрос о “платных” и “бесплатных” дорогах: дороги станут различаться только своими покилометровыми тарифами». Соответственно, предлагается сделать платными все стоянки в городах — установить законом «обязанности автовладельца платить за использование территории муниципальных образований для хранения и паркования автомобиля» [191].

Все это будущее «России-2020» выглядит мрачно. Тут нет проблемы «социализм—капитализм», тут нет вины ЦРУ или Вашингтонского консенсуса. Тут наша общая национальная беда — интеллектуальная элита наших обществоведов-рыночников, наломав дров в 1990-е гг., идет напролом.

От авторов «стратегии» требовалось прежде всего ответить на витающие в воздухе вопросы. Например, почему новая хозяйственная система таит в себе механизм неукротимого *роста издержек*. Ежегодно растут тарифы на транспортные услуги, рост цены билета намного обгоняет рост зарплат, подвижной состав изношен, но пассажирский транспорт остается убыточным, как будто внутри этой системы какой-то зверь пожирает ресурсы. В Москве билет на метро стоит уже 50 руб., но это покрывает лишь около 70% стоимости поездки. Издержки уже приблизилась к уровню западных столиц — при очень низкой, по их меркам, оплате наших работников транспорта. И за двадцать пять лет реформы можно было убе-

диться, что это — фундаментальное свойство той хозяйственной системы, которая установилась в РФ. Надо же объяснить это явление.

Ошибочный выбор модели экономики

Как известно, одна из главных идей, положенных в основание российской реформы, сводилась к переносу в Россию англо-саксонской модели экономики. Эта идея выводилась из, казалось бы, давно изжитого примитивного евроцентристского мифа, согласно которому Запад через свои институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития в его наиболее чистом виде. Американские эксперты, работавшие в Москве, отмечают: «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку — это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России» [76].

Когда в 1988—1989 гг. академики от А до Я (от Аганбегяна до Яковлева) заговорили о переходе к свободному рынку, это поначалу воспринималось как мистификация, как дьявольская хитрость ради каких-то политических махинаций, которые задумал Горбачев. Казалось невероятным, что образованные люди поверят в эту нелепость.

Психиатр и философ А. Курпатов просто изложил эту проблему: «Мы привыкли думать — так нас думать научили, — что либерализм невозможен без “свободного рынка”. А рыночники, надо отдать им должное, публика куда более прагматичная, и глядят они на человека без розовых очков “идеализма”, “гуманизма” и прочих бантиков... Если задуматься, связь между “гуманистами” и “рыночниками” может быть только патологической... Языковая игра, смешавшая “рынок” с “гуманизмом” через бессмысленно-невнятное понятие “свободы”, — это генетический дефект самой либеральной системы, а не конкретных людей. Даже этой “могучей кучке” может не хватить ума понять, к чему в конечном счете приведет вся эта лживая игра в либерализм, страдающий очевидной гене-

тической патологией. Весь наш либерализм нуждается сейчас в системной и научно обоснованной *гуманитарной экспертизе* — “переоценке всех ценностей”» [192].

Немногие видные западные экономисты, которые могли в тот момент вставить слово в каком-нибудь интервью для советской прессы, тоже были в недоумении. Например, английский историк экономики Теодор Шанин в интервью «Известиям» (25 февраля 1989 г.) сказал: «Меня смущает, когда у вас говорят о свободном рынке Запада. Где он? Его нет. Скажем, цены на молоко в Англии определяет правительство, а не рынок».

Выбор в качестве образца для построения нового общества России именно США — страны, созданной на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице, — не находит рациональных объяснений. Вот административная реформа 2004 г. В марте состоялось заседание круглого стола аналитического совета фонда «Единство во имя России». Открывая заседание, президент фонда политолог Вячеслав Никонов так обосновал изменения структуры и функций исполнительной власти («крупнейшие со времен Витте»): «Идет вестернизация, американизация структуры правительства, число министерств в котором почти совпадает с американским». Именно так — «американизация структуры правительства», иных доводов за выделение из министерств «агентств» не приводилось. Трудно сказать, какие беды пришлось бы еще испытать российскому народу, если бы у реформаторов действительно хватило сил загнать Россию в этот коридор.

Либеральный философ Дж. Грей пишет то, что знали и русские философы в начале XX в., и подавляющее большинство граждан СССР: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, *чего им следует опасаться*; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях» [104, с. 192].

Надо напомнить, что в момент выбора модели для реформы произошло резкое расщепление общества в orienta-

ции на зарубежный опыт, можно даже говорить о двух противоположных векторах. В «общем» опросе населения 51,5% опрошенных самым ценным назвали опыт Японии, а в опросе через «Литературную газету» (то есть среди интеллигенции) — только 4% [193, с. 95]! Среди интеллигенции подавляющей являлась именно *западническая* ориентация, чего никак нельзя сказать о «массе».

Ориентация обществоведов на Запад была тем более иррациональной, что и целый ряд западных ученых предупреждал, что японская модель строительства капитализма гораздо более адекватна для России, чем западная. Дж. Грей писал: «Поразительный успех японской экономики послевоенного времени был достигнут отчасти благодаря политике ограждения внутреннего рынка — что очень важно учитывать России и другим постсоветским государствам, принуждаемым к свободе торговли западными советниками и институтами при отсутствии реальных шансов на то, чтобы стать конкурентоспособными на мировых рынках. Японский пример действительно в значительной мере ближе к историческому опыту и современным условиям России, чем любая западная модель, да и чем любая другая незападная, включая китайскую, и она заслуживает самого тщательного изучения теми, кто принимает политические решения в России, Средней Азии и, возможно, в других регионах постсоветского мира» [104, с. 103].

Однако, несмотря на явную ориентацию массового сознания на опыт Азии (Япония и Китай в сумме набрали 63,5% высших оценок в общей выборке), наши интеллектуалы-реформаторы пошли за «чикагскими мальчиками», как за крысоловом с его дудочкой. Никаких интеллектуальных ресурсов не было направлено на изучение, обсуждение и освоение опыта модернизации и рыночных реформ в азиатских странах, никаких усилий не было сделано для сохранения там тех прочных позиций, которые кропотливо создавались в советское время. Ценным для нас опытом Японии, Китая, Кореи просто пренебрегли. Американские эксперты пишут: «За пренебрежение восточно-азиатской моделью постсоциалистические страны уплатили очень высокую цену. Ведь, по крайней мере, два краеугольных камня восточно-азиатского “чуда” имелись

также в России и Восточной Европе: высокий уровень образования и равномерность распределения доходов» [76, с. 76].

У «шестидесятников» западническое эпигонство сочеталось с самомнением «инженеров человеческих душ», призванных переписать историю России. Вот примечательная беседа философа М.В. Ремизова с историком Ю.Н. Афанасьевым¹ (февраль 2001 г.):

«М.Р.: Мне кажется, эти десять лет просвещенная общственность имела самую широкую возможность говорить с населением на том языке, на котором она считает нужным...

Ю.А.: Видите ли, говорили на том языке очень немногие. К чести, например, Новодворской, надо сказать, она все-таки выдерживала эту линию до конца...

М.Р.: Ну, Новодворская проповедует, что "Россия неизлечима". В этом смысле очень занятно наблюдать этот пессимистический, мизантропический либерализм, который так разительно отличается от человеколюбивого и радужного либерализма истоков. Но я так понимаю, что вы как раз не склонны совсем отказываться от историософской перспективы Просвещения...

Ю.А.: Если взять нашу историю, русскую историю, она скорее помеха в этом смысле, чем подспорье. Опять же, я имею в виду историю мифологическую. Я, например, исхожу из того, что нам придется эту историю переписать. Ее надо переписать на основе теоретического осмысления».

Какова претензия: «*переписать историю на основе теоретического осмысления*». Факты побоку. Как с тонкой иронией замечает собеседник, Ю.Н. Афанасьев «не склонен совсем отказываться от Просвещения». Все-таки он не Новодворская, в журнале «Коммунист» долго работал.

Популярные интеллектуалы часто предельно упрощали свой дискурс. Вот, например, рассуждения видного экономиста, доктора экономических наук, профессора Л.И. Пияшевой:

¹ Ю.Н. Афанасьев закончил МГУ и аспирантуру АОН при ЦК КПСС, дважды (в 1971 и 1976 г.) стажировался в Сорбонне, был редактором отдела истории журнала «Коммунист», затем ректором Московского государственного историко-архивного института (1986—1991), ректором (1991—2003) и президентом (2003—2006) Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

«Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего другого не приходит в голову, как перенести опыт немецкого “экономического чуда” на нашу территорию. Конституировать, как это сделало правительство Аденауэра, экономический либерализм в чрезвычайные сроки, запретить коммунистическую идеологию, провести всероссийский процесс покаяния, осудив всех “зачинщиков” хотя бы посмертно, сбросить с себя груз тоталитаризма, захоронить ленинский прах, убрать в музеи всю социалистически-коммунистическую символику и высвободить на волю вольную всю уцелевшую и сохранившуюся в обществе предпринимательскую инициативу. Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу “дух предпринимательства” возродит в стране и волю к жизни, и “протестантскую этику” [194].

Возродить в России протестантскую этику! Знала ли Л.И. Пияшева об истории России? Она это говорила в 1990 г., с тех пор прошло 25 лет, и опыт реформы многому нас научил. Но в элите обществоведов-реформаторов, похоже, сохранилась вера в доктрину 1990-х гг.

Как вообще появилась в нашей культуре доктрина реформ 1990-х гг.? Это невозможно объяснить кроме как глубоким невежеством тогдашней элиты советского обществоведения. Над ней довели догмы политэкономии — как марксистской, так и либеральной. Но в смыслах этих догм, похоже, наша элита не разобралась — неполное служебное соответствие.

Поскольку политэкономия связана с идеологией, неизбежно сокрытие части исходных постулатов и моделей. Действительно, «забывание» тех изначальных постулатов, на которых базировались основные экономические модели капитализма, произошло очень быстро. И сегодня для того, чтобы как-то соотнести экономические модели с ценностями и интересами человека Запада, в XX в. приходилось произвести целое историческое исследование по реконструкции исходных постулатов и моделей. В «Археологии знания» М. Фуко берет политэкономия как пример знания, в которое идеология вплетена неразрывно.

В послевоенный период задачей человека общественной науки стали демистификация моделей и анализ ее истоков. И оказалось, что многие вещи, которые мы воспринима-

ем как естественные, основываются на наборах аксиом, вовсе не являющихся ни эмпирическими фактами, ни данным свыше откровением. Это надо было изучить!

Каркасом главной модели в политэкономии А. Смита была ньютоновская картина мироздания. Смит просто перевел ньютоновскую модель мира как машины в сферу производственной и распределительной деятельности. Это было органично воспринято культурой Запада, основанием которой был механицизм. Так возник миф о человеке экономическом, *homo economicus*, рациональном эгоистическом индивиде, который создал рыночную экономику. Наши экономисты приняли миф за реальность.

Абстракция человека экономического была аналогична абстракции материальной точки в механике. Экономика была представлена машиной, действующей по *объективным законам*, считалось, что отношения в экономике просты и могут быть выражены на языке математики. А. Смит перенес из ньютоновской модели принцип равновесия и стабильности, который стал основной догмой. Метафора мира как равновесной машины (часы), приложенная к экономике, не была ни научным, ни логическим выводом. Это была метафизическая установка религиозного происхождения. Равновесие в экономике не было законом, открытым в политэкономии, напротив — все поиски экономических законов были основаны на вере в это равновесие.

В западной общественной мысли с самого начала были диссиденты политэкономии. Существовали философские и научные течения, которые отвергали возможность приложения механицизма ньютоновской модели к обществу и экономике. Экономисты делились на два течения: *инструменталисты* и *реалисты*. Более известны инструменталисты, которые разрабатывали теории, излагающие «объективные законы экономики», принятые властью. Поэтому их концепции тогда обладали статусом научной теории. Инструменталисты использовали методологические подходы механицизма, прежде всего редукционизм — сведение сложной системы, сложного объекта к более простой модели, которой легко манипулировать в уме. Из нее вычищались все, казавшиеся несущественными, условия и факторы, оставалась абстракт-

ная модель. В науке это удастся благодаря создаваемым искусственными и контролируемым условиям экспериментов. Инструментами экономиста были расчеты и статистические описания.

А реалисты — это те, кто отвергали редукционизм и старались описать реальность максимально полно. Они говорили, что в экономике нет *законов*, а есть *тенденции*. Они использовали, например, такую метафору: в механике существует закон гравитации, согласно которому тело падает вертикально вниз (так, Ньютон видел падение яблока, оно подчиняется этому закону). А сухой лист ведет себя иначе: вроде бы падает, но падает по сложной траектории, а то, может, его и унесет вверх. В экономике действуют такие тенденции, как падение листа, но не законы, как в падении яблока (реалисты уже в этой аналогии предвосхищали концепции второй половины XX в.: представление о неравновесных процессах, случайных флуктуациях и нестабильности).

Модернизация политэкономии произошла в ходе «кейнсианской революции» в условиях глубокого кризиса. Тогда был сделан принципиальный отход от механицизма. Дж.М. Кейнс не переносил в экономику механические метафоры и, главное, не прилагал метафору *атома* к человеку. Он отрицал методологический индивидуализм — главную опору классической политэкономии. Он считал атомистическую концепцию неприменимой к экономике, где действуют «органические общности» — а они не втискиваются в принципы детерминизма и редукционизма. Он писал: «Экономика, которую правильнее было бы называть политической экономией, составляет часть этики» [318].

Кейнс относился к тому типу ученых, которых называли реалистами — видел мир таким, каков он есть, с его сложностями, не сводя к упрощенным абстракциям (типа человека-атома, индивидуума). Он поставил под сомнение главный аргумент, посредством которого идеология использует науку для легитимации социального порядка — апелляцию к естественному порядку вещей, к природным законам общественной жизни. Отвергал он и возможность отдельного индивида делать рациональный выбор в сложной системе экономики.

Но более того, «археология политэкономии» обнаружила, что уже А. Смит предупреждал, что эгоизм *homo economicus* часто толкает его к иррациональным решениям. Он осуждал их поведение как «грубое пренебрежение и несправедливость» и что они поступают как «рациональные дураки» [195]. Как можно было в России игнорировать эти предупреждения! Ведь капиталисты-эгоисты не разгромили Запад потому, что западные обществоведы, государство и общество поставили бизнес в рамки жестких ограничений.

М. Зафировский (США) пишет о частных предпринимателях: «Эти акторы в итоге воплощают собой иррациональность экономической гиперрациональности, на что указывают, основательно развив эту идею, более поздние экономисты, включая Найта, не говоря уже о Веблене; это признают “умеренные” социологи рационального выбора...

Другой, более ожидаемый компонент иррационального выбора Смит называет “неразумным поведением”. Этот тип поведения продиктован “установленными” нормами поведения и обычаями. Смит даже в экономической теории якобы рационального выбора, изложенной в “Богатстве народов”, не закрывает и не отбрасывает иррациональных, неразумных экономического выбора и действий.

Он считает “принципы” и, следовательно, выбор и действия, возникающие из “частного интереса и духа монополии”, “неразумными”» [195].

Эта проблема изучалась всеми поколениями экономистов и социологов вплоть до неолиберализма. Шумпетер (1911) тоже писал, что поведение и мотивация «типичного предпринимателя» рациональны только в «разрушении старой и создании новой традиции», в эпизодичном «творческом разрушении» экономики (см. [195]).

М. Зафировский ищет причину того, что эти важные свойства частного бизнеса стали скрываться в экономической науке и социологии. Одно из его объяснений таково: «В своем большинстве современные экономисты просто хотят “забыть”, выскрести элементы “теории иррационального выбора” из классической и неоклассической экономической науки как “темное прошлое”, остаток (что есть некое признание теоретической тьмы), тем самым восстановить историю экономиче-

ской науки исключительно как “теории рационального выбора”, прилагаемой к экономике и даже ко всему обществу.

Реконструкция (нео)классической экономики исключительно как “теории рационального выбора” заведомо ложна, возможно предвзята, тенденциозна, своекорыстна» [195].

Будем надеяться, что советские и российские экономисты, создававшие доктрины реформ, не учли этих сведений по незнанию. Незнание — сила, только недобрая.

Важные выводы были приведены в докладе, сделанном в ГУ Высшей школы экономики 6 апреля 2011 г. завкафедрой социально-экономических исследований Н.Н. Тихоновой. Она сказала: «Данные исследований позволяют говорить об устойчивом тяготении граждан России к смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности. По их мнению, все стратегические отрасли экономики и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства... Восприятие государства как ключевого экономического агента с вытекающим отсюда запросом на усиление его роли в экономике и расширение сферы государственной собственности остается ключевым отличием россиян от населения стран западной культуры...

Совсем иной, чем для представителей западной культуры, смысл имеет для россиян и институт частного предпринимательства. Предпринимателей они воспринимают весьма толерантно, и в глазах большинства из них частный бизнес имеет право не только на существование, но и на защиту со стороны государства в условиях России. Однако такое восприятие распространяется лишь на законопослушный и экономически эффективный малый и средний бизнес. Что же касается бизнеса крупного, то ему места в нормативной модели наших сограждан практически нет. Кроме того, в системе смыслов российской культуры именно государство является реальным (а желательно и рачительным) “хозяином” всего национального богатства, частью которого оно временно дает “попользоваться” при определенных условиях их формальным собственникам. ...В данном контексте понятно, почему, несмотря на рост толерантности к частному бизнесу, основная масса россиян убеждена, что предприятия, которые на-

носят ущерб интересам государства, следует без всякой компенсации национализировать...

Существенно при этом, что россияне выступают сторонниками абсолютной легитимности только такой собственности, в основе которой изначально лежит труд самого собственника или тех, от кого он получил ее по наследству. В тех же случаях, когда связь собственности и лежащего в ее основе труда размыта и ускользает от непосредственного восприятия, россияне не склонны уважать ее формально-правовой статус» [196].

Научный руководитель ГУ ВШЭ Е.Г. Ясин на это сделал такую реплику: «Я исхожу из того, что тип культуры нам придется менять. При той архаичной системе ценностей, которая в России остается доминирующей, нам в XXI в. делать нечего. Если, как я читаю в докладе, только 14% россиян выступают за утверждение в стране свободной конкурентной рыночной экономики, а 76% — за расширение доли государства в бизнесе и промышленности (при 14% в США и 35% в Германии), то это значит, что ценности и установки подавляющего большинства наших сограждан к модернизации не приспособлены и сами нуждаются в модернизации» [196].

Однако реформа касается не только экономики, но и всего жизнеустройства и культуры. Здесь и формируются главные противоречия и конфликты.

Во время перестройки в среде обществоведов и гуманитариев очень популярно было имя Питирима Сорокина — российского социолога поколения революции, а затем ставшего одним из основоположников социологии США. Но наши ведущие обществоведы (хотя и не все¹) игнорировали анализ назревающего в США кризиса, который предвидел П.А. Сорокин. Одной из первых об этом кризисе была его книга «Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор» (1941). В первой главе он подчеркивает, что основные положения его концепции сложились еще до Великой депрессии и осознания близости Второй мировой войны. Напротив, признаки

¹ Академик Г.В. Осипов проделал огромную работу, чтобы труды Н.А. Сорокина были изданы и введены в научный оборот тех исследователей, которые не были подавлены идеологическим прессом перестройки.

будущей катастрофы стали для него видны именно в период максимального благоденствия и расцвета американского общества. Выводы вытекали из динамики культуры и социальных отношений в благополучной, а не кризисной фазе. Отсюда исходная методологическая позиция П.А. Сорокина: корни грядущего кризиса находятся в сфере культуры.

Главная мысль П.А. Сорокина сводилась к тому, что назревает кризис *экзистенциальный*, вызванный «износом», деградацией мировоззренческого фундамента индустриальной цивилизации. Привычные формы экономических, финансовых и политических кризисов, с необходимостью присущих капиталистической формации, лишь маскируют распад культурных оснований общества.

Первую главу «Кризиса нашего времени», названную «Диагноз кризиса», П.А. Сорокин начинает с выдержки из четырехтомного труда «Социальная и культурная динамика», изданного в 1937—1941 гг. и признанного главным трудом его научной карьеры. Уже в том труде, над которым он работал с начала 20-х гг., он пишет: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань. ...Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами» [153, с. 98].

При этом П.А. Сорокин — не мрачный фаталист. Он предвидел для человечества именно светлое будущее. В следующей фразе он писал: «За ее [переходной эпохи] пределами различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение — людей будущего».

Сейчас, в отличие от момента публикации этого труда, на Западе серьезно относятся к его пророческим предвидениям, сделанным еще в 30-е гг. наших обществоведов не дол-

жен был успокаивать тот факт, что П.А. Сорокин предсказывал кризис *западного общества* и оперировал эмпирическими данными США. Он писал для американского читателя, его книги мы начинаем читать только сегодня. Речь у него шла обо всей индустриальной цивилизации, и в этом смысле Россия в 1990-е гг. шаг за шагом входила в ту кризисную систему.

С прогнозами П.А. Сорокина перекликались предвидения экономиста М.М. Голанского, который считал доктрину реформ 1990-х гг. стратегически ошибочной. Вот выдержки из рукописи, которую он подготовил к изданию 1992 г. (она вышла в двух книгах в 1992 и 1995 г.).

Он писал: «Если прежде прославляли могущество планирования, то теперь восхищаются всесиливом рынка и верят в его миссию. Переориентация произошла без участия логики и аргументации. Социализм был формально отброшен по причине его неопределенности, а капитализм по той же причине сохранен и превознесен...

Капитализм отживет свой век и уступит место строю, который благодаря общественной собственности на средства производства может не только существовать в отсутствие прибыли, но и мириться с убытками... После 2010 г. вообще начнется длительный спад. Выпуск мировой продукции на душу населения прекратит рост на пороге следующего столетия и затем упадет до уровня 1980 года...

Авторы и инициаторы перестройки в социалистических странах, желая поправить просчеты предшествующих поколений, не нашли ничего лучшего, как немедленно демонтировать систему централизованного планирования и управления экономикой и взамен ее внедрить рыночные отношения. В качестве основного средства достижения этой цели они избрали упразднение государственной собственности на средства производства и насаждение частной собственности.

За легкомыслие нам пришлось заплатить исключительно высокую цену. Так, республики бывшего Советского Союза поплатились таким развалом экономики, какого они не знали даже во времена самой разрушительной войны...

При сложившихся условиях поспешный отказ от планирования и "введение" рынка в республиках бывшего Советского Союза едва ли помогут экономике выйти из кризисного

состояния. Скорее всего, здесь отказ от планирования и “введение” рынка приведут к усилению беспорядка и хаоса, который уже не удастся устранить никакими командами из центра. Из всего сказанного выше напрашивается вывод о том, что избранное направление перестройки, выразившееся на практике только в устранении командно-административной системы экономического управления, оказалось ошибочным и вредным. Перестройка разрушила сложившуюся внеэкономическую систему хозяйственной мотивации, дисциплины и ответственности, не создав ничего взамен.

Есть немало оснований полагать, что в данном случае выйти из оцепенения нам удастся только в эпоху грядущего господства общественной собственности, когда глобальный закон стоимости перестанет быть регулятором производства. Конечно, если бы система централизованного планирования и управления экономикой не была бы столь опрометчиво упразднена, то социалистическая экономика могла бы существовать и далее. Хотя она и не выдерживала бы сравнения с капиталистической экономикой по эффективности и качеству продукции, но могла бы обеспечить сносную жизнь сотням миллионов человек. Тем более что у социалистической экономики оставались немалые резервы для совершенствования» [197].

Эти предупреждения сообщество обществоведов игнорировало.

Надо подчеркнуть, что выбор американской модели для России касался не только экономической политики — доктрина реформы исходила из идеи трансплантации практически всех институтов Запада. Советник Ельцина философ А.И. Ракитов требовал «новой цивилизации, новой общественной организации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры» [198]. Как могли этому аплодировать деятели науки и культуры?! Как они представляли себе замену сложившейся в России цивилизации на какую-то «новую цивилизацию»? Что такое «радикальные изменения в ядре нашей культуры»? Это конструирование принципиально иной культуры — национальная катастрофа. Как могла это благосклонно принять наша гуманитарная интеллигенция?!

Это самоотречение части интеллектуальной элиты от отечественной культуры казалось необъяснимым, даже если рассуждать с позиции интересов либеральных реформаторов. Ведь непритязательность и навыки взаимопомощи, сохранившиеся в культуре большинства населения России, могли бы быть очень важным ресурсом реформы. Если бы эти ценности не были репрессированы в 1990-е гг., не возникло бы столько разломов и конфликтов. А ведь и на Западе эти ценности многие считали сокровищем русской культуры!

Генрих Бёлль в предисловии к 3-му изданию книги В. Шубарта «Европа и душа Востока» (1979) пишет: «Шубарт пишет, что в России никогда не было глубоко укорененного чувства частной собственности и той целостной буржуазности, которая ее обожествляет. ...Сегодня уместно, однако, спросить, не развилось ли в коммунистической России, несмотря на марксистскую идеологию, а может быть, как раз благодаря ей, именно это чувство, не возник ли, так сказать, за спиной марксизма со всей его “западностью” этот нежелательный элемент вестернизации, имеющий непоправимые последствия для предполагаемой Шубартом в русских “способности к братству”» [199].

К. Леви-Стросс, изучавший контакты Запада с иными культурами, писал: «Трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказаться быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы — или оригинальный синтез, который ведет, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим» [200, с. 335].

Такой синтез мы видели и в России (СССР), и в Японии, и в Китае. Таковую дезорганизацию и крах мы видим сегодня в РФ. Более того, российские обществоведы не могли не знать, что западный капитализм погружался в глубокий экзистенциальный кризис, и для России попытка трансформировать ее культуру по канонам США вызвала бы тяжелые болезни. Предупреждений с Запада было достаточно. Хайдеггер писал в своем знаменитом очерке: «Нигилизм, если мыслить его по существу, — это, скорее, основополагающее движение в историческом совершении Запада. И такова глубина этого дви-

жения, что его раскрытие может лишь повести к мировым катастрофам. Нигилизм — это всемирно-историческое движение тех народов Земли, которые вовлечены в сферу влияния Нового времени... Нигилизм как фундаментальный процесс западной истории вместе с тем и прежде всего есть закономерность этой истории» [201].

Хайдеггер усугубляет понятие нигилизма: это не просто *константа Запада*, это активный принцип, который непрерывно атакует Запад, «падает» на него. Это — *послание* Западу. Хайдеггер не указывает путей выхода, и вывод его пессимистичен: Запад — мышеловка, в которой произошла полная утрата смысла бытия. И мышеловка такого типа, что из нее невозможно вырваться, она при этом выворачивается наизнанку, и ты вновь оказываешься внутри.

Как можно было толкнуть Россию в систему бытия, которая переживает такой кризис, и он уже представлен анализом западных мыслителей! Это было не нужно ни России, ни Западу.

Евроцентризм: ложный образ Запада

Россия, как и другие незападные культуры, в ходе модернизации переносит на свою почву многие модели и институты Запада. Иногда такая трансплантация бывает неудачной, приходится нести издержки, вносить коррективы. Масштабы подобных трансплантаций различны в разных политических и культурных доктринах: «западники» пытаются убедить власть и общество проводить быстрые и глубокие реформы посредством переноса западных моделей, «почвенники» призывают к осторожности, постепенной адаптации общества и отвергают реформы с применением «шоковой терапии».

Во время перестройки верх взяла часть интеллектуальной элиты, авторитетные представители которой называли себя «западниками». Это название было принято массовым сознанием. Но, строго говоря, под маской западничества скрывался *евроцентризм* — особая идеология Запада, возникшая вместе с капитализмом в недрах протестантского мироощущения. Это идеология, претендующая на универсализм и утверждающая, что все народы и все культуры проходят один и тот же путь и отличаются друг от друга лишь стади-

ей развития. Евроцентризм, получивший поддержку от дарвинизма, широко распространился в XIX в. Когда общество находится на распутье и определяет путь своего развития, политики, проникнутые идеологией евроцентризма, утверждают, что ответ на этот вопрос есть, его открыла Европа. Их лозунг: «Следуй за Западом — это лучший из миров».

Арабский экономист и социолог Самир Амин в своей книге «Евроцентризм как идеология: критический анализ» отмечает: «Либеральная утопия и ее чудодейственный рецепт (рынок + демократия) — это всего лишь набор бледных штампов в рамках господствующих на Западе взглядов. Их успех в средствах массовой информации сам по себе не придает им никакой научной ценности, а говорит лишь о глубине кризиса западной мысли» [202, с. 13].

Евроцентризм как идеология нивелирования культурных различий опирался на механицизм Просвещения. Но эта картина мира ведет в тупик — сложные системы устойчивы только при достаточном разнообразии их элементов и связей. Глобализация капитализма с его «железной пятой» привела к современному кризису индустриальной цивилизации.

Еще до распространения системного подхода в нынешней версии К. Леви-Стросс писал: «Нет, не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла бы быть ничем иным, кроме как коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность... Священная обязанность человечества — охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, невысказано» [200, с. 338].

Леви-Стросс даже считал возможным противоядием против униформизации человечества «возникновение в мире антагонистических политических и социальных режимов; мож-

но представить себе, что диверсификация, обновленная каждый раз в новом разрезе, позволит через изменяющиеся формы, которые никогда не перестанут удивлять человека, неопределенное время поддерживать то состояние равновесия, от которого зависит биологическое и культурное выживание человечества» [200, с. 338].

В советском, а затем в российском обществе возник ценностный раскол, который приобрел и форму идеологического раскола. Это фундаментальный факт, необходимый для понимания происходящих процессов. Здесь для нас важно следствие этого факта — деформация методологического аппарата расходящихся частей общности обществоведов. Прослойка «умеренных», которая хоть как-то соединяла эти части, быстро тает. Когнитивные противоречия углубляются, а социальная структура сообщества становится все более асимметричной. Доминирующая сейчас элитарная группа, в общем, приняла дискурс евроцентризма. К ней примкнула большая часть конформистов, которые «надели маски» — время такое. Значительная часть «безмолвствует», размышляя и обсуждая общественные проблемы в предельно узком кругу друзей.

Сейчас на ход основных процессов в государстве и обществе России влияет доминирующая элитарная группа обществоведов. Поэтому актуально выявление тех методологических изъянов их дискурса, вызванных идеологическими установками евроцентризма. «Системообразующие» изъяны создают особенно большие издержки в образовании и разработке политических и управленческих решений.

Принципиальной ошибкой (или фальсификацией) в доктрине трансплантации в Россию западных институтов было представление этих институтов в их идеальном образе, игнорируя реальность их практики. Расхождение между презентацией государственной политики Запада в форме *чистых моделей* и реальностью *политических практик* — предпосылка серьезных кризисов. Типичное следствие таких расхождений — эрозия легитимности власти, особенно если оппозиция обладает интеллектуальными ресурсами и СМИ для дестабилизации. Самые тяжелые последствия возникают в государствах *переходного типа*, которые часто заимствуют у политологии «демократических правовых государств» моде-

ли, превращающие расхождение с реальностью в *разрыв*. Подобные разрывы «между мифом евроцентризма и реальностью» могут привести государство к фатальному исходу. Это надо учитывать политологам, но в их учебниках об этом не говорится.

Сейчас надо внимательно наблюдать и изучать драматический урок политического кризиса Украины, который вошел в открытую фазу в ноябре 2014 г., а уже в апреле 2015 г. перерос в гражданскую войну. Там исключительно быстро произошли деградация правового режима, обрушение легитимности законной власти, утрата государством своего суверенитета, возникновение неформальных институтов, отдающих приоритет (и во многом средства господства) радикальным антигосударственным националистическим организациям. Этот процесс был поддержан США и рядом государств ЕС, которые способствовали созданию на Украине режима *«контролируемого хаоса»* и лавинообразной системной *деструкции* как политической технологии.

Это наглядный пример *деградации государственности* и разрушения правопорядка, которым чреваты «институциональные революции». Они начались сразу после разрушения институтов советской системы — уже с 1989 г. При этом на Украине делались попытки создать респектабельное европейское государство с политическими и общественными институтами, соответствующими моделям, описанным в учебниках политологии. Поэтому кризис на Украине вызывает у граждан России глубокую тревогу не только за судьбу близких бывших соотечественников, но и вследствие осознания «близости масштабного хаоса».

Начнем с главного постулата канонической модели «современного государства», предложенной М. Вебером. Уникальный атрибут такого «правового и рационального» государства — «монополия легитимного физического насилия как средства господства». Этот постулат сыграл большую роль в подрыве легитимности СССР, а затем и государственности всей исторической России, а после 2000 г. и постсоветской России.

Американские политологи пишут о «естественных» государствах (которые являются *нормой* в современном мире),

что в них «доступ к средствам насилия рассеян среди элиты». Говоря о другой категории государств, к которым они относятся 25 «постиндустриальных» стран, они признают действующей формулу Вебера.

Однако и эти политологи, и российские разработчики программы имитации институтов США игнорируют реальность (или закрывают на нее глаза). Например, в США «суд Линча» полтора века был политическим институтом, параллельным формальному государственному судопроизводству. Он за это время приговорил к смерти больше людей, чем законный суд. Да он и остается важным институтом. Последняя казнь по приговору суда Линча состоялась в 1997 г. — уже в постиндустриальную эпоху. Поэтому в политологии входит в оборот понятие *постдемократия*, которое означает «попятное движение» к институтам «естественного» государства.

Более того, в 25 постиндустриальных странах наблюдается процесс *архаизации*, который иногда принимает бурный характер, как это было в Германии в 30-е гг. XX в. Тогда государство сделало попытку «в фантасмагорической форме восстановить порядок первобытного общества в рамках общества современного». Один из ведущих американских политологов Дж. Сартори писал в 1987 г. о современных демократиях: «Неожиданный элемент тотального господства в наше время состоит в том, что оно может быть наложено не только на общества с традиционно деспотическим правлением (такие как Россия и Китай), но также на общества, возвращенные христианской, либеральной и либерально-демократической традицией и вышедшие из нее».

Заметим, что, представляя Россию (царскую и в облике СССР) как «азиатскую деспотию», западные политологи как будто забывают поучительную историю массовых политических убийств в Аргентине. В 1993 г. начальник генштаба Аргентины официально признал, что в 1970-е гг. командование армии организовало террор против оппозиции по новой схеме: небольшие группы офицеров действовали автономно, ничего не докладывая начальству и не оставляя никаких документов. Это насилие осуществлялось не через *учреждения* и не в рамках *права*.

Видных деятелей и писателей, проживавших на своих виллах в районе посольств, избивали и увозили в присутствии западных дипломатов (дом часто взрывали). Их пытали и «цивилизованно» убивали: оглушенных инъекцией наркотика людей загружали в самолет, а потом живыми сбрасывали в океан. «И ходят сами, и не сопротивляются», — объяснял следствию один из офицеров. Так, без суда, следствия и даже ареста в Аргентине убили около 30 тыс. человек — на 14 млн населения. Большинство этих офицеров обучалось и стажировалось в военных академиях США.

Опыт Аргентины важен тем, что если бы в 1974 г. аргентинцев спросили, возможно ли такое в их стране, 100% ответили бы, что это *абсолютно невозможно*. Аргентинцы — практически европейцы, в основном дети итальянцев и немцев, иммигрантов XX в. Их офицерство современно и интеллигентно, европейски образовано. В стране не было гражданской войны, ни фанатизма, ни накопленной ненависти. Убийства совершались без страсти, как *социальная технология*. И эта технология — продукт именно современного либерального общества, выработанный военной и университетской элитой США.

Во внешней политике чиновники западных держав регулярно выступают организаторами неформальных сил, осуществляющих нелегитимное политическое насилие. Это также несовместимо с принципом, заданным Вебером. Пример: в Гватемале с населением 3 млн человек за 1980-е гг. при попытках создать профсоюзы «эскадронами смерти» были убиты без суда и следствия 100 тыс. крестьян (в пересчете на Россию это было бы пять миллионов жертв). В октябре 1995 г. президент США Клинтон вынес взыскания («предупреждения») нескольким сотрудникам ЦРУ — советникам, которые участвовали в убийствах. Там, кроме крестьян, были убиты несколько видных деятелей культуры, имевших влиятельных друзей в Европе.

После краха СССР была распущен международный «эскадрон смерти» — «Гладиатор». Газеты опубликовали историю этой сети негласных убийц, потом вышла документальная книга об этой организации. Она была создана в 1951 г. как структура НАТО и подчинялась его высшему командованию, что признал экс-генеральный секретарь НАТО Манфред Вернер. В нее

вербовались неофашисты из Черного Интернационала, ее функция — развязать террор в случае прихода к власти коммунистов в Западной Европе. На счету «гладиаторов» большое количество убийств, особенно в Италии и Испании. Сорок лет содержать организацию наемных убийц — как это вяжется с формулой Вебера? Что-нибудь подобное по типологии и масштабу видели мы в «тоталитарном» брежневском СССР?

Все эти практики несовместимы с формулой Вебера, которая предполагает *подотчетность* властных структур парламенту.

В последние десятилетия быстро расширяется использование «частных военных компаний», практически армий. Это новый этап передачи *полномочий на насилие* негосударственным организациям. В различных странах и регионах мира заказы на военные услуги дают и ТНК, и государственные органы. Осуществляется массированное насилие с применением боевой техники, за которое заказчик не несет ответственности. Много таких операций было проведено в Африке, Афганистане, Ираке. Есть данные, что летом 2014 г. на Юго-Востоке Украины также были использованы англоязычные частные боевые подразделения.

Следующая импортированная российской политологией общепринятая формула гласит, что *правовое государство есть продукт современного западного общества и буржуазных общественных отношений*. Эта формула — идеологический постулат. Понятие *правовое государство* не сопровождается ни индикаторами, ни критериями, чтобы выдавать конкретному государству ярлык «правового» или отказывать в этом ярлыке.

В XIX в. в Англии смертной казнью карались 220 видов преступлений, этого не было ни в одной восточной тирании. Женщин в Англии сжигали вплоть до 1789 г. Вспомним скандал, сразу замятый, уже 1990 года, когда выпустили наконец из тюрьмы просидевших невинно 12 лет шестерых ирландцев, у которых под пытками вырвали признание в не совершенном ими преступлении.

Это — явление *постмодернистской архаизации*, симптом деградации западных институтов права. Как можно производить их трансплантацию в организм России?! Это значит

на наши собственные болезни наложить заразу болезней, к которым у нас нет иммунитета.

Не менее красноречиво совсем недавнее событие — конфискация части депозитов, хранившихся в банках Кипра, для покрытия государственного долга. Это — акция незаконной конфискации частной собственности, «священной и неприкосновенной». Она важна как прецедент, который в США и Европе может стать нормой.

Депутат европарламента Н. Фарадж сказал в интервью (19 марта 2013 г.): «Даже в своих самых мрачных прогнозах относительно того, что брюссельские бюрократы сделают для поддержания разваливающейся Еврозоны, я не предполагал, что они прибегнут к воровству — а именно так это все и называется. Это воровство. Это нарушение гарантии неприкосновенности вкладов, данной ими же в 2008 году. На более высоком уровне это нарушение важнейшего принципа верховенства закона, одной из основ Западной цивилизации. Поэтому центральные планировщики сделали нечто, действительно потрясающее».

Мы видим, что в государствах «демократии и частной собственности» власть все легче и легче нарушает *нормы права* человека. После краха СССР на Западе идет быстрое переформатирование политических и правовых систем. Но, в принципе, этот сдвиг предполагался давно. В своей «Энциклопедии социальных наук» Г. Лассуэлл заметил: «Мы не должны уступать демократической догме, согласно которой люди сами могут судить о своих собственных интересах».

Тотальная ориентация российских реформаторов на Запад была вдвойне неразумной от того, что тот Запад, утопический образ которого создавался в пропагандистских целях во время холодной войны и перестройки, разрушается вместе с советской системой, ибо он, как ее антагонист, в большой мере и был порождением холодной войны. Куда собирались и собираются «входить» наши режимы от Горбачева до Путина? Уже в 1990 г. обнаружился глубокий кризис всех западных институтов, симптомом которого стали «странные войны» и еще более странные рассуждения политиков. Образец растаял в воздухе, а за ним все равно тянутся поощряемые запад-

ными политиками параноидального типа, хотя и внешне разными, вроде Клинтона и Буша.

Дж. Грей сказал: «Сегодня ситуация такова, что на Западе нет ни одной достаточно стабильной системы институтов, куда на практике могли бы интегрироваться бывшие коммунистические государства. Реальной перспективой здесь, скорее всего, является прямо противоположная тенденция, ведущая к распространению экономического и военного хаоса постсоветского мира на Запад» [104, с. 75—77].

Надежда на то, что при трансплантации западных институтов вероятные угрозы будут нейтрализованы параллельной инъекцией западной демократии, — наивная или неискренняя.

Надо заметить, что мы здесь говорим о евроцентризме как философской установке, а вовсе не о корыстном конформизме тех, по словам Пушкина, «для коих все равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить все русское, — были бы только сыты». Не о них речь, а об элите обществоведов, по которым апологетика Запада прокатилась как волна психоза. Например, в философских кругах М.К. Мамардашвили даже называли «сверхъевропейцем». Запад у него был не научным и даже не рациональным понятием, а идеологическим инструментом при тех «превращениях сознания», которые он производил в своих студентах и почитателях.

Исследователь творчества М.К. Мамардашвили Ю.В. Пущаев пишет: «Когда Мамардашвили говорил о Европе, он говорил скорее о Европе идеальной, Европе-символе, существующей преимущественно лишь в его философствовании и выполняющей функции идеальной модели для заблудшей России. Порой сами европейцы не соглашались с такой оценкой Европы: “Я помню, как возмущены были американские и европейские философы Фредерик Джеймсон, Вольфганг Хауг и другие участники конференции о постмодернизме в Дубровнике осенью 1990 г., когда Мамардашвили назвал позднекапиталистические общества, в которых они живут и которые безжалостно критикуют, “просто нормальными человеческими обществами”. Никогда, возможно, дистанция между “сверхъев-

ропейцем" и западными философами не проявлялась в такой чистоте, как тогда, на пороге распада СССР"» [203].

Важен и тот факт, что М.К. Мамардашвили не просто «говорил о Европе идеальной», он иррационально очернял Россию как якобы антихристианскую и антикультурную конструкцию. Ю.В. Пущаев пишет: «Мамардашвили считал советский мир антимиром, миром привидений, антижизнью: *"Когда господствует советизм, сама жизнь теряет функцию. Советская жизнь — антижизнь. Ни в одном слове, предложении, позе или действии, характерных для советизма, я не узнаю себя как живого, не чувствую жизни. Там, где советизм, — жизни нет"*. Это его максимально критическое отношение к "советизму" распространялось и на Россию в целом, на все русское культурное пространство» [203].

Сам М.К. Мамардашвили выдавал такие сентенции: «Русские, куда бы ни переместились — в качестве казаков на Байкал или на Камчатку, их даже занесло на Аляску, и, слава богу, вовремя продали ее, и она не оказалась сегодня той мерзостью, в которую мы ее, скорее бы всего, превратили, — куда бы они ни переместились, они рабство несли на спинах своих. А американцы несли с собой другое — Великую хартию» [143, с. 331].

Неужели это можно принять как научное суждение — как бы ни относиться к России — в рамках рационального мышления? Но ведь большинство гуманитарной и обществоведческой элиты России все это принимали и принимают сегодня!

Ложный образ российского общества

В познавательной деятельности необходима классификация объектов. В обществоведении есть проблема типологии самих обществ. Эта проблема актуальна для России — следуя ошибочной модели общества, обществоведы неизбежно делают ошибки в представлениях о социальных процессах и явлениях в своей стране.

Вот симптом: мы уже тридцать лет слышим от наших ведущих обществоведов упреки в том, что у нас не сложилось гражданского общества. Но они не стали (не понимали?) объяснять населению, что это такое, почему наше общество долж-

но быть *гражданским* и какое оно сейчас. Каковы критерии и признаки отнесения к тому или иному типу общества?

Образу российского общества был противопоставлен, как идеал, абстрактный образ какого-то другого общества, «*правильного*», к которому наше должно было «перейти», — это называлось «Западом». От нас требовали не улучшений той или иной стороны жизнеустройства, а *перескока* от одного типа к другому.

Немецкий социолог Ф. Тённис предложил отличать незападный тип общества (*Gemeinschaft*) от западного (*Gesellschaft*). Он считал незападный тип общества базовым, «*нормальным*». В XX в. пришли к идее грубого разделения обществ на два типа — *современное* и *традиционное*. Смысл таков: современное общество (модерн) возникло в Западной Европе на обломках традиционного общества Средневековья. Те культуры, в которых такой ломки не произошло, продолжали развиваться в условиях традиционного общества. Таким образом, современное (*гражданское*) общество присуще западной цивилизации. Традиционное общество — *незападное*, вариантов этого типа очень много. В ходе *модернизации*, т.е. переноса институтов модерна, традиционные общества приобретают некоторые черты современного общества, но «привитые» на ствол своей культуры. Культуры, не успевшие модернизироваться или «закрыться», чтобы устоять против экспансии Запада, погибли.

Понятия «современное» и «традиционное» при научном подходе не содержат *оценки*, она возникает лишь в дискурсе идеологии. Но в постсоветском обществоведении эта классификация была грубо идеологизирована. Так, в широко используемом учебнике о традиционном обществе сказано: «Характеристиками традиционного общества с подачи Спенсера, Дюркгейма и Фердинанда Тённиса принято считать его основанность на механизмах простого воспроизводства, слабую заинтересованность в обмене результатами экономической активности с другими хозяйственными единицами по типу горизонтальных связей, преимущественную ориентированность на замкнутую жизнедеятельность и на самообеспечение» [204, с. 337].

Это определение *ошибочно*, оно — продукт евроцентризма, который в конце XIX в. был метаидеологией Запада. Только у тех, кто принял эту идеологию, «принято» такое представление о традиционном обществе. Влияния евроцентризма не избежали ни Спенсер и Дюркгейм с Тённисом, ни сам Маркс, привлекать их как авторитетных в этом вопросе нельзя. Широкое исследование традиционных обществ началось в 1930—1940-е гг., когда прошла мировая волна революций именно в этих обществах — в крестьянских странах от России и Китая до Мексики. А за ними стала подниматься волна антиколониальных национальных движений.

В «Структурной антропологии» К. Леви-Стросс так определил суть контактов Запада с традиционными обществами: «Запад построил себя из материала колоний». Из этого прямо следует, что колонии уже не могут пройти по «столбовой дорожке» через формацию капитализма, поскольку их «материал» пошел на строительство Запада. В колониях и «третьем мире» создается *особая формация* «дополняющей экономики», так что Запад (центр) и периферия на деле составляют одно неразрывно связанное из двух разных подсистем целое, формацию-кентавра. Именно поэтому в части традиционных обществ и возникли формы жизнеустройства, которые в учебнике политологии представлены как главные характеристики традиционного общества. Они были способом выживания при длительном изъятии ресурсов производства и развития. Этого нельзя не учитывать в обществоведении.

Обычно в учебниках традиционное общество представлено как изначально (*«по своей природе»*) *бедное и авторитарное*. Допустим. Но благополучие и демократичность западного общества финансировались средствами, вывезенными из колоний. Развитие Запада и погружение в «слаборазвитость» множества культур — единый конкретно-исторический процесс, в котором части взаимообусловлены. Леви-Стросс разными способами постоянно напоминал это западному интеллигенту:

«Это отношение [Запада со «слаборазвитыми» культурами] нельзя представлять абстрактно. Невозможно отвлечься от тех результатов, к которым привели практикуемые в течение нескольких веков насилие, угнетение и уничтожение.

С этой точки зрения тема развития не может быть предметом спекулятивных рассуждений... Никогда развитие нельзя считать, как это делал Малиновский, "результатом воздействия более высокой и активной культуры на более простую и пассивную". Эта "простота" и "пассивность" являются не внутренними свойствами рассматриваемых культур, а результатом воздействия на них развития в его начальном периоде. Это результат ситуации, созданной зверствами, грабежом и насилием, без которых не были бы созданы исторические условия для этого самого развития (произожди все другим образом, ситуация контакта была бы совершенно иной, настолько, что мы не можем ее даже представить себе).

Поэтому не может быть "начальной точки изменения", если только мы не согласимся определить ее в тот единственный момент, когда она реально существовала, то есть в 1492 году, накануне открытия Нового Мира, когда через разрушение Нового Мира, а затем еще нескольких миров, начали складываться условия для развития в пользу Запада, которые затем обеспечили это развитие, прежде чем оно снова нависло извне над обществами, ограбленными в прошлом, — чтобы это самое развитие могло родиться и расти на их останках... И намного раньше этого "нового контакта" эти общества ощущали на себе воздействие двумя способами: или в форме второго, "дистанционного" разрушения, или в форме их собственных желаний, которые также эквивалентны разрушению» [200, с. 297—298].

Организатор колониальных захватов Сесиль Родс утверждал, что едва ли не важнейшей целью захвата колоний было разрешение социальных проблем в самой метрополии: «Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». Это важная сторона государственной политики Запада, и она была хорошо известна.

Энгельс писал Марксу (7 октября 1858 г.): «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно».

В последующие 35 лет в гражданском обществе Запада проблема социалистической революции была снята с повестки дня, о чем объявил сам Энгельс. В интервью 11 мая 1893 г. на вопрос «Какую вы, немецкие социалисты, ставите себе конечную цель?» он ответил так: «У нас нет конечной цели. Мы *сторонники постоянного, непрерывного развития*, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намек на них не найдете у нас» [205, с. 563].

Ортодоксальный марксизм отказался от «окончательных законов» и мнений об «организации будущего общества», которыми был насыщен «Капитал», — коммунизм Маркса превратился в социал-демократию Бернштейна. При том доходе, который Запад выкачивал из колоний со своими канонерками и финансовой системой, западные марксисты посчитали разумным обуржуазиться.

Но для крестьян и рабочих России Запад кусочка от своего пирога не собирался отрезать. Поэтому было заблуждением наших либералов и меньшевиков, их философов и экономистов сначала после Февраля 1917 г. принять позицию *непредрешенчества* (буквально по формуле Энгельса), а в 1918 г. начать по указке Антанты воевать с теми, которые не ждали пирогов от Запада. Кстати, и Горбачев тоже слово в слово повторял формулы Энгельса: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ» и т.п.

Очевидно, что «буржуазные нации» метрополий ни в начале, ни в конце XX в. никак не могли нести демократию в традиционные общества. Но и их модернизаторская миссия — миф. Они создавали *анклавы* капитализма (плантации, рудники, заводы) за счет архаизации труда и быта большинства населения колоний, вгоняя их в хроническую *слаборазвитость*. НеокOLONиализм — продолжение этой политики в новых условиях. Эти явления отсталости в 1970-е гг. обсудили исследователи (и западные, и в «третьем мире»), но это знание в российских учебниках игнорируется.

В важной книге В.В. Крылов описывает тип модернизации хозяйства на периферии капитализма: «В перспективе капиталистический путь развития должен привести развивающиеся страны не к такому состоянию, когда капиталистические порядки, вытеснив прочие уклады, покроют собою все общество в целом, как это случилось в прошлом в нынешних центрах капитала, но к такому, когда могучий по доле в национальной экономике, но незначительный по охвату населения капиталистический уклад окажется окруженным морем пауперизма, незанятости, бедности. Такого взаимодействия капиталистического уклада с докапиталистическими и таких его результатов европейская история в прошлом не знала. Это специфический продукт капиталоемкого, позднего, перезрелого капитализма» [206, с. 144]¹.

Таким образом, традиционное общество не является изначально *косным*. При достаточной *независимости* от Запада оно выполняет проекты быстрого и мощного развития (например, Россия, Япония, Китай).

И гражданское общество может быть духовно болезненным, и традиционное может быть возвышающим человека. Сам по себе тип общества не предопределяет, будет ли оно в тот или иной исторический момент жестоким или терпимым, деспотическим или свободным. Не будем забывать, что именно гражданское общество развязывало беспрецедентные по жестокости войны, проводило геноцид на огромных территориях, превращало в колонии и эксплуатировало большую часть мира, в том числе изымая из нее большую массу населения как рабов для вполне современной (для XIX в.) капиталистической экономики. Политические институты государств, адекватных этому типу общества, со временем изменялись, но их основания воспроизводятся и сейчас.

¹ В.В. Крылов констатирует важную вещь, которая объясняет характер противоречий в дореволюционной России: «Одно дело, когда частная капиталистическая собственность приходит на смену тоже частной, но мелкокрестьянской собственности, как это было в европейских странах; иное дело, когда частная капиталистическая собственность идет на смену общинным порядкам, как это было в пореформенной России и как это еще более ярко выражено ныне в странах Африки».

Россия находилась с Европой в интенсивных отношениях и раньше других предприняла программу глубокой модернизации. Тем не менее и она, будучи до середины XX в. преимущественно крестьянской страной, относилась к категории традиционных обществ. Сейчас, после быстрого послевоенного развития, многие отрицают характер нашего общества как традиционного. Но по главным признакам и советское, и постсоветское общество России правильнее относить к традиционным обществам в состоянии интенсивной модернизации, а в ходе нынешнего кризиса у нас даже идет откат к *архаическим* институтам традиционного общества.

Поскольку понятия «современное» и «традиционное» обозначают такие сложные явления, как *общества*, они раскрываются через содержательные примеры. Их сравнительное описание — большая и важная область обществоведения. М. Вебер объяснял смысл различий этих типов через становление современного капитализма, главным противником которого и был традиционализм. Огромный материал накопили антропологи, изучавшие «примитивные общества». Их наблюдение всегда было контактом современного и традиционного обществ и включало в себя их сравнение. Во второй половине XX в. сравнительный анализ обществ стал большой программой виднейших антропологов (К. Леви-Стросс, К. Лоренц, М. Салинс). Много философов для лучшего понимания Запада проводили сравнение с обществом традиционным.

С необычной стороны освещает эту проблему удостоенное в 1993 г. Нобелевской премии исследование рабского труда в США [207]. Экономика, основанная на труде рабов-африканцев, стала большим экспериментом по взаимодействию традиционного и современного обществ. Негры-рабы в США сами создавали сложно организованное предприятие плантации, а рабовладельцы не вмешивались в организацию труда и быта рабов. Африканцы в их общине, будучи рабами, были *намного эффективнее* белых фермеров. Во время уборки хлопка хозяева плантаций нанимали белых сезонных рабочих. У них выработка была в среднем *вдвое ниже*, чем у рабов (и, что покажется странным, у белых наемных рабочих и

зарплата была *вдвое меньше*, чем у рабов). Белые работники были неспособны освоить сложную организацию коллективного труда, которая была у негров. В целом по хозяйству Юга США душевая выработка негра-раба была на 40% выше, чем у фермера. Изредка плантаторы отпускали рабов «на оброк» работать в промышленности, и на заводах труд их артелей был эффективнее труда белых рабочих.

Нельзя же такие открытия игнорировать в общественном сознании, но ведь у нас это так!

О хозяйстве русского общинного крестьянства в сравнении с фермерским укладом, который пытался внедрить Столыпин, надо говорить особо — заслуживает целого курса. Вот факт: если принять площади, полученные частными землевладельцами при реформе 1861 г., за 100%, то к 1877 г. у них осталось 87%, к 1887 г. — 76%, к 1897 г. — 65%, к 1905 г. — 52% и к 1916 г. — 41%, из которых 2/3 этой земли использовалось крестьянами через аренду. То есть за время «развития капитализма» к крестьянам как землепользователям перетекло 86% частных земель. А.В. Чаянов дает к этому такой комментарий: «Наоборот, экономическая история, например, Англии дает нам примеры, когда крупное капиталистическое хозяйство... оказывается способным реализовать исключительные ренты и платить за землю выше трудового хозяйства, разлагая и уничтожая последнее» [2, с. 409].

А.В. Чаянов пишет на основании строгих исследований: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам... Арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих земель можно получить при капиталистической их эксплуатации» [2, с. 143].

Традиционное общество России (община и кооперация) создало гораздо более эффективные социальные формы хо-

зяйства, чем импортированные с Запада симулякры фермерских хозяйств¹.

Разумеется, понятия «современное» и «традиционное» общество есть *абстракции*. Эти модели в чистом виде не встречаются. Любое самое примитивное общество в какой-то мере модернизировано, а любое общество Запада несет в себе какие-то традиционалистские или архаические черты — и даже воспроизводит традиционализм в новых формах. Городское общество Южной Америки, населенное иммигрантами из Западной Европы, сосуществуя с сельскими индейскими общинами, обрело многие черты традиционного сословного общества.

Самые первые различия двух типов общества проявляются в том, как человек воспринимает пространство и время. В традиционном обществе человек сохранил космическое чувство — Космос, в центре которого находится человек, подсознательно обладает святостью. Поэтому в СССР (России) — *космос*, в США — *space*. По-разному преломилось ощущение времени в двух политических учениях — *социал-демократии* на Западе и *коммунизме* в традиционных обществах России и Азии. Коммунизм — завершение цикла, «возврат» человечества к коммуне как семье. Время коммунистов устремлено к идеалу (*светлому будущему*), а лозунг социал-демократов: «Движение — все, цель — ничто!» Их толкает в спину прошлое, а коммунистов притягивает будущее.

Человек модерна — свободный атом (*ин-дивид*), т.е. *неделимый*. В традиционном обществе человек «разделен» в других и вбирает их в себя. Он включен в солидарные структуры (патриархальной семьи, деревенской и церковной общин, трудового коллектива и др.).

Из разных представлений о человеке вытекает и разное отношение ко многим правам — прежде всего к праву на

¹ Знаток прусского сельского хозяйства Гакстаузен в 40-х гг. XIX в. изучал в России доходность хозяйств в Верхнем Поволжье. Он советовал немцам: «Если вам подарят поместье в Северной России при условии, чтобы вы вели в нем хозяйство так же, как на ферме в Центральной Европе — лучше всего будет отказаться от него, так как год за годом в него придется только вкладывать деньги». А вести хозяйство «не так, как на ферме в Центральной Европе», а *как в России*, можно было прекрасно. И помещики были счастливы, получив поместье в наследство.

жизнь, на пищу. В традиционном обществе сильна *уравниловка* — право на получение минимума жизненных благ. Уравни- тельное право на жизнь — не порождение советского строя. Напротив, советский строй — порождение этого представле- ния о человеке. А либерализм сразу стал искать обоснование *социальному неравенству*, право на жизнь стала давать *пла- тежеспособность*. Социальная борьба смягчала нормы либе- рализма, но «чистая модель» не изменилась.

Государство традиционного общества *патерналистское* (от лат. *pater* — отец). Представления о свободе, правах и обя- занностях здесь иные, нежели в государстве западного обще- ства. Здесь немыслимо свести роль государства к «ночному сторожу». Сейчас, в переходный период, государственность России еще не устоялась, в ней много «гибридных» форм. Но после хаоса 1990-х гг. в ней опять проглядывают традицион- ные черты, хотя и в измененном виде.

Различие двух типов государства хорошо видно при сравнении процедур голосования в *парламентах* и *Советах* (и в *Думе*, хотя и меньше). Голосование — ритуал, завершаю- щий процесс согласования интересов и выработки решения. В парламенте этот ритуал символизирует *конкуренцию*, в Со- ветах — *согласие*. Этот смысл голосования хорошо изучен в антропологии. К. Леви-Стросс подчеркивал: «Почти во всех абсолютно обществах, называемых “примитивными”, немыс- лима сама идея принятия решения большинством голосов, поскольку социальное единство и доброе взаимопонимание считаются более важными, чем любая новация. Поэтому при- нимаются лишь единодушные решения».

Традиционное общество проявляет высокую устойчи- вость против определенных типов испытаний и беспомощ- ность против других. Например, в постсоветских республиках общества не рассыпались в 1990-е гг. при снижении средних душевых доходов в 4 раза (а в Таджикистане — в 11 раз). Со- временное общество такими механизмами солидарности не располагает. С другой стороны, советское общество легко по- зволило себя обобрать, не оказав сопротивления. Это тоже поражает западных политологов.

В разных обществах различные типы хозяйства. Рыноч- ная экономика — недавний институт, возникший в Западной Европе, когда в товар превратились вещи, которые для тра-

диционного мышления никак не могли быть товаром: деньги, земля и труд. Но существуют типы хозяйства, причем сложно организованного, при которых ценности и усилия складываются, а не обмениваются — так, что все участники пользуются созданным сообща целым. Таково семейное хозяйство, экономически исключительно эффективное для большого класса целей. Замена его рыночными отношениями невозможна, т.к. оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад. К этому же типу хозяйства относилось и плановое хозяйство.

Советский строй породил тип промышленного предприятия, в котором производство было переплетено с поддержанием условий жизни работников и вообще «города» («градообразующее предприятие»). Это шло от общины и казалось естественным. Попытки в 1990-е гг. отделить производство от создания *условий жизни* показали важную вещь: кооперация производства с бытом дает очень большую экономию. Отопление бросовым теплом ТЭЦ — один из примеров.

Устройство России оказывается совсем не странным, если глядеть на нее не через очки евроцентризма, а применить хорошо уже разработанное в науке представление о разных типах общества. Любое решение в государственной политике и управлении должно быть адекватно культурным основаниям общества и структуре составляющих его социокультурных групп.

Обществоведы обязаны были все это знать (и многие знали, но замолчали). А в результате сообщество обществоведов внедрило в массовое сознание населения, особенно молодежи и подростков, совершенно ложное представление как о западном, так и о российском обществах. Уродливый образ российского общества и его культуры разрушает самосознание народа и национальную идентичность людей, и цена этого незнания быстро возрастает и поворачивает нас к трагедии.

Утопия конвергенции

Лозунгом перестройки, в числе других, было «Вернуться в лоно цивилизации!». Хотя прямо не говорилось, но под «цивилизацией» подразумевался именно Запад. Эту идею вынашивали видные обществоведы СССР.

Идея конвергенции США и СССР как двух сверхдержав была выдвинута в 1944 г. русским и американским социологом Питиримом Сорокиным. Он писал в книге «Россия и Соединенные Штаты» (1944): «Предлагаемое фундаментальное расхождение между духовными, культурными и социальными ценностями этих двух стран до сих пор сильно преувеличивали. Фактически Соединенные Штаты и Россия проявляют существенное сходство в ряде важных психологических, культурных и социальных ценностей... При отсутствии столкновения между жизненными интересами двух стран такая близость действительно склонна способствовать миру, как в случае отношения между Россией и Америкой» [208].

П.А. Сорокин исходил из опыта союза США и СССР в войне и представлял их конвергенцию как равноправное взаимодействие. Он верил в такую возможность и в 1960 г. опубликовал статью «Взаимное сближение США и СССР к смешанному социокультурному типу» — с точки зрения культурологи и социологии, исключительно смелое утверждение. Он в стиле футурологии предполагал, что в результате такого сближения «господствующим типом общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип, который мы можем обозначить как интегральный» [25].

В СССР энтузиастом идеи конвергенции был академик А.Д. Сахаров. Он писал в 1968 г.: «Эти идеи возникли как ответ на проблемы нашей эпохи и получили распространение среди западной интеллигенции, в особенности после Второй мировой войны. Они нашли своих защитников среди таких людей, как Эйнштейн, Бор, Рассел, Сцилард. Эти идеи оказали на меня глубокое влияние, я увидел в них надежду на преодоление трагического кризиса современности» [209].

Но в элите СССР уже вызревал мировоззренческий кризис, и развитие идеи конвергенции пошло в другом направлении. Речь уже шла не о том, чтобы, *«заимствуя друг у друга все лучшие черты, сближаться друг с другом»*, а о том, чтобы стать в фарватер США как мирового лидера. В 1975 г. А.Д. Сахаров пишет: «Единство требует лидера, таким по праву и по тяжелой обязанности является самая мощная в экономическом, технологическом и военном отношении из стран Запада — США» [206, с. 146]. А уже в 1976 г. в интервью «Ассошиэй-

тед Пресс» он заявляет: «Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран» [210, с. 55].

Можно считать, что с середины 70-х гг. в этой части интеллектуальной элиты отношение к США как внешнему союзнику в борьбе с советским строем сменилось чувством *идентификации* с США как лидером не только политическим, но и цивилизационным. Отношения союзника сменились отношениями подданного, влиятельная часть общества стала *патриотами США*, а не СССР (России).

Перестройка под лозунгом «Вернуться в лоно цивилизации!» расколола советское общество мировоззренческим конфликтом, поставила людей перед выбором из двух разных типов жизнеустройства. Известный во время перестройки историк Л. Баткин объяснял, что «иного не дано»: «*Запад*» в конце XX в. — не географическое понятие и даже не понятие *капитализма* (хотя генетически, разумеется, связано именно с ним). Это всеобщее определение того хозяйственного, научно-технического и структурно-демократического уровня, без которого немыслимо существование любого истинно современного, очищенного от архаики общества» [211].

Конвергенции не получилось. Посол СССР в США А.Ф. Добрынин непосредственно помогал вести переговоры Горбачева с Дж. Бушем, и он пишет: «В те годы американская дипломатия и сам Мэтлок, который был послом США в Москве при Горбачеве, старались максимально использовать те беспрецедентные возможности, которые возникли для них в результате деятельности советского руководителя. И делось это, разумеется, не ради горбачевских «общечеловеческих ценностей», а в первую очередь во имя национальных интересов США, чтобы сокрушить своего основного соперника в мире» [212].

Горбачев даже дал согласие прекратить всякую помощь Кубе и быстро вывести оттуда советских военных — что было «давней мечтой и задачей американской дипломатии еще со времени кубинского кризиса». Но встречных уступок от США Горбачев не получил, что его сильно обескуражило. Госсекретарь Бейкер в телеграмме Бушу закончил донесение так: «Горбачев начинает говорить как обманутый любовник, которого покинули у алтаря».

В заключение А.Ф. Добрынин так пишет о Горбачеве: «Он фактически сдавал — с необъяснимой поспешностью — важные геополитические и военные позиции, которые были крайне нужны нашей стране не для продолжения холодной войны, а как раз для ее завершения, но в достойной и приемлемой форме, на основе общего стратегического равновесия и стабильности, которые существовали в самом начале свертывание холодной войны и которые позволили бы создать солидную базу для ее окончания путем взаимно согласованной эволюционной трансформации международных отношений на другой, неконфронтационной основе» [212].

Но ведь и сам Горбачев был образованным обществоведом, и бригада его помощников, аналитиков и консультантов состояла из представителей обществоведов высшего ранга. Почему они оказались столь несостоятельными в профессиональном плане? Трудно найти иное объяснение, чем принципиальная неадекватность методологической основы всей этой общности.

Сразу после ликвидации СССР в России началась глубокая реформа с трансформацией практически всех государственных и общественных институтов. За основу доктрины реформ были приняты концепции неолиберализма и советы экспертов США. Программа радикальной и массивной трансформации получила название «шоковой терапии». Либеральный философ Дж. Грей писал: «Ожидать от России, что она гладко и мирно примет одну из западных моделей, означает демонстрировать вопиющее незнание ее истории, однако подобного рода ожидания, подкрепляемые подслеповатым историческим видением неолиберальных теоретиков, в настоящее время лежат в основе всей политической линии Запада...

Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными» [104, с. 81, 89].

Несмотря на это, интеллектуальная команда Б.Н. Ельцина приняла эту программу и выполнила все основные рекомен-

дации западных экспертов. Были раскрыты информационное пространство, финансовая система и рынки, была принята официальная антисоветская идеология, проведена приватизация, начаты реформы армии, школы и здравоохранения по западным шаблонам.

Начиная неолиберальную реформу в СССР, обществоведам надо было разобраться, почему при попытке войти в «клуб капиталистических стран» сразу возникли непреодолимые препятствия, а СССР мог сосуществовать и даже сотрудничать с капитализмом. Этот фундаментальный вопрос игнорировали, как и предупреждения некоторых специалистов.

4 мая 1992 г. Координационный совет по гуманитарным и общественным наукам при вице-президенте РАН провел заседание «круглого стола», посвященное оценке нынешнего и прогноза будущего общественного устройства России. В дискуссии приняли участие ведущие философы, экономисты, социологи и историки. В обзоре сказано: «Участники “круглого стола” исходили из неизбежности перехода России к рыночной экономике... Под “особым путем России” понималась необходимость сочетать достоинства и исключать недостатки капитализма и социализма. ...Нужно поработать над тем, как идею конвергенции облечь в приемлемые для всех народов и наций страны одежды. Переходная, опирающаяся на смешанную социально ориентированную экономику модель была поддержана участниками обсуждения» [213].

Из всех участников заседания точный прогноз высказал только д.э.н. М.М. Голанский. В отчете сказано, что по принятому решению он высказал сомнение и объяснил: чтобы создать в России регулирующий рынок, необходимо удовлетворять требованиям, для нас практически невыполнимым. Более того, он предсказал, что к 2010 г. начнется системный кризис мирового капитализма, и «частная собственность будет повсеместно заменяться статичной общественной собственностью, которая только и сумеет выдюжить неблагоприятную экономическую обстановку». Он сказал, что производительность труда в России недостаточна, а «рынок поощряет развитых и душит отсталых». Как сказано в отчете, «такой пессимистический прогноз не был поддержан».

Труды М.М. Голанского замалчивали, но целый ряд его суждений сегодня актуален, в том числе относительно конвергенции. Он доказывал, что идея заменить плановую экономику на рыночную ошибочна, что и самому Западу придется сдвигаться к конвергенции систем, а не к поглощению хозяйства постсоветских стран: «Вместо требовательной и капризной капиталистической системы хозяйствования понадобится непритязательная и невзыскательная система, основанная на господстве государственной собственности. Только благодаря устойчивости и неприхотливости ведения хозяйства человечеству, по-видимому, удастся преодолеть неблагоприятные последствия экологического кризиса».

По его мнению, Россия, в свою очередь, должна будет интегрировать в свое хозяйство рыночные институты, но это будет вовсе не та утопическая конвергенция, которую проектировали экономисты реформы. Он писал в 1992 г.: «По-видимому, искать выход из создавшегося положения нам все-таки придется самим, и полагаться мы должны будем не на всеисилие и всемогущество рынка, а на самих себя, на наше умение и наш опыт. При этом нам, конечно, не обойтись без использования инструментария рынка. ...Однако рациональное использование рыночного механизма не будет иметь ничего общего со сдачей экономики целиком и полностью на "милость рынка" и с отказом от собственной активности. В нашем случае рынок должен играть сугубо подсобную роль, в качестве одного из действенных средств реализации плановых заданий» [197].

Но раскрытие границ и «разоружение» были не только принципиальной установкой реформы, но и жестом доверия и лояльности США. Это поразительно, потому что правящая верхушка США воспринимала и постсоветскую Россию как источник опасности — как *иной*, который пытается вторгнуться в «европейский дом» Запада. СССР на это не претендовал и такую угрозу для Запада не создавал. Поэтому вражда к постсоветской России, государству совсем нового типа, выплеснулась сразу, как только с СССР было покончено.

Основания для этого были, возможно, иррациональны, но фундаментальны. Россия выросла как христианская цивилизация, но *альтернативная* Западу. Она по главным вопро-

сам бытия постоянно предлагала человечеству иные решения, нежели Запад, и стала его экзистенциальным, бытийным оппонентом — как бы не пытались государство и элита России избежать такого положения.

О. Шпенглер писал (1918 г.): «Я до сих пор умалчивал о России; намеренно, так как здесь есть различие не двух народов, но двух миров... Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир. Нас обманывает впечатление от некоторых, принявших западную окраску жителей русских городов. Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времен задолго до Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас. Он сам это всегда сознавал, проводя разграничительную черту между "матушкой Россией" и "Европой".

Для нас русская душа — за грязью, музыкой, водкой, смирением и своеобразной грустью — остается чем-то непостижимым... Тем не менее некоторым, быть может, доступно едва выразимое словами впечатление об этой душе. Оно, по крайней мере, не заставляет сомневаться в той неизмеримой пропасти, которая лежит между нами и ими» [205, с. 147—148].

Это совсем иное представление о культурных и ценностных основаниях США и России, нежели утверждение П.А. Сорокина, которое он привел как довод в пользу конвергенции двух систем.

Через десять лет после Шпенглера В. Шубарт в книге «Европа и душа Востока» (1938 г.) писал: «Никогда еще Европа, даже во времена Рима цезарей, не была так далека от Востока и его души, как ныне в прометеевскую эпоху. Противоположность между Востоком и Западом достигла своего высшего напряжения, но столь же огромно и стремление к его изживанию... Как бы это ни показалось смелым, но с полной определенностью следует сказать: Россия — единственная страна, которая может освободить Европу и ее освободит, так как по отношению ко всем жизненным проблемам она занимает по-

зицию, противоположную той, которую заняли все европейские народы» [214].

Не будем судить об освободительной миссии России, здесь важно утверждение, что «по отношению ко всем жизненным проблемам она [Россия] занимает позицию, противоположную той, которую заняли все европейские народы». Это серьезное основание для элиты Запада не принимать Россию в «европейский дом».

Советская идеология и печать искажали образ холодной войны, многократно занижали опасность, чтобы не нагнетать страхов и не разжечь психоз в стране. Власть никогда не позволяла раздувать антизападные настроения, а в элите всегда выставляла вперед ширму в виде слоя «западников». Возможно, это разоружило новое поколение номенклатуры, которое взялось за реформы с избыточными иллюзиями — западническая элита России заявила о своей «европейской цивилизационной идентичности».

Стали говорить о желательности вступления в НАТО и его расширения до границ Ирана и Китая как общего у Запада с Россией *цивилизационного противника*. Глава МИДа А. Козырев представлял Россию как цивилизационного союзника Запада в «совместной защите ценностей» при «продвижении на восток». По его словам, Западу «следует помнить об азиатских границах стран, образующих зону Совета североатлантического сотрудничества. И здесь основное бремя ложится на плечи России». В 1994 г. политолог С. Караганов в статье «У дверей НАТО мы должны оказаться первыми» («Известия», 24 фев.) доказывал, что России надо бороться с Польшей, Чехией и Венгрией за право вступить в НАТО первой.

Все это очень трудно разумно объяснить. Ведь уже при Рейгане верхушка США приняла в отношении к СССР иррациональный и архаический дискурс, а затем вплоть до нынешнего момента развивала это представление уже о постсоветской России. Еще в Древнем Риме для оправдания его экспансии сложились понятия справедливой войны (*bellum justum*) и «незаконного врага» (*hostis injustus*). В Средневековье римские понятия соединили с ветхозаветным понятием «обязательной священной войны», которую ведут против врагов Бога, т.е. против *зла*. И. Кант добавил, что «право госу-

дарства по отношению к *несправедливому врагу* не имеет ограничений». Исходя из этих средневековых категорий, США и стали действовать в конце XX и начале XXI в.

Так, НАТО совершала бомбардировки Югославии в 1999 г. без мандата ООН, а в 2003 г. — вторжение США в Ирак, также без мандата ООН. А в последние годы предприняла военную интервенцию в Ливию, а затем обеспечила военную поддержку одной из сторон гражданской войны в Сирии требования-ми отстранения законного президента. Во всех случаях военные действия были представлены как война со *злом*, против незаконного врага, *hostis injustus*. Международное право было отброшено, действовала норма «право Запада по отношению к *несправедливому врагу* не имеет ограничений». В «однополярном» мире роль судьи, жандарма и палача возлагается на США [215].

И при этом США ясно и во многих формах заявляли, что Россия и есть «незаконный враг», источник *зла*. Как в этих очевидных условиях элита наших обществоведов продолжала проектировать конвергенцию с Западом! Это не какая-то частная ошибка, это принципиальная неадекватность, методологический провал.

При этом реформаторская элита России («демократы») прекрасно знала, что большинство населения очень быстро утратило иллюзии «вернуться в наш общий европейский дом». Вот табл. 3 из результатов большого трехлетнего исследования.

Элита обществоведов как будто не заметила, в какой болезненной форме произошло в среде интеллигенции крушение западнической иллюзии. Уже летом 1994 г. социологи ВЦИОМ обнаружили такое явление: «На протяжении последних лет почвеннические сантименты характеризовали прежде всего необразованную публику. Теперь наиболее яростными антизападниками выступили обладатели вузовских дипломов, в первую очередь немолодые. (Респондент этой категории ныне обнаруживает врагов российского народа на Западе вдвое чаще, чем даже такая, преимущественно немолодая и традиционно консервативная среда, как неквалифицированные рабочие.)

Таблица 3. Динамика отношения населения России к идее «следовать за Западом», %

С каким из следующих мнений вы согласны:	Все население		
	Москва		
	1990	1991	1992
В западных странах сегодня создано наилучшее из всех возможных общество. Нам следовало бы не выдумывать свои пути, а следовать за Западом.	45	38	14
	45	44	18
Мы очень своеобразная страна. Мы должны искать свои пути развития.	45	49	71
	34	46	69
Затрудняюсь ответить.	10	13	15
	21	11	13

* Мировоззрение населения России после перестройки: религиозность, политические, культурные и моральные установки. Отчет. М.: Центр социальных исследований, 1992.

Именно эта категория людей (а не молодежь!) в свое время встретила с наибольшим энтузиазмом горбачевскую политику «нового мышления» и оказала ей наибольшую поддержку. Теперь они зачисляют Запад во враги вдвое чаще, чем нынешние образованные люди более молодого возраста» [216].

Этот важный сдвиг не был подвергнут рефлексии в общественном мнении, хотя симптом был многозначительным. Ведь за изменениями установок интеллигенции «перестроечного» времени вскоре и молодежь потянулась за старшими. В январе 1995 г. 59% опрошенных (в «общем» опросе) согласились с утверждением «Западные государства хотят превратить Рос-

сию в колонию» и 55%, что «Запад пытается привести Россию к обнищанию и распаду». Но уже и 48% молодых людей с высшим образованием высказали это отношение к Западу [217]. Однако обществоведение проигнорировало и этот сигнал.

В декабре 2006 г. Аналитический центр Ю. Левады провел большой опрос на тему «Россия и Запад». На вопрос «Является ли Россия частью западной цивилизации?» положительно ответили 15%. Большинство, 70% опрошенных, выбрало ответ «Россия принадлежит особой («евразийской» или «православно-славянской») цивилизации, и поэтому западный путь развития ей не подходит». Затруднились ответить 15% [218].

Население трезво оценило шансы и преимущества обещанной конвергенции. Но ведь и в интеллектуальных кругах трудно было объяснить утопические надежды окол властной элиты. Американский политолог, директор Центра изучения России и стран Восточной Европы Аллен С. Линч подробно перечисляет «неудавшиеся попытки России стать полноправным членом западных экономических, политических и оборонительных сообществ». Он говорит как об очевидном факте о «быстрой утрате иллюзии относительно возможности скорой интеграции России в международное сообщество “Большой семерки”» и о том, как российская дипломатия пыталась достичь взаимоисключающих целей: «поддержания своего великодержавного статуса на международных форумах, не допустив при этом разрыва отношений со странами “большой семерки”, прежде всего с Соединенными Штатами, сотрудничество с которыми остается важнейшим фактором обеспечения будущего России как во внутривнутриполитическом, так и во внешнеполитическом плане».

Понятно, что усидеть на двух таких стульях было очень трудно. Окончательно все прояснилось 24 марта 1999 г., когда НАТО начала бомбить Сербию. А.С. Линч пишет: «Воздушная война НАТО в Сербии... приоткрыла облик мира, каким он может стать после расширения НАТО, — мира, в котором государства-члены Североатлантического альянса, ведомые Соединенными Штатами Америки, в обход Совета Безопасности ООН (где у России есть право вето) и вопреки букве Устава НАТО (предусматривающего исключительно оборонительный характер альянса, зона ответственности которого не

простирается за пределы территории стран-участниц) принимают решения, где, когда и как применить вооруженные силы НАТО, чтобы воздействовать на политическую ситуацию, возможно, даже в районах, граничащих с Россией. В ситуации, когда руководство НАТО не связывает себя обязательствами относительно того, когда альянс прекратит прием новых членов в свои ряды или какие страны (например, государства Балтии или Украину) он будет считать не готовыми к вхождению в него, решение НАТО о начале военных действий в Сербии обнажило фиктивный характер договоренностей между Россией и НАТО, которые в большой степени были символическими».

В своей большой статье 2001 г. Линч мимоходом отмечает: «В настоящее время российско-западные, и особенно российско-американские, отношения почти полностью утратили ту сентиментальную ауру, которая объединяла обе страны в антикоммунистическом и прореформистском порыве начала 90-х годов» [219].

Удивительно, что буквально в это же время вышла книга размышлений группы видных ученых-обществоведов (Л.И. Абалкина, Г.А. Арбатова, Х.Т. Богомолова, А.Л. Бутенко, П.В. Волобуева, Л.Н. Митрохина, Т.И. Ойзермана, А.М. Румянцева, Г.Б. Старушенко, Г.Х. Шахназарова) [226]. В обзоре этой книги сказано: «Тенденции развития общества ведут к тому, что в будущем обществе возникает качественно новый синтез ценностей капитализма и социализма. Об этом пишут в рецензируемой книге почти все авторы... Отсюда можно сделать вывод о том, что в настоящее время возникают условия для создания новой идеологии, в которой будет осуществлен синтез прагматических — осуществимых (а не утопических) идеалов либеральной (буржуазной) и социалистической (пролетарской) и других современных, охватывающих большие слои населения идеологий» [220]. Для таких утверждений надо было крепко закрыть глаза на реальность.

После этого США произвели проверку России на лояльность и послушание уже при существенно новом политическом режиме, с президентом В.В. Путиным. Предметом экзамена была война в Ираке. «Вашингтон таймс» писала совершенно открыто: «Г-на Путина следует поставить перед жестким

выбором... История свидетельствует, что российские лидеры имеют тенденцию лучше всего понимать ясный и недвусмысленный язык. Пора г-ну Бушу-младшему обратиться к г-ну Путину именно на таком языке и сказать: "Хочешь быть союзником Америки — надо себя вести как союзник". «Бизнес уик» добавляет: «Неприятие Путиным ведущейся Соединенными Штатами войны — не что иное, как недовольство страны, которая была когда-то сверхдержавой».

Вспомним: требование американской прессы ясно определить позицию России относительно этой войны поставило российские власти в трудное положение. Глава МИДа РФ И. Иванов в докладе Совету Федерации сказал: «Никаких правовых оснований для осуществления военной операции в отношении Ирака у США и Великобритании нет». В переводе на обычный язык это значит, что США совершили преступное нападение на небольшую страну, разрушают ее города и убивают ее жителей. Верхняя палата представительной власти страны, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 26 марта приняла Заявление, первая фраза которого гласит: «Соединенные Штаты Америки с 20 марта 2003 года осуществляют агрессию против Республики Ирак». *Агрессию!*

Трудно было это выговорить, но, выступая 2 апреля в Тамбове перед журналистами, В.В. Путин заявил, что «по политическим и экономическим соображениям Россия не заинтересована в поражении США». Назавтра газеты на Западе пестрели заголовками: «Путин не желает поражения США». И в то же время опросы показали, что 80% населения РФ (в некоторых опросах 85—90%) именно желали США поражения в этой войне — не желая при этом зла американскому народу. Считали, что эта война была столь очевидно несправедливой, что победа в ней будет злом для США.

Так совпало, что в Вифлееме по случаю православной Крестопоклонной недели 2 апреля состоялось массовое религиозное шествие. Выступая перед его участниками, представитель Иерусалимского Патриарха и настоятель вифлеемской церкви Рождества Христова о. Панаритос объявил, что «отныне и вовеки» запрещен вход в эту церковь президенту США Джорджу Бушу и его министру обороны Дональду Рамс-

фелду, британскому премьеру Тони Блэру и его министру иностранных дел Джеку Стру. Он объявил всех четверых «военными преступниками и детоубийцами», осудил убийства в Ираке мирных людей, бомбардировки церквей и мечетей. Он также потребовал от муниципалитета Вифлеема никогда не принимать в городе этих людей.

Ни Россия, ни православный мир не выдержали экзамена на злом.

Как известно, США совершили агрессию против Ирака под предлогом уничтожения оружия массового поражения, которым, как утверждалось, стал обладать Ирак. Несмотря на все старания оккупационных частей США, такого оружия там найдено не было, что и было официально заявлено. Тем не менее в конце 2003 г. большинство американцев поддерживало агрессию. Различие ценностных систем США и России было несомненным.

Разумеется, и на Западе многие недовольны цинизмом агрессивной внешней политики держав Запада, но в массовом сознании России моральный аспект подкрепляется тем, что эти операции Запада непосредственно направлены на ослабление и подавление России и духа ее культуры.

Известный в России Джеффри Сакс пишет в связи с обстановкой на Ближнем Востоке: «Больно это признавать, но Запад, особенно США, несет значительную ответственность за создание условий, в которых ИГИЛ расцвел. ...Общественности действительно никогда не рассказывали истинную историю Усамы бен Ладена, Аль-Каиды или подъема ИГИЛ в Ираке и Сирии. Начиная с 1979 года, ЦРУ мобилизовало, набирало, готовило и вооружало молодых людей суннитов для борьбы с Советским Союзом в Афганистане. ЦРУ усиленно вербовало молодых людей из мусульманского населения (в том числе Европы), чтобы сформировать моджахедов, многонациональную боевую силу суннитов, мобилизованную для того, чтобы вытеснить "советских неверных" из Афганистана...

Ничем не спровоцированная война Америки в Ираке в 2003 году высвободила демонов... В последние годы США, Франция и Великобритания свергли Муаммара эль Каддафи в Ливии, а США работали с египетскими генералами, которые свергли избранное правительство Братьев мусульман» [219].

Тяжелым вызовом для России стало разрушение светской государственности на Ближнем Востоке, которое направляет экспансию к российским границам массы людей, выброшенных из социальных и культурных структур модерна и превращенных в боевиков и террористов. И самым тяжелым ударом по России и Украине стал конструктивистский проект создания в населении Украины радикальной антироссийской общности. Кризисные общества постсоветских республик не знают этих технологий, не нашли еще средств защиты и несут тяжелые потери.

В таких условиях нет никаких шансов войти в «лоно западной цивилизации». В идеологическом дискурсе правящей элиты Запада Россия представлена как *«враждебный Иной»* — стереотипное понятие западной геополитики. А.Ф. Расмуссен, премьер-министр Дании (2001—2009 гг.) и генеральный секретарь НАТО (2009—2014 гг.), называет современное состояние Запада «войной ценностей с Россией».

Он пишет: «Нынешний конфликт между Россией и Западом, выразившийся в украинском кризисе, является по своей сути столкновением ценностей. ...Для России угроза, созданная протестующими украинцами, была экзистенциальной. Требуя перемен, свободы и демократии, причем прямо у российского порога, демонстранты поставили под сомнение путинскую модель “суверенной демократии”. ...Конфликт в Украине — не про Украину. И не про Россию. И даже не про НАТО. Он про демократию. Запад должен ответить соответствующе» [221].

Более того, «Times» 8 ноября 2015 г. сообщила, что «Великобритания готова признать Россию угрозой высшего уровня в рамках новой стратегии национальной безопасности, которую премьер-министр страны представит 23 ноября».

Хотя ведущие представители социальной и экономической философии Запада давно пришли к выводу, что системный кризис индустриальной цивилизации порожден фундаментальными противоречиями в ядре мирового капитализма, которые он пока успевает экспортировать на периферию, влиятельные идеологи неолиберализма до сих пор пытаются возложить вину за участвовавшие кризисы на Россию. И это

несмотря на то, что российские реформаторы выполнили все рекомендации «вашингтонского консенсуса»!

Парадокс в том, что влиятельные общественеды, после того как они в течение 25 лет продолжали представлять реформированную Россию «империей зла», претендуют стать желанными членами «европейской семьи» и даже упрекают эту «семью».

Вот В. Иноземцев, активный идеолог либеральной реформы, сначала возлагает вину за кризисы на «Россию Путина»: «Развитие России начиная с 2000 г. подчинялось лишь одной задаче: сохранению ныне правящей элитой власти в своих руках ради бесконечного обогащения через неконтролируемое присвоение природных богатств страны и бюджетных средств».

Это как припев всех их песен. Затем В. Иноземцев выговаривает Западу за то, что он почему-то не встречает Россию с объятиями, и дает ему ценные наставления: «Бывшим "союзникам" СССР — Польше, Чехословакии, Венгрии, и даже странам Балтии — было недвусмысленно обещано членство в этом новом объединении. Россия же, реформы в которой способствовали историческому воссоединению всех европейских народов и концу холодной войны, оказалась "в стороне" от происходивших перемен. Европейцы не только не предложили ей перспективного членства (которое могло быть обставлено массой обстоятельств и переговоры о котором могли длиться десятилетиями), но и в целом отказались от рассмотрения России как полноценной части Европы.

Уже в этот период было бы гораздо правильнее признать Россию естественной составной частью Европы и попытаться объединить потенциалы западной и восточной ветвей европейской цивилизации. Однако сделано этого не было...

Политические безумства России в последнее время — это как раз трагедия великого государства, которое не может ни само стать лидером, ни войти органичным образом в некое ядро государств, открывающих новые горизонты. ... Сегодня, я убежден, крайне важно повторять, что значительная часть вины за то, что современная Россия действительно не является Европой, лежит на самих европейцах» [222].

Эти претензии совершенно нелогичны. Видимо, верно сказали американские эксперты, работавшие в РФ в 1990-е гг.: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества». Как можно обвинять европейцев в том, что «современная Россия действительно не является Европой»? Ни европейцы, ни сами русские, татары, коми и пр. никогда не думали, что можно и нужно превратить Россию в провинцию Западной Европы. Неужели образованный человек В. Иноземцев не знает природных, культурных, этнических, исторических и других различий между Россией и Западом? Более того, все эти различия резко усилились именно во время Великой трансформации Запада — революционного разрыва с традиционным обществом Средневековья и строительством уникальной системы западного капитализма. Ведь Запад формировал свое самосознание, глядя на Россию как в зеркало. Достаточно прочитать Броделя, Вебера и Маркса, не будем уж помянуть русскую литературу.

Здесь даже есть загадка: на что рассчитывали наши либеральные реформаторы, строя свою доктрину на имитации западных институтов? Ведь никто даже не решился взять на себя ответственность и сказать, что он, такой-то, верит в успех этой реформы. Какими доводами подавляли здравый смысл интеллигенции? Поезд ушел! Нельзя быть немножко беременной! Пропасть не перепрыгнуть в два прыжка! Дискурс реформы — утопия, манипуляция и аутизм. В результате из мировой державы, бывшей партнером Запада и в экономическом, и в геополитическом смысле, мы не можем войти в Запад даже на задворках его периферии.

Попытка переделать Россию в Запад, положив в основу реформ неолиберальную теорию, изначально была обречена на провал. Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Бьюкенен так определил то условие, при котором экономическая теория обладает полезностью: «Теория будет полезной, если экономические отношения распространены в достаточной степени, чтобы возможно было прогнозировать и толковать человеческое поведение. Более того, экономическая теория может быть применима к реальному миру только в том

случае, если экономическая мотивация преобладает в поведении всех участников рыночной деятельности» [223, с. 53].

Этих условий в России не было. Но аутистические грезы наяву продолжают — притом, что наши потрепанные псевдолибералы знают, что 85% населения требуют прекратить эти бессмысленные попытки и начать восстановление приемлемых структур жизнеустройства. Видного идеолога зашедшей в тупик реформы И.Ю. Юргенса спросили в интервью:

«— Игорь Юрьевич, недавно казалось, что охранительная, изоляционистская позиция одержала уверенную победу и в истеблишменте, и в российском обществе. Насколько верной будет такая оценка сейчас?

— На 85 процентов. Но ведь 15 процентов населения, несмотря на воздействие пропаганды, скажут вам, что — нет, мы европейцы, надо заканчивать эту историю с “укропами”, “фашистами”, нормализовывать отношения с Западом. ... Память эта свежа, документы все написаны, люди, которые это осуществляли, все при должностях в экономическом блоке. Много в наших отношениях с Западом и конкретно с Европой испорчено всерьез и на длительную перспективу, но очень многое можно поправить и начать другую жизнь» [224].

Расхождения во мнениях с 85% населения небольшая общность (15%) не желает обсудить в общественном диалоге и попытаться найти компромисс. Уповают на то, что «люди, которые это осуществляли, все при должностях в экономическом блоке».

Такое отношение к реальности нашей гуманитарной и обществоведческой элиты говорит о глубоком мировоззренческом кризисе российской интеллигенции. Георгий Флоровский писал о русских либералах-западниках: «Им не приходит в голову, что можно и нужно задумываться над предельными судьбами европейской культуры... Их мнимое преклонение пред Европой лишь прикрывает их глубокое невнимание и неуважение к ее трагической судьбе». Это мы снова наблюдаем в России.

Что значит — стать частью западного капитализма? Ведь этот капитализм — сложная культурная система, результат катастрофической мутации, начавшейся с Реформации и переросшей в макрореволюцию, маховик которой не остано-

лен — он недавно породил две мировые войны, глобальные проекты фашизма и «золотого миллиарда», мировые финансовые кризисы и потепление климата, «цветные революции» и международный терроризм.

К. Поланьи, описывая в книге «Великая трансформация Запада» процесс становления капитализма в Западной Европе, отмечал, что речь шла о «всенародной стройке» — главные идеи нового жизнеустройства были приняты народом. Он писал: «Вера в стихийный прогресс овладела сознанием масс, а самые “просвещенные” с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма» (см. [225]).

В России, которую в конце XIX в. втягивали в подобную трансформацию, произошла революция с целью избежать такой «всенародной стройки». Она отсрочила ее на целый век и продолжает ее тормозить. По всем признакам и сейчас эта идея вовсе не «овладела сознанием масс» — так как же горстка наших неофитов-«либералов» собирается загнать в эту мясорубку 85% населения? Какая антиутопия! И ведь при этом реформаторы и не собираются принимать «предупредительные контрмеры, чтобы ослабить действия этого саморазрушающегося механизма».

Сейчас, когда мы втягиваемся в кризисы на нескольких фронтах, а внутри страны не имеем площадки для диалога, надо срочно зафиксировать целый ряд принципиальных положений, чтобы можно было обдумывать альтернативы направлений движения. Без этого невозможен будет не только мир, но и перемирие. На нашей национальной повестке дня снова стал приоритетным вопрос о формате и механизмах отношений и с Западом, и с Востоком. Но для этого надо прояснить образ нашего желанного будущего. Кто мы? Откуда? Куда идем?

Советское и постсоветское обществоведение было несостоятельным в предвидении и анализе тяжелого кризиса, в который мы погрузились. Мы и сейчас слишком медленно движемся в понимании происходящего и не фиксируем прин-

ципиальные для нас теоремы и выводы. То, что Запад нас к себе не впустит, стало очевидно уже к концу 1990-х гг. Но беспристрастной и хладнокровной рефлексии в этом изменении нашей картины мира не было до сих пор. Дискуссии на эту тему принимают форму низкопробного шоу. А ведь можно было структурировать эту проблему и прийти к выводу уже в 1980-е гг.

В среде интеллигенции даже не возник вопрос: почему в начале XX в. у России не было возможности встроиться в систему западного капитализма? А ведь тогда эта проблема вызвала общую дискуссию и в социал-демократии, и у консерваторов, и у либералов, над этим вопросом работал М. Вебер и оставил ценные наблюдения, актуальные и сегодня. Надо было разобраться, почему в ходе революции из четырех больших проектов будущего был выбран советский проект. Не менее важно было разобраться в дискуссии относительно возможности создать в России социализм (т.е. систему, альтернативную западному капитализму), причем не дожидаясь пролетарской революции на Западе.

Догматы исторического материализма внушили иллюзии, что капитализм — это просто формация, простая, как очередное поколение машины. А раз так, эту машину мы сможем легко установить на нашей почве, если удастся сменить политическую систему и идеологию. На Западе, напротив, свой капитализм считают уникальной культурой и посторонних в нее не пускают. Даже из своей периферии Запад почти никого не включает в ядро системы и использует эту периферию как буферное пространство, куда можно сбрасывать токсические отходы своих кризисов.

Но если рассматривать капитализм не в понятиях механицизма, как формацию, а как культуру (точнее, как социокультурную систему), то мы увидим широкий спектр культур, в которых можно найти структуры капитализма, по-разному вложенные в контексты социальных отношений конкретных культур. Этот спектр расширяется, возникают «гибридные» системы, в которых переплетаются социальные отношения, присущие разным формациям. В парадигме формационного подхода эти системы с трудом поддавались анализу, реальные уклады назывались «докапиталистическими» или, позже,

«некапиталистическими», теперь приходится вводить понятие «постиндустриальные» (или «посткапиталистические»).

Уже когда в результате кризиса физики менялась научная картина мира и преодолевался механицизм, лежавший в основе классической политэкономии, А.В. Чаянов показал, что реальность крестьянского мира не втискивалась в категории политэкономии — ни в ее либеральной, ни в ее марксовской версии. Общинный крестьянский двор был вовлечен в отношения капиталистического хлебного рынка, существуя и производя в *некапиталистическом* укладе. А.В. Чаянов писал: «Обобщения, которые делают современные авторы современных политэкономических теорий, порождают лишь фикцию и затемняют понимание сущности некапиталистических формирований как прошлой, так и современной экономической жизни» [2, с. 141]. Он убедительно показал, что почти до конца XIX в. капиталистическая экономика США была «гибридом» современного капитализма и рабовладельческой экономики.

В XX в., особенно после волны революций в незападных странах и ликвидации колониальной системы, разнообразие форм капитализма и социализма расширилось. Попытка российских реформаторов «построить капитализм в России», а затем войти в систему «западного капитализма» выглядит странной утопией из XIX в. Сейчас нет никакого смысла создавать конфликты относительно идеологических ярлыков. Очевидно, что в России не ведется тайком строительство социализма, но мы не претендуем, чтобы нас приняли в ЕС или НАТО. Мы должны строить жизнеустройство, адекватное нашей природе, ресурсам, культуре и отношениям с международной средой. Если надо, можно сказать, что мы строим капитализм, но свой — в чем-то схожий с западным капитализмом, а в чем-то отличный.

Раскрытие России мировому рынку

Единого человечества, которое в будущем ожидало Просвещение с его универсализмом и гуманизмом, нет и, видимо, не будет. Волны глобализации — колониальной, империалистической и теперь под эгидой США — скорее, разделяют человечество, хотя контакты и потоки сырья, товаров, сим-

волов и идей становятся все более интенсивными. Люди продолжают объединяться в этносы, народы, нации, и эти общности организуют свои территории, на которых властвует государство. Оно регулирует контакты и потоки материальных и символических благ и опасностей. Для этого существуют границы и таможни, войска и спецслужбы, идеологии и законы. Никакая страна, даже с очень ущербным суверенитетом, не может «раскрыться» миру, как любая семья на ночь закрывает дверь — даже в самое мирное время. Пусть дверь без замка — это граница.

До краха СССР ядро экономики России (плановая система) действовало по типу «семейного хозяйства», которое принципиально отличается от «рыночной экономики». В семье ресурсы и усилия не продаются и покупаются, а складываются. Внешняя торговля тогда регулировалась, исходя из принципа максимизации выгоды *целого* (страны). На это была настроена большая система государственных и общественных институтов. Особенностью была принципиальная *неконвертируемость* рубля. Масштаб цен в СССР был совсем иным, нежели на мировом рынке, и рубль мог циркулировать лишь внутри страны (это была «квитанция», по которой каждый гражданин получал свои дивиденды от общенародной собственности — в форме низких цен). Поэтому контур наличных денег должен был быть строго закрыт по отношению к внешнему рынку государственной монополией внешней торговли.

Понятно, что хозяйство семьи нельзя «раскрывать» внешнему рынку, действующему на принципе максимизации прибыли, — он высосет из «семьи» все средства. Поэтому институты советской России кардинально отличались от институтов стран с рыночной экономикой: на рынке торчит ночной сторож, да и сами акторы купли-продажи скоры на расправу, вплоть до самосуда. В Англии человека казнили за кражу из лавки в размере 5 фунтов стерлингов и больше, в Ньюпорте в 1814 г. за такую кражу повесили мальчика 14 лет.

В перестройке первым шагом в ликвидации советских институтов была отмена монополии внешней торговли. С 1 января 1987 г. право непосредственно проводить экспортно-импортные операции было дано 20 министерствам и 70 крупным предприятиям. Было учреждено Министерство внешне-

экономических связей СССР, которое лишь «регистрировало предприятия, кооперативы и иные организации, ведущие экспортно-импортные операции». Позже право внешней торговли было предоставлено и местным Советам.

Следующим шагом был вскрыт контур безналичных денег — было разрешено их превращение в наличные. Это был первый шаг к приватизации банковской системы. В 1989 г. специализированные банки (Промстройбанк, Агропромбанк и др.) были переведены на хозрасчет, а с 1990 г. стали преобразовываться в коммерческие. Был открыт путь к свободному росту цен и снижению реальных доходов населения, инфляции и росту внешнего долга.

Согласно «Закону о кооперативах» (1988 г.), при государственных предприятиях и местных Советах быстро возникла сеть кооперативов и совместных предприятий, занятых вывозом товаров за рубеж, что резко сократило поступление на внутренний рынок. Многие товары при спекуляции давали выручку до 50 долларов на 1 рубль затрат и покупались у предприятий «на корню» — весь годовой объем продукции.

За рубеж стали переправляться большие объемы ресурсов, дефицитных для развития и даже поддержания отечественного хозяйства (особенно капиталов, сырья и энергоресурсов в разных видах — нефти и газа, металлов и удобрений).

Были ликвидированы Госснаб, а вскоре и Госплан СССР. Нарушился межотраслевой баланс, были свернуты все государственные программы, и начался быстрый спад производства. СССР погрузился в состояние «без плана и без рынка». В мае 1991 г. был представлен проект закона «О разгосударствлении и приватизации промышленных предприятий». Это был шаг к деиндустриализации и криминализации экономики. Видные экономисты активно поддерживали этот проект как главный способ оживления экономики.

В «Программе совместных действий кабинета министров СССР и правительств суверенных республик...» (10 июля 1991) было сказано: «Социально-экономическое положение в стране крайне обострилось. Спад производства охватил практически все отрасли народного хозяйства. В кризисном состоянии находится финансово-кредитная система. Дезорганизован потребительский рынок, повсеместно ощущается

нехватка продовольствия, значительно ухудшились условия жизни населения. Кризисная обстановка требует принятия экстренных мер, с тем чтобы в течение года добиться *предотвращения разрушения народного хозяйства страны*».

Уже в 1988 г. можно было разглядеть за всеми этими операциями политическую (и геополитическую) цель, но сопротивление было невозможно — мировоззренческий кризис советского общества облегчил внешним и внутренним анти-советским силам подрыв легитимность советского строя. Когда крах СССР перерос в колоссальный кризис, часть обществоведов, которые разрабатывали доктрину и программу всей этой «последней кампании холодной войны», видимо, была потрясена масштабами бедствия. Они этого наверняка не хотели, но к организации его приложили свой интеллект. Их когнитивная система не дала им увидеть, какую разрушительную программу они создавали. Немногие высказали, вскользь, свою горечь, но гораздо важнее, что до сих пор в сообществе обществоведов нет рефлексии — методологическая основа не изменилась.

В отношении раскрытия отечественного хозяйства иностранному капиталу мнения в обществе разошлись. Тех, кто предлагал привлечь его в СССР, в 1990 г. было в 5 раз больше среди интеллигентов, чем среди «массы». В исследовании ВЦИОМ выяснялось отношение разных групп населения к трем проектам реформы:

- поощрять частное предпринимательство;
- привлечь иностранный капитал;
- развивать кооперативы.

В скобках приведена доля поддержавших, соответственно этим трем проектам. Во всесоюзном опросе больше всего эти проекты нашли поддержку у технической интеллигенции, студентов и у кооператоров (20; 12 и 8%). Отрицательное отношение ко всем трем проектам выразили военные и юристы, резко отрицательное — колхозники и сельские механизаторы, пенсионеры (3; 0 и 3%). Отношение рабочих, независимо от квалификации, было умеренно отрицательным (10,8; 6,4 и 5,6%) [193, с. 77—78].

Мы видим, что идею *привлечь иностранный капитал* поддержала очень небольшая доля граждан, в некоторых

крупных социальных группах *никто* не поддержал¹. Но даже в авангарде перестройки (интеллигенция, студенты и кооператоры) положительное отношение выразили только 12%.

Трудно было ждать другого: взрослые еще помнили, какую роль сыграл иностранный капитал в России начала XX в., эта память в какой-то мере сохранилась и у молодежи. Тогда в России банки контролировались иностранным финансовым капиталом. Из 8 больших частных банков лишь один (Волжско-Вятский) мог считаться русским, но он был блокирован «семеркой», и капитал его рос медленно. Иностранцам принадлежали 34% акционерного капитала банков. Через банки иностранный капитал установил контроль над промышленностью России. Она почти целиком принадлежала иностранцам, и большая часть дохода промышленности вывозилась.

В России перед Первой мировой войной промышленность почти целиком принадлежала иностранному капиталу. В 1910 г. в металлургии банки владели 88% акций, 67% из этой доли принадлежало парижскому консорциуму из трех французских банков. В паровозостроении 100% акций были в собственности двух банковских групп — парижской и немецкой. В судостроении 96% капитала принадлежало банкам, в том числе 77% — парижским. В нефтяной промышленности 80% капитала было в собственности у групп «Ойл», «Шелл» и «Нобель». В руках этих корпораций было 60% всей добычи нефти в России и 3/4 ее торговли.

В дальнейшем захват российской промышленности и торговли иностранным капиталом не ослабевал, а усиливался. В 1912 г. у иностранцев было 70% добычи угля в Донбассе, 90% добычи всей платины, 90% акций электрических и электротехнических предприятий, все трамвайные компании и т.д.

В 1906 г. государственные доходы России составили 2,03 млрд руб., а государственный долг — 7,68 млрд (3/4 — внешний долг). Дефицит госбюджета в России составлял почти 25% доходов и покрывался займами.

¹ Примечательно, что за «привлечение иностранного капитала» высказались 16,6% директоров предприятий и 0% руководителей предприятий второго эшелона.

Вот выдержка из письма синдика фондовых маклеров Парижа В. Вернейля В.Н. министру финансов Коковцову от 13 декабря 1906 г.: «Я предполагаю образовать здесь, с помощью друзей, разделяющих мой образ мыслей, мощную финансовую группу, которая была бы готова изучить существующие уже в России коммерческие и промышленные предприятия, способные, с помощью французских капиталов, к широкому развитию... Само собой разумеется, речь идет только о предприятиях, вполне солидных, на полном ходу и предоставляемых французской публике по ценам, которые позволяли бы широко вознаграждать капиталы, которые ими заинтересуются».

Из ответа В.Н. Коковцова от 21 декабря 1906 г.: «Я принимаю вашу мысль вполне и обещаю вам самую широкую поддержку, как и поддержку правительства... Я разделяю также вашу мысль присоединить к французским капиталам главнейшие русские банки».

К началу мировой войны такой уровень присутствия иностранного капитала уже лишал Россию и политической независимости. Вот выдержка из рапорта прокурора Харьковской судебной палаты на имя министра юстиции от 10 мая 1914 г. № 3942:

«В дополнение к рапорту от 25 апреля с.г. за № 3470 имею честь донести вашему высокопревосходительству, что в настоящее время продолжается осмотр документов, отобранных в правлении и харьковском отделении общества “Продуголь”, причем выясняется, между прочим, что это общество, являясь распорядительным органом синдиката каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, находится в полном подчинении особой заграничной организации названных предприятий — парижскому комитету».

Далее в письме прокурора приводятся выдержки из документов, которые показывают, что парижский комитет диктует предприятиям объемы производства угля и цены, по которым уголь продается на российском рынке. К началу войны в России был искусственно организован «угольный голод» и повышены цены на уголь [226].

Во время войны частные банки в России резко разбогатели и усилились (при сильном ослаблении Госбанка — обеспе-

чение золотом его кредитных билетов упало за годы войны в 10,5 раза). В 1917 г. банки занялись спекуляцией продовольствием, скупили и арендовали склады и взвинчивали цены. Таким образом, они стали большой политической силой.

В начале 1917 г. возникли перебои в снабжении хлебом Петрограда и ряда крупных городов. Вероятно, они были созданы искусственно, ибо запасы хлеба в России были даже избыточными. На заводах были случаи самоубийств на почве голода. Подвоз продуктов в Петроград в январе составил половину от минимальной потребности. Контроль иностранного капитала над продовольственными запасами позволил быстро активизировать Февральскую революцию.

Это — начало XX в. (выдержки из [226]). А сегодня быстрая интервенция иностранного капитала позволила за 5—7 лет произвести деиндустриализацию России, оставив ей «отверточное производство» и сделав ее зависимой от импортных поставок большинства промышленных товаров.

Вот выдержки из статьи В. Катасонова «Иностранный капитал — пятая колонна в холодной войне»:

«В декабре [2014 г.] американская фирма Abbott приобрела российскую фармацевтическую компанию “Верафарм”, производственные мощности которой находятся в Воронеже... На предприятии трудятся около 2 тысяч человек. Как сообщают СМИ, трудовой коллектив без излишнего шума присоединился к антироссийским санкциям, которые ввели против нашей страны власти США и представители Евросоюза. Работники “Верафарма” поставили свои подписи под так называемым “кодексом чести” компании...

Но самым интересным является пункт, который призывает не сотрудничать с российскими компаниями, попавшими под международные санкции. Список нежелательных фирм тоже прилагался. В нем — Сбербанк и другие крупнейшие российские банки, “Лукойл”, “Роснефть” и другие топливные компании, оборонные и авиастроительные предприятия — всего 27 пунктов.

После утечки информации американская компания заняла глухую оборону. Работников компании под угрозой увольнения заставили молчать и запретили общаться с журналистами на эту тему. Люди в своей собственной стране оказались

запуганными, лишенными социальных прав и даже права голоса» [227].

Как мы к этому пришли? Идею «распродать государство» и раскрыть Россию иностранному капиталу пропагандировали популярные ученые, которых с энтузиазмом встречали на многочисленных собраниях научной интеллигенции. Например, Н.П. Шмелев сказал в интервью корреспонденту газеты: «Страна в тяжелейшем положении, и сегодня, пожалуй, не время обсуждать, почему мы в нем оказались... Продаваться должно все, что покупается. Не только потребительские изделия и строительные материалы, но и металл, грузовики, жилье, постройки и фермы — на селе, земля — в городе, в том числе иностранцам... Пора дать возможность купить клочок земли в городе каждому желающему» [228].

Действовала и тяжелая артиллерия — академик А.Н. Яковлев категорически поддержал идею «раскрыть» Россию иностранному капиталу: «Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье» («Поиск», 1992, № 7).

Экономисты настойчиво советовали совершить поворот России к «жизни в долг». Видный экономист Н.П. Шмелев, позже академик РАН, предлагал сделать большие внешние заимствования, а отдавать долги государственной собственности. Он писал: «По-видимому, мы могли бы занять на мировых кредитных рынках в ближайшие годы несколько десятков миллиардов долларов и при этом остаться платежеспособными... Эти долгосрочные кредиты могли бы быть также (при должных усилиях с нашей стороны) в будущем превращены в акции и облигации совместных предприятий» [229].

Это называется *капитализация долга* — обмен внешнего долга на собственность со скидкой.

И Российская Федерация сразу стала втягиваться в долговую яму, брать займы «зависимого типа», но российскому обществу это представляли как «помощь Запада» или даже как иностранные инвестиции. Что особенно поражало в рассуждениях ведущих окол властных экономистов, так это замалчивание хорошо изученного опыта тех стран, у которых «обод-

рали» промышленные активы именно посредством кредитов иностранных банков.

Важным инструментом подчинения страны программе МВФ был *внешний долг*. Его навязывали, по выражению одного эксперта, «как ящик дарового виски алкоголику». Навязанные кредиты быстро и с лихвой возвращались, когда удавка затянута и у должников выворачивают карманы. Этим занимаются связки транснациональных банков (ТНБ) и корпораций (ТНК). В 1980-е гг. они дали в долг 49 млрд долл., а вышибли 242 млрд.

Вот небольшая книга, написанная по данным ООН специалистами ИМЭМО АН СССР: «Развивающиеся страны: в сетях финансовой зависимости» (1990). Наверняка и Н.П. Шмелев, и А.Н. Яковлев (директор ИМЭМО) знали, что было написано в этой книге. Прочитаем и мы короткие выдержки, собранные дословно в реферат (после 1991 г. таких книг почти никто не читает):

«С середины 70-х годов транснациональные банки (ТНБ) расширяют кредитование непосредственно хозяйственных субъектов в развивающихся странах. С этого времени активы ТНБ, размещенные в государствах третьего мира, начинают приносить непропорционально высокую прибыль. Так, крупнейшие американские ТНБ, имея в развивающихся странах лишь 25% своих активов, получают там около 50% чистой прибыли...

Начиная с 1982 г. ТНБ стали широко практиковать реоформление задолженности, т.е. изменение сроков погашения основного долга при сохранении прежнего порядка взимания процентов. В 1983 г. был реоформлен долг на сумму 116,2 млрд долл. (из них 112 млрд — частным банкам). Вследствие этого сумма процентов стала расти гораздо быстрее основного долга. Мексика за 1983—1987 гг. выплатила кредиторам в виде процентов 48,5 млрд долл., погасив за этот период лишь 18,5 млрд долл. основного долга. На каждый доллар займа страна выплачивала 2,5 долл. в счет старых кредитов и процентов по ним...

Реоформление долга оговаривается важными условиями. Одно из них — обязательство правительств стран-должников принимать на себя внешнюю задолженность ме-

стных частных предприятий. Сейчас в странах третьего мира выплаты по внешней задолженности отвлекают 30—40% их бюджетных расходов.

Вынужденным шагом является и капитализация внешнего долга. Подобная практика получает в последнее время все более широкое распространение. Применяется конверсия долговых обязательств в акции или обмен долговых обязательств на акции. Кредитор обращает долговые обязательства данного должника в его же акции, т.е. вместо погашения долга должник передает ТНБ свои ценные бумаги на соответствующую сумму.

При обмене долговых обязательств на акции ТНБ предлагают эти акции к продаже на вторичном рынке — друг другу, ТНК или другим инвесторам. При этом продажа долгов на вторичном рынке производится со скидкой к номиналу. Так, в 1989 г. рыночный курс долговых обязательств Колумбии в торговле между ТНБ составлял 58—60% к номиналу, Чили — 59—61, Бразилии — 31—33, Аргентины — 18—20, Боливии — 10, Перу — 5—8%.

Заниженный курс позволяет инвесторам при относительно малых собственных затратах увеличивать свои капиталовложения в странах-должниках. Покупатель долговых бумаг конвертирует их в центральном банке страны-должника в местную валюту по номиналу акции. Таким образом, например, американский “Бэнкерз траст” купил 96% капитала крупнейшей чилийской страховой компании “Консорцио националь де сегурос” и 40% пенсионного фонда “АПФ провида”.

Обмен долгов способствует “бегству капиталов”. Многие ТНК специально берут ссуды у ТНБ, покупают долги по льготному курсу, обменивают их по номиналу на местную валюту и рассчитываются ею по полученным кредитам (или конвертируют в иностранную валюту на черном рынке и вывозят).

Нынешние потоки прямых иностранных инвестиций в развивающиеся страны требуют минимального движения капитала из страны-вкладчика, поскольку значительная часть инвестиций покрывается путем мобилизации местных ресурсов в стране помещения капитала. Прирост прибылей осуществляется главным образом за счет местных ресурсов,

вовлеченных в оборот филиалами и дочерними предприятиями ТНК в самих развивающихся странах» [230].

Многие еще помнят, что стоило России покрыть потери банков, которые, следуя советам своих прогрессивных экономистов, бросились спекулировать валютой и брать кредиты под залог акций. Наживку заглотнули, а в 2008 г. взвыли. Если бы не накопили долларов на черный день, остались бы вообще без промышленности.

М. Гельман пишет в газете «Промышленные ведомости»: «В 2007 г. общий объем торгов валютой, акциями и различными финансовыми бумагами на всех площадках Группы РТС достиг почти 18 трлн, увеличившись за год в 6 раз, а Группы ММВБ — 107 трлн рублей, увеличившись за год вдвое. Суммарно это составило 125 трлн, или более 200% по отношению к обороту всех отраслей экономики. Налицо очередной результат слепого копирования пороков американской финансовой системы — громадный “мыльный пузырь”...

Замечу, что все приведенные выше исходные данные размещены в официальных различных документах различных организаций, министерств и ведомств. Однако ни одного сводного среди них, где приводились бы результаты сопоставления показателей, хотя бы те, которые изложены в статье, обнаружить не удалось.

Сложилось впечатление, что макрофинансовым анализом в стране никто официально не занимается.

На всякий случай я опросил нескольких специалистов в области финансов, среди которых были и официальные лица, известно ли им прошлогоднее соотношение продаж на фондовых рынках страны с оборотом в российской экономике. Оно составило, как показано выше, более 200%. Увы, никто об этом не знал, а среди публикуемых Центробанком показателей эти сведения отсутствуют. Хотя именно ЦБ и Минфину вменено в обязанность контролировать финансы страны и их обращение. Ведь это не частный, а государственный ресурс, фальсификация которого не должна вообще допускаться властями» [231].

Какую же роль играла в анализе и прогнозировании этой «капитализации» армия экономистов и экспертов? Их клиенты и работодатели лезли в омут, а они их подталкивали. Вот

характерная выдержка из сообщения агентства РБК от 11 сентября 2008 г.: «Вложения в российские акции на текущих уровнях могут оказаться сверхприбыльными, считает старший аналитик Альфа-банка Ангелика Генкель. ...Аналитики ФК "Уралсиб" также считают, что сейчас самое время покупать российские активы, хотя и с оглядкой. ... "Сохранение или увеличение позиций в акциях после такого резкого обвала должно быть щедро вознаграждено доходностью на горизонте порядка шести месяцев", — заключают все те же эксперты ФК "Уралсиб" на сайте Quote.ru» [232].

Как известно, после этих предсказаний спад на фондовом рынке продолжился.

М. Гельман продолжает свой рассказ об этой редкостной афере: «Согласно данным Центробанка, финансовые показатели 1124 действующих российских кредитных организаций, исключая Внешэкономбанк, на 1 августа 2008 года, то есть с началом обвала цен на нефть, выглядели следующим образом.

При собственном капитале в размере около 3,023 трлн рублей сумма привлеченных банками средств составила около 14,77 трлн рублей. Итого своих и чужих денег на 1 августа оказалось почти 17,79 трлн рублей. Из них выдано кредитов и размещено средств в других организациях на сумму свыше 17,341 трлн. Кроме того, на покупку акций и другие формы участия в чужом капитале банки затратили свыше 3,11 трлн рублей. Однако сегодня из-за обвала котировок продавать акции придется с громадными убытками.

Получается, что на 1 августа банки разместили на стороне 20,45 трлн рублей, то есть на 2,66 трлн рублей больше, чем имели своих и чужих средств, или на 5,68 трлн больше позаимствованных чужих. Возник дефицит платежного баланса, что увеличило дефицит денежного обращения...

Таким образом, можно резюмировать следующее. Почти все российские банки, уподобляясь многим западным, проводили путем выдачи кредитов, не обеспеченных соответствующими банковскими активами, по сути, эмиссию фальсифицированных безналичных денег. Хотя денежная эмиссия — исключительная прерогатива Центробанка» [231].

Вывод очевиден. В 1990-е гг. государство, согласно разработанной почти за 10 лет доктрине реформы, демонтиро-

вало защитные механизмы, которые придавали экономике и финансовой системе СССР *кризисоустойчивый* характер, и не выстроило альтернативных защит. Россия, резко ослабленная кризисом 1990-х гг., оказалась полностью раскрытой и беззащитной против «импорта» чужих кризисов.

Это особенно резко проявляется в периоды неопределенности (турбулентности развития ситуации). Даже мощная государственная корпорация может столкнуться с угрозой оказаться несостоятельным заимщиком. Вот эпизод 2014 г.: «Долларовая капитализация “Роснефти” упала ниже \$55 млрд, которые компания потратила в 2013 году на покупку ТНК-ВР, сообщает Bloomberg. Рыночная стоимость компании на Московской бирже составляла 2,47 трлн рублей (около \$50 млрд по текущему курсу). Капитализация на Лондонской бирже равнялась \$49,4 млрд. Из-за покупки ТНК-ВР “Роснефти” пришлось значительно нарастить свой долг. В настоящее время ее задолженность перед банками и держателями облигаций составляет около \$60 млрд. Отношение долга к выручке у “Роснефти” является самым высоким в мире среди нефтяных мейджоров после бразильской *Petroleo Brasileiro*, пишет Bloomberg» [233].

Перейдем от состояния финансовой системы ко второму разделу доктрины реформы — сворачиванию отечественного производства и научно-технической деятельности. Вот рассуждения упомянутого выше В.А. Найшуля (он приписывает себе честь изобретения ваучера для приватизации). В важной книге 1989 г. он пишет: «Чтобы перейти к использованию современной технологии, необходимо не ускорить этот дефектный научно-технический прогресс, а произвести почти полное замещение технологии по образцам стран Запада и Юго-Восточной Азии. Это возможно достичь только переходом к открытой экономике, в которой основная масса технологий образует короткие цепочки, замкнутые на внешний рынок. Первым шагом в этом направлении может стать привлечение иностранного капитала для создания инфраструктуры для зарубежного предпринимательства, а затем — сборочных производств, работающих на иностранных комплектующих» [234, с. 441—454].

Планы приватизации в СССР (условия плана, который огласил В.А. Найшуль), вырабатывались тщательно, и подставные кадры собственников были готовы. Без шума скромный аспирант Каха Бендукидзе «купил на ваучеры» «Уралмаш», а столь же скромный научный работник Б.А. Березовский — Омский нефтеперерабатывающий завод и т.д.

Сам Бендукидзе в его интервью газете «Файнэншл Таймс» от 15 июля 1995 г. откровенно говорит: «Для нас приватизация была манной небесной. Она означала, что мы можем скупить у государства на выгодных условиях то, что захотим. И мы приобрели жирный кусок из промышленных мощностей России. Захватить “Уралмаш” оказалось легче, чем склад в Москве. Мы купили этот завод за тысячную долю его действительной стоимости» («Голос Родины», 1995, № 22.). Скромничает этот «новый русский» — не за тысячную долю купил, а в сорок раз дешевле, заплатив (кому-то) за «Уралмаш» 1 миллион долларов — во много раз меньше годовой чистой прибыли. «Уралмаш» распродала по кускам, на металлолом. Каха Бендукидзе отделался от остатков «Уралмаша» в 2007 г.

Вот что пишут о состоянии этого «завода заводов» сейчас: «20 лет назад на уралмашевском оборудовании добывали из недр три четверти российской железной руды и четыре пятых нефти, разливали две трети стали и выпускали все до одного железнодорожные рельсы. В войну отсюда выпустили 6 тысяч танков. При Брежневле на “Уралмаш” приходится львиная доля рынка паровых турбин и строительного оборудования, его продукция поставляется в 42 страны мира. К 2006 г. гигант ужаслся до группы станочных цехов со сборочной лентой и персоналом в 3 тыс. человек...

А когда гиганты сокращают объёмы производства, предприятия поменьше валяются по принципу домино. Например, остановка некоторых цехов “Уралмаша” уже вызвала закрытие “Завода бурового и металлургического оборудования”. А в Екатеринбурге ходят слухи, что к 2018 г. гигант вовсе закроется» [235].

В 1980-е гг. на «Уралмаше» работали 37 тыс. человек. Сейчас 3—4 тыс., текучесть персонала — 27% в год. Руководство в Москве действует по принципу «есть заказ — наберем людей, закончился — уволим». А ведь речь идет о градообра-

зующем предприятии: как пишут с завода, сегодня жизнь 260 тысяч человек связана с «Уралмашем».

Возникает вопрос: если эксперты и экономисты правительства и его чиновники приняли программу ликвидации тяжелого машиностроения, почему нигде это не обсуждается и не оглашается? А главное, такую операцию недопустимо пустить на самотек, не создав никаких структур, предотвращающих социальные бедствия, пусть локальные.

Подобное отношение к отечественной промышленности, к национальному достоянию России поразило специалистов во всем мире. В докладе американских экспертов, работавших в Российской Федерации, говорится: «Ни одна из революций не может похвастаться бережным и уважительным отношением к собственному прошлому, но самоотрицание, господствующее сейчас в России, не имеет исторических прецедентов. Равнодушно взирать на банкротство первоклассных предприятий и на упадок всемирно известных лабораторий — значит смириться с ужасным несчастьем» [76].

Наши обществоведы, которые проектировали реформы 1990-х гг., не считают себя обязанными объяснить и заняться проектированием новых социальных форм, смягчающих последствия их идей?

После ваучерной приватизации 1992—1994 гг. прошла еще более разрушительная кампания приватизации через залоговые аукционы (1995 г.). Эта программа создала особый («олигархический») уклад экономики и стала важным шагом в углублении коррупции властной верхушки и огосударствлении преступного мира.

Дж. Стиглиц писал об этой программе: «Наиболее вопиющим примером плохой приватизации является программа займов под залог акций. В 1995 г. правительство, вместо того чтобы занять необходимые ему средства в Центральном банке, обратилось к частным банкам. Многие из этих банков принадлежали друзьям членов правительства, которое выдавало им лицензии на право занятия банковским делом. В среде с очень слабым регулированием банков эти лицензии были фактически разрешением на эмиссию денег, чтобы давать их займы самим себе, или своим друзьям, или государству.

По условиям займов государство давало в залог акции своих предприятий. А потом вдруг — ах, какой сюрприз! — государство оказалось неплатежеспособным, и частные банки оказались собственниками этих предприятий путем операции, которая может рассматриваться как фиктивная продажа (хотя правительство осуществляло ее в замаскированном виде “аукционов”); в итоге несколько олигархов мгновенно стали миллиардерами. Эта приватизация была политически незаконной. И тот факт, что они не имели законных прав собственности, заставлял олигархов еще более поспешно выводить свои фонды за пределы страны, чтобы успеть до того, как придет к власти новое правительство, которое может попытаться оспорить приватизацию или подорвать их позиции» [73, с. 194].

Выведение фондов новых собственников за пределы страны производилось разными способами, но результатом становился рост доли иностранного капитала в российской промышленности. Во многих отраслях эта доля стала контролировать функционирование и развитие промышленности.

В.Ю. Катарасов пишет: «По данным Росстата, на начало 2012 года на долю иностранных компаний (компаний, где нерезиденты являются мажоритарными акционерами) приходилось 27% общего объема уставных капиталов всех компаний российской экономики. Это в целом по экономике. Эта доля выше среднего показателя в таких секторах, как добыча полезных ископаемых (43,7%), обрабатывающая промышленность (33,6%), оптовая и розничная торговля (89,6%)» [227].

Представляет такая открытость (тем более в момент кризиса) угрозу для российской экономики? Вот некоторые данные.

«На долю иностранных инвесторов приходится порядка 70% торгуемых российских акций, подсчитали аналитики “Сбербанк СИБ” Кингсмилл Бонд и Андрей Кузнецов в обзоре “Кто владеет российскими акциями”. Объем free float российских компаний они оценивают в 25%, или порядка \$213 млрд. Аналитики собрали данные о большей части этих активов — на \$150 млрд. ...Бумаги еще на \$29 млрд принадлежат российским банкам, пенсионным фондам, страховщикам. ...

Треть активных инвесторов в России — фонды из США, еще треть — из континентальной Европы, и четверть — из Великобритании. ...“Доля иностранцев на российском рынке акций — 70—80%, и это соотношение давно не меняется, этот факт все [эмитенты и участники рынка] знают и, конечно, учитывают”, — говорит аналитик глобального инвестбанка. “Это [доля в 70%] совпадает с нашими оценками”, — говорит старший трейдер “ВТБ капитала” Павел Зиновьев» [236].

Что значит, что 70—80% акций российских предприятий переходят на бирже из рук в руки иностранных спекулянтов? Значит, что предприятия, которые находятся в России и на которых работают граждане России, в любой момент могут стать собственностью иностранного капитала. Здравый смысл и исторический опыт говорят, что это создает для России риск утратить и политический суверенитет, но элита наших обществоведов постоянно убеждает, что «все будет хорошо».

Однако вот статья А.П. Цыпина и В.А. Овсянникова, которая широко прошла по Интернету, но не вызвала никаких откликов экономистов — ни из либералов, ни патриотов. Не удалось найти и никаких опровержений, хотя прошел год. Вот несколько абзацев из этой статьи, соединенных в кратком изложении:

Целью настоящего исследования являлась оценка доли иностранного капитала в российской промышленности путём непосредственного вычисления доли каждого предприятия в производстве определённого вида промышленной продукции и доли иностранного капитала в структуре акционеров (для ОАО, ЗАО) и учредителей (для ООО) каждого из предприятий.

Весьма странно, что экономических оценок этого явления в научной литературе не производится, а имеющиеся данные отрывочны и беспорядочны (по многим видам экономической деятельности отсутствуют полностью). Стоит отметить, что официальная статистика в лице Росстата не предоставляет информации об удельном весе иностранного капитала в промышленности России.

В выборку вошли предприятия, играющие ключевую роль. Так как в целом они дают свыше 75% от всего совокуп-

ного выпуска по промышленности (общего валового выпуска по видам C, D и E), считаем, что выборка является репрезентативной и выводы можно распространять на всю совокупность предприятий. Показатели характеризуют лишь точно подтверждённую долю иностранного капитала в промышленности и могут отличаться от фактических в сторону занижения.

В 2012 г., по сравнению с 2010 г., иностранное влияние увеличилось практически во всех видах производства, значительная доля иностранного капитала наблюдается в металлургии, железнодорожном и энергетическом машиностроении (данные в табл. 4) [237].

Какова же линия политики, которую разработали для администрации и ведомств эксперты-обществоведы? Эксперт МГИМО д.э.н. А. Михеев пишет, что, за исключением некоторых сырьевых компаний, естественных монополий и ряда стратегических организаций, «государство нацелилось на широкую распродажу госимущества, включая целые отрасли и виды деятельности: в последние годы проданы практически полностью рыбная отрасль, значительная часть морских торговых портов, перевозки грузов по железным дорогам; планируется дальнейшая продажа акций крупнейших аэропортов, авиакомпаний, компаний автодорожного строительства, агропромышленного комплекса и т. д.

Как показано в табл. 5, в ряде случаев доля государства в стратегических компаниях снижается с контрольной до миноритарной либо до нуля» [238] (см. табл. 5).

Здесь надо указать на фактор, который всегда замалчивают экономисты, которые дают публике разъяснения относительно рисков, сопровождающих вторжение иностранного капитала. Нам старательно внушают, что если государство или российские граждане в совокупности держат «контрольный пакет акций», то нечего беспокоиться. Все заучили магическое число «50% + 1 акция». Дескать, пока России принадлежит большинство акций, завод — наш. Это иллюзия.

В действительности возможность управлять предприятием, тем более современным, со сложной технологией и каналами связи с наукой, информационной базой и рынками, определяется не только владением пакета «50% + 1 акция».

Таблица 4. Доли иностранного капитала по основным подвидам деятельности, %

Отрасль промышленности	Доля ин. капитала в 2010 году, %	Доля ин. капитала в 2012 году, %
DA Пищевая промышленность	17	28,5
DA Табачная и ликёро-водочная промышленность	43,51	48,21
DB Текстильное и швейное производство	3,6	1,86
DC Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	9,12	16,9
DD Обработка древесины и производство изделий из дерева, целлюлозно-бумажное производство	33,59	45,1
DE издательская и полиграфическая деятельность	11,5	45,29
DF Производство нефтепродуктов	21,24	40,29
DG Химическое производство	27,72	47,37
DH Производство резиновых и пластмассовых изделий	24,36	29,62
DL Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	24,67	32,22
DJ Metallургическое производство. Чёрная металлургия	65,21	65,36
DJ Metallургическое производство. Цветная металлургия	48,13	71,94
DM Судостроение	7,87	5,52
DM Производство транспортных средств и оборудования	32,99	40,93
DM Железнодорожное машиностроение	71,39	73,35
DM Авиационная промышленность	0,25	0,45
DK Сельскохозяйственное машиностроение	27,13	18,04
DK Энергетическое машиностроение	94,57	79,01
DK Электротехническая промышленность	22,69	25,68
DK Станкостроение	1,91	2,99
DK Машиностроение (кроме упомянутых)	26,72	29,47
DN, DL Промышленность предметов длительного пользования	28,57	38,81
O Среднее по обрабатывающей промышленности:	29,26	35,77
E Производство электроэнергии:	28,76	29,49
C Добывающая промышленность:	50,41	56,47

Таблица 5. Примеры снижения доли участия Российской Федерации в стратегических компаниях в период 2011—2016 гг.

Компания	Снижение участия Российской Федерации
ОАО «Ванинский морской торговый порт»	55%→0%
ОАО «Новороссийский морской торговый порт»	20%→0%
ОАО «Мурманский морской торговый порт»	25,5%→0%
ОАО «Восточный порт»	19,99 % →0%
ОАО «Архангельский траптовый флот»	100%→0%
ОАО «Русгидро»	67%→50%+1 акция
ОАО «Роснефть»	69,5%→50%+1 акция*
ОАО «Банк ВТБ»	60,09%→50%+1 акция
ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация»	83%→50%+1 акция
ОАО «Объединенная судостроительная корпорация»	100%→75%+1 акция
ОАО «Уралвагонзавод»	100%→75%+1 акция
ОАО «Современный коммерческий флот»	100%→25%+1 акция
ОАО «Аэрофлот»	51,17%→25%+1 акция
ОАО «Аэропорт Внуково»	74,7%→0%
ОАО «Международный аэропорт Внуково»	25%+1 акция→0%
ОАО «Международный аэропорт Шереметьево»	83,4%→0%
ОАО «Роснано»	100%→0%
ОАО «Росспиртпром»	100%→0%
ОАО «Объединенная зерновая компания»	50%+1 акция→0%
ОАО «АК «АЛРОСА»	43,9%→25%+1**
ОАО «Ростелеком»	43,07%→0%***

Серым цветом выделены примеры состоявшихся в последние годы крупнейших сделок; не выделены цветом примеры сделок, предусмотренных до 2016 г. включительно действующим Прогнозным планом приватизации.

* Доля ОАО «Роснефтегаз», подконтрольного РФ.

** Государство в лице РФ и Республики Саха (Якутия) владеют контрольным пакетом акций компании.

*** Российская Федерация вместе с ВЭБ владеют контрольным пакетом акций компании.

Читаем: «Даже сравнительно небольшая доля участия в капитале позволяет иностранным инвесторам извлекать значительную выгоду. Благодаря финансовому и технологическому превосходству над местным партнером иностранные инвесторы в состоянии концентрировать в своих руках административное и техническое руководство предприятием и,

следовательно, интегрировать его в свой транснациональный производственный комплекс. Ряд американских экономистов вообще считает, что любую компанию можно рассматривать как филиал современной монополии, если последняя владеет хотя бы 5% ее капитала.

В ряде случаев ТНК на базе различных «неинвестиционных» контрактов обеспечивают себе тот же уровень контроля за предприятиями в развивающихся странах и такие же доходы, какие бы им давали прямые и портфельные капиталовложения» [230].

То есть, получив 10—15 наших акций, какая-нибудь ТНК не будет даже тратиться на инвестиции — достаточно будет «неинвестиционных» контрактов типа командирования своих консультантов, экспертов по маркетингу и менеджеров.

Антиэтатизм

После краха СССР целый ряд видных общественных деятелей стал заявлять, что рассматривали свои исследования как «*сопротивление системе*». Кто-то этим бравировал, другие при новой конъюнктуре демонстрировали свою лояльность новому режиму, но, в общем, эти заявления не вызвали в сообществе ни удивления, ни тем более протестов. Было ощущение, что так и было. Вспомним откровения А.С. Ципко: «Наше мышление... рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня» [52].

Под «коммунистической системой» понималась именно вся система — и общественный строй, и политическая надстройка, и, главное, *государство* со всеми его институтами. В то время интеллигенция, да и большинство населения не видели гораздо более фундаментальной деформации «их мышления»: та часть элиты общественных деятелей, которая составила интеллектуальную бригаду власти во время перестройки, была проникнута *антиэтатизмом*.

В тот момент казалось, что это была конъюнктурная политическая установка, необходимая для нагнетания враждебности к государству именно *советскому*. Но то, как повели себя эти люди и после ликвидации СССР, наводило на мысль, что перед нами предстала необычная социокультурная группа —

что-то вроде *перманентных революционеров*, о которых мы смутно помним из курса истории, из Достоевского или «Вех».

Трудно сказать, собралась ли эта элитарная группа уже в ходе перестройки как ее авангард, как «партия новейшего типа» или, наоборот, перестройка произошла потому, что эта партия сплотилась в полуподполье начиная с 60-х гг. Скорее всего, и то, и другое — оба процесса раскручивались в кооперативном взаимодействии. Возможно, ненависть вызывало *российское государство* во всех его формах, т.к. нередко были оговорки, что на Западе, мол, государство находится под контролем гражданского общества, они друзья-партнеры.

Конечно, программа свержения прежнего режима всегда обладает инерцией, и погасить ее — важная задача, иначе интеллектуалы революции продолжают подпиливать основы уже своей легитимности. В советской революции этому явлению придавали большое значение, и все равно переход от разрушения к государственному строительству был очень трудным — возник ряд конфликтов, закончившихся репрессиями 1930-х гг. К концу 20-х гг. антигосударственное чувство было подавлено, особенно непримиримо в ходе борьбы с концепцией «перманентной революции». Антигосударственная «оттепель» Хрущева также успеха не имела. Но начиная с 1960-х гг. в инакомыслии снова активизировалась компонента антиэтатизма.

Подрыв государственности продолжался по нарастающей, и, в принципе, весь антисоветский проект опирался на присущее обывателю чувство неприязни к *бюрократу* (чиновнику) — на деле к государству. Большой антигосударственной программой стала перестройка. По своей крайней *антигосударственности* это была небывалая операция. В эрудированной части обществоведов и гуманитариев были в ходу изречения Маркса о государстве типа: «Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии... Этот паразитический нарос на гражданском обществе, выдающий себя за его идеального двойника... Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо

того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар... Коммуна была революцией... против самого государства, этого сверхъестественного выкидыша общества» [239, с. 543—546].

В программе перестройки была поставлена цель **разгосударствления** — всего и вся. В книге-манифесте «Иного не дано» Л. Баткин, призывая к «максимальному разгосударствлению советской жизни», задает риторические вопросы: «Зачем министр крестьянину — колхознику, кооператору, артельщику, единоличнику?.. Зачем министр заводу, действительно перешедшему на хозрасчет и самофинансирование?.. Зачем ученым в Академии наук — сама эта Академия, ставшая натуральным министерством?» [211].

Возьмите труды профессора МГУ А.П. Бутенко — марксиста и философа. После ликвидации СССР, в октябре 1994 г., он так пишет о Советском государстве: «Был создан не социализм, а общество-монстр, двуликий Янус, клявшийся в своей верности людям труда, которым он бросал подачки с барского стола, но верой и правдой служил бюрократии, номенклатуре. Именно это общество — казарменный псевдосоциализм как коммунистическая разновидность тоталитаризма — и было отвергнуто народом, рухнуло, перестало существовать» [240].

В этом наборе слов нет содержательного знания о предмете, но профессор А.П. Бутенко, повторяя эти слова с небольшими вариациями почти десять лет, прослыл теоретиком советского строя.

В 1996 г. он пишет об СССР: «Ни один уважающий себя социолог или политолог никогда не назовет социализмом строй, в котором и средства производства, и политическая власть отчуждены от трудящихся. Никакого социализма: ни гуманного, ни демократического, ни с человеческим лицом, ни без него, ни зрелого, ни незрелого, у нас никогда не было».

Почему же у нас ничего не было, никакого строя? Потому, что «по самой своей природе бюрократия не может предоставить трудящимся свободу от угнетения и связанных с ним новых форм эксплуатации, процветающих при казарменном псевдосоциализме с его огосударствлением средств производства».

Здесь антисоветизм доведен до степени тоталитаризма: бюрократия, т.е. государство, по самой своей природе —

эксплуататор! Это доходящая до абсурда антигосударственность — ведь никакое государство не может выполнять своих задач, не изымая у граждан части продукта их труда. Это фантазия под прикрытием марксизма.

Фантом Советского государства как эксплуататора усиливается нравственной проблемой: в «административно-командной системе» бюрократия превратилась в *класс*, который фактически владеет средствами производства. Раз так, то, согласно политэкономическим законам (особенно трудовой теории стоимости), этот класс эксплуатирует наемных работников, изымая созданную ими прибавочную стоимость. Значит, в советском обществе царит социальное неравенство, тем более подлое, что класс эксплуататоров маскирует свою сущность фикцией общенародной собственности. Эта идея сформулирована Марксом в отношении любого государства, а затем развита Троцким в его теории перманентной революции.

Г.С. Батыгин фиксирует факт: «Нельзя не учитывать, что “оттепель”, обозначившая конфронтацию (пишущей) интеллигенции и бюрократизированной власти, сопровождалась взрывом коммунистической экзальтации. Троцкистская идея перманентной коммунистической революции стала основой антисталинского движения» [4, с. 81].

В другом месте он расширяет описание этого факта: «Основной мотив критической атаки на власть заключался в демонстрации ее несоответствия коммунистическим идеалам, утраты “ленинских” принципов и бюрократического перерождения. Искренней одухотворенностью и яркостью публицистической риторики интеллектуальная атака 1960-х годов напоминала ликвидированную из исторической памяти атаку троцкистской оппозиции. Как и в 1920-е годы, акцентировалось соответствие институциональных порядков принципам революционной морали — честности, бескорыстия, идейности. Предполагалось, что само слово правды преодолевает идейный и нравственный коллапс советского режима» [4, с. 55].

Опыт антисоветского проекта наводит на такой вопрос: почему значительная часть обществоведов, начав свою миссию с экзальтированного марксизма и плавно сдвинувшись к антисоветизму и антикоммунизму, одержав победу, не увлеклась строительством буржуазного общества, а направи-

ла революционный пыл на их же собственную «либеральную» власть?

Напрашиваются два объяснения. Первое: это особая субкультура, которая отвергает любую совместимую с размеренной жизнью политическую систему, — бунтари с мессианскими заскоками. Второе: эта их революционная ненависть направлена не на какой-то социальный строй или политическую систему, а именно на Россию и ее государственность как имманентное зло. Как бы ни утряслась жизнь в России, хотя бы для передышки людей, ее надо сломать, даже если никакого внятного положительного проекта у них нет. Если они кого-то и уважают, то только Б.Н. Ельцина — именно как деструктивного лидера.

Подобные люди сумели собраться в сообщество и, подталкивая друг друга, подняться в элиту и даже получить заманчивые титулы. Сейчас, после тяжелейших тридцати лет, можно предположить, что организованное сообщество таких людей, влияющее на государственную власть, весьма опасно для страны и нации.

Е.Т. Гайдар так выражает их кредо, представляя историю России как «красное колесо» (1994): «В центре этого круга всегда был громадный магнит бюрократического государства. Именно оно определяло траекторию российской истории... Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась по-разному — самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название "державность". Но сущность всегда была одна — корыстный хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией» [241, с. 328].

Поразительно, что наша элитарная интеллигенция легко приняла титул Е.Т. Гайдара как демократа и либерала. Он считает, что державность — название хищного бюрократического государства России, хотя большинство населения видело в державности одну из важнейших ценностей.

В книге Ю. Левады «Есть мнение» на основании опросов 1989—1990 гг. был сделан такой вывод: «Державное сознание в той или иной мере присуще подавляющей массе населения страны, и не только русскоязычного... Исторически эти представления о сверхмощи государства, защищающего и обеспе-

чивающего своих подданных, складываются в своеобразную культурно-идеологическую сверхценность». Авторы книги классифицируют близкие типы сознания так: державное — 52—55% населения, тоталитарный тип сознания — 30—35%, русское почвенное сознание — 7—8%.

Это составляет минимум 90% населения [193, с. 187—188, 197]. Авторы считают, что это сознание — «негатив патерналистского общества, ...десятилетиями культивируемый и уходящий в глубь традиций Российской империи» [193, с. 191]. Такое сознание населения возмущает социологов ВЦИОМа, но они хотя бы признают это как реальность. А применение термина «демократы» в приложении к реформаторской элите уже в конце 1980-х гг. вызывало когнитивный диссонанс.

А. Ципко сказал: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции». Но это была и есть магия *перманентной революции!* Эта культурная и даже философская особенность антисоветского сообщества обществоведов была замечена уже у шестидесятников. «Воздухом свободы» шестидесятники и их духовные потомки подышали только при Горбачеве и Ельцине. Первые же попытки «бюрократов и силовиков» восстанавить, хоть в минимальном формате, систему государственного управления после 2000 г. вызвали нарастающую ненависть и консолидацию этих обществоведов и гуманитариев.

Пройдем по следам академика А.Н. Яковлева. Ранее были приведены его квалификации советского строя, высказанные публично, когда это стало возможным. Но прошлое его не отпускает. Его спрашивают: «Не жалеете, что в свое время с Горбачевым силовиков не разогнали?» И он подливает масла в огонь: «Я думаю, это наша ошибка. Что касается монстра, я бы его ликвидировал... Кстати, по моей записке КГБ был разделен на несколько частей» [242].

Но что дальше? Его цель достигнута, можно сеять доброе, вечное. Но как будто бес глядит на него из каждого куста: «Опрокинута система ленинско-сталинского фашизма, положено начало построению гражданского общества социального либерализма. Но только начало. Социалистическая номенклатура, дождавшись своего часа, снова пытается вернуть общество в стадо с его привычной рабской психологией» [46, с. 632].

Это пока что мягкий упрек тем, кто увлекся «построением гражданского общества социального либерализма» и утратил бдительность. Он прямо указывает логово зла: «Форсированная бюрократизация демократии может привести к ее падению без всяких мятежей и бунтов. И решающую роль в переходе к масштабному авторитаризму сыграет чиновничья номенклатура. Если народы России хотят быть свободными гражданами и хозяевами, они должны начать настоящую освободительную борьбу против диктатуры чиновничества и воровского бизнеса, которые намертво связаны между собой» [46, с. 654].

А.Н. Яковлев — академик РАН по Отделению экономики — представил коллективного врага народа в лице государственного аппарата: «Меня тревожит наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, оно ненавидит свободу человека... Я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей» [242].

Казалось бы, это заявление слишком общо. Где же тут конкретный враг народа? Ведь нельзя же совсем без чиновников. Поэтому он дает более определенные ориентиры цели: «"Единая Россия" — это некая секта, искусственно созданная чиновничья организация. Я не знаю, сколько у них там рядовых членов, но знаю, что на 90% она состоит из чиновников» [242]. «Единая Россия», разумеется, сама по себе не может быть никому ни врагом, ни другом. Суть в том, что в тот момент это была *партия В.В. Путина*.

Он бросает «черную метку» фашизма Российскому государству «всех времен», независимо от политического режима: «Создается впечатление, что в то время, как уголовщина ленинско-сталинского режима уходит в прошлое, вой мотора корабля власти остается старым, советским... Россия больна вожизмом. Это традиционно. Царистское государство, князья, генеральные секретари, председатели колхозов и так далее. Мы боимся свободы и не знаем, что с ней делать. Я понимаю, что тысячу лет жить в нищенстве и бесправии — другого ментали-

тета не создашь. Отсюда и появляются у нас фашистские группировки. "Идущие вместе"... Завтрашние штурмовики» [242].

В целом рассмотрение дискурса идеологов перманентной революции актуально. Они не исчезли из российского политического пространства и остались в элите постсоветского обществоведения. Вот что писал А.Н. Яковлев примерно в 2003 г.: «Ползучая реставрация нарядилась в одежды стабилизации. Разрыв между словами и делами снова стал повседневным занятием политиков. Иными словами, непереносимо, когда рушится здание, в фундаменте которого есть и твои кирпичи. Даже в страшном сне не могло присниться, что по стране зашагают отряды мерзавцев, а не созидателей, готовых отстаивать свободу человека» [46, с. 13].

А.Н. Яковлеву в его ненависти к чиновникам вторит Е.Г. Ясин. Для него бюрократы и государственники — враги, антиподы либералов. Их укрепление он трактует как «полицейское государство» (а кое-кто из этой «партии» прямо говорит о «фашистском государстве»). Е.Г. Ясин заявил в обращении к «демократам»: «События вокруг ЮКОСа — это шаг к победе бюрократии над бизнесом... Это шаг от управляемой демократии к полицейскому государству... До недавнего времени казалось, что президент стоит над схваткой, что ему для равновесия нужны две стороны: либералы и государственники. Теперь стало ясно, что это не так, по крайней мере в данный момент. И выбор его очевиден» [243].

Е.Г. Ясин угрожал В.В. Путину мобилизацией всего «класса» новых собственников и экономическим саботажем: «Владельцы компаний всех размеров формируют единый фронт для защиты своих интересов... Итак, позиция президента ясна, и менять ее он не собирается. Получается, на события могут повлиять только бизнесмены: замедление экономического роста, сопровождаемое бегством капиталов» [243].

Г.Х. Попов накануне юбилея Победы «объясняет» гражданам мотивы, по которым власть стала отмечать этот праздник: «Я понимаю, что все это не случайно. Оказавшись почти что у разбитых корыт в Чечне и Беслане, в обещаниях увеличить ВВП и прочих начинаниях, не имея за душой ничего такого, что могло бы вдохновить всех нас, наши лидеры однопар-

тийного разлива собираются ухватиться за шинель Сталина и даже влезть в его сапоги» [244].

Человек полон ненависти и к государству, и к населению. Таковы и недавние заявления Г.Х. Попова: «Обозначу сугубо тезисно главные проблемы. Их мы обсуждали в Международном союзе экономистов, и они, надеюсь, будут полезны всем, в том числе участникам встречи двадцати ведущих стран мира...

Необходимо изъять из национальной компетенции и передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику. Нужна передача под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты. Прежде всего — запасы углеводородного сырья» [178].

Вот это и есть суть перманентной революции Л. Троцкого: враг — «власть как система, как феномен». Идеал — хаос, который может контролировать только глобальная элита. Создание хаоса — новое оружие в гибридных войнах постиндустриальных стран.

Исследования процессов формирования «серых зон» и зон хаоса (в России и за рубежом) приводят к выводу, что эти продукты деградации государства не являются «наследием прошлого», а возникают в условиях трансформационного кризиса под воздействием «критических моментов» во время институциональных изменений. Расцвет неформальных институтов есть «результат рациональных действий» акторов, способных навязать свои «правила игры». Большим подспорьем им была доминирующая идеология экономического либерализма, требующая минимизации регулирующих функций государства. Так, один из ведущих авторов Положения о выборах 1993 г. и последующего законопроекта В. Шейнис говорил: «Не так страшно, если некоторые богатые люди смогут купить голоса избирателей. Государственное финансирование более опасно для российской демократии».

Вся эта гвардия стареющих шестидесятников, занимая в течение 30—40 лет командные высоты в образовании и учреждениях общественных наук, имела возможность отобрать и воспитать в духе своей парадигмы когорту молодых общест-

воведов и гуманитариев. В основном они и сидят за рычагами нынешней идеологической машины.

Вот эссе А. Рубцова, руководителя Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН. Это изощренное, полное ненависти представление уже постсоветской России — ее государства и населения:

«Публицистика освоила идею: наше государство — стационарный бандит... Грабеж становится цивилизованным и легальным... В вековой истории низкого передела сама страна становится полем быстрой наживы и вечной заготовкой под правильное будущее... Этот контракт никто не навязывал, мы сами его учредили и сами же срываем в новом цикле предательства свободы в истории Отечества. Но пьеса диктует: наш президент в законе при всем желании не может открыто оспорить принцип горизонтального договора как учредительной основы государства. Как автократ он нелегален даже для самого себя; отсюда невроз, идеологическая шизофрения и постоянные обломы в политике...

Мешает втянутость во внешний мир: боязнь обструкции, угроза давления, проскрипционные списки... Оседлый бандит как иностранный агент, завербованный на вывозе и сбыте добычи. Как если бы пираты хранили клад в банке и не могли без аудиенций... Политическое убийство offline (или суицид) еще может взорвать или inferнально навредить, как тень Сергея Магнитского. Власть нащупывает пределы членовредительства, но понимает: все уже на грани...

Поэтому наш автократ вынужден симулировать верность процедуре горизонтальной легитимации и размахивать руками с оглядкой, а не как попадя. Отсюда концентрация бандитизма в политике: народ не насилуют, а соблазняют; ему сушат мозги — мочат лишь оппозицию, да и то фигурально... Беда не в том, что людей покупают, а в том, что они продаются. Власть загоняет в подельники народ — и тут же обносит его на разделе добычи. Она грабит и соучастников, и вовсе невинных: дети за этих отцов еще ответят. Здесь без оглядки грабят не просто природу — этот дешевый размен отбирает у страны будущее...

Стратегия заведомо нестационарна: клонируя идиотов, власть обрубает перспективу — свою, этих людей, страны

кормления. Нация как бандит-гастролер во времени собственной истории. Аминь» [245].

И всякий кризис, в который погружаются государство и население, вызывает у этих гуманитариев приступ злобной радости. При этом никакого беспристрастного анализа, никакого конструктивного совета! Да, государство и общество не предвидели многих угроз и рисков, на нефти и кредитах ослабились — критика уместна. Но ведь это функция именно философов и обществоведов — распознать признаки совершенно новых угроз, нового поколения технологий постмодерна. Именно они не объяснили, какие необычные процессы были активизированы на Украине или в арабском мире, вот и приходится действовать «по ситуации» — и в Крыму, и в Сирии.

Но что говорит философ А. Рубцов: «Уже ясно, что грядущий обвал не восполнить подъемом духа. Столько коллективных эмоций, сколько понадобится, просто не бывает, демонизировать врагов России больше некуда, а экстаз долгим не может быть. Падение вынудит освободиться от балласта... Уже ясно, что основной балласт в этом падении — само безмерно раздутое, гипертрофированное государство, настроенное главным образом на перераспределение ренты и генетически враждебное любому делу. Этот балласт отрицательно активен: ему тем лучше, чем хуже объектам регулирования... Это народ циничный, а разочарование в шкурных ожиданиях бывает острее провалов влюбленности и веры в идеи... Мы уже столкнулись с тем, что боевики умеют только воевать, а потому либо живут на контрибуцию, либо продолжают убивать. Бюрократия в этом плане не столь кровожадна, но не менее проблемна» [246].

Разразившийся в 2013 г. политический кризис на Украине, явно подогретый США с их технологиями «цветных революций» и приведший к насилию и гражданской войне, был воспринят большинством населения России как огромное бедствие. Эта беда сопровождалась интенсивной информационной войной западной прессы против России, что усилило чувство возмущения этой позицией США и Западной Европы. Это чувство, по-моему, возникло у людей самых разных групп.

И вот почти к концу второго года жестокой войны против Донбасса, который пытался получить автономию, известный социолог, директор Левада-центра (бывшего ВЦИОМ) Л. Гудков дает радиостанции «Голос Америки» интервью с объяснением, почему в России усилились антиамериканские настроения. Согласно данным Левада-центра, «уверенность в отрицательной роли США в современном мире всегда преобладала среди населения РФ, но, по сравнению с “доукраинскими” показателями, в настоящий момент она выше: 71% в октябре 2015 года против 50% в сентябре 2013 года».

Вот его трактовка причин этой ситуации: «Эта тенденция началась с приходом к власти Владимира Путина и особенно усилилась после 2007 года, после его речи в Мюнхене, когда явно был взят курс на противостояние с Западом... Дискредитация всех основных ценностей демократии: свободы слова, свободы информации, независимости суда, правового государства, — которые разделяла очень большая часть населения. Это стало первоочередной задачей кремлевской политехнологии и пропаганды, а усилия по ее реализации достигли какой-то невероятной интенсивности после украинского Майдана. Тогда, во-первых, были подавлены независимые каналы информации, а во-вторых, была развязана действительно чрезвычайно агрессивная и демагогическая пропаганда, которая, в принципе, повторяла старые основные тезисы, но уже применительно к Украине».

Это даже не демагогия, а примитивное очернение, поразительное для доктора философских наук. И этот социолог утверждает, что население России, как бараны, пошло за пропагандой Кремля, а война США в Югославии и в Ираке, разгром Ливии, разрушение Сирии и организация контингентов террористов и изуверов и крупномасштабная «гибридная» война на Украине никак не повлияли на сознание граждан России? В это невозможно поверить.

На таком же уровне Л. Гудков объясняет действия государства Россия: «Коррумпированный, авторитарный режим пытается всеми способами удерживать контроль над обществом, блокируя любые источники информации, любую критику, подавляя оппозицию, независимые организации гражданского общества» [247].

Какие примитивные штампы! И вся элитарная прослойка российских обществоведов всё это читает — и ни одного слова возражения или упрёка. Если в сообществе обществоведения взяли верх такие философы, наш кризис становится неизбежным.

Очевидно, подобная страстная вражда к государству охватывает небольшую часть населения, подавляющее большинство сохраняет здравый смысл и по опыту знает, что крах государства отбросит всех их в состояние *войны всех против всех*. Но под давлением идеологии и иллюзорного благосостояния многие становятся *безучастны* к государству. Им внушили, что они «самодостаточны», что все блага они добывают своим трудом, умом или ловкостью.

Этот сдвиг порождает новые методологические проблемы обществоведения — последствия реформы и психологической обработки.

Вот красноречивый эпизод в сфере методологических новаций в обществоведении. Институт социологии РАН опубликовал в январе 2015 г. главные положения большого исследования «Российское общество в контексте новых реалий» [248]. Они касаются явлений, которые обнаруживаются в кризисном обществе в условиях его дезинтеграции.

В докладе сделаны важные утверждения о взаимозависимости населения и государства. Первое утверждение таково: *«За годы реформ в обществе сложилась значительная по своему составу социальная группа населения, способного (по самооценке) жить (существовать, выживать и т.п.) без поддержки государства. В сущности, эту группу людей можно определить как “самодостаточные россияне”. В свою очередь, другую часть населения можно назвать как “зависимые” без обидного для них подтекста»* [248].

Социологи при интерпретации ответов разделили российское общество на две общности: *самодостаточные* и *зависимые*. Эти две «модели самосознания» были предложены респондентам социологами, которые формулировали обозначения и вопросы. Насколько обоснованы обе эти «модели» и вопросы?

Заметим, что в мае 2014 г. в СОЦИСе вышла статья Е.Н. Даниловой с противоположным тезисом и убедительной ар-

гументацией (большая выдержка из этой статьи приведена выше) [117]. Представляется, что ее утверждения никак нельзя было игнорировать. Ведь речь идет о важном противоречии в методологии. Здесь уместно напомнить, что идея произвести селекцию населения на «самодостаточных» и «зависимых» (под разными названиями) была выдвинута в самом начале неолиберальной реформы. Народный депутат СССР Н.М. Амосов в 1988 г. в большом манифесте утверждал необходимость, в целях «научного» управления обществом в СССР, «крупномасштабного психосоциологического изучения граждан, принадлежащих к разным социальным группам», с целью распределения их на два типа: «*сильных*» и «*слабых*» [249].

Согласно Докладу, респондентам предложили на выбор две якобы альтернативные установки, «характеризующие активную и инертную жизненные позиции»: одни «*смогут сами обеспечить себя и свою семью*», другие считают, что им «*без поддержки государства не выжить*».

Но эти установки несоизмеримы, они лежат в разных плоскостях и не составляют дилемму. Респондентам предложены ложные представления о роли государства, и эти формулировки разделяют людей на группы с ошибкой *divisio* (неверной классификацией на группы). Правильной могла бы быть такая формулировка ответа для первой группы: «*Я бы смог своим трудом обеспечить себя и свою семью, но без поддержки государства в реальном мире не выжить никому*».

Уже с возникновением гетерогенных общностей типа народов стало невозможным существование *самодостаточных* людей — еще в древности греки знали, что самодостаточны лишь «звери и боги». Все россияне, которые не считают себя зверьми или богами, чувствуют, что «зависимы» от государства. Зачем социологам иллюзорную самооценку *самодостаточных* представлять как реальную сущность? Ведь, легитимируя авторитетом науки утопическую (и часто агрессивную) самооценку, порожденную хаосом кризиса, этот тезис углубляет аномию этой общности.

Тезис доклада далее раскрывается так: «Доля россиян, принимающих ответственность за происходящее в жизни на себя, ориентирующихся на собственные силы, уверенных в своей способности обеспечить себя и свою семью и не нуж-

дающихся для этого в поддержке со стороны государства, составляла на конец 2014 г. 44% населения. При этом с 2011 по 2014 г. этот показатель вырос на 10% — с 34 до 44%.

Российское общество в лице “самодостаточных” граждан обретает серьезную социальную опору для стабильного и устойчивого состояния и развития... Особое значение приобретает наличие в обществе групп, готовых принимать на себя ответственность за собственную жизнь и не обременять государство зависимостью от него» [248].

Эти утверждения неправдоподобны. Где эти люди, «принимающие ответственность за происходящее в жизни на себя»? Робинзон выжил в тропиках, но только потому, что перетащил на остров множество техники с корабля в качестве «поддержки со стороны государства». И то эта легенда — утопия методологического индивидуализма!

Утверждать, что в конце 2014 г. «самодостаточные» граждане составляли 44% населения России, — это аутистическая греза. Об этом сказано в статье Е.Н. Даниловой: «Первая иллюзия состоит в твердом убеждении части правящей экономической элиты в успешности неолиберальной модели и способности рынка решить все социальные и экономические проблемы. Притом, что большинство правящей элиты живет за счет перераспределения государственного бюджета и поддержки государственных компаний, а рыночные условия и механизмы крайне неразвиты, догма “эффективности рынка” не подвергается сомнению и составляет основу целеполагающей риторики о реформах» [117].

Скорее всего, большинство элиты про себя уже и не верит в догму «эффективности рынка». Можно поверить, что ловкий вор, выпив, станет бахвалиться, что он «принимает ответственность за происходящее в жизни на себя», но и он знает, что не выживет без преступного мира, который служит ему квазигосударством — с его законами, нормами, общаком и пр. А уж предприниматель явно зависим от государства: от чиновников, от ГИБДД, от полицейского и доброго следователя.

Утверждение, что «общество в лице “самодостаточных” граждан обретает серьезную социальную опору», противоречит почти всему тому, что написано в журнале СОЦИС за годы реформ. Те, кто считают себя *самодостаточными*, — это как

раз те, кто сумели прилепиться к государственному бюджету или к теневому предпринимательству (с взятками госаппарату). В них сильна вражда к государству, но не идейная, а шкурная. Не они тянут лямку *устойчивого состояния и развития*, а именно люди, понимающие значение взаимной зависимости общества и государства.

Часть социологов уже много лет представляет «самодостаточных» как особый социокультурный тип, обладающий предприимчивостью и инновационными навыками, в нем видят носителей духа модернизации. Однако это представление противоречит социологии. В статье М.К. Горшкова (2010 г.) сказано: «В стране сосуществуют группы, характеризующиеся как модернистским, так и традиционалистским мировоззрением и, как следствие, различающиеся взглядами на роль государства в экономической и социальной сферах, представлениями о желаемой модели развития страны и т.п. Полученные нами данные весьма красноречиво говорят о том, что за последние годы доля “модернистов” в российском обществе постепенно возрастала, что подтверждается, в частности, динамикой отношения россиян к частной собственности...

Принимая в расчет оценки массового сознания, можно сделать вывод, что основными силами, способными обеспечить прогрессивное развитие России, выступают рабочие и крестьяне (83 и 73% опрошенных соответственно). И это позиция консенсусная для всех социально-профессиональных, возрастных и т.д. групп... Можно констатировать, что “модернисты” на две трети — представители так называемого среднего класса, в то время как традиционалисты — это в основном “социальные низы”, состоящие почти полностью из рабочих и пенсионеров. В то же время, как это ни парадоксально, именно последние в восприятии населения являются одновременно главной движущей силой прогрессивного развития нашей страны» [250].

В обзоре 2012 г. сказано непосредственно именно о «самодостаточных»: «Даже если предположить существование в нынешней России какой-то части предпринимательского общества, совершенно некриминализованного или, скажем более мягко, криминализованного в минимальной степени, то судьба его незавидна. Оно не может рассматри-

ваться в качестве социального актора. Эта ответственная общественная роль в нынешних условиях ему не по силам. Настроенный на самостоятельность, т.е. проигнорировавший теневые (или полутеневые) структуры, предприниматель с того момента, как только его предприятие начинает эффективно работать, становится лакомой добычей для криминалитета, который рано или поздно овладеет его успешным бизнесом» [251].

Следующее утверждение доклада гласит: «Отличительными чертами “самодостаточных” россиян являются молодость, активность, деловая предприимчивость, материальная и социальная успешность.

Формально следуя принципу незыблемости морально-нравственных ценностей, “самодостаточные” россияне (как, впрочем, и многие “зависимые” от государства) исключают из их числа ценности общего блага, высшей идеи, приоритета общественного — в том случае, когда это препятствует достижению их личного блага. В такую, можно сказать, релятивистскую мировоззренческую концепцию вписывается доминанта свободы, понимаемой как возможность быть самому себе хозяином, доминирующая над пониманием свободы как совокупности политических прав и свобод.

Вместе с тем, будучи сфокусированными на собственной жизни и на достижении личного успеха, “самодостаточные” россияне несколько отчуждены от общественно-политической повестки, их меньше, чем остальных граждан, тревожат различные процессы и события, представляющие угрозу для страны... У данной группы есть особое мнение, касающееся отношений России и Запада, находящее подтверждение как в более высоких, по сравнению с “зависимыми” россиянами, установках на сотрудничество России с западными странами, так и в личных пожеланиях ездить за рубеж, прежде всего в Западную Европу, на отдых, учебу, работу» [248].

Нелогично ожидать *«серьезную социальную опору»* от такой общности. Эта общность не на высоте исторического вызова, перед которым оказалась Россия. Она воспринимается как явление преходящее и нежизнеспособное, явление смутного времени. О нем сказано: «Этот феномен недвусмыслен и известен всем. Он означает распад среднего класса, если он вообще

когда-либо существовал. Поэтому упорство в поисках, анализе и препарировании среднего класса в России — не научный подход, а скорее вера в существование этого класса. Другими словами, российский средний класс — это **миф**» [252].

**«Перетекание рынка в общество» —
фундаментальная ошибка**

В марте 1990 г. академик Т.И. Заславская представила в АН СССР программный доклад, который стал подведением итогов перестройки. Суть ее формулировалась так: «Переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и “социализированному” капитализму».

Так в 1987—1988 гг. была начата реализация стратегического проекта ликвидации экономической системы и общественного строя СССР. Разработка этого проекта велась долгое время. Чтобы описать стратегические доктрины и принципы главных акторов, которые действовали в тот период, эмпирического материала достаточно.

Хотя разработчиков доктрины консультировали в основном экономисты из англо-саксонской неолиберальной школы, в планы реформы не были заложены смягчающие социальный шок механизмы, которые были известны основоположникам классического английского либерализма. Об этом пишет в 2000 г. профессор Калифорнийского университета М. Буравой: «Если Англия реагировала на рынок активностью общества и регулятивными действиями государства, в России общество полностью отступило перед рынком к примитивным формам экономики. Государство же, не стремясь к синергии с обществом, связало себя с глобальной экономикой, с транснациональными потоками природных ресурсов, финансов, информации...

У Поланьи государство Англии представляет “коллективные интересы”, добиваясь баланса рынка и общества. В России государство похитила финансово-природно-ресурсно-медийная олигархия... Опыт Китая показывает, что государственный социализм может обеспечить основы расцвета рыночной экономики, развивая синергию государство—общество; для Поланьи это данное. Россия утратила такую воз-

мжность, став жертвой программы разрушения государственной экономики, как будто разрушение самодостаточно для гегезиса нового» [253].

Из доктрины реформ выпала одна из важных функций, которые государственная власть должна выполнять при либерализации хозяйства. Эта функция в терминологии консерваторов-либералов формулируется так: не допустить *«перетекания рыночной экономики в рыночное общество»*. Другими словами, в любой общественной системе, в том числе либеральной, есть интересы и ценности, бытование которых не должно регулироваться рынком. Один из зачинателей институциональной политической экономии Алэн Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно» (см. [254]).

Как можно было профессорам и академикам не заметить этого предупреждения?

Но в России смысл и роль этой функции в ходе реформы игнорировались. Можно сказать, эта функция принципиально была исключена из доктрины реформы, как бы во исполнение постулата идейного основателя современного неолиберализма Ф. фон Хайека: «Всенародная солидарность со всеобъемлющим этическим кодексом или с единой системой ценностей, скрыто присутствующей в любом экономическом плане, — вещь неведомая в свободном обществе» [255].

Строго говоря, разработчики доктрины российской реформы отбросили даже базовую либеральную ценность — либерализм. Как выразился сам Адам Смит, либерализм отвергает «подлую максиму хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других». Можно ли было допустить «перетекать» этой максиме в общественные отношения России?

Эта проблема поднималась в самом начале реформы, но даже в академической среде не была обсуждена. А.С. Панарин пишет: «Самая большая тайна, ныне скрываемая от нас новой господствующей идеологией, состоит в том, что экономические отношения *сами по себе не сплачивают людей*» [256].

Значение барьера, препятствующего распространению в обществе «рыночного» мировоззрения, в главном растолковал уже Адам Смит. Он предупреждал об опасности трагиче-

ского обеднения всей общественной жизни под воздействием рынка. Дж. Грей цитирует такое резюме этих рассуждений А. Смита: «Таковы недостатки духа коммерции. Умы людей сужаются и становятся более неспособными к возвышенным мыслям, образование записывается в разряд чего-то презренного или как минимум незначительного, а героический дух почти полностью сходит на нет. Исправление таких недостатков было бы целью, достойной самого серьезного внимания» [104, с. 194].

Задача ограничить пространство рынка культурными и политическими заслонами очень сложна. Американский философ К. Лэш пишет: «[Рынок] оказывает почти непреодолимое давление на любую деятельность, с тем чтобы она оправдывала себя на единственно понятном ему языке: становилась деловым предприятием, сама себя окупала, подводила бухгалтерский баланс с прибылью. Он обращает новости в развлечение, ученые занятия в профессиональный карьеризм, социальную работу в научное управление нищетой. Любое установление он неминуемо превращает в свой образ и подобие» [130].

Но надо отдать должное — Запад приложил огромные усилия, чтобы нейтрализовать вирулентность «духа коммерции». Но ведь российские реформаторы не просто пренебрегли опытом этих усилий Запада, они подавляли даже попытки обсудить эту проблему. Так к рычагам и явной, и теневой власти просочились самые хищные слои и субкультуры рынка. Хорошо хоть фанатизм рынка не захватил широкие массы, они и стали буфером.

Какие угрозы России породил диктат «рынка»? Многие из них лежат на поверхности, и мы их лишь перечислим:

- коррупция госаппарата — «продажа частицы власти на черном рынке»;

- резкое сокращение инвестиций в основные фонды страны (капиталовложений в будущее) ради быстрой выгоды;

- внедрение идеологии потребительства и деформация культуры — сдвиг к «обществу потребления» со множеством разрушительных последствий (преступность, сокращение рождаемости, дезинтеграция общества);

— деградация культуры и рост массы обездоленных из-за коммерциализации образования и здравоохранения.

Скажем об угрозах менее очевидных, но уже в среднесрочной перспективе очень опасных. Есть формула: «То, что имеет цену, не имеет ценности». Резкое расширение зоны купли-продажи быстро снижает мотивацию населения на личные усилия по *сохранению* страны. Мы наблюдали, как жизнеспособность постсоветской России снижалась в 90-е гг. из-за падения этой мотивации.

Индикатором может служить отношение к службе в армии. Еще в 1988—1989 гг. армия была институтом, который пользовался очень высоким доверием граждан (70—80%). Но уже в 1993 г. от службы уклонилось 80% юношей призывного возраста, укомплектованность армии и флота упала до 53%. В осенний призыв 1994 г. Сухопутные войска получили только 9% необходимого числа призывников — «родная земля продается!».

«Власть коммерциантов» разорвала узы между большинством населения и государством. Практическое наделение *олигархов* властью подорвало гражданскую мотивацию. Вот вывод социологов в 2004 г.: «В период 1993—1997 гг. все параметры гражданской идентификации теряли силу вследствие отчуждения от государственных институтов и недоверия к властным структурам. В настоящее время высокий рейтинг Президента можно рассматривать как сугубо символический, поскольку доверие гаранту Конституции и законности не сопровождается уважительным отношением к государственным институтам власти: Думе, Правительству, органам правопорядка» [257].

Угроза жизнеспособности России возникла и от того, что, подняв к власти и собственности *мещанство* с его философией «мелкого коммерсанта», государство подорвало (если не пресекло) воспроизводство *интеллигенции*. Мещанство — ее антипод, экзистенциальный враг.

Историк и социолог О.К. Степанова пишет: «Антитезой “интеллигенции” в контексте оценки взаимоотношения личности и мира идей, в том числе — идей о лучшем социальном устройстве, являлось понятие “*мещанство*”. Об этом прямо писал

П. Милюков: «Интеллигенция безусловно отрицает мещанство; мещанство безусловно исключает интеллигенцию»...

Интеллигенция в России появилась как итог социально-религиозных исканий, как протест против ослабления связи видимой реальности с идеальным миром, который для части людей ощущался как ничуть не меньшая реальность. Она стремилась во что бы то ни стало избежать полного втягивания страны в зону абсолютного господства «золотого тельца», ведущего к отказу от духовных приоритетов. Под лозунгами социализма, став на сторону большевиков, она создала в конечном итоге парадоксальную концепцию противостояния неокрестьянского традиционализма в форме «пролетарского государства» капиталистическому модернизму» [258].

Страна не может быть «собранной» без достаточного числа людей с «трансцендентальной системой ценностей» — аристократов духа. В работе П.А. Сорокина «Человек и общество в условиях бедствия» он дает характеристику этого типа личности: «Люди с трансцендентальной системой ценностей и глубоким чувством нравственного долга обладают ценностями, которых не может у них отнять ни один человек и ни одна катастрофа. При всех обстоятельствах они сохраняют ясность ума, чувство человеческого достоинства, самоуважение и чувство долга. Имея эти качества, они могут вынести любое испытание, каким суровым бы оно не было» [259].

Эти люди «внерыночного» типа были рассыпаны по всем социокультурным группам. Особенно важным их «резервуаром» стала интеллигенция — в этой социальной нише такие люди образовали сообщество с близким для всех их типом образования и рациональности, а также с внутренней информационной системой.

Их ценили и в Российской империи, и в СССР — хотя они часто были очень неудобны для власти, да и для общества. Поведение интеллигенции не раз приобретало взрывной характер из-за сочетания рационализма с глубокой, даже архаической верой. Об этом размышлял Достоевский, а Ницше даже ввел понятие об особом типе нигилизма — «нигилизм петербургского образца (т.е. вера в неверие, вплоть до мученичества за нее)».

В 1990-е гг. таких людей маргинализировали и в общности рабочих, и крестьян, и офицеров... Они или носят социальную маску конформиста, или ведут катакомбную духовную жизнь. А интеллигенция не устояла под натиском «рыночной экономики» и распалась как система.

Удивительно, что в буржуазный энтузиазм впала интеллигенция, которая всегда претендовала на то, чтобы быть духовной аристократией, хранительницей культурных ценностей России. Как получилось, что она вдруг оказалась охваченной мировоззрением мещанства и стала более буржуазной, нежели российская буржуазия начала XX в.? Еще более удивительно, что при этом в ней усилились и утопические, мессианские черты мышления. Быть мещанином и в то же время совершенно непрактичным — ведь это провал рациональности.

Как представляла себе интеллигенция свое бытие в буржуазном обществе, если бы его действительно удалось построить в России? Она как культурный тип там никому не нужна. Й. Шумпетер писал: «Буржуазное общество выступает исключительно в *экономическом обличье*; как его фундаментальные черты, так и его поверхностные признаки — все они сотканы из *экономического материала*» (см. [260, с. 184]). Напротив, русская интеллигенция — явление исключительно *внеэкономическое*. Сказано было много раз и вполне ясно: интеллигентность с рыночной экономикой несовместима.

Она могла и может существовать только в «культуре с символами» (Гегель), то есть в *небуржуазном* сегменте общества. Если бы интеллигенция, бурно поддержав Горбачева и Ельцина, сознательно желала бы своего уничтожения и растворения в массе ларечников и нищих — было бы странно, но логично. В этом было бы даже нечто героическое. Но наши интеллектуалы мечтали так и остаться аристократией, при государственной кормушке, служить «инженерами человеческих душ» — но чтобы вне их круга экономика была бы рыночной, а общество — буржуазным.

Интеллигенция всегда была связана с государством и существовала под его опекой, хотя и фрондировала против него. А в этот раз государство бросило ее на произвол судьбы, и ее сожрала «рыночная экономика». А.С. Панарин писал: «Буржуа в принципе стремится в такие пространства, где его

асоциальные практики не получают должного отпора». Но этот отпор могли дать только совместно государство и сама интеллигенция.

В начале реформы в России встала национальная проблема рекрутирования и формирования совершенно новой для нашего общества и государства социокультурной общности — *частных предпринимателей*, владельцев капитала. К задаче *сборки* этой общности ни власть, ни общество не были готовы. Сложности этой задачи предвиделись уже в 1989—1991 гг., об этом предупреждали и западные социологи и философы, и ряд отечественных ученых. Однако в послевоенный период в мировой общественной науке были проведены интенсивные исследования процессов создания социокультурных групп, и российское обществоведение могло почерпнуть из этих исследований ценное знание.

В частности, было показано, что предпринимательство в любой культуре предполагает собой духовно-нравственный проект, а не только экономический. Это знание было категорически отвергнуто обществоведами, которые обеспечивали интеллектуальное обслуживание группы реформаторов Горбачева и Ельцина. За первые десять лет перестройки и реформы сервильное обществоведение много сделало, чтобы вообще устранить из мировоззренческой матрицы экономической элиты понятия греха и нравственности, заменив их критерием *экономической эффективности*.

Решение о методе создания общности бизнесменов было принято в закрытом порядке, ученые-«консерваторы» не были допущены к обсуждению. А в целом сообщество обществоведов как будто «не замечало» этой сложной проблемы, которую требовалось изучить и обсудить. Так был создан порочный круг, который надолго блокировал и возможность консолидации общества, и восстановление хозяйства, и модернизацию всего бытия России. В самой доктрине реформы была допущена фундаментальная ошибка: авторы доктрины игнорировали тот факт, что любой хозяйственный уклад имеет под собой определенную *мировоззренческую* основу. Ни в одной стране, которая проводила индустриализацию, не допускали возникновения частного предпринимательства, не связанного какой-либо этической системой.

Современный капитализм и буржуазное общество могли быть построены на Западе потому, что им предшествовало построение новой нравственной матрицы — *протестантской этики*. Это специфическая культурная основа, во многих смыслах несовместимая с культурой России. В Японии и потом в Юго-Восточной Азии сложился «конфуцианский капитализм», организованный государством на основе межсословного договора, корнями уходящего в традиции XI в. Япония, когда ей надо было создавать современную промышленность («Реставрация Мэйдзи»), отправила в Европу самураев учиться на *предпринимателей*. Но их деятельность была, как и у пуритан, формой *служения*, в данном случае служения Японии. Предпринимательство Тайваня, доктрина которого была выработана Гоминданом (хотя и при поддержке США), подчинялось «социалистической» этике. За 1950—1960-е гг. там резко сократилось социальное расслоение: децильный фондовый коэффициент с 30,4 в 1953 г. сократился до 8,6 в 1964 г. и 6,8 в 1972 г.

Русский капитализм XIX в. был многим обязан старообрядцам, они вручали сбережения религиозной общины для создания фабрик молодым образованным выходцам из их среды. Но в России 1990-х гг. *готовую* промышленность вручили людям, лишенным всяких нравственных обязательств перед производством, зачастую не знающим и не любящим его. Редкие исключения не изменили общей картины.

Общий вывод такой: не может возникнуть успешной рыночной экономики, если общность частных предпринимателей, которым дают право распоряжаться капиталами, не связана жесткими этическими нормами, нарушение которых карается санкциями уже внутри сообщества. А реформаторы 1990-х в России исходили из того, что ослабление государственного контроля и надзора, свобода от обыденных для советского времени норм, увеличение свобод и льгот приведут к появлению дееспособного и ответственного предпринимателя.

Это — глубокое заблуждение. Эффективный и ответственный предприниматель — продукт большой системы социальных, культурных и экономических усилий государства и общества. Без этой системы уход государства приводит лишь к появлению хищного антисоциального и антинационального

культурно-исторического типа, который начинает доминировать в элите. Вот один из многих симптомов: согласно оценке Министерства финансов РФ, в результате ухода от налогов государство недополучает около 90 млрд долл. ежегодно. А по оценкам американского центра Global Financial Integrity, в 2011 г. в России масштабы теневой экономики достигли 46% ВВП. Во всех странах СНГ в условиях кризиса теневая экономика еще более выросла: 68% ВВП — в Грузии, 57% ВВП — на Украине, более 62% ВВП — в Азербайджане [261]. Как с такими бизнесменами можно создать социальное государство? Вспомним, что группа западных экспертов высшего класса объясняла нашим видным социологам и экономистам, что нельзя было рекрутировать бизнесменов посредством приватизации, ибо они «демонстрируют паразитическое поведение» [85].

Академик А.Г. Аганбегян, бывший помощником Горбачева в экономике и несущий ответственность за доктрину формирования общности бизнесменов, сейчас рассказывает такой эпизод: «Руководители General Motors, Ford и Chrysler пришли в конгресс США просить деньги для Детройта, где безработица достигла 40%, но их отправили назад, сказав: во-первых, продайте свои личные самолеты, во-вторых, установите себе зарплаты ниже зарплаты президента и т.п. ...General Motors вынужден был объявить банкротство и взять эту помощь, но постарался скорее выплатить долг, настолько жесткими были условия...

Возьмем наш пример. Обратился Р. Абрамович с просьбой о помощи. Ему дали 2,2 млрд долл. — больше, чем всему малому бизнесу России. При этом Р. Абрамовичу дали деньги в начале кризиса, а малый бизнес получил помощь только осенью 2009 г., когда значительная часть малых предприятий уже разорилась. Что сделал Абрамович? Как пишет иностранная пресса, он купил себе третью по счету яхту, самую большую в мире, за 390 млн долл., и на одном из островов в Карибском море купил имение за 90 млн долл. Владея целой эскадрильей самолетов, судов, несколькими замками, ничего из этого не продал» [262].

Так уж были воспитаны наши порожденные реформой магнаты. Обществоведами не были учтены даже предупреждения теоретиков рыночной экономики. Адам Смит заканчивает первый том своей главной книги «Богатство народов»

предостережением о культурных особенностях предпринимателей. Более того, исследователь трудов Смита Т. Линдгрэн в книге «Социальная философия Адама Смита» (1973) писал, что главной задачей политэкономии была не проблема эффективности, а совместимость правил социальной практики с принципами справедливости, *которые разделяет большинство населения*. По словам Линдгрена, «Смит был убежден, что справедливость, а не эффективность является *sine qua non* любого общества».

Об этом пишет и философ К.А. Свасьян: «После наспех проведенной перестройки... началась *пересадка*: диковинный эксперимент социал-мичуринцев, вознамерившихся скрестить хоруговь с либертарианством и выращивать протестантские культуры на православном камне веры. Эти начитавшиеся в свое время Макса Вебера шестидесятники ухитрились упустить из виду очевидное: чтобы капитализм возникал из духа аскетической этики, а не из разбоя вчерашних комсомольских выскочек, выскочивших вдруг из своих закрытых партийных кормушек в *«закрома родины»*, потребовалась бы, как минимум, религиозная реформация с заменой православия трансплантатом кальвинизма» [263].

Уже двадцать пять лет общество с презрением смотрит на стяжательство, которое в России олицетворяет «крупный бизнес». Это отношение настолько негативно, что социологи затрудняются с его измерением. Качественный вывод из общероссийского опроса населения «Россияне о крупном бизнесе» (2003 г.) таков: «Отношение респондентов к крупному бизнесу во многом определяется тем, что опрошенные в большинстве своем, по сути, отказывают ему в праве на существование — хотя и не всегда в полной мере отдают себе этом отчет» [264, с. 154].

Само *наделение собственностью* производилось по механизмам и критериям, которые сразу разрушили остатки и так хлипкой этической основы предпринимательства. Капитал, полученный общностью предпринимателей, не получает легитимности и потому, что их действия в 1990-е гг. нанесли большой ущерб народному хозяйству и населению. Сразу после приватизации были «выдавлены» в теневую экономику (в челноки, ларечники и пр.) 10 млн рабочих и инженеров — золотой фонд любой индустриально развитой страны. В ос-

новном они постепенно опустились на «социальное дно». Так новые собственники, предприниматели, стали агентом разрушения общности промышленных рабочих. Приватизация превратилась в программу *деиндустриализации* России.

Одна из непосредственных причин провала рыночной реформы в России — в том, что «сословие» предпринимателей формировалось в России неправовым и антисоциальным способом захвата и распределения общенародной собственности — и оказалось повязанным с преступным миром.

Вот официальное заключение российских специалистов: «Наиболее деструктивным из факторов, влиявших как на состояние общества в целом, так и на криминальную ситуацию в стране, стал неоправданно высокий темп концентрации капиталов и средств производства в руках частных лиц. Это не только углубило социальное неравенство и антагонизм между отдельными группами населения, но и ожесточило борьбу за сферы влияния среди новоявленных бизнесменов, обладающих криминальным опытом или связями с преступным миром. В результате наблюдается активный процесс криминализации экономики с одновременным усилением альянса экономической и общеуголовной преступности в наиболее опасных формах. Отсюда — заказные убийства банкиров и крупных коммерсантов; серии банкротств и разорений банковских и иных финансовых структур, подконтрольных менее влиятельным криминальным группировкам» [265].

Возникшая общность предпринимателей поразила людей своим социал-дарвинизмом, который всегда был чужд культуре России. Примечательно, что у идеологов российского предпринимательства метафора *хищника* очень популярна. Вице-президент РСПП И. Юргенс так объяснял необходимость освободить предпринимателей от контроля государства (2004 г.): «Хищник в неволе не размножается. А именно хищники, т.е. крупные предприниматели, готовые рисковать и своей шкурой, и шкурой других, — именно они вытаскивали экономики рыночного типа» [266]¹.

¹ Какова степень анонии в среде коммерсантов и их партнеров, говорит такой факт: «Практически все заказные убийства, так или иначе связанные с коммерческой деятельностью, инициируются близкими связями потерпевших. Так, 24,0% заказчиков принадлежали к сфере частного пред-

Вот еще более откровенные философские рассуждения о роли олигархов (может, провокация?): «Глупо отрицать, что олигархические капиталы в России выросли на общенародной собственности (была у нас когда-то такая). Наши ротшильды взяли то, что плохо лежало, а некоторые и вовсе залезли в карман государству. Но давайте зададимся вопросом: так ли уж это несправедливо? И вообще уместно ли в данной ситуации ставить вопрос о справедливости?.. Судить об олигархах с точки зрения морали — все равно что ругать львов за то, что они поедают антилоп... Они — элита общества и потому руководствуются иными, нежели обычные люди, принципами.

Да, российские олигархи лишены нравственных предрасудков. Но только благодаря этому они и выжили в прямом смысле этого слова и выдвинулись на первые роли в жесточайшей конкурентной борьбе, на деле доказав свое право владеть лучшими кусками российской экономики. Нас же не удивляет, почему самый сильный и опытный лев не охотится, но тем не менее первым поедает добычу, которую ему приносят члены прайда. Таков закон природы: сильнейшему достается все. Человеческое общество по своей природе мало чем отличается от прайда. На вершине социальной пирамиды и оказываются самые оборотистые и проворные.

Олигархов обвиняют в том, что они выводят свои активы в офшорные зоны и покупают дорогую недвижимость за границей. Но положи руку на сердце ответьте: вы бы стали вкладывать миллионы долларов в нынешнюю Россию?

Президент должен определить, кто поведет экономику России вперед, сделав ставку на таких прагматиков, как Вексельберг, сумевших сколотить огромную финансово-промышленную империю, охватывающую не только отдельные города, но и целые регионы» [268].

Наше сообщество обществоведов и гуманитариев на все это никак не реагировало, как будто это детские шалости. Почему? В этом не видят грозного симптома глубокой

принимательства, 34,0% были членами семьи или родственниками погибшего, 12,0% — руководителями предприятий и 25,0% — государственными служащими» [267].

болезни культуры? Считают, что «все схвачено» и население с этим примирилось? Если так, то наше обществоведение и гуманитарные науки неадекватны более, чем казалось. Ведь этот провал в знании и предвидении, допущенный в начале реформ, необходимо заделывать, добром такие провалы не кончаются.

Ловушка для трудящихся

М. Вебер ввел в обиход понятие «историческая ловушка». Так он назвал состояние правящей верхушки царской России — систему ошибочных решений, которая преобразуется в цепочку порочных кругов, не поддающихся мягкому разрыву. Но в такие ловушки попадают не только правители и сообщество государственных чиновников, но и большие общности — целые народы и общества.

Такой ловушкой для советского народа и общества стала перестройка. В несколько ловушек, из которых не удалось выбраться, советское общество по частям заманивали и правители, и подчиненные им СМИ и номенклатура, и авторитетные обществоведы и элитарная гуманитарная и художественная интеллигенция.

Важный тезис в их интеллектуальной антисоветской операции состоял в том, что советская экономика *невыгодна* для трудящихся. Начиная с 1960-х гг. в нашей «полуподпольной» общественной мысли укрепились, как нечто очевидное, идея, что государство эксплуатирует рабочих, изымая их прибавочный продукт. Отсюда вывод: сохранять советский строй — не в интересах рабочих. Этот строй — хуже «цивилизованного» капитализма. Эту мысль и стали интенсивно внушать самим рабочим.

Академик АН СССР и затем РАН, академик-секретарь отделения экономики РАН С.С. Шаталин так представлял отношение государства к рабочим в СССР: «Нужно снять абсолютно замшелый тезис об эксплуатации человека. Что лучше: эксплуатация человека человеком или сверхэксплуатация человека государством? Мы говорим об отчуждении человека от продукта труда. Но когда вы работаете на частного предпринимателя, вы практически не отчуждены от него. В нашем

же государстве мы абсолютно отчуждены от продуктов труда» [269, с. 11]¹.

Так же рассуждает член-корреспондент АН СССР, заместитель председателя Комитета Верховного Совета по экономической реформе П.Г. Бунич: «Почему же мы отбирали у работника стоимость его прибавочного продукта? Конечно, не Сталин, не Брежнев эксплуатировали. Ведь понятие “казна” было и раньше. Эксплуатировала не только частная собственность, но и казенная. Правда, нигде и никогда не было такой казенной собственности, чтобы она подчинила себе... всю страну. Это наше “достижение”. И мы не увидим здесь конкретного эксплуататора с алчной физиономией, с жадными и трясущимися руками. Все присваивает система в целом: она и проваливает, и пропивает. Она закладывает долгострой и грандиозные стройки века. Это те же египетские пирамиды. Они почти ничего не дали, кроме убытков и разорения. Это самый страшный эксплуататор — безликая и бездарная казенная система» [270, с. 286—287]².

Странно было слышать такие рассуждения от экономистов высшего ранга. Что значит, что «в нашем государстве мы абсолютно отчуждены от продуктов труда»? В СССР мы были абсолютно отчуждены от электричества, а после приватизации Саяно-Шушенской ГЭС стали «практически не отчуждены от него»? Ведь это не просто идеологическая манипуляция, но и отход от норм логики. Но когда уважаемые ученые

¹ С.С. Шаталин окончил экономический факультет МГУ в 1958 г., доктор экономических наук; работал в Научно-исследовательском экономическом институте при Госплане СССР; в 1965 г. перешел в Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) АН СССР; с 1976 по 1986 г. работал во Всесоюзном НИИ системных исследований; с 1986 по 1989 г. — в Институте экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР; в декабре 1989 г. был назначен членом Государственной комиссии по экономической реформе; в 1990 г. возглавил рабочую группу по разработке программы перехода к рыночной экономике («500 дней»).

² Кстати, какая примитивная гипербола — сказать, что государство СССР «все присваивает, все проваливает и пропивает», что оно «почти ничего не дало, кроме убытков и разорения»! Но ведь сообщество обществоведов все это принимало и этим рассуждениям аплодировало. А те, кто был возмущен такой гиперболой, были вынуждены молчать. И подавляющее большинство «возмущенных» молчат и сегодня.

говорят людям, что им недоплачивают, эта заноза вызывает воспаление.

Сам академик С.С. Шаталин был видным экспертом при разработке программ экономического развития, принимал должности, ордена и Государственную премию — он нес свою долю ответственности за эти программы. Но сменилась политическая конъюнктура, и он так характеризует результаты своей работы: «Вся беда в том, что, как образно и точно сказал Николай Шмелев, в своей экономике мы построили сумасшедший дом и живем по законам сумасшедшего дома» [269, с. 8]. Но если руководитель интеллектуального сообщества признает, что они в экономике «построили сумасшедший дом», как можно уйти от объяснений, от анализа ошибок. Но ничего этого не было, а были новые очень сомнительные программы и новые высокие назначения. Вся система рассуждений и действий подобных академиков — существенный фактор системного кризиса России. В этой идеологической работе активисты из видных ученых совершили важные ошибки или подлоги.

Как главный источник страданий советского человека в среде интеллектуалов было взято *отчуждение* от собственности и власти, якобы поскольку и то, и другое узурпировано номенклатурой. Каковы же были и остаются для обществоведов основания, чтобы сделать отчуждение чуть ли не главной категорией для квалификации общественного строя? Представление отчуждения как таинственной сущности (и даже субстанции), объясняющей природу советского строя, опирается на раннего Маркса, который выводил из этой сущности свою концепцию грубого (уравнительного, «казарменного») коммунизма. Обратимся к тем положениям К. Маркса, которые взяли за основу ведущие философы и социологи.

Вот эти положения из «Экономическо-философских рукописей 1844 г.»: «В чем же заключается отчуждение труда? Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий

только вне труда чувствует себя самым собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — принудительный труд...

Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому... Деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя.

В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному» [271, с. 90—91].

Все это кажется плодом воображения молодого К. Маркса (а может, даже превращенной формой его воображения). Ну можно ли всерьез принимать утверждения, что когда рабочий, «расположась у себя в жилище», садится с семьей за стол или обнимает любимую («совершает половой акт»), он «выполняет свои животные функции»? Неужели российские обществоведы действительно включили эту гениальную схоластику в свою когнитивную систему?

Парадоксальны и политэкономические обоснования деградации рабочего, которую К. Маркс провидел под маской превращенных форм: «Согласно законам политической экономии, отчуждение рабочего в его предмете выражается в том, что чем больше рабочий производит, тем меньше он может потреблять; чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства; чем лучше оформлен его продукт, тем более изуродован рабочий;

чем культурнее созданная им вещь, тем более похож на варвара он сам; чем могущественнее труд, тем немощнее рабочий; чем замысловатее выполняемая им работа, тем больше ему умственному опустошению и тем большему закабалению природой подвергается сам рабочий» [271, с. 89].

К. Маркс подчеркивает, что отчуждение возникает не только в процессе производства, оно тотально, вплоть до *самоотчуждения*: «Мы рассмотрели акт отчуждения практической человеческой деятельности, труда. ... Это отношение есть отношение рабочего к его собственной деятельности, как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему. Деятельность выступает здесь как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как оскотление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) — как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. Это есть самоотчуждение, тогда как выше речь шла об отчуждении вещи» [271, с. 93].

Деятельность выступает как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как оскотление! И на этой основе строили доктрину разрушения жизнеустройства СССР!

Возможно также, что непосредственно идею использовать понятие отчуждения как средство подрыва легитимности СССР подал Троцкий¹.

Сам Горбачев использовал старый троцкистский тезис об «отчуждении» советского работника от собственности: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самодетельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху. Эти приказы могли носить раз-

¹ В статье «Троцкий» в Новейшем философском словаре «Академик» сказано: «Осуществленный Т. анализ ряда существенных тенденций в эволюции советского общества... предвосхитил появление достаточно заметной обновленческой традиции в идеологии социалистического и коммунистического толка. Проблема отчуждения людей при социализме от продуктов собственного труда и от политической власти была не только легитимизирована для международной радикальной интеллигенции левой ориентации, но и приобрела статус атрибутивно сопряженной с процедурами социально-философского и социологического планирования последствий революционно-утопических экспериментов» [272].

ный характер: план, решение совета, указание райкома и так далее — это не меняет сути дела. Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине» [41, с. 188].

Поток странных суждений об отчуждении хлынул, как «политграмота». Один демократически настроенный социолог с удивлением писал в 1992 г.: «Начиная с горбачевского призыва строить социализм “с человеческим лицом”, “отчуждение” стало входить в отечественный лексикон борьбы за лучшую советскую жизнь. Громом среди ясного неба прозвучали возгласы покончить с отчуждением, порожденным казарменным, тоталитарно-бюрократическим социализмом... Появились статьи, брошюры, в которых с усердием, с обилием цитат разъяснялось, что бюрократия — враг народа, а загадка ее тайны — в отчуждении власти от простых людей, от народа, что общественная собственность — ничейная, собственность без хозяина, т.е. не принадлежит народу. Были и научные дискуссии, и постоянные семинары, даже провели конкурс на лучшую работу по проблеме отчуждения, а победители получили премии. Короче, колесо попало в наезженную колею — интеллектуалы засучили рукава, философы — в первую очередь.

Оказывается, десятилетиями мы копили деформации и вот столкнулись лицом к лицу с отчуждением, когда, как оказалось, созданное усилиями поколений общественное здание вовсе не “наш” дом, а тюрьма, задавившая инициативу, творчество, семью, нацию, гражданскую жизнь, наконец, свободу человека. Обязательно нужно преодолеть отчуждение — перестроить здание, избавить его от последствий дегуманизации, деперсонализации. Многое нужно преодолеть — отчуждение людей от труда, от продукта труда, от власти, от управления, от культуры, духовности, друг от друга» [273].

Попытки воззвать к здравому смыслу успеха не имели. Культурологи, например, писали (1990): «Каждый конкретный этап человеческой истории имеет свою форму социально-экономического и духовного отчуждения. ...Мы исходим из того, что отчуждение при социализме так же естественно, как и при капитализме и, впрочем, при первобытнообщинном строе. Это не аномалия, а нормальный, естественный

процесс, свойственный развитию каждого общества, и охватывает он не только сферу экономики, но и сферу духовности, культуры» [274].

Советское и постсоветское обществоведение, вместо того чтобы распутать и объяснить населению сложные софизмы Маркса и предупредить, что они неприложимы к реальности России, а главное, внятно описать структуры и процедуры нашей социальной и экономической жизни, превратило Маркса и марксизм в инструмент манипуляции сознанием. И это состояние продолжается.

Мы говорили о том, что С.С. Шаталин и его соратники допускали грубые нарушения норм науки, когда убеждали, что Советское государство — самый страшный эксплуататор. Но надо еще сказать простую и важную вещь: они выступили как провокаторы, которые завели трудящихся в подворотню, где их просто ограбили. Тут даже об эксплуатации и речи нет. Социолог пишет: «*Занятость* рабочих — первая, пожалуй, наибольшая проблема, выпавшая на их [рабочих] долю во время кардинальных преобразований. Число безработных доходило до 15%; нагрузка на 1 вакансию — до 27 человек; ...число рабочих, прошедших состояние полностью или частично незанятого с 1992 по 1998 г., составило 30—40 млн человек, что сопоставимо с общей численностью данной группы» [275].

Куда это войско академиков и профессоров толкнуло поверивших им трудящихся? Ведь знали, чем это кончится, — все это было изучено, да и лучшие эксперты с Запада отговаривали наших экономистов и социологов от столь жестокой операции. Мы с невероятными усилиями пережили «лихие 90-е годы», теряя по миллиону душ за год. Судьба дала нам передышку до 2008 г., послала нам манну небесную нефтедолларов. А дальше что? Какой культурный тип теперь стал эксплуататором нашего населения?

Вот сообщение газеты «Коммерсантъ» от 25 декабря 2015 г.: «Четвертый за четверть века экономический кризис в РФ сопровождается небывалым за последние 15 лет спадом доходов домохозяйств и ростом уровня бедности. Они происходят в отсутствие у государства и общества финансовых и институциональных возможностей для социальной адаптации. Прогнозы неутешительны: аналитики ждут массового

падения уровня и качества жизни граждан. По уровню бедных в обществе в 2016 году Россия может ликвидировать все завоевания последнего десятилетия, вернувшись к ситуации 2005 года» [276].

Почему у нас за четверть века накатил уже четвертый кризис? Почему у государства отсутствуют институты, защищающие население от кризисов? Ведь именно обществоведы-реформаторы советовали ликвидировать все эти защитные системы. Они ненавидели советские институты и финансовую систему — почему не проектировали других, хороших? Ученые!

Если можно верить газете «Коммерсантъ», вот вывод главных экспертных служб Правительства РФ вкупе со Всемирным банком: «2015 год ознаменовался сильнейшим в новом тысячелетии реальным падением доходов, зарплат, пенсий и увеличением неполной занятости, которые продолжатся в 2016 году. Консенсус Аналитического центра при Правительстве РФ (АЦ), РАНХиГС, Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКПа) и Всемирного банка... в том, что даже официальный уровень бедности будет расти на 2 п.п. в 2015 и 2016 годах — до 16% и достигнет максимума с 2005 года. Замглавы Минэкономки Алексей Ведев считает, что падение уровня жизни происходит при “общественном согласии”, характеризуя ситуацию как “тревожную”... По оценкам АЦ и РАНХиГС, в зоне риска пополнить армию бедных в обозримом будущем находятся от 30% до 50% населения РФ — прежде всего дети, пенсионеры и их семьи, а также занятые неполный рабочий день» [276].

Как при этом трогательно звучит реплика замминистра Минэкономки, что «падение уровня жизни происходит при “общественном согласии”».

Но не забыли и про эксплуататоров: «Несмотря на бурный рост доходов, из-за неизменной сверхвысокой концентрации национального богатства в отдельных социальных группах и регионах уровень неравенства в обществе не изменился — в 2014 году 28,4 млн человек (20% населения) жили на 7 тыс. руб. в месяц» [276].

И тем не менее должны же экономисты АЦ, РАНХиГС и ЦМАКПа объяснить, почему падение уровня жизни в 2016 г.

достигнет состояния 2005 г., притом, что по их расчетам ВВП в 2016 г. будет на 23% больше, чем в 2005 г.? Почему «пополнить армию бедных» рискуют от 30% до 50% населения РФ? Куда собираются деть 23% ВВП? Что это за консенсус экспертов правительства и Всемирного банка?

Краткий экскурс в политэкономию

Академик С.С. Шаталин поставил такой вопрос: «Что лучше: эксплуатация человека человеком или сверхэксплуатация человека государством?» — и сделал вывод, что для советских граждан лучше «эксплуатация человека человеком». Вывод кардинальный — это призыв к смене государственной системы и общественного строя. Но этот вывод противоречит нормам рационального мышления. Ведь само понятие *эксплуатация* многозначно, и ученый обязан был объяснить его смыслы и ввести каждое определение в ясный контекст. Если понятие «эксплуатация человека человеком» как-то было объяснено в учебниках политэкономии, книгах и СМИ (пока не важно, верно или нет), то понятие «сверхэксплуатация человека государством» упало на головы советских граждан внезапно.

Сам С.С. Шаталин смысл обоих понятий не объяснил и даже не сказал, являются эти две сущности соизмеримыми между собой и можно ли их сравнивать друг с другом по критерию «что лучше»? Ведь сразу видно, что это сущности, принципиально разные. Можно, например, сказать, что главное в сверхэксплуатации человека государством есть воинская повинность: человек рискует отдать свою жизнь навсегда, а при «эксплуатации человека человеком» работник всего лишь сдает в аренду частному предпринимателю свою рабочую силу. Оценка несоизмеримых ценностей и платы за них — фундаментальная проблема социальной и экономической философии, а что мы видим у философов российской реформы? Они эту проблему просто игнорируют.

Вспомним, что нам гласили словари и политэкономия, которую С.С. Шаталин, вероятно, знал досконально. Хотя, возможно, о некоторых основаниях политэкономии он умолчал. В российских словарях с 1907 г. утвердилось определение: «эксплуатация — извлечение выгод из к.-н. предприятия,

из чужого труда». В Советском энциклопедическом словаре (1985) говорится: «эксплуатация — присвоение результатов чужого труда собственниками средств производства в классово-антагонистич. обществ. экон. формациях...». Так же и в Новом словаре иностранных слов (2009 г.). Эти определения прямо или косвенно опираются на *трудовую теорию стоимости*. В Википедии прямо сказано: «Присвоение прибавочной стоимости Маркс считал формой эксплуатации работников».

Но это неверно! Первая ошибка С.С. Шаталина и П.Г. Бунича заключается в том, что они использовали авторитет Маркса, а Маркс писал *совсем другое*. Проблему «эксплуатации человека человеком» и «сверхэксплуатации человека государством» разжевал сам Маркс. И в обоих случаях С.С. Шаталин и Бунич исказили модель Маркса.

Начнем с «эксплуатации человека человеком». В политической экономии принято, что наемный рабочий производит стоимость, которая разделяется на две части. Первая часть — стоимость *необходимого* продукта, которая отдается в форме зарплаты рабочему, как рыночную цену его рабочей силы. Его рабочая сила — товар, и он его добровольно продает капиталисту. Это честная купля-продажа, тут нет никакой эксплуатации. Вторая часть произведенной рабочим стоимости представлена *прибавочным* продуктом. Этот продукт капиталист продает на рынке и получает доход (*прибавочную стоимость*). Получение этой прибавочной стоимости наши обществоведы и называют *эксплуатацией работника*.

Искажение теории Маркса советскими профессорами и академиками поражает. Трудовая теория стоимости исходит из постулата равновесия рынка труда: необходимый труд оплачен зарплатой, эквивалентной стоимости рабочей силы. Никаких претензий на получение и прибавочной стоимости рабочий предъявлять не может. Он свободно заключил на рынке труда контракт купли-продажи его товара (рабочей силы). Работодатель предоставил другие ресурсы, необходимые для процесса труда и производства стоимости, в том числе и необходимого продукта, принимаемого за форму зарплаты.

Маркс специально подчеркнул, что в норме при купле-продаже работнику дается согласованная цена его рабочей силы, и нет никакой несправедливости в том, что этот его то-

вар производит прибавочную стоимость. Нет никакой несправедливости! Значит, нет и эксплуатации в том смысле, который нам навязало советское [а также досоветское и антисоветское] обществоведение.

Читаем «Капитал» Маркса: «Стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги, было только *conditio sine qua non* [необходимым условием], потому что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это — та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист...

То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу... Все условия проблемы соблюдены, и законы товарного обмена нисколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал каждый товар — хлопок, веретена, рабочую силу — по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость» [29, с. 204, 206].

Вернемся в начало наших рассуждений к исходной установке о том, что в СССР государство эксплуатирует рабочих, *изымая их прибавочный продукт*.

Но начнем с капиталистического государства, в котором наглядно есть рынок рабочей силы — здесь все на ладони. Государство отбирает и у капиталиста, и у рабочего часть их дохода посредством налогов. Значит ли это, что государство их эксплуатирует? Маркс объясняет на примере расходов государства на строительство дороги, что нет, *это не эксплуатация*.

Он пишет: «Правда, это есть прибавочный труд, который индивид обязан выполнить, будь то в форме повинности или опосредованной форме налога, сверх непосредственного труда, необходимого ему для поддержания своего существования. Но поскольку этот труд необходим как для общества, так и для каждого индивида *в качестве его члена*, то труд по сооружению дороги вовсе не есть выполняемый им прибавочный труд, а есть часть его *необходимого* труда, труда, который необходим для того, чтобы он воспроизводил себя как *члена общества*, а тем самым и общество в целом, что само является всеобщим условием производительной деятельности индивида» [277, с. 17].

Сказано достаточно ясно. Таким образом, у Маркса никаких оснований для утверждения, будто Советское государство было «сверхэксплуататором» населения СССР, нет. Ни С.С. Шаталин, ни другие обществоведы их не привели и даже не пытались, они ссылались на понятие «прибавочной стоимости». Эти эмоциональные всплески были вне разумных и тем более научных норм. Они были недовольны советским строем — это их право, но они вели антисоветскую пропаганду с *ложными аргументами*. Это для ученого недопустимо. Они не стали спорить с Марксом, а, наоборот, опирались на его авторитет, который был ими же внушен населению СССР.

Из контекста научных (а не идеологических) рассуждений Маркса можно выдвинуть тезис, что, изымая у рабочих прибавочный продукт, ни капиталист в рыночной экономике, ни государство в США или в СССР не эксплуатируют рабочего. Противоречие между трудом и капиталом или между трудом и государством вызвано иными отношениями, а вовсе не присвоением прибавочной стоимости, здесь роль этой сущности представляется надуманным, как и сама категория прибавочного труда. Фундаментом модели антагонистического противоречия трудовая теория стоимости стала из-за того, что она порождена гипостазированием — ее представили реальной сущностью, и очень многие в ней запутались.

Выше мы привели объяснение Маркса того факта, что государство делает расходы из необходимого для работников продукта (дороги, школы, армия и пр.). Средства на это капиталист изымает у работника и передает государству в виде

налогов. А в СССР государство было и работодателем, и предпринимателем, и организатором создания благ за рамками зарплаты, получая отчисления от предприятий и формируя общественные фонды. В 1985 г. при средней денежной зарплате работающего 2281 руб. один работающий отчислял в общественные фонды потребления 944 руб., из них на душу населения приходилось 530 руб. денежных выплат и льгот. Это — только общественные фонды *потребления*.

Статьи расходов этих фондов в 1985 г. были таковы (%): просвещение — 25,7; здравоохранение и физическая культура — 13,8; социальное обеспечение и социальное страхование (пенсии, пособия и др.) — 41,5; содержание жилищного фонда (в части, не покрываемой квартплатой) — 5,9.

Динамика этих фондов представлена на рис. 15.

А куда девается прибавочная стоимость? В СССР это было хорошо видно. Например, полет Гагарина и космическая программа выходили за рамки бытового потребления. Такие программы П.Г. Бунин назвал: «Это те же египетские пирамиды. Они почти ничего не дали, кроме убытков и разорения». Такова его картина мира, это его личное дело. Общественная проблема в том, что он занимал высокий пост в Комитете Верховного Совета СССР по экономической реформе.

А что в капиталистической экономике? Прибавочный продукт отчуждается капиталистом. Часть его стоимости капиталист отдает государству в виде налога. На эти деньги строят школы для детей рабочих, то есть вкладывают средства в воспроизводство рабочей силы. Следовательно, это стоимость не прибавочного продукта, а *необходимого*. Другую часть капиталист вкладывает в поддержание, расширение и улучшение производства. Разве это не расходы на воспроизводство рабочей силы? Значит, и «этот прибавочный труд есть часть *необходимого* труда».

Наконец, какую-то часть капиталист использует на свое потребление. Допустим, он потребляет скромно, как раз в меру своих усилий по организации производства. Но тогда выходит, что он всю прибавочную стоимость возвращает работникам — через государство или свое производство. Выходит, все зависит от нравственности капиталиста? Ездит на «мерседесе» — эксплуататор, ездит на «ауди» — товарищ рабочему?

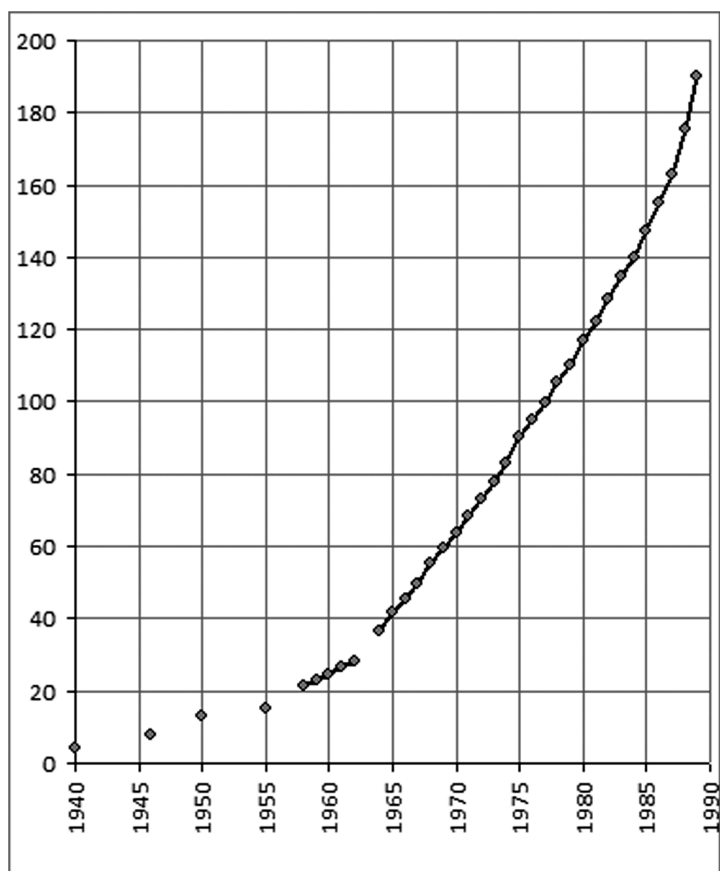

Рис. 15. Выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления в СССР, млрд руб.

Даже Энгельс так писал о трактовке эксплуатации как отчуждения прибавочной стоимости: «Как отмечает Маркс, в формально-экономическом смысле этот вывод ложен, так как представляет собой просто приложение морали к политической экономии». На этом основании Э. Бернштейн в статье «Возможен ли научный социализм?» резонно отвергал самостоятельное значение понятия прибавочной стоимости как обвинения капитализма.

Категории необходимого и прибавочного труда надуманны, а конфликт между трудом и капиталом возник потому, что капиталист платил рабочему не зарплату, необходимую для воспроизводства его рабочей силы, а в соответствии с *балансом сил на рынке*. В большинстве случаев на рынке побеждал капитал — прежде всего создавая армию безработных, которые сбивали цену рабочей силы. Это совсем другая тема. Кстати, нередко на рынке труда рабочий ухитряется эксплуатировать буржуа — если есть дефицит рабочей силы для некоторых работ. Долгое время типичный предприниматель, собственник предприятий, был кровопийцей, так что это надолго врезалось в память.

Противоречия у Маркса возникают из-за того, что он смешивал абстрактную модель с идеологией, на которой он строил учение о пролетарской революции. Понятие «необходимый» труд, который оплачивается по эквиваленту стоимости рабочей силы, противоречит всей идеологии Маркса, когда он говорит о реальном положении рабочего класса как идеолог. Вот он пишет в «Капитале» (гл. XIII, 8): «Какую роль в образовании прибавочной стоимости, а следовательно, и в образовании фонда накопления капитала играет в наши дни прямой грабеж из фонда необходимого потребления рабочего, это мы видели...» [29, с. 616].

Как можно называть «необходимым» труд, если из его стоимости можно «грабить» большую часть — а рабочая сила все равно воспроизводится? И какая же это «прибавочная» стоимость, если она образуется не как свойство труда производить больше, чем стоимость рабочей силы, а за счет грабежа? Модель неадекватна реальности. Причем здесь трудовая теория стоимости и рабочей силы? Переходя к эмпирической реальности, сам Маркс рисует совсем другую картину, в которой и речи нет об эквивалентном обмене.

И на раннем этапе капитализма, и в настоящее время рабочий выступал и выступает (редко) вовсе не против «эксплуатации как изъятия прибавочной стоимости после эквивалентной оплаты стоимости рабочей силы», а именно против «грабежа» — когда этот грабеж становился нестерпимым. Маркс представил пролетарскую революцию как возмущение присвоением капиталистом «чистой» прибавочной стои-

мости именно в идеологии, а не в своих текстах, которые считал научными.

Пример — «Критика Готской программы», тоже текст идеологический. Там сказано: «Система наемного труда является системой рабства, и притом рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, безразлично, лучше или хуже оплачивается труд рабочего» [278]. Что значит «безразлично, лучше или хуже оплачивается труд рабочего»? Значит, дело не в воровстве прибавочной стоимости?! И почему академик С.С. Шаталин не сказал советским рабочим, что наемный труд на капиталиста — система рабства, даже если труд рабочего оплачивается хорошо? Ведь это грубая пропаганда.

Труд оплачивался в соответствии с балансом сил и давлением «резервной армии безработных». Окреп на Западе рабочий класс, наладили капиталисты стабильный поток ресурсов извне — и стали хорошо платить своим рабочим. И что же стало с борьбой рабочих против эксплуатации? Она превратилась в борьбу рабочего класса за эксплуатацию. Самые массовые протесты трудящихся вызывает попытка эксплуататоров сбежать от своих рабочих. Это и называется теперь «предательством интересов рабочего класса». В 1990 г. марш 4 тыс. рабочих из Андалусии на Мадрид в одних исподних трусах — потому, что фирма «Сузуки» решила перевести свой автомобилестроительный завод в Венгрию. Страсти настолько накалились, что правительство социалистов из госбюджета оплатило «Сузуки» утраченную выгоду — лишь бы эксплуататоры не обижали рабочих и не переставали их эксплуатировать.

Потому, кстати, и антиглобалисты кидают в министров тухлыми яйцами — чтобы они не отпускали своих капиталистов в Венгрию и Китай, не позволяли им предавать интересы своего рабочего класса. Это — реальность, а в модели — неувязка с идеологией. Куда девается основная масса прибавочной стоимости? Она превращается в капитал и идет на закупку машин и найм дополнительной рабочей силы (или повышение квалификации имеющейся). Маркс прикидочно оценивает долю этих затрат в 80% прибавочной стоимости. Об этом глава 22 «Капитала» «Превращение прибавочной стоимости в капитал». Это значит, что основная масса прибавочной стоимо-

сти возвращается в процесс воспроизводства рабочей силы, и ее изъятие не может рассматриваться как эксплуатация.

Таким образом, «проедается» капиталистом очень небольшая часть прибавочной стоимости — и очень трудно оценить ту долю, которая проедается капиталистом несправедливо, больше, чем стоит выполнение его функций в организации производства. Во всяком случае, никто не стал бы устраивать революции из-за такой мелочи.

Выйти в настоящее время к рабочим с моделью эксплуатации по Марксу было бы просто нелепо. Дело в том, что эта модель ошибочна в принципе. Поэтому ее пропаганда среди работников в СССР была ошибкой или делом недобросовестным.

Когда капиталисты научились вытапливать сало из рабочих «Юга», частный капитал и государство поделились с рабочими метрополии, и «антагонистическое противоречие» испарилось. Модель политэкономии привела к неверному выводу — могильщиком буржуазии пролетариат не стал.

Рассуждения о необходимом и прибавочном продукте казуистичны, а к тому же западных экономических систем (особенно советской системы) они вообще не касаются. И Маркс об этом многократно предупреждал. Он писал в предисловии к первому изданию «Капитала»: «Предметом моего исследования в настоящей работе являются капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов».

Еще он писал: «Стоимость есть отношение между двумя лицами, прикрытое вещной оболочкой» [29, с. 84]. Такое отношение возникает только на рынке, при купле-продаже. Но труд (рабочая сила) вовсе не всегда является товаром. В «Капитале» Маркс неоднократно напоминает, что стоимость есть категория *историческая* и возникает именно тогда, когда сама рабочая сила становится стоимостью. Он подчеркивает: «Труд в том виде, как он... существует в рабочем сам по себе, т.е. труд в своем непосредственном бытии, труд, отделенный от капитала, является непроедовительным» [29, с. 262], т.е. он не производит стоимости.

Еще ближе к нашему случаю такое уточнение: «Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена» [29, с. 49].

Именно таким и было производственное отношение советских работников: его продукт отчуждался в виде результата исполнения планового задания. Работник не продавал свою рабочую силу, а *служил* и получал *жалованье*.

Пристегивать категории трудовой теории стоимости к советскому хозяйству и создавать фантом изъятия прибавочной стоимости и образ эксплуатации рабочих государством — грубая неправомерная операция с тяжелыми последствиями. Сначала промыли мозги интеллигенции и студентам схоластической трудовой теорией стоимости, а потом применили эту теорию для разрушения жизнеустройства народа.

Не вникнув в важные оговорки Маркса, что труд *производит стоимость* только в конкретных социальных и культурных условиях западного капитализма, многие советские и постсоветские обществоведы совершают вторую ошибку: они прилагают категории абстрактной модели Маркса к обществам, не обладающим достаточным подобием с Западом. А во второй половине XX в. эта модель воспринимается как неадекватная и на Западе. В 1990-е гг. и в России уже нельзя было это игнорировать.

Один из ведущих антропологов США М. Сахлинс предупреждал: «На уровне этнологии выяснилось, что в качестве посредника между объективным и субъективным выступает коллективная традиция, информирующая субъективное восприятие историческим представлением». Поэтому рациональная модель политэкономии не может верно описать реальную систему отношений даже на Западе.

В книге «Культура и практические представления» (1978) он пишет: «Исторический материализм является истинным самосознанием буржуазного общества, ограниченным, однако,

рамками самого этого общества. Рассматривая производство как натурально-прагматический процесс удовлетворения потребностей, вместе с буржуазной экономической наукой оно [буржуазное общество] рискует поднять отчуждение людей и вещей на более высокий когнитивный уровень. Обе эти теории могут объединиться в сокрытии смысловой системы праксиса, объясняя систему практическими соображениями. Если это произойдет, марксистская антропология будет неотличима от ортодоксальной экономики, как будто исследователь одурачен тем же товарным фетишизмом, который завораживает участников процесса.

Рассуждая о производстве и движении товаров исключительно с точки зрения их денежных выражений (меновых стоимостей), исследователь упускает из рассмотрения культурный код конкретных свойств, определяющий “полезность”, и таким образом оказывается не способным понять, что, собственно, было произведено. Объяснение не идет дальше воспроизводства самообмана, присущего тому обществу, к которому оно адресовано, в котором контуры подсознательной логической системы предметов и общественных отношений проявляются в виде основанных на цене предпочтений на рынке, создавая впечатление, что производство кристаллизуется из просвещенной рациональности. Структура экономики представляется как объективный результат практического поведения, а не как социальная организация вещей хоть и через рыночные институты, но согласно культурному дизайну людей и товаров... В таком виде представляется наше буржуазное общество и типичная средняя мудрость его общественных наук» [279]¹.

Как известно, исходной догмой политэкономии Маркса было разделение меновой стоимости — сущности товара как продукта абстрактного труда — и потребительной стоимости (вещей, т.е. культуры). Он писал в первом разделе «Капитала»: «Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости... Раз

¹ Перевод А. Степанова.

мы отвлеклись от его [продукта] потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью... Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем» [29, с. 43].

Эта догма, включенная в когнитивную основу советского обществоведения, сыграла важную роль в том, что «мы не знали общества, в котором живем».

М. Сахлинс пишет: «Общеизвестная истина антропологии состоит в том, что “рациональная” и “объективная” схема любого человеческого общества никогда не является единственно возможной. Даже в очень похожих материальных условиях культурные порядки и реалии могут быть весьма различны... Даже капитализм, несмотря на его кажущуюся организацию ради прагматической выгоды, не может избежать этой культурной организации, казалось бы, объективного праксиса» [279].

В эпиграфе к главе «Западное общество как культура» М. Сахлинс привел фразу Бодрийяра (1972): «Политэкономия, сконструированная на двух стоимостях — потребительской и меновой, — рассыпается в прах и должна быть переосмыслена в форме *обобщенной политической экономики*, которая оперирует производством символической меновой стоимости в процессе и в виде производства материальных товаров и экономической меновой стоимости».

Замкнувшись в скорлупе догм моделей XIX в., наше обществоведение оказалось несостоятельным при первом ударе мировоззренческого и культурного кризиса.

Дискредитация демократии и провал проекта демократизации

Высшей ценностью в идеологическом дискурсе перестройки была названа *демократия*. Общество практически единодушно этот лозунг поддержало, поначалу не вникая в тонкости трактовки данного понятия. Его обыденное представление казалось общепонятным и естественным.

В действительности перестройка началась как раз с того, что были разрушены разумные и привычные очертания этого понятия. Идеологи избегали давать этому понятию связанное

определение, а люди и не спрашивали, хотя никакого молчаливого договора относительно смысла этого слова в нашем обществе не было. Но тогда не вникали даже в странные заявления, не до этого было.

Это сладкое слово «демократия» вдруг увязали с частной собственностью и рынком. Это уже вызвало тревогу. Известный философ В.М. Межуев убеждал: «Какое же общество действительно нуждается в правовой демократии и способно ее защитить и сохранить? Я думаю, только то, которое состоит из собственников, независимо от того, чем они владеют: средствами производства, денежным капиталом или только своей рабочей силой. ...Иными словами, это общество частных интересов и дел, где каждому что-то принадлежит и каждый имеет право на собственное дело. По существу, это и есть гражданское общество, в котором люди связаны между собой как независимые друг от друга индивиды — самостоятельные собственники и хозяева своего частного дела» [131].

Насколько кадеты начала XX в. оказались более демократами. М. Вебер, объясняя отличие русской революции от буржуазных западных, приводит важный довод: к 1905 г. в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей *буржуазии* в либеральном движении. Как пишет исследователь трудов М. Вебера А. Кустарев, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции» [37].

Лозунг демократии вошел в непримиримое противоречие с реальностью — большинство не поддержало перестройку и ее версию демократии. В.В. Радаев и О.И. Шкаратан пишут в важной статье: «Трагическим является консерватизм не отдельных групп, а тем более отдельных лиц, но огромных масс, верящих, что они сегодня живут при социализме и что его необходимо “исправить”. В сознании очень многих рыночные формы хозяйствования односторонне отождествляются с эксплуатацией, неравенством, безработицей. Да, пожалуй, нет для реформаторов более страшной преграды, чем народные предрассудки» [55].

Вспомним вещи простые, бытовые. Видные социологи и экономисты требовали либерализации цен на продукты питания, а подавляющее большинство граждан было против. Опросы фиксировали: «Население не верит в быстрое улучшение потребительского рынка и выступает за регулируемое государством нормированное распределение благ как средство гарантированного снабжения. Более половины жителей столицы [56,3%] против такого решения [введения талонов на мясо]. А большинство жителей областных и районных центров, малых городов, сельской местности поддерживает введение талонов на мясо. Респонденты вполне отдают себе отчет в том, что эта мера не является панацеей от всех бед. Однако они предпочитают талоны, нежели повышение цен. Большинство опрошенных жителей разных регионов (около 80% в городах и 65% в сельской местности) выступает против повышения цен на мясопродукты, не считает его эффективным средством борьбы с дефицитом» [280].

Сторонники реформы в основном попали в те 20%, которые выступали за рынок со свободными ценами. Они поддержали Гайдара и Ельцина, когда их властная бригада «отпустила» цены. Но если твоя позиция противоречит мнению большинства, так исключи постулат демократии из своей программы и рассуждений — и они у тебя вновь обретут связность, с тобой можно будет договариваться, вести дебаты. Но нет, всякое сомнение в благотворности рынка отметалось без комментариев, как нечто абсурдное и порочное, — и все это при искренней убежденности в собственной демократичности.

Вот Ю.В. Волков, доктор философских наук, завкафедрой социологии и социального управления Академии труда и социальных отношений, пишет о позиции рабочих: «Демократическое движение, начавшее развиваться в стране в последние годы и охватывающее главным образом прогрессивную интеллигенцию, вряд ли сможет само по себе преодолеть сопротивление консервативных сил и обеспечить утверждение нормальной, эффективной рыночной экономики... Присутствует и противоположная позиция — полная неприязнь не только частной собственности и частного предпринимательства, но даже той «полурыночной» экономики, которая проектируется некоторыми в рамках незыблемости «социа-

листических принципов»... Это движение, выражающее люмпенизированную психологию наиболее отсталых — в массе своей — слоев рабочих и служащих, имеет не так уж мало сторонников., а в условиях резкой пауперизации масс с весны 1991 г. люмпенская психология может пойти вширь» [281].

Приняв и поддерживая подобную идеологию и в то же время считая ее выражением «демократического движения прогрессивной интеллигенции», эта самая интеллигенция впадала в состояние искусственной шизофрении, — и ее рассуждения стали внутренне противоречивыми, *некогерентными*.

Сдвиг элиты обществоведов к идее трансформации социального строя и перехода к частному предпринимательству происходил быстро и *вопреки* установкам основной массы населения. Это было всем видно и отражено в большом докладе ВЦИОМ под ред. Ю. Левады «Есть мнение» (1990 г.). В общем, вывод социологов, авторов книги, таков: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [193, с. 83].

Таким образом, сами идеологи перестройки отдавали себе отчет, что они под маской демократии предлагали обществу *господство меньшинства*. В большом докладе Горбачев-фонда по поводу юбилея перестройки в 2005 г. говорится: «Новое руководство могло рассчитывать на относительно устойчивую поддержку двух групп отечественной бюрократии. Одна из них — партийные интеллектуалы, чьи взгляды сформировались под сильным влиянием хрущевской “оттепели”. В идеологическом плане они тяготели к “социализму с человеческим лицом” — концепции, отчасти навеянной идеей конвергенции капитализма и социализма. Для них перестройка означала уникальную возможность продолжить позитивные изменения, начатые в годы правления Н. Хрущева и прерванные рецидивом сталинизма в период брежневского застоя. К другой группе принадлежали “технократы” — управленцы советской экономики, которые трезво оценивали ее реальное состояние» [282].

Что же касается народных масс, оказывается, именно они и не дали М. Горбачеву насадить социализм с человеческим лицом. Авторы доклада жалуются: «Реформаторы и интеллектуальная элита Советского Союза оказались не подготовленными к проявлениям националистических предрассудков, раскола, вражды. Как известно, российский народный анархизм — всегда оборотная сторона модели народного же государственничества. Бунтарский, антигосударственный пафос преднамеренно подогревался некоторыми элитными группировками».

Антисоветская революция, идеологами которой стали виднейшие представители элиты обществоведов, привела к «пирровой победе» меньшинства. Спустя 20 лет после начала перестройки в общество влилась большая когорта тех, кому довелось наблюдать перестройку в детском возрасте и повзрослеть, уже не зная советского строя. Они приняли постсоветскую жизнь как данность и относятся к ней лояльно. И тем не менее вывод большого исследования «Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя» таков: «*После 1988 г.* число поддерживающих идеи и практику перестройки сократилось почти в два раза — до 25%, а число противников выросло до 67%. И сегодня доля россиян, позитивно оценивающих перестройку, хотя и несколько возросла и составляет 28%, тем не менее большинство населения оценивает свое отношение к ней как негативное (63%).

Наибольшую поддержку, как и 10 лет назад, получила точка зрения о том, что перестройка не должна была выходить за рамки заявленных первоначально целей, определенных как обновление и демократизация социализма. Причем доля тех, кто так считает, за последнее десятилетие возросла с 27% до 33%. Стоит отметить, что суммарная доля тех, кто считает, что перестройку следовало проводить, не разрушая социалистического строя, и тех, кто считает, что перестройку вообще не следовало начинать (это, условно говоря, сторонники социализма в “горбачевском” и в “брежневском” вариантах), составляет 54%. Объединив же, условно говоря, “демократов-западников” и “либералов-авторитаристов”, т.е. тех, кто сегодня является сторонником несоциалистического пути развития страны, мы получим цифру 30%. Другими словами,

доли сторонников перестройки советского общества на социалистических и несоциалистических началах соотносятся сегодня в России как 1,8:1,0» [283].

Вот что пишут ведущие социологи уже в 2005 г.: «Среди сторонников перестройки выделяются такие социально-профессиональные группы, как гуманитарная и творческая интеллигенция, студенты, мелкие и средние предприниматели, в меньшей степени инженерно-техническая интеллигенция и военнослужащие. Среди противников — в основном представители малоактивных слоев населения, малоквалифицированные, малообразованные, живущие преимущественно в сельской местности и просто пожилые люди, для которых перестройка означала разрушение их привычного мира (пенсионеры, жители сел, рабочие)» [283].

Но социологи совершают методологическую ошибку: ведь вес ответов от разных возрастных групп различен. Они пишут: «Сторонников несоциалистического пути развития больше среди молодежи, приверженцев социализма — в старших возрастных группах. Так, опрос выявил 50% сторонников несоциалистического пути в группе 18—25-летних россиян и 28% — среди опрошенных старше 60 лет. В то же время сторонников социалистического варианта в молодой возрастной группе насчитывается 19%, а в старшей группе — 77%» [283].

Такие установки стали важным фактором дезинтеграции общества — искусственно противопоставляются общности молодежи пожилым и образованным «малоквалифицированным, малообразованным, живущим преимущественно в сельской местности». Надо же учесть, что «18—25-летние россияне» уже не видели советского жизнеустройства, а вся идеологическая машина с рождения создает в их сознании негативный образ советского строя. С другой стороны, те, кому было во время перестройки 40 лет, могут сравнивать оба типа общественного бытия. Их мнение основано на эмпирическом знании. Но большинству из них (77 %) не дают трибуны для диалога с «детьми», а сообщество обществоведов не берет на себя функцию передачи объективного знания молодому поколению. Конъюнктурная краткосрочная политиче-

ская выгода добывается ценой катастрофической деградации общества.

Обществоведы, принявшие постулаты доктрины «рынка», разрабатывали утопическую доктрину создания в СССР (затем России) политической и социальной системы по образцу Запада. При этом они умалчивали, в чем состоят особенности «западной демократии». Если бы ведущие обществоведы следовали нормам науки, они должны были бы беспристрастно описать альтернативы моделей демократических систем — хотя бы из западных учебников.

Например, каноническая в западных университетах трехтомная «История идеологии» подробно излагает смыслы и структуры той модели демократии, которая была создана в программе Просвещения и в Великой французской революции. В 3-м томе этой монографии сказано: «1789 г. построил необычную конструкцию — государство перманентной революции. Постоянная угроза со стороны старого режима заставляет современное государство непрерывно повторять революции. Вот небывалое изобретение 1789 года: соединение государства и революции, повторение революции ради государства... Полно глубокого смысла, что пришествие демократии как государства не могло произойти без развязывания гражданской войны. Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата — собственности и капиталу. Демократическое государство — исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией. Эта демократия предполагает, что “народу” угрожает множество рабочих, которым нечего терять, но которые могут все завоевать; она предполагает, таким образом, что в гражданском обществе, вернее, вне его, существует внутренний враг.

Понимаемая таким образом демократия была не чем иным, как холодной гражданской войной, ведущейся государством. Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как “народ” утверждается через революцию, а политическое право — собственностью» [284].

Именно представители элиты обществоведов и стали отказываться от лозунга демократизации — мол, народ не го-

дится. Вот как обосновывал этот отход Е.Г. Ясин (тогда министр): «Я, оставаясь преданным сторонником либеральной демократии, тем не менее убежден, что этап трудных болезненных реформ Россия при либеральной демократии не пройдет. В России не привыкли к послушанию. Поэтому давайте смотреть на вещи реально. Между реформами и демократией есть определенные противоречия. И мы должны предпочесть реформы... Если будет создан авторитарный режим, то у нас есть еще шанс осуществить реформы» [284].

Так же рассуждает и академик А.Г. Аганбегян: «Сильная политическая власть при неокрепшей демократии, которую мы имеем, не может быть демократической или либеральной в западном понимании слова. Поэтому, наверное, она будет развиваться в направлении авторитарном... Человек ведь был зверем. Есть у него инстинкты. Чем объяснить, что подростки без причины нападают на какого-нибудь пожилого человека, который ничего им не сделал, и избивают его до полусмерти? Почему? И это — довольно распространенное явление — вандализм, такой взрыв насилия в людях. Ведь попробуйте кого-нибудь повесить на площади. Уверю вас, что 10 тысяч людей придет и с удовольствием будет смотреть не отрывая глаз, как он дрыгается» [189].

Открыто говорилось о перераспределении собственности и доходов большинства населения в пользу очень небольшого меньшинства. Г.Х. Попов, оправдывая в начале 1992 г. присвоение правительством и передачу новым собственникам сбережений населения, писал: «Еще одна сила, которая действовала в обществе, — конструктивные слои. Кроме отрядов интеллигенции, заинтересованных в преобразованиях, это предприниматели, фермеры, кооператоры. Все они выступали за новые формы жизни. Но беда состояла в том, что их было катастрофически мало» [285].

О. Лацис так писал о начавшейся реформе Е. Гайдара: «Когда больной на операционном столе и в руках хирурга скальпель, было бы губительно для больного демократически обсуждать движения рук врача. Специалист должен принимать решения сам. Сейчас вся наша страна в положении такого больного». В рамках демократического мышления заявление О. Лациса чудовищно: он с авторитетом эксперта оправдыва-

ет тот факт, что у страны не спросили ни о согласии на операцию, ни о доверии хирургу.

Изменились ли установки этой гуманитарной элиты? Нет, в социальном плане — нисколько. Вот недавние откровения «демократа», многолетнего декана экономического факультета МГУ, сегодня ректора одного из университетов, Г.Х. Попова: «При формировании государственных структур надо полностью исключить популистскую демократию. Один человек должен иметь один голос только при выборах верхней палаты, обеспечивающей права человека. А при избрании законодательной палаты гражданин должен иметь то число голосов, которое соответствует его образовательному и интеллектуальному цензу, а также величине налога, уплачиваемого им из своих доходов» [178].

Антидемократизм идеологов реформы был важным фактором, который способствовал криминализации экономики, которая сложилась в ходе приватизации. Е. Ясин, влиятельный идеолог российского «олигархического капитализма», выражается о смысле залоговых аукционов откровенно: «Ельцин нарушил тогдашнюю конституцию, т.е. прибег к государственному перевороту. Это позволило удерживать курс на реформы... Единственным социальным слоем, готовым тогда поддержать Ельцина, был крупный бизнес. За свои услуги он хотел получить лакомые куски государственной собственности. Кроме того, они хотели прямо влиять на политику. Так появились олигархи» [243].

С самого начала реформ рассуждения в гуманитарной и обществоведческой элите стали крайне *антидемократичными*. Этим они надолго дискредитировали великую идею демократии и погрузили российское общество в глубокий культурный кризис.

Доктрина деиндустриализации и приватизация промышленности

Уже в конце 1980-х гг. стали ходить идеи *деиндустриализации*. Интенсивно дискредитировалась советская индустриализация и промышленность, которая якобы «работала на себя» — производила огромную массу ненужных стали, тракторов, удобрений. Футурологи обещали, что после ликвида-

ции СССР произойдет модернизация России посредством прыжка в постиндустриальное общество без восстановления промышленности.

Идеологами беспрецедентной в истории программы деиндустриализации России были видные деятели науки, академики. Академик РАН Н.П. Шмелев в важной статье ставил такие задачи: «Наиболее важная экономическая проблема России — необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая, как оказалось, либо вообще не нужна стране, либо нежизнеспособна в нормальных, то есть конкурентных, условиях. Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей» [112].

Деиндустриализация — социальное явление, которого не переживала ни одна индустриальная страна в истории. Такое отношение к отечественной промышленности, к национальному достоянию России, как уже говорилось, поразило специалистов во всем мире (см. [76])¹.

Ужасное несчастье — увидеть своими глазами брошенный завод (один из ведущих в мире), огромные цеха, по которым гуляет ветер, покрытые пылью станки, из которых выломаны блоки программного управления, и стаи бродячих собак. Тот факт, что образованные люди, обществоведы и гуманитарии, отнеслись к деиндустриализации равнодушно, говорит о том, что их сообщество переживало тяжелую духовную травму, было контужено. Ведь это небывалая в мировой истории программа, которая должна была внушать ужас!

Это отношение к промышленности вытекало из базовой доктрины реформы, смысл которой состоял в преобразовании народного хозяйства России в периферийную экономику западного капитализма («вернуться в лоно цивилизации»). Всем было очевидно, что принятие для России правил «ры-

¹ Как раз когда в Москве в 1991 г. обсуждался закон о приватизации, в журнале «Форчун» был опубликован большой обзор о японской промышленной политике. Там сказано: «Японцы никогда не бросили бы нечто столь драгоценное, как их промышленная база, на произвол грубых рыночных сил. Чиновники и законодатели защищают промышленность, как наследка цыплят».

ночной экономики» вовсе не означает включение ее в ядро мировой капиталистической системы (метрополию). Само упование на иностранные инвестиции и кредиты говорит о том, что реформа проектировала будущее России как страны периферийного капитализма.

Призывая переползти в капитализм, наша элита обществоведов как будто забыла тот факт, что западный капитализм первым делом деиндустриализует периферию и даже уничтожает в ней структуры автохтонного капитализма. Об этом писал Маркс, а потом детально историки экономики развивающихся стран. Почему еще в XVIII в. Китай был первой экономической державой и в 1750 г. производил 32,8% мировой промышленной продукции, а к концу XIX в. оказался без промышленности? Почему Индия «в конце XVIII в. производила столько же стали, сколько вся Европа, и британские инженеры в 1820 г. изучали более передовые методы индийских сталелитейных заводов» [100, с. 52], а уже к середине XIX в. тяжелая промышленность Индии была ликвидирована?

В 1750 г. Индия производила 25% мировой промышленной продукции — больше, чем вся Европа (доля Англии составляла 1,9%). А к 1900 г. доля Индии уменьшилась до 1,7%. И дело не в том, что резко выросло производство на Западе. В самой Индии за это время производство промышленной продукции на душу населения сократилось в 7 раз — вот в чем дело! Колонизация и насильственное раскрытие индийского рынка привели к быстрой деиндустриализации Индии. Абсолютное сокращение промышленного производства в Индии произошло скачкообразно — в 2 раза с 1830 по 1860 г. [286, с. 148—149].

Очевидно, что деиндустриализация России неизбежно вела к раскрытию и сдаче конкурентам рынка товаров отечественного производства — и внутреннего, и внешнего. Никакими конъюнктурными выгодами заменить российское производство массовым импортом не может компенсировать такого удара по народному хозяйству в целом. В США принято как догма: «Важные вещи делайте сами». В России, напротив, почти ликвидировали машиностроение, микроэлектронику и фармацевтику. А главное — науку! Можно предположить, что нынешние санкции Запада и Японии — это лишь сигнальный жест.

Когда набрала обороты реформа в России, один из ведущих исследователей глобальной экономики И. Валлерстайн писал специально для российского журнала: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное “ядро” и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии» [287].

Подчеркнем, что все это наши маститые экономисты и историки знали и знают.

Деиндустриализация — это ликвидация *рабочего класса*, едва ли не важнейший результат реформы, который будет иметь для России долгосрочные тяжелые последствия. Организованный, образованный и мотивированный промышленный рабочий — главное национальное богатство индустриальной страны. Сформировать его стоит большого труда и творчества, а восстановить очень трудно.

Какую часть населения России деиндустриализация затронула непосредственно? В 1985 г. в РСФСР было 46,7 млн *рабочих*. В 2005 г. в промышленности, строительстве, транспорте и связи было 25 млн *занятых*. Можно приблизительно считать, что за вычетом ИТР и управленцев осталось примерно 16 млн рабочих. Россия утратила две трети своего рабочего класса. Число *промышленных* рабочих за годы реформы сократилось с 18,9 до 8,8 млн. Сокращение этого числа продолжается в том же темпе, а молодая смена готовится в ничтожных масштабах.

Вспомним забастовки шахтеров 1989—1991 гг. в СССР, которые были использованы как таран против советской системы. Экономисты знали, что шахтеры должны были едва ли не сильнее всех пострадать при переходе от советской системы к «рыночной», потому что почти вся угольная промышленность процветала лишь как часть целостного советского хозяйства на плановой основе — рынок сделал бы шахты нерентабельными. Т. Авалиани, бывший в тот момент председателем стачкома Кузбасса, рассказывает, как экономисты из СО АН СССР срывали соглашение, достигнутое между комиссией Верховного Совета СССР и забастовщиками. Шахтеры требовали прибавки к зарплате в виде коэффициента и удовлетворения его величиной 1,3. Это и было первым пунктом соглашения о прекращении забастовки.

Т. Авалиани пишет: «Постоянный коэффициент должен был быть согласован сторонами на основании разработок Сибирского отделения Академии наук СССР до 1 октября 1989 года и введен Советом министров СССР с 01.01.90. ... Еще днем, рассматривая пункты соглашения, мы столкнулись с тем, что во многих случаях нет расчетов, а пункты об экономической самостоятельности и региональном хозрасчете вообще носят декларативный характер. ... Догадываясь, откуда дует ветер, я попросил первого секретаря обкома КПСС А.Г. Мельникова вызвать к утру д.э.н. Фридмана Юрия Абрамовича и его шефа Гранберга Александра Григорьевича — директора института экономики СО АН СССР из Новосибирска — с обоснованиями данных проектов, по которым они выступали в областной прессе с трескучими статьями уже более года. Оба явились утром 18 июля, но на мою просьбу дать текст, что они предлагают для включения в правительственные документы, дружно ответили, что у них ничего нет. ... Вдруг появилось предложение — поясной коэффициент шахтерам поднять с 1,25 до 1,6! Все разом заговорили, а автора нет! Но коэффициент 1,6 был ранее проработан СО АН СССР и, видимо, подкинут моим товарищам А. Гранбергом. Вдруг кто-то подкинул предложение записать в протокол “предоставить экономическую свободу всем цехам и участкам заводов и шахт”. И опять пошла буза» [288].

Каков был ход мысли ведущих экономистов, когда они редактировали требование «предоставления шахтам полной экономической самостоятельности» — при том, что по рыночной цене уголь большинства шахт никто бы не купил? Ну хоть бы сейчас экономисты из Сибирского отделения АН СССР изложили, для урока молодежи, тогдашнюю логику своих рассуждений. В тех требованиях была выражена «твердая убежденность в необходимости смены государственного руководства, а может быть, и всей общественно-политической системы». И каков же был образ той системы, которую они рекомендовали шахтерам? Не было никакого внятного образа, кроме магического заклинания **«рынок»**.

Надо сказать также, что развал промышленности в России сильно ударил по смежным отраслям в постсоветских республиках. Так, текстильная промышленность «ввела» мно-

гие республики в пространство индустриального развития. Три закавказские республики СССР имели крупное производство хлопчатобумажных тканей — в 1987 г. Азербайджан, Армения и Грузия произвели вместе 288,5 млн м² таких тканей. Это производство обеспечивало работой большое число людей, удовлетворяло массовый спрос и давало существенный вклад в бюджет. Развал СССР и реформа мгновенно парализовали, а затем и ликвидировали эту отрасль промышленности в Закавказье. Люди остались без работы, а рынок был занят иностранными фирмами. То же самое произошло с обувной промышленностью и целым рядом отраслей машиностроения. Подобные реформы не имеют precedентов в истории. Для ряда республик речь идет о производстве, от которого зависела жизнь целых областей.

Промышленность — это грандиозное творение культуры, продукт творчества и огромных усилий десятка поколений. Казалось бы, интеллектуалы должны это творение ценить, беречь и лелеять, рекомендовать осторожные подходы к реформированию, а уж тем более замене несущих конструкций. Аутистической утопией «постиндустриализации», которая якобы позволит человечеству обходиться без материального производства, до сих пор увлечены влиятельные деятели науки и политики.

Вместо производства на первом плане должен был господствовать рынок — механизм распределения. Потом пришла мода на «информационные услуги». «Реальная экономика» была представлена как нечто презренное. За 1991—1994 гг. промышленное производство в России сократилось более чем в два раза. Директор Аналитического центра Администрации Президента РФ по социально-экономической политике П.С. Филиппов 4 января 1994 г. дает большое интервью.

Его спрашивают, какова причина этого кризиса. Он отвечает: «В нашей экономике узкое место — это торговля: у нас в три раза меньше торговых площадей, чем, например, в Японии. Хотите хорошо жить — займитесь торговлей. Это общественно полезная деятельность. И так будет до тех пор, пока будет существовать дефицит торговых площадей, а еще вернее, мы испытываем дефицит коммерсантов» [289, с. 35—36].

В России работает большое число экономистов, статистиков, социологов. Почему они так равнодушно отнеслись к доктрине деиндустриализации? Даже если все они критически относились к советской промышленности, эта доктрина не могла не вызвать сомнений — было очевидно, что она чревата катастрофой. Почему эти экономисты хотя бы из интеллектуального интереса не подвергли эту доктрину проверке, пусть грубой, упрощенной? Каков диагноз этой культурной болезни? Как она возникала и как излечивалась в разные времена у разных народов — вот сейчас главный вопрос нашей национальной повестки дня.

В 1992—1993 гг. была проведена массовая приватизация промышленных предприятий России. До этого они находились в общенародной собственности, распорядителем которой было государство.

Эта приватизация является самой крупной в истории человечества акцией по *экспроприации* — насильственному изъятию собственности у одного социального субъекта (нации) и передаче ее небольшому меньшинству. При этом общественного диалога не было, власть не спрашивала согласия собственника на приватизацию. Эта приватизация стала небывалым в истории случаем теневого соглашения между бюрократией и преступным миром. Две эти социальные группы поделили между собой промышленность России.

Выше уже рассказывалось, как, заплатив за «Уралмаш» 1 млн долл., Каха Бендукидзе получил в 1995 г. 30 млн долл. чистой прибыли [290].

По своим масштабам и последствиям эта приватизация не идет ни в какое сравнение с другой экспроприацией — *национализацией* промышленности в 1918 г. Тогда большая часть промышленного капитала в России принадлежала иностранным фирмам, много крупных заводов были казенными. Национализация коснулась очень небольшой части буржуазии, которая была в России довольно немногочисленной. Национализация 1918 г. началась как *«стихийная»*, снизу (это не входило в планы советского правительства, но пришлось).

В 1990-е гг. небольшой группе была передана огромная промышленность, которая изначально была практически вся построена как *единая государственная система*. Это был про-

изводственный организм совершенно нового типа, не известного ни на Западе, ни в старой России. Он представлял собой важное основание российской цивилизации индустриальной эпохи XX в. — в формах СССР.

Надо подчеркнуть, что приватизации подверглись не те предприятия, которые были национализированы в 1918—1920 гг. То, что сохранилось после 7 лет войны (1914—1921 гг.) и было национализировано, составляло около трети промышленного потенциала 1913 г., который и сам производил 0,5% от объема производства промышленности СССР 1990 г. После 1991 г. была приватизирована промышленность, *полностью созданная советским народом* — в основном поколениями, родившимися после 1920 г. Большого числа отраслей просто не существовало в 1913 г. Об этом идеологи приватизации умолчали, а многие под идеологическим давлением это как будто забыли.

В экономическом, технологическом и социальном отношениях расчленение этой системы означало катастрофу, размеров и окончательных результатов которой мы и сейчас еще не можем полностью осознать. Приватизация была «механизмом», посредством которого были реализованы программы и деиндустриализации, и деклассирования промышленных рабочих. Система пока что сохраняет, в искаленном виде, многие свои черты. Но уже сейчас зафиксировано в мировой науке: в России приватизация привела к небывалому в истории по своей продолжительности и глубине экономическому кризису, которого не может удовлетворительно объяснить теория. Получив промышленность на полном ходу с годовым запасом сырья и компонентов, частные предприниматели сразу вдвое обрушили объем производства, распродали большую часть оборудования и запасов материалов (нередко ценнейших).

Проект приватизации промышленности разрабатывали и пропагандировали несколько групп ведущих обществоведов. Никакие замечания и предупреждения о негативных последствиях не принимались к сведению. Их аргументом было, что государство как организатор промышленности менее эффективно, чем частный капитал. Это ошибка или подлог. Нигде в мире частный собственник не является *более эффективным*,

чем государство. Эффективность частного предпринимателя и государства несоизмеримы, поскольку у них разные цели и они оцениваются по разным критериям. У частного критерий эффективности — прибыль, а у государства — жизнеспособность целого (страны)¹.

Важная методологическая ошибка (или подлог) разработчиков доктрины приватизации состоит в применении ложных понятий. Приватизация — лишь малая часть в процессе изменения отношений собственности, она — лишь *наделение* некоего лица частной собственностью на предприятие. Но откуда взялось это предприятие? Оно было собственностью народа (нации), а государство было *управляющим* этим имуществом. Прежде чем государство могло этот завод кому-то отдать, оно должно было сначала осуществить его *денационализацию*. То есть оформить передачу завода от хозяина посреднику в сделке. Таким посредником, а вовсе не хозяином, был Комитет, неверно названный *Комитетом по госсобственности*.

Известно, что главным и самым трудным этапом всего процесса является именно *денационализация*, ибо она означает *изъятие* собственности у ее владельца. Тут начинается торг, определяются компенсация и формы выплаты. При этом изъятие собственности вовсе не сводится к *экономическим* отношениям (так же, как грабеж в переулке не означает для жертвы просто утраты его пальто). Однако и в российских законах о приватизации, и в прессе проблема изъятия собственности замалчивалась абсолютно. Слово «денационализация» не встречается ни разу, оно было заменено специально придуманным словом из новояза — *разгосударствление*.

Одним этим было блокировано освоение и госаппаратом, и обществом большого мирового массива знания по проблеме приватизации. Ложное понятие искажает представление о реальности. Результат: частная собственность на промышлен-

¹ Проведенный в середине 80-х гг. анализ функционирования предприятий в четырех крупнейших странах Западной Европы показал, что соотношение показателей производительности труда в государственном и частном секторах было *в пользу государственного*: в ФРГ оно составило 1,34, во Франции — 1,30, в Италии — 1,21, в Великобритании — 1,91, в среднем по четырем странам — 1,44» [291, с. 90—98].

ные предприятия не обрела *легитимности*, она воспринята населением как грабительская акция. Это нанесло и наносит колоссальный ущерб экономике (в частности, побуждает новых собственников продавать основные фонды, часто за бесценок, и любыми способами переводить выручку за рубеж).

В большом Всероссийском исследовании отношения населения к приватизации (май 2006 г.) сказано: «Самым существенным моментом в экономических, а стало быть, и в социальных, преобразованиях в России в последние пятнадцать лет явилось кардинальное изменение роли частной собственности в жизнедеятельности российского социума. Именно ее утверждение в качестве базовой формы собственности означало переход от одной общественно-экономической формации (так называемый “развитый социализм”) к другой (олигархический капитализм)... Очевидно, что главным инструментом [реформаторов] и в 1990-е годы, и в настоящее время является приватизация. Именно на ее основе была осуществлена небольшой группой номенклатурных чиновников экспроприация собственности государства и денежных средств населения...

Главным итогом приватизации, по мнению опрошенных, стало изменение общественного строя в России — не стало ни свободного, классического капитализма (только 3% идентифицировали подобным образом общественно-государственное устройство страны), ни социально ориентированного рыночного строя (5%), ни “народного капитализма” (2%). Тот общественный строй, который сложился в России, большинство респондентов определяет как олигархический капитализм (41%) и “криминальный капитализм” (29%), который не защищает интересов простых людей, а проводимая государством политика не отвечает интересам большинства населения страны (так считают 67% респондентов)» [188].

Приватизация создала непримиримые противоречия между новыми собственниками предприятий и большинством населения, возник глубокий раскол общества. Уже в 1994 г. вывод исследования был таков: «Нами по состоянию на 1994 год было показано, что по структуре ценностных ориентаций население России наиболее точно соответствовало социальной группе рабочих, униженных и оскорбленных проведенной в стране грабительской приватизацией» [292].

Серия опросов показала: воспринимают приватизацию как грабеж 75% взрослых граждан. Режим Ельцина оскорбил нацию. Промышленность России — не просто богатство нации. Это жертва нескольких поколений на алтарь будущего: заводы были созданы и защищены потом и кровью.

Вот недавняя (2012 г.) оценка реформы 1990-х гг.: «На общественное настроение, возникшее после 1990-х, оказали решающее влияние даже не материальные потери, как бы они ни были велики, а обман... Ограбление со временем может забыться, но публичное унижение — глубокий психологический шрам, который постоянно напоминает о себе. Как писал в этой связи М. Вебер, «нация простит ущемление ее интересов, но не простит оскорбление ее достоинства». Проведенное в мае 2011 г. исследование по общероссийской репрезентативной выборке ИС РАН под руководством М. Горшкова показало: доля россиян, которые считают, что реформы были проведены во благо страны, по-прежнему исключительно мала — всего 6%» [251].

Утопия постиндустриализма

Доводы в пользу деиндустриализации и приватизации промышленности сводились к тому, что после ликвидации плановой экономики и социального строя СССР Россия войдет в клуб «постиндустриальных стран». В этом убеждали видные обществоведы и близкие к ним публицисты. Академик Н.П. Шмелев сократил срок ликвидации промышленности до 20 лет. В важной статье 1995 г. он так трактует экономические перспективы России: «Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2—3% в традиционной промышленности и 1—1,5% в сельском хозяйстве) — значит, это и наша перспектива» [112]. Как могли российские обществоведы принять эти утверждения и их логику?!

Удивляет такой факт: российские обществоведы как будто не знали, что уже в 1980-е гг. в ходе дискуссий о постиндустриализме западные философы, экономисты и социологи пришли к выводу, что «постиндустриальное общество» нельзя считать новой формацией, что этот социально-экономиче-

ский уклад существует лишь в лоне индустриальной системы и может рассматриваться как *гипериндустриализм*. А. Турен специально подчеркивал *неразрывность* связей постиндустриального общества с *индустриальным* обществом Нового времени: «Никто из даже наиболее горячих приверженцев понятия постиндустриального общества не отрицает, что оно может быть рассмотрено, хотя бы частично, как гипериндустриальное общество» [293, с. 412].

Более того, именно благодаря ускоренному развитию *отечественной промышленности* страны Запада могли *территориально* (!) переместить ее трудоемкую часть в зарубежные предприятия или отделения своих транснациональных корпораций. Но и там производство, использующее дешевую рабочую силу, остается частью той же самой отечественной промышленности.

Вот пример. В 1980-е гг., еще до создания промышленной системы США—Китай, предприятия США стали переводить свои сборочные цеха в специальную зону на севере Мексики. Там поставили особые заводы (*maquiladoras*), которые платят Мексике бартером, частью готовой продукции. Зарплата на этих заводах была в 11 раз меньше, чем в таких же цехах в США. Уже в начале 1990-х гг. на этих заводах производилось 33% моторов и 75% других важнейших компонентов автомобилей в США [100, с. 165]. Эту форму промышленной кооперации изучали и российские социологи.

В 2000 г. в Мексике насчитывалось уже около 2 тыс. сборочных заводов, на которых трудилось 1,34 млн рабочих. На эти заводы приходилось свыше половины экспорта страны. Для экономики США эти заводы были не только источником дешевой рабочей силы, но и «кризисонеустойчивыми» предприятиями, которые желательно иметь вне собственных границ. Так, при экономическом спаде в США в 2001 г. в Мексике было закрыто около 500 таких заводов и уволено 250 тыс. работников — без всяких социальных гарантий [294].

Пропагандируя утопию постиндустриализма, видные общественеды постсоветской России демонтировали весь корпус знания, созданный в СССР при строительстве и применении плановой системы промышленности. Парадокс в том, что они игнорировали тот факт, что постиндустриализм и есть по-

пытка обуздания стихии рынка методами планирования. Д. Белл писал в программной статье: «Национальное планирование возможно в следующих вариантах... Используя экономические матрицы входа-выхода — вроде тех, например, какие предложил В. Леонтьев, — можно выверять различные альтернативы экономической политики, с тем чтобы в точности уяснить воздействие правительственных решений на те или иные секторы экономики. В еще более радикальном варианте, который предложил советский экономист Л. Канторович, речь идет о создании национальной компьютерной системы, которая, регистрируя различные цены и распределение товаров, помогала бы определять отклонения от запланированных экономических целей и выявлять моменты диспропорционального использования ресурсов в различных секторах экономики» [295, с. 339].

Можно ли в научном сообществе делать вид, что эти соображения не стоят внимания?!

В России канонической работой, на которую принято ссылаться в рассуждениях о постиндустриальном обществе, стала статья В.Л. Иноземцева «Парадоксы постиндустриальной экономики» [296]. Рассмотрим кратко ее главные тезисы, которые действительно можно назвать парадоксами, но не постиндустриальной экономики, а ее фетишизации.

В.Л. Иноземцев пишет: «Постиндустриальное общество развивается на фундаменте всемерного использования потенциала, заключенного в прогрессе теоретического знания». Это утверждение не подтверждается ни логически, ни исторически. Тезис о примате одного типа знания (теоретического) можно принять как крайнюю абстракцию, но на таком вырожденном фундаменте не может развиваться никакое общество. Тезис просто неверен. Фундамент, на котором стоит постиндустриальное общество (как и любое другое), — сложная и обладающая большим разнообразием система знания. Теоретическое знание в ней является *элементом*, встроенным в контекст множества других типов знания и умений — в большую *когнитивную структуру*.

Далее В.Л. Иноземцев пишет: «Если информация, как и любой другой производственный ресурс, может выступать и выступает в качестве объекта собственности (property), и в этом

отношении информационная экономика имеет сходство с индустриальной, то знания, в отличие от любого другого производственного ресурса, могут быть и являются лишь объектом владения (possession) и образуют базу для качественно новой хозяйственной системы».

Каким образом знания «образуют базу для качественно новой хозяйственной системы» — разве в «качественно старой хозяйственной системе» не было знаний? А в аграрном натуральном хозяйстве не было не только знаний, но и информации, поскольку она не была «объектом собственности (property)»? К чему вся эта схоластика?

В.Л. Иноземцев выдвигает странный тезис: «Вовлечение в процесс массового материального [индустриального] производства всё нарастающего объема сырьевых ресурсов, энергии и рабочей силы приводило к пропорциональному росту общественного богатства. Сегодня набирает силу *иной процесс*: использование знаний умножает результаты гораздо более эффективно, чем применение любого другого».

Что это значит? Ведь «вовлечение энергии и рабочей силы» было точно таким же «использованием знаний», как и сегодня. Переход к «вовлечению энергии» ископаемого топлива вместо энергии мускула привело не просто к нелинейному росту общественного богатства, а вызвало *индустриальную революцию*. Это был такой скачок в использовании знаний, с которым пока что постиндустриальная революция не может сравниться. Неужели создание паровой машины менее значимо в движении знания, чем появление компьютера? Как вообще можно «умножать результаты» только с помощью использования знания, противопоставляя его всем «любим другим» ресурсам? Знание — без сырья, без энергии и без рабочей силы? Как автор представляет это себе в реальности?

Вот тезис уже из сферы социологии: «Переход от индустриального общества к постиндустриальному снижает воздействие на человека обстоятельств, обусловливаемых социальной средой; в то же время особое значение приобретают внутренние силы самой личности... и в этом аспекте постиндустриальная социальная система радикально отличается и от аграрного, и от индустриального обществ».

Эта фантазия апологетов постиндустриализма увяла еще в 80-е гг. Никогда отдельная личность не испытывала столь мощного «давления социальной среды», как в постиндустриальном обществе, которое наконец-то получило средства господства над личностью при помощи средств «дистанционного управления». «Общество спектакля», созданное телевидением и социальной психологией, мозаичная культура, превращающая личность в «человека массы», так усилили давление на человека, что это стало острой экзистенциальной проблемой именно при наступлении «третьей волны» цивилизации.

Как пишет З. Бауман, именно постиндустриализм порождает новый тип бытия личности, от наступления которого невозможно укрыться никому: «Самые страшные бедствия приходят нынче неожиданно, выбирая жертвы по странной логике либо вовсе без нее, удары сыплются словно по чьему-то неведомому капризу, так что невозможно узнать, кто обречен, а кто спасается. Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея «общности интересов» оказывается все более туманной, а в конце концов — даже непостижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку. Они не добавляются к другим, не аккумулируются в «общее дело», не имеют «естественного адреса». Это лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики» [297].

В.Л. Иноземцев пишет: «Залогом прогресса [постиндустриальной экономики] становится развитие самого человека, а это никогда не принималось во внимание классической экономической теорией. ...Поэтому с традиционной точки зрения экономика постиндустриального общества представляется экономикой парадоксов». При чем здесь это? Экономическая теория, хоть классическая, хоть постиндустриальная, и не должна заниматься «закономерностями производства личности» — у каждой науки свой предмет.

Что же это за парадоксы, которые имеет в виду В.Л. Иноземцев? Первый таков: «Первая парадоксальная ситуация от-

ражает утрату возможности применять стоимостные показатели для оценки экономики знаний». Этот парадокс — следствие смешения категорий. Знание и раньше не подпадало под действие стоимостных показателей. Система этих показателей, как и любая другая, действует лишь в отношении ограниченной группы параметров. Это никогда не было секретом, а объявляется «парадоксом», якобы выражающим суть всей экономической системы.

Далее В.Л. Иноземцев применяет к постиндустриальной экономике стоимостные показатели, забыв, что только что говорил об их неприменимости: «Удельная стоимость одного мегабайта памяти жесткого компьютерного диска снизилась за последние тринадцать лет более чем в 2 тыс. раз... Традиционные показатели экономического роста не способны зафиксировать достигнутый прогресс адекватным образом, когда технологическое совершенствование благ вызывает не рост цен на новые товары, а их снижение».

Каков тут смысл? Снижение цены товара при технологическом совершенствовании его производства наблюдалось во все времена, от каменного века до постиндустриального общества, тут нет никакого парадокса.

Вот второй парадокс: «Он обнаруживается при сравнении темпов роста производительности труда и динамики технологических достижений. Еще в 80-е гг. было замечено, что производительность в высокотехнологичных отраслях не только существенно ниже, чем в традиционных, но и имеет тенденцию к дальнейшему снижению. В начале 90-х гг. величина добавленной стоимости в расчете на одного работника в электронной промышленности США была в пять раз ниже, чем в нефтепереработке, и в восемь раз ниже, чем в табачном производстве... Это говорит о том, что высокие темпы информационной революции не только обуславливают отсутствие роста цен на высокотехнологичную продукцию, но и требуют все более подготовленных и высокооплачиваемых работников, что снижает показатели фондоотдачи даже при быстром росте стоимости самих производственных фондов».

Здесь все поставлено с ног на голову. Если наукоемкий труд не выражается в стоимостных показателях, зачем его измерять величиной добавленной стоимости? Что значит «про-

изводительность в электронной промышленности в восемь раз ниже, чем в табачном производстве»? Ведь это нелепость. Сравниваются несоизмеримые вещи с применением неопределимой меры! Как можно сказать, что высокая зарплата работника сложного труда означает его низкую производительность? Понятие, имеющее узкий служебный смысл, в результате гипостазирования ведет к нелепым выводам, которые почему-то называются «парадоксами».

Третий, главный парадокс В.Л. Иноземцева таков: «Современная постиндустриальная экономика может демонстрировать хозяйственное развитие при постоянном снижении инвестиций... Таким образом, в постиндустриальном обществе экономический рост и инвестиционная активность становятся независимыми и взаимно нейтральными. В этом кроется как принципиальное отличие постиндустриальной экономической системы от индустриальной, так и объяснение того, почему “догоняющее” развитие является в современных условиях бесперспективным».

Откуда это, где факты? В каком постиндустриальном обществе наблюдается «постоянное снижение инвестиций»? Вот самый простой показатель — «Валовое накопление основного капитала». Он выражает динамику инвестиций в их самом грубом материальном выражении, не как покупку ценных бумаг на мировых биржах, а как вложения в основной капитал конкретной страны. В США этот показатель был равен относительно 1995 г. в 2000 г. 146%, а в 2005 г. — 161%. Инвестиции *опережают* рост ВВП, причем значительно (в США в 2000 г. он составил 122% относительно 1995 г., а в 2005 г. — 139%). В Финляндии, примере постиндустриальной экономики, валовое накопление основного капитала в 2000 г. составило 146% относительно 1995 г., а ВВП — 126%.

В поддержку своего парадоксального тезиса В.Л. Иноземцев приводит такие доводы: «Известно, что в 90-е гг. доля ВВП, используемая на инвестиционные нужды, составляла в Японии 28,5%, Южной Корее — 36,6%, а в континентальном Китае — 42%. Однако это не предотвратило мощного кризиса, поразившего эти индустриальные государства. Напротив, в 1996 г. в США инвестиции не превышали 18% ВВП, в Швеции — 14,5%... Тем не менее невысокий уровень инвестици-

онной активности в этих странах не является препятствием для быстрого хозяйственного роста».

Как связаны эти числа с выводом? Неужели В.Л. Иноземцев и впрямь считает, что США демонстрируют «быстрый хозяйственный рост», а Китай — низкий? Япония в 80-е гг. поддерживала уровень валовых сбережений, в 2,5 раза более высокий (относительно ВВП), чем в США. Но следует ли из этого, что Япония не развивает постиндустриальную экономику? Нет, не следует, просто приводимые параметры не имеют никакого отношения к теме. Экономики разных стран имеют разные национальные инвестиционные базы. Мировые инвестиции в основной капитал составляли в начале этого века около 6,6 трлн долл. в год, а в США — 1,8 трлн долл. — 27% от мировых. Вот что важно, а не проценты от ВВП США. В 2001 г. инвестиции в США составили 2,1 трлн долл. — в 5 раз больше, чем в Китае [298], — это прежде всего и должен был сообщить В.Л. Иноземцев.

К тому же величина инвестиций зависит не от объёма ВВП страны, а от мобилизационных способностей финансовой системы извлекать необходимые ресурсы. США, как следует из литературы, придерживаются «стратегии инвестиционно-го опережения», а нас хотят убедить в том, что там происходит «постоянное снижение инвестиций», и это, мол, признак постиндустриальной экономики. Парадоксы возникают в сознании российских интеллектуалов.

Считать теоретическое знание «основным источником» богатства — наивная утопия, устаревший миф постиндустриализма. Бюро экономического анализа США регулярно публикует данные об «источниках хозяйственного развития». В 2004 г. корпоративная прибыль предприятий на территории США составила 1,037 трлн долл., еще 316,4 млрд поступило от иностранных филиалов и дочерних компаний. Прибыль от производства «постиндустриальных» товаров такая: «компьютеры и продукты электроники» принесли убыток в 4,9 млрд долл., «информация» дала прибыль 43,9 млрд долл. «Основным источником» это никак не назовешь. Рынок «постиндустриальных» товаров очень невелик, и, в общем, в экономическом смысле они убыточны — огромные капиталовложения в их производство приходится списывать.

Ценность постиндустриального производства — вовсе не прибыль, это *источник силы*, дающий группе постиндустриальных стран возможность занять в мире привилегированное положение и получать от него большие выгоды. Высокоточное оружие позволяет получать от инвестиций в Ближний Восток 7 долл. прибыли на 1 долл. капиталовложений. На эти 7 долл. и прирастает «личное потребление», и извлекаются они из «традиционного» индустриального производства — добычи минералов, производства материальных благ, строительства.

Что же касается «личного потребления граждан» в постиндустриальных странах, то оно уже в 2000 г. вызывало недоумение как социальная болезнь, угрожающая тяжелыми последствиями. К концу XX в. норма накопления в США стала отрицательной — население тратило примерно на 1% больше, чем получало. Общество стало жить в долг, «протестантская этика» была отброшена полностью. А В.Л. Иноземцев этим восхищен: «В современных постиндустриальных обществах сформировался саморегулирующийся механизм, позволяющий осуществлять инвестиции, стимулирующие хозяйственное развитие, посредством максимизации личного потребления, всегда казавшегося антитезой накоплениям и инвестициям».

Инвестиции посредством максимизации личного потребления — действительно парадокс! Только нельзя называть этот механизм «саморегулирующимся» — ведь кто-то должен отдавать долги. На деле тут работает «невидимый кулак» ВВС США. Если же взять все «развитые страны», то в 1998 г. сумма невозвращенных кредитов достигла 11 трлн долл. У всех «постиндустриальных» стран резко вырос внешний долг. Что же хорошего видит в этом В.Л. Иноземцев, где тут «самовозрастание интеллектуального капитала»? Он противопоставляет этому индустриальную экономику: «И наоборот, статистика развивающихся стран свидетельствует, что на старте XXI века индустриальная хозяйственная модель не имеет никаких источников финансирования собственного развития, кроме сокращения текущего потребления, уменьшающего возможности аккумуляирования интеллектуального капитала».

В какой индустриальной стране он нашел «сокращение интеллектуального капитала и текущего потребления»? Он приводит в примеры Китай и Южную Корею. Но какой мерой он измерил их интеллектуальное отставание или «сокращение текущего потребления»? Службы ООН регулярно публикуют данные и по той, и по другой сфере — ничего подобного. Зачем создавать ложный образ индустриального хозяйства?

Презрение автора к отсталым индустриальным нациям таково, что он противопоставляет их *человечеству*: «В том, что человечество не только осваивает информацию как неисчерпаемый ресурс для развития производства, но и превращает основные виды потребления, связанные с развитием личности, в средство возобновления и наращивания этого ресурса, мы видим залог бесконечного прогресса постиндустриального общества. Его бурный хозяйственный рост способен продолжаться десятилетиями в условиях не только низкой, но и отрицательной нормы накопления в ее традиционном понимании».

Экономика постиндустриального общества — еще малоизученная тема. Но следует хотя бы указать на предупреждения, которые были сделаны на Западе, чтобы остудить несбыточные ожидания, порожденные апологетикой «третьей волны» в 1970—1980-е гг. И потребности общества в информации, и готовность получать всё большие ее объемы имеют ограничения. В ходе проводимых с конца 1970-х гг. в Японии исследований потребления информации приходим к таким оценкам: ежегодный прирост производства информации в Японии составлял примерно 10%, ежегодный прирост потребления информации — 3%. У людей нет времени принимать, после некоторого порога, избыточную информацию [299, с. 353].

Обобщая первые результаты американских работ по исследованию постиндустриальной экономики, О. Григорьев и М. Хазин пишут в 2000 г.: «До сих пор не произошло существенного воздействия нового информационного сектора на традиционный, в первую очередь промышленный, в смысле существенного увеличения эффективности последнего, роста в нем производительности труда и нормы прибыли» [300].

В книге Григорьева О. и Хазина М. [301] приведены данные самого крупного и широкого исследования, опублико-

ванного к тому моменту, — «Рост производительности труда в США в 1995—2000». Были изучены 59 главных отраслей, общий вывод сводится к тому, что практически всё увеличение скорости роста производительности сконцентрировано всего в шести отраслях: розничная торговля, оптовая торговля, торговля ценными бумагами, полупроводники, производство компьютеров, мобильная и сетевая телефонная связь. В остальных 53 отраслях экономики происходили небольшие увеличения и снижения роста производительности, в целом компенсирующие друг друга. Для всех отраслей *промышленности* огромная часть сделанных в 1990-е гг. инвестиций в ИКТ оказалась неэффективной. Единственной из шести быстро развивающихся отраслей, где Интернет существенно способствовал увеличению производительности, оказалась торговля ценными бумагами. Но и это было сопряжено с новыми проблемами: возникли широкие возможности для «беловоротничковой» преступности. Банкротство корпорации Enron, хищение 5 млрд долл. из банка «Сосьете Женераль», махинации с бухгалтерской документацией, уязвимость счетов перед атаками хакеров и другие признаки показывают, что колоссальные затраты не привели к соответствующему увеличению экономической эффективности.

Все это нисколько не снимает с национальной повестки дня России задачу развития и освоения современных информационных технологий и строительства адекватного им «общества знания». Обладание такими технологиями — условие для самого существования независимой страны в мире, входящем в полосу нестабильности и трансформации. Однако если в 1980—1990-х гг. утопию постиндустриализма можно было оправдать романтикой капиталистической революции, то сейчас она выглядит странно. Между тем элита обществоведения постсоветской России упорно пропагандирует эту утопию.

Case study. Программы постиндустриализации России

Почти одновременно вышли два трактата двух элитарных групп российских обществоведов: доклад Института современного развития (ИНСОП) «Россия XXI века: образ желаемо-

го завтра» [302] и доклад «Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика» [191].

Оба коллектива авторов — высшего класса. Попечительский совет ИНСОРа возглавлял тогдашний президент России Дмитрий Медведев, под докладом две подписи — главы ИНСОРа И. Юргенса, «считавшегося представителем либерального крыла в окружении президента», и экономиста Е. Гонтмахера¹. «Стратегия-2020» была подготовлена большой группой экспертов под руководством ректора Государственного университета Высшей школы экономики Я. Кузьмина и ректора Академии народного хозяйства и государственной службы В. Мау. Все эти три организации — «мозговые центры» реформы, здесь формулируются принципы большей части конкретных программ в разных частях хозяйства и социальной сферы. Как писала пресса, «Гонтмахер противопоставил доклад ИНСОРа “Стратегии-2020”, которая считается программным документом для “Единой России”, возглавляемой премьер-министром Владимиром Путиным».

В главном эти доклады сходны. Охват проблем и проработка больше в докладе «Стратегия-2020» — начнем с него.

Этот стратегический доклад, который готовился по поручению Правительства как программа для грядущих выборов, заслуживал того, чтобы специалисты его изучили и прокомментировали, — в нем много принципиальных тезисов и постулатов, большинство не то что спорных, а противоречащих здравому смыслу. Хотя «Стратегия-2020» не была официально принята к реализации Правительством, этот доклад важен для нас как учебный материал — он наглядно выявил принципиальные установки верхушки сообщества российского обществоведения.

«Стратегия-2020» исходит из концепции *постиндустриализма* для России. Кратко рассмотрим положения этого документа, призванного задать целеполагание государства и общества на десятилетие. Вот первый тезис: «Цели социально-эко-

¹ И.Ю. Юргенс — экономист (выпускник МГУ), профессор ГУ-ВШЭ, член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, член Общественной палаты РФ, президент Всероссийского союза страховщиков. Е.Ш. Гонтмахер — доктор экономических наук, профессор, замдиректора по научной работе ИМЭМО РАН.

номического развития и его условия выглядят совсем иначе, чем они выглядели после предыдущего кризиса 1998 года. Тогда перед страной стояла задача: в экономическом плане — выхода из трансформационного спада, а в социальном — преодоления бедности, которой было охвачено более трети населения страны. Теперь задача в выходе на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества».

Этот тезис исходит из ошибочных понятий, индикаторов и критериев. Ни проблема «выхода из трансформационного спада», ни проблема «преодоления бедности» вовсе не были решены в России к 2011 г. Эти проблемы только сейчас и встают в полный рост — когда подходит к критическому уровню износ основных фондов и культуры, здоровья и квалификации населения. Авторы доклада путают разные категории: «поток» (например, годовой объем производства или даже годовой ВВП) и «основные фонды» (база экономики, производственные мощности, кадровый потенциал). Рост экономики определяется динамикой инвестиций в основные фонды и в личный состав, а эти инвестиции только в 2007 г. достигли уровня 1975 г., а в 2009 г. опять упали ниже этого уровня (при этом структура инвестиций не отвечает задачам развития и даже восстановления хозяйства как системы¹). К тому же авторы не сообщают, что даже рост «потока» (объема производства) в 2000-е гг. был *более медленным*, нежели в 1980—1990 гг. — а ведь тогда реформаторы требовали сломать всю экономическую систему из-за «медленного роста».

Россия в докладе постоянно сравнивается с Китаем и Индией, вместе с которыми она якобы готова к «переходу в постиндустриальное общество», но это — ложное сравнение. Индия и Китай завершают двадцатилетний период *индустриализации*, а Россия завершает двадцатилетний период *деиндустриализации*. Никакого подобия с Китаем нынешняя Россия не имеет,

¹ В 2013 г. в добычу топливно-энергетических полезных ископаемых было вложено 13,6% всех инвестиций, а в производство машин и оборудования (без производства транспортных средств, оружия и боеприпасов) — 0,7%. Эта пропорция поддерживается с 2000 г.

и ее задачи на 10 лет совсем иные — остановить маховик деиндустриализации и выполнить восстановительную программу. Выбор неверной системы координат и неверное определение векторов самых массивных и инерционных процессов — недопустимый методологический дефект.

Второй тезис доклада гласит: «Новая модель роста предполагает ориентацию на **постиндустриальную экономику** — экономику завтрашнего дня. В ее основе сервисные отрасли, ориентированные на развитие человеческого капитала: образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн, “экономика впечатлений” и т.д.».

Это — идеологическое утверждение, создающее ложную картину реальности. Структуры постиндустриального производства базируются на мощной промышленной основе, прежде всего на машиностроении, производстве материалов нового поколения, биотехнологии и на технологиях с высокой интенсивностью потоков энергии, а вовсе не на «экономике впечатлений» и фантазиях дизайнера. Постиндустриальная экономика — это не *пользование* Интернетом или айфоном, а *создание* Интернета и айфона, производство всей необходимой для них техники в масштабах, достаточных для *создания* всемирной инфраструктуры.

До того, как Россия начнет переориентировать свое хозяйство на «сервисные отрасли, медиа и дизайн», она должна восстановить свою промышленность, подорванную проведенной в 1990-е гг. *деиндустриализацией*. А ведь восстановительная программа еще и не начиналась, о ней и речи нет в докладе!

В докладе поставлена странная цель, скрытая туманом: осуществить «*переход от экономики спроса к экономике предложения*».

«Экономика предложения» — это благозвучная замена одиозного термина «общество потребления». Но ни сейчас, ни в будущем нет никаких оснований переходить России (как и другим странам) от «экономики спроса» к «экономике предложения». Компонента *экономики предложения* (т.е. изобретения и производства совершенно новых благ) всегда была и будет в каждом общественном хозяйстве, начиная с родового строя. Но ни при каком постиндустриализме, ни в каком обществе не возникнет мысли *заменить* производство устоявшихся средств жизнеобеспечения инновациями.

Тем более эта мысль нелепа в России. Страна еще не обеспечена жизненно важными благами, чтобы бросить основную массу ресурсов на изобретение и производство интригующих новшеств. Эти необычные «предложения» элита и так покупает себе за границей. В России именно базовый массовый спрос обеспечивает более сильные мотивы к инновации и развитию, нежели изощренное *предложение* в пресыщенном обществе потребления.

Далее говорится в докладе, что «переход к экономике предложения невозможен без роста внутренней конкуренции... Только высокий уровень конкуренции может создать реальный спрос на инновации».

Это утверждение неверно ни логически, ни исторически. Подъем инновационной активности, как правило, наблюдается именно на стадии *выхода из кризиса* в обществах, переживающих массовое чувство солидарности — разного типа в разных культурах (примеры: СССР 30—50-х гг., США после Великой депрессии, Германия и Япония после Второй мировой войны, Южная Корея и Тайвань после кризисов 50-х гг.).

В современном российском обществе, которому требуется консолидация для преодоления разрухи, более эффективные формы хозяйства складываются на основе кооперации и взаимопомощи, нежели внутренней конкуренции. Конкуренция — эффективный механизм, который преследует иные цели, и представление о ней у авторов доклада мифологизировано.

Замечательна оговорка, сделанная в докладе: «Активное и масштабное разворачивание институциональных реформ в последние годы натолкнулось на ограничения системы, неготовой воспринять и “переварить” многие новые нормы».

Изучение истории множества реформ привело к лапидарному выводу: «Реформа, не учитывающая ограничения системы, обречена на провал»¹. Как будто этот вывод зашифрован в докладе.

¹ Один из крупнейших социологов XX в. П.А. Сорокин выразился так: «Реформа не может попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам». Но «Стратегия-2020» как будто специально предлагает доктрину именно такой реформы.

Доклад создает утопический, совершенно нежизненный образ «класса креативных профессионалов», который якобы и станет локомотивом прогресса. Средством срочного создания креативного класса должны служить деньги, «конкурентоспособная (?) оплата труда». Вот что говорится в докладе: «Необходимый вклад государства в формирование *класса креативных профессионалов* — конкурентоспособная оплата труда в бюджетном секторе» [191].

Эта классовая риторика (средний класс, креативный класс) в среде обществоведов удивляет. Чем эти общности объединены, каково их мировоззрение — каковы индикаторы и критерии, чтобы эти слои можно было назвать классом, т.е. социокультурной системой? Ведь в социологии и политической философии категория класса и модели его интеграции и дезинтеграции довольно хорошо разработаны.

Некоторые социологи указывали на неадекватность этих понятий, вводимых в дискурс экспертного сообщества и политиков, — никакого ответа. Так, Р.Х. Симонян, видный социолог, пишет: «Средний потребительский слой в нынешней России не может осуществлять функцию социального стабилизатора, определенную М. Вебером. Сегодня четверть этого «стабилизатора» склоняется к эмиграции, а три четверти надеются отправить своих детей жить за границу. У среднего потребительского слоя нет ни классового самосознания, ни классовых интересов, ни классовой солидарности, ни других основополагающих признаков класса. Нельзя отождествлять статистическую группировку и исторически сложившееся стабильное социальное образование. Это — принципиально разные общественные категории...

За последние 20 лет в России произошла чудовищная концентрация доходов, и коэффициент Джини удвоился. Столь масштабная социальная поляризация в такое короткое время — чрезвычайно редкое явление в новой истории» [251].

Эти туманные и нелогичные рассуждения о креативном классе и экономике впечатлений показывают, что кризис обществоведения не отступает, а выгрызает разрозненные зоны рациональности. В этом процессе подтверждение лояльности «курсу на постиндустриализм» стало для обществоведов обязательным ритуалом. Даже разумные и важные суждения

приходится декорировать риторикой модернизации и информационного общества.

Вот актуальная статья о проблемах модернизации другого видного социолога, члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина [303]. Но терминология и показатели из понятий «постиндустриализма» разделяют текст статьи, ее важные тезисы не соединяются воедино. Озадачивает уже первый тезис: «К 2010 г. Россия, в целом оставаясь модернизационно среднеразвитой страной (71 балл), *вступила в начальную фазу вторичной, информационно-стадии модернизации* и поднялась с 31-го на 29-е место. В 2006—2010 гг. Россия опередила Венгрию и Латвию. На пути к модернизационно развитым странам впереди нее шесть среднеразвитых стран: по возрастанию индексов — Греция, Чехия, Кувейт, Эстония, Италия, Португалия».

Что за система баллов, как понять, что Кувейт оставил далеко позади Россию в процессе модернизации? Разве можно принять такой формальный подход? Что понимается под модернизацией?

Состояние России излагается так. Большинство регионов «не смогло войти в фазу перехода к вторичной модернизации (ВМ) из-за высоких барьеров входа в эту фазу. Требуются: низкая доля сельского хозяйства в ВВП (не более 5%), низкая доля занятости в этом сегменте экономики (не более 10%). Фаза зрелости ВМ предполагает, что доля материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП и занятость в этой сфере не должны превышать 20%...

В ходе информационной модернизации основным создателем ВВП становятся производство и использование информационных технологий. Но в постсоветской России снижение доли аграрного и индустриального секторов в ВВП — результат не взаимосвязанного прогресса всех трех секторов, а следствие разрушительной деиндустриализации 1990-х гг. ... Поскольку эта деформация в России не преодолена, фиксируемый рост социоэкономической модернизированности в ее человеческом измерении во многом дисфункционален».

Кто и как обосновал, что «доля материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП и занятость в этой сфере не должны превышать 20%»? Каким образом Россия могла бы уцелеть с такой структурой хозяйства? Ведь она

не печатает долларов, не имеет сети ТНК и «внешнего пролетариата» — рабочей силы 1200 млн человек сходной с Западом квалификации при средней цене ниже в 10—15 раз, чем на Западе.

И вот вывод с благими пожеланиями: *«Пришло время осуществить выбор конкретного, современно-цивилизованного и в то же время национально особенного варианта капиталистического общества, учитывающего тенденции российской истории, ценности и интересы населения страны».*

Следовательно, речь идет не об отмене совершившейся приватизации, а о ее легитимации путем ограничения действий собственников социально ориентированными нормами» [303].

Нет, никак не получится капиталистического общества, «учитывающего тенденции российской истории, ценности и интересы населения страны». Придется ломать и традиции истории, и ценности, и интересы населения страны. Хватит ли на это силы?

Поскольку главной стратегической идеей доклада является переход России к постиндустриальной экономике, большое место в нем отведено науке. Этот раздел полон принципиально ошибочных суждений, которые можно объяснить только идеологической заданностью всех тезисов. Авторы пишут: «В 2015—2020 гг. акцент рекомендуется перенести на опережающее развитие конкурентоспособных на мировой арене направлений фундаментальных и поисковых исследований, современных форм организации ИР, инфраструктуры науки на прорывных направлениях».

«Конкурентоспособные» научные направления — термин, приемлемый только в идеологизированной публицистике. Но не будем спорить о терминах, главное, что «успешные» научные направления — это не изюм, который можно выковыривать из булки. Как только они утратят поддержку «заурядных» направлений, вместе с которыми они только и могут существовать, от их «конкурентоспособности» не останется и следа. Такая нечувствительность к сути систем просто поразительна. Точно так же любое научное направление включено в большую познавательную систему, и намерение сосредоточить средства науки «на прорывных направлениях» в лучшем случае наивно.

Вот еще фантастическая сентенция из сферы научной политики: **«Отечественная наука продолжает функционировать в рамках традиционной (индустриальной) модели**, не отвечающей современным реалиям и характеризующейся доминированием самостоятельных научных организаций, обособленных от вузов и предприятий... Почти $\frac{3}{4}$ организаций, выполняющих исследования и разработки (ИР), находятся в собственности государства... Нарастание бюджетных расходов на науку не сопровождается адекватным вкладом бизнеса: напротив, доля предпринимательского сектора в финансировании ИР в 2000—2009 гг. сократилась с 33% до 27% (в среднем в ОЭСР — 65%)».

Что значит «отечественная наука не отвечает современным реалиям»? Чьим реалиям она не отвечает — реалиям США, Кувейта или Китая? Отечественная наука России соответствует именно отечественным реалиям — разве может быть иначе? Разумная стратегия как раз и должна предложить образ действий государства, чтобы отечественные реалии изменялись в желаемом направлении, но так, чтобы при этом не гибли системы типа промышленности, культуры или науки.

Сентенция противоречит логике и здравому смыслу. Пусть авторы доклада объяснят, почему отечественная наука должна «функционировать не в рамках традиционной (индустриальной) модели», если отечественная экономика является именно индустриальной, причем в состоянии деградации?

И что станет с $\frac{3}{4}$ организаций науки, если их собственник — государство — вдруг их бросит? Стратеги предлагают их ликвидировать? Разве частный капитал предлагает этим организациям финансирование, а они отказываются? Россия в 1990-е гг. потеряла отраслевую науку, когда ликвидировали министерства и приватизировали промышленность, — теперь предлагают добыть остатки?

В докладе отражены утопические представления об *инновации*. Там сказано: «Как показывает новейшая экономическая история, порождение инноваций креативным классом происходит относительно независимо от институциональной среды, в рамках организаций и сетей самого разного типа».

Здесь авторы так увлечены своей доктриной, что потеряли чувство меры — как может креативный класс действовать

и существовать «независимо от институциональной среды»? В США был проведен большой проект «Hinsight» — подробное описание истории примерно 10 тыс. инноваций, использованных в создании основных современных систем оружия. Подавляющее большинство этих инноваций имело в качестве исходного события наблюдение какой-то аномалии в поведении вещества или хода технологического процесса. Первыми эти аномалии наблюдали *рабочие* промышленных предприятий, ибо сегодня промышленность — это мегалаборатория с огромным разнообразием типов воздействия на вещество.

Именно в институциональной среде современного предприятия возникает *первая* цепочка событий инновации, ее действующие лица таковы: «рабочий — инженеры завода — сотрудники промышленной лаборатории — сотрудники лаборатории, ведущей фундаментальные исследования». Наличие этой *институциональной среды* — необходимое условие для массовой инновационной деятельности, и это условие в России надо *восстанавливать* или *создавать заново*, а не уповать на независимость *инноваций креативного класса* от институциональной среды.

Рассмотрим несколько важных положений социальной политики, по которым в докладе даны рекомендации. Вот первая рекомендация: «Принципиальным условием политики, нацеленной на обеспечение условий устойчивого экономического роста, является отказ от попыток регулирования рынка труда (в частности, с помощью формальных и неформальных препятствий сокращению занятости)».

Авторы предлагают дикий капитализм превратить в мальтузианский. Можно ли представить себе социальное государство, которое *отказалось от попыток регулирования рынка труда*?! Кстати сказать, предлагаемое докладом *«сокращение занятости»* ударит прежде всего и болезненнее всего именно по «креативному классу», на который возлагаются стратегические надежды.

Если призыв к государству отказаться даже от минимальной функции «полицейского» на рынке труда в докладе подается как «принципиальное условие политики» до 2020 г., то практически исчезают основания для диалога общества с властью. Выполнение этого условия резко усилит и так уже

достигшее критического уровня отчуждение населения от государства и легитимность власти. В новый виток кризиса мы уже войдем не просто как расколотое общество, а как общество, расколотое *антагонистическими* противоречиями.

При этом в докладе проталкивается принятая на неизвестном теневом собрании установка на «замещающую этническую миграцию», на завоз в Россию больших масс иммигрантов — при огромной безработице местного населения почти на всей территории страны. В докладе декларируется такой императив: **«Политика повышения иммиграционной привлекательности России**, политика привлечения высококвалифицированной и низкоквалифицированной иностранной рабочей силы... необходима разработка долгосрочной стратегии, направленной на превращение России в страну, комфортную для иммиграции».

Если вспомнить приведенное выше требование «отказа от попыток регулирования рынка труда», то ясно, какая «новая социальная политика» закладывается в «Стратегию-2020». Своих граждан станут без «формальных и неформальных препятствий» увольнять, а вместо них завозить более покладистую и дешевую «иностранную рабочую силу».

В докладе предлагается перейти к драконовской пенсионной системе: «Реформированию пенсионной системы нет альтернативы... Реформирование пенсионной системы позволит сэкономить к 2020 году от 0,69% ВВП до 1,22% ВВП... Предложенные меры по реформированию пенсионной системы носят принципиально комплексный характер: повышение требований к минимальному стажу с 5 до 15 или до 20 лет; более или менее быстрое повышение пенсионного возраста до 63 лет для обоих полов».

В этом предложении нет никаких определений цели, никаких альтернатив и прогнозов последствий, никакого поиска индикаторов, критериев, оптимальных соотношений.

Экономисты привыкли оперировать средними величинами. Но при том расслоении, которое произошло в России, средние величины не годятся при обсуждении социальных проблем. Для верхней квинтили пенсия вообще не имеет значения — молодой жене на булавки. Две средние квинтили

выдержат сокращение пенсии (или прикопят заранее)¹. Но основная масса пенсионеров — в двух нижних квинтилях. Сравните покупательную способность их пенсий с пенсией 1989 г.! Это разница бытийная, средняя пенсия едва дотягивает до физиологического минимума. Для этих людей «экономия 1% ВВП» — сдвиг от бедности в нищету. А при прогнозируемых масштабах безработицы именно этой категории граждан при повышении «пенсионного возраста до 63 лет для обоих полов» предстоит лет пять перебиться без зарплаты и без пенсии (кто доживет).

И ведь эту реформу предлагают провести на фоне *коммерциализации здравоохранения*. Это — одна из главных проблем бедной части населения, особенно пожилых. Социологи пишут: «То, что части бедных все-таки удастся пользоваться платными медицинскими услугами, скорее отражает не их возможности в этой сфере, а очевидное замещение бесплатной медицинской помощи в России псевдорыночным ее вариантом и острейшую потребность бедных в медицинских услугах. Судя по их самооценкам, всего 9,2% бедных на сегодняшний день могут сказать с определенной долей уверенности, что с их здоровьем все в порядке, в то время как 40,5%, напротив, уверены, что у них плохое состояние здоровья. *Боязнь потерять здоровье, невозможность получить медицинскую помощь даже при острой необходимости составляют основу жизненных страхов и опасений подавляющего большинства бедных*» [304].

И не надо ссылаться на рост *средних* зарплат. Вот вывод социологов 2010 г.: «Хотя в условиях благоприятной экономической конъюнктуры за последние шесть лет уровень благосостояния российского населения в целом вырос, положение всех социально-демографических групп, находящихся в зоне высокого риска бедности и малообеспеченности, относительно ухудшилось, а некоторых (неполные семьи, домохозяйства пенсионеров и т.д.) резко упало» [305].

¹ Надо заметить, что молодой «средний класс», поднятый на нефтедолларах до 2008 г., собран из детей, которые в 1990-е гг. перенесли травму обеднения семьи. Эта травма оставила шрамы в виде анонии. Теперь именно по ним ударит пенсионная реформа. Две сходные травмы для одного поколения — слишком.

За шесть лет манны небесной нефтедолларов благосостояние двух нижних квинтилей населения относительно ухудшилось, а у неполных семей (30% семей с детьми) и пенсионеров — ухудшилось абсолютно. Вот этот феномен следовало бы объяснить в докладе.

Авторы доклада дают странную и даже нелепую характеристику современной российской семьи и перспектив ее развития в предстоящее десятилетие: «Сегодняшняя семья дает родителям больше возможностей — строить свою карьеру (уход за детьми с помощью платных профессионалов); не длить неудачный брак, жить с сегодняшним партнером, соединяя детей от разных браков, и т.д. Таким образом, привычные механизмы взросления переживают эрозию».

Похоже, что «Стратегия-2020» составлялась для узкой прослойки «высшего среднего класса» и социальных паразитов? *«Жить с сегодняшним партнером», «Уход за детьми с помощью платных профессионалов»* — актуальные для России проблемы, особо отмеченные в стратегической программе? Ведь речь идет не о прослойке, а о «новой социальной политике» для государства и общества в кризисный период!

Лейтмотивом доклада является иллюзия, будто сложные проблемы можно разрешить просто *разгосударствлением* практически всех сфер жизнеустройства России, включая сферу права. Эта главная мысль выражена так: «Соответствующий принципиальный выбор руководством России уже сделан: **политика разгосударствления должна стать одним из значимых компонентов обновленной “Стратегии 2020”**. Об этом свидетельствует намеченная программа приватизации на 2011—2015 гг., другие стратегические решения в отношении государственного сектора».

В отношении экономики в докладе сказано: «Более чем 20-летний **опыт осуществления политики разгосударствления в России** и целом ряде других стран переходной экономики свидетельствует, сколь сложным и длительным может оказаться этот процесс. Более многомерным стало и его осмысление экономистами... Многолетние и многочисленные исследования, проведенные в различных странах, включая Россию, показывают, что промышленные фирмы с государ-

ственной и смешанной формой собственности существенно менее эффективны по сравнению с частными компаниями, а приватизация оказывает положительное влияние на уровень и темп экономического роста».

Это утверждение просто неприемлемо. Достаточно открыть статистические ежегодники России и сравнить таблицы показателей *«промышленных фирм с государственной формой собственности и частных компаний»*, возникших после приватизации. Нельзя же так исказить реальность после 20 лет «эксперимента»!

Особый акцент делается на либерализации правовых норм, регулирующих частное предпринимательство. В докладе говорится: «Главная идея данной стратегии состоит в **минимизации государственного регуляторного вмешательства в экономику**. ...Стратегия основывается на **«презумпции добросовестности»**: развитие бизнеса и создание условий для добросовестных предпринимателей важнее возможных рисков, связанных с недобросовестным поведением».

И это предлагается в период, когда криминализация бизнеса достигла апогея и *«риски, связанные с недобросовестным поведением»*, реализовались в сращивании бизнеса с организованной преступностью.

Профессор Академии МВД П.А. Скобликов, анализируя законопроекты, исходящие из «презумпции добросовестности», сделал такой вывод: «С каждым актом “гуманизации” уголовной политики представители “грязного” бизнеса получают очередное конкурентное преимущество, и, если “гуманизация” продолжится нынешними темпами, вскоре “чистый” бизнес будет полностью вытеснен с экономического пространства России. Добропорядочных бизнесменов на нем не останется, и вся отечественная экономика будет полностью криминализованной» [306]¹.

¹ Скобликов приводит факты: «По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2009 г., всего в России по ст. 171 УК РФ (а именно она предусматривает ответственность за незаконное предпринимательство) было осуждено 904 человека. Реальное лишение свободы было назначено... 51 человеку! Причем все эти лица были осуждены исключительно по ч. 2 ст. 171 УК РФ (предусматривает совершение преступления организованной группой или сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере),

В докладе даже дается конкретная рекомендация, необычная в стратегических программах: «Действующий Уголовный кодекс, фактически отражающий еще “советские” подходы к свободной экономической деятельности, обладает системными недостатками, которые не могут быть устранены путем отдельных поправок. Он принципиально не учитывает современных реалий рыночной экономики, прав и мотивов поведения экономических субъектов, реалий современного рынка... Необходимо пересмотреть подходы к использованию понятия “организованная преступная группа” применительно к экономическим преступлениям».

Но экономическая преступность, как правило, как раз является *организованной*, ибо сопряжена с коррупцией (известно, например, какова природа *рейдерства*). Можно сказать, что организованная преступность, будучи антиподом и антагонистом государства, становится в России его тенью, почти двойником.

П.А. Скобликов пишет: «Экономическая преступность и коррупция представляют собой две стороны одной медали. Все сколько-нибудь серьезные коррупционные акты совершаются для того, чтобы облегчить совершение экономических преступлений (побудить чиновников нарушить закон) или защититься от возможного преследования за экономические правонарушения. Что касается коммерческих подкупов (как активных, так и пассивных, если выражаться языком международно-правовых актов), которые встречаются у нас на каждом шагу и в повседневной жизни называются «откатами», то, по российскому УК, это и есть экономические преступления (ст. 204), т.е. сплав экономической преступности с коррупцией в чистом виде» [307].

Приведем некоторые тезисы из доклада ИНСОРа для сравнения с тезисами «Стратегии-2020».

Вот как видится образ будущего для ИНСОРа: «Как одна из ведущих экономик мира, она [Россия] занимает видное положение в ВТО и ОЭСР. Статус России как стратегического союзника Евросоюза в обозримой перспективе может переформат-

каждому из них грозило до 5 лет лишения свободы, тем не менее размер наказания половины из них — до одного года!» [306].

тироваться в постоянное членство. А с существенно изменившейся НАТО Россия успешно завершает переговоры о своем вступлении в альянс, что будет стимулировать его дальнейшую позитивную трансформацию».

Как можно было сделать такой прогноз в 2010 г., если уже в 1991 г. сладкая риторика Запада времен перестройки сменилась потоком сообщений, которые стали «сатанизировать» Россию, создавая образ уже не грозного СССР, а «империи низменного зла» — логова мафии, проституции, коррупции и рабского сознания. Тогда это можно было еще объяснять нашим кризисом и чувствительностью слишком нравственного гражданского общества Запада. Но ведь начиная с 2005 г. началась открытая информационная война США против постсоветской России. Какое тут «постоянное членство в Евросоюзе» и «вступление в альянс НАТО» — после бомбардировок Югославии и войны в Ираке?! Читаешь эти доклады — и не веришь глазам.

Представлена та же утопия постиндустриализма: «Общепризнанной становится задача *смены вектора развития* — преодоления избыточной зависимости от экспорта сырья с выходом в экономику знаний... Мировая экономика достаточно быстро, а главное — неуклонно трансформируется в постиндустриальную, в которой обычная товарная продукция уступает приоритет нематериальным активам, создаваемым на основе знаний».

К этому не требуется комментарий.

ИНСОР прогнозирует такое «желаемое завтра»: «В модернизированной России вместе с укреплением закона снята тяжелая постприватизационная (и постсоветская) проблема легитимности крупной частной собственности». Какие для этого основания? Вопрос регулярно изучается и российскими, и международными группами социологов. Нелегитимна в России собственность олигархов — и все тут. Ни о каких способах легитимации проделанной приватизации в докладе не говорится, а благие пожелания с наукой не связаны.

Вот кредо доклада: «*Основное направление — стратегия дерегулирования*. Речь не просто о сокращении государственного вмешательства в дела компаний и граждан, но о его радикальной оптимизации...

К числу первых шагов в данном направлении можно отнести дерегулирование экономики... Сокращение прямого участия в экономике государства как хозяйствующего субъекта, приватизация его избыточных активов, пересмотр перечня стратегических отраслей и предприятий и открытие их для притока частных инвестиций».

Мы видим, что антигосударственное чувство не осталось в прошлом, оно стало принципом, которым эта часть обществоведов «не может поступиться». ИНСОР предлагает стратегию дерегулирования как основу политики государства в нынешней России! Мы же видим, к чему привело «дерегулирование», начатое Гайдаром, символ его — разрушенная Саяно-Шушенская ГЭС.

Вот один из множества эпизодов, которые характеризуют результаты *государственного дерегулирования*, — передача лесов из попечения государства частному капиталу. Издавна считалось, что лес — источник опасности и угроз, так что государство обязано охранять его прежде всего именно с этой позиции, а не как источник экономической выгоды. Служба лесоохраны была учреждена в России более 200 лет назад. Вся система охраны леса была и государственным, и общественным институтом. В СССР она была модернизирована и оснащена специальной авиацией и наблюдением со спутников. Процесс демонтажа государственной лесоохраны начался в 2000 г., когда была ликвидирована федеральная лесная служба. В 2006 г. был принят новый Лесной кодекс.

Вот что писал академик А. Исаев, бывший министр лесного хозяйства СССР: «В 2007 году в России наступила эпоха непрозрачной приватизации. Новое лесное законодательство отобрало леса у государства и передало в частную собственность. Сделки стали совершать с землей, а для этого переводили земли из одной категории в другую, например из лесного фонда — в сельскохозяйственные, а затем приватизировали. На этой территории творили, что хотели: вырубали — продавали, сдавали в аренду...

70 тысяч лесников — охрана, существовавшая в России более 200 лет, — Лесным кодексом распущена. Леса оказались брошенными на произвол судьбы. ...В арсенале специальных служб практически отсутствуют эффективные средст-

ва. Хотя в 1992 году на Всемирной конференции в Рио-де-Жанейро Россию неоднократно упоминали во многих докладах как пример разумного, хозяйского отношения к лесу. Но за минувшие годы мы разрушили все, чем так гордились» [308].

Вскоре грянули *лесные пожары 2010 г.* Социолог и эколог О.Н. Яницкий пишет в большой аналитической работе, что катастрофа 2010 г. — прямое следствие институциональных изменений.

Вот выдержка из его работы: «Нынешние пожары — не случай, а тенденция: число пожаров и площадь, пройденная огнем, за последние три года постоянно растет. Площадь леса, охваченная пожаром, за последние 15 лет выросла вдвое, по данным государственной статистики, и втрое — по данным дистанционного мониторинга... Происходит деэкологизация государственной политики и уничтожение в ходе становления рынка соответствующих институтов.

Принятие новых Лесного и Градостроительного кодексов и ликвидация Госкомитета по экологии и охране среды, природоохранных служб, государственной экологической экспертизы в итоге превратили леса и парки из национального богатства в предмет купли-продажи. Фактически в течение 2000-х гг. произошла почти полная деинституционализация экологической политики и массового сознания...

Лесоохрана как автономная государственная организация была ликвидирована, а ее функции (без надлежащего материального и законодательного обеспечения) были переданы в разные руки: лесопользователям (то есть частным арендаторам), региональным и местным властям, которые также видели в лесных угодьях прежде всего источник дохода, а не экосистему, требующую воспроизводства и защиты. Создававшаяся десятилетиями культура охраны и воспроизводства лесного богатства страны как совокупность норм права и житейских норм была разрушена. Рынок отбросил людей, инфраструктуру лет на 20 назад, а природу — на 40—60, или уничтожил навсегда...

Если институт лесоохраны практически распущен, а его техника устарела или распродана, если люди на местах об этом не предупреждены или не знают вообще, то и никаких

приготовлений к предсказанной учеными катастрофе быть не могло» [309].

Главный признак государства, важный инструмент регулирования — легитимное насилие. Здесь ИНСОР следует по пути Е.Т. Гайдара и А.Н. Яковлева. Доклад так излагает «желаемое завтра»: *«Реформа правоохранительной системы стала одним из главных модернизационных проектов, в ходе реализации которого коренным образом сменился подход к организации внутренней безопасности в государстве — от полицейско-репрессивного к защите граждан и законных проявлений свобод».*

Главное полицейское ведомство страны — Министерство внутренних дел — ликвидировано... Исчезла “полицейская вертикаль”, совмещавшая борьбу с преступностью с поддержанием общественного порядка... Региональные полицейские службы подчинены только органам власти данного субъекта РФ. Функции охраны правопорядка адекватно децентрализованы и выполняются несколькими ведомствами и службами. Низовое звено — муниципальная милиция — управляется органами местного самоуправления...

Функции давно ликвидированного ГИБДД разделены между региональной полицией (на дорогах вне населенных пунктов), муниципальной милицией и гражданской службой дорожного движения... Федеральная служба безопасности упразднена».

Неужели экономисты и члены Общественной палаты не знают, какова в России ситуация с преступностью и преступным насилием? Не верится.

Еще более странно представление о реформировании Вооруженных сил России: *«Вооруженные Силы формируются исключительно на добровольной основе. Служба в армии стала престижной... Она признается хорошей “карьерной лестницей”, особенно для мужчин из семей с невысоким социальным статусом, выходцев из села и малых городов».*

Вот оно, истинно «новое мышление»! Защищать Родину «в желанном завтра» будут карьеристы и бедняки — «мужчины с невысоким социальным статусом, выходцы из села и малых городов». При этом *исключительно* на рыночной основе.

В принципе, в этих докладах подходы ко всем проблемам проникнуты неолиберальными установками — более жесткими, чем в программах 1990-х гг. Принять или не принять этот доклад за основу — вопрос исторического выбора.

Неужели эти доклады обществоведы представили как разумную стратегию государства? Казалось, что появление таких откровенных документов вызовет в среде обществоведов оживленную дискуссию, и они начнут создавать принципиально иную философскую и научную базу для выработки доктрины экономической политики на среднесрочный и долгосрочный периоды. Но никакой рефлексии стратегические доклады не вызвали, и довольно быстро их забыли так же, как на десять лет раньше забыли «программу Грефа».

Это состояние сообщества обществоведов — один из самых тревожных признаков его кризиса. Масса образованных и умных специалистов читает официальные доклады ведущих руководителей их сообщества, наверняка воспринимает эти тексты за идеологические продукты или мистификацию, но молчит или шепотом обменивается впечатлениями с близкими друзьями. Более того, они вынуждены одобрять дипломные работы и диссертации своих учеников, превращая их или в циничных конформистов, или в страдающих интеллигентов, вынужденных носить маску.

Импорт потребностей и сдвиг к «жизни взаимы»

Рассмотрим важную сторону реформы: *разрушение трудовой мотивации и внедрение в массовое сознание неудовлетворенных потребностей*. Успешная реализация этих проектов была важной предпосылкой для проведения и экономической реформы (прежде всего приватизации), ликвидации СССР и демонтажа советской социальной системы. В дальнейшем, однако, оказалось, что массовое сознание при такой обработке было настолько деформировано, что декларируемые реформаторами планы построения на пепелище советской системы нового общества («цивилизованного рынка») стали нереализуемы. Разумеется, не только по этой причине, но и она очень существенна.

Вот что обнаружили на первом этапе исследователи Института социологии АН СССР и вот какие идеологические выводы они сделали из своих эмпирических результатов.

Социологические исследования отношения советских людей к их доходам и уровню потребления выявили два свойства: *непритязательность* и *солидарность (уравнительность)*. Наряду с трудовой мотивацией оба этих качества массовой культуры могли бы послужить огромным социальным ресурсом в большой программе модернизации экономики. Но они были целенаправленно разрушены как продукт советской уравниловки и идеологии.

Конкретно социологи обнаружили в 1987 г., что советские люди в целом были *удовлетворены* своим достатком и оплатой труда. Формально распределение мнений респондентов было таким: «Среднестатистический работник, попавший в выборку, на момент опроса получал 165 руб. на руки... Отличными назвали свои заработки всего 4% опрошенных работников, которые получают в среднем в месяц 217,5 руб. ...30% работников оценили размеры вознаграждения за свой труд как “хорошие”. Среднеарифметическая сумма зарплат в этой группе составила 191 руб. ...Удовлетворительную оценку размерам получаемых за свой труд сумм выставила самая многочисленная группа — 46% опрошенных, чей средний заработок составил 159,5 руб. ...Плохими назвали размеры своих зарплат 15% опрошенных, которые получают в среднем 129,8 руб. в месяц» [310, с. 56].

Конечно, большинство людей считает, что следовало бы им зарплату прибавить. Но что замечательно — чем выше уровень зарплаты в категории работников, тем *меньшую* надбавку для себя они считали справедливой! Социологи приводят такую зависимость: «Работники, получающие менее 120 руб. в месяц, полагают, что им следовало бы платить за их труд на 50—60% больше. Те, кто получает на руки от 120 до 200 руб., оценивают свой труд чуть более чем на треть дороже. При заработках порядка 200—300 руб. устроило бы повышение зарплаты на четверть или чуть больше. Те, кто получает свыше 300 руб. в месяц, ценят свой труд всего на 15% дороже. Легко видеть, что внедрение в жизнь результатов такой

“самоаттестации” привело бы к сокращению разрыва в уровне оплаты труда» [310, с. 57].

Это отсутствие невротической озабоченности уровнем дохода — ценное социальное достижение, оно говорило о спокойствии людей, о связности и устойчивости общества. Это именно то, что следовало бы считать *человеческим потенциалом*, который сам падал в руки реформаторам. И как же они его оценили? Вот толкование полученных результатов социологами: «Идеология “социальной консолидации” на основе мнимой общности интересов дала свои плоды... Атмосфера благодушия, удовлетворенности достигнутым, по сути дела, означала торжество так называемой “психологии середняка”... В повседневной жизни, в неформальном общении употребляется расхожее выражение: “Все в норме”. “Нормальное состояние”, “нормальные отношения” — так принято говорить о коллективе, семье, группах общения. В подобного рода нормативных представлениях содержатся оценочные показатели относительного равновесия, сбалансированности отношений, бесконфликтности. И наоборот, возникновение конфликтов, противоречий оценивается как нарушение равновесия, благополучия, т.е. как ненормальное состояние» [310, с. 55, 57].

Авторы книги без всяких доводов объявляют спокойные, равновесные отношения членов благополучного общества «мнимой общностью интересов». Так жить нельзя! Надо нарушить «атмосферу благодушия» мирных жителей! И группа обществоведов (в их числе академик С.С. Шаталин) рассчитала в 1987 г. «значение оптимума материальной обеспеченности; его денежное выражение соответствует душевому доходу 220—235 руб. в месяц». Рассчитала — исходя из представлений академиков и профессоров. И заработала идеологическая машина реформаторов. Социологи пишут: «Таким образом, для большинства людей норматив разумности лежит значительно ниже теоретически выведенного оптимума» [310, с. 59].

Исследователи-обществоведы уверовали в чисто идеологический постулат, а потом под него подгоняют наблюдаемую реальность. Ни исторических условий, в которых вырабатывался «норматив разумности» массового сознания, ни

реальных ограничений, в рамках которых здраво рассуждали в то время советские люди, социологи из АН СССР знать не знали и ведать не хотели.

Они были уверены в своей концепции, которой придали статус самостоятельной сущности: «Возможность значительной дифференциации в оплате в зависимости от трудового вклада приносится в жертву беспринципной, зато бесконфликтной уравниловке. Об этом свидетельствует также медленное, а местами драматическое внедрение индивидуальной и кооперативной трудовой деятельности, арендного подряда. Старые социальные нормы противятся утверждению новых норм. Идеологические меры к преодолению этих неблагоприятных тенденций видятся... в повышении престижа благ и услуг, способствующих всестороннему развитию личности» [310, с. 60].

Свои сомнительные доктрины эти социологи называли «теорией», а культурные нормы, прошедшие длительный отбор в ходе реальной народной жизни, — неглубокими и стихийными. С этими «теориями» СССР и потерпел катастрофу.

В ходе опросов было подтверждено наличие в массовом сознании сильной трудовой мотивации. Социологи пишут: «По данным повторного Всесоюзного исследования образа жизни (1987 г.), для всех без исключения категорий населения ценность труда несомненна. Так, выбирая три важнейшие для себя стороны жизни, 44% опрошенных упомянули интересную работу (чаще отмечались лишь супружеское счастье и воспитание детей). 3/4 опрошенных в качестве важнейшего средства достижения успеха, благополучия в жизни отметили трудолюбие, добросовестное отношение к делу» [310, с. 54].

Как же оценивают близкие к власти социологи эту укорененную в массовом сознании культурную норму? Как *порок* общественного сознания! Они трактуют ее как «догматическое понимание места труда в системе социалистического образа жизни», опираясь на следующую цитату А.Н. Яковлева из журнала «Коммунист»: «В общественное сознание и практику оказался внедренным постулат: дескать, отсутствие частной собственности и даже просто государственный план определяют, что всякий труд (полезный — вредный; безупреч-

ный — халтурный) является непосредственно общественным, необходимым» [311].

Представьте: социологи из АН СССР приняли эту примитивную тираду за непререкаемую истину. Но причем здесь частная собственность, государственный план? Разве крестьянин в XVIII в. не считал труд «непосредственно общественным, необходимым»? Труд в России, как и во всех незападных обществах (да и в большой части Запада), имеет *литургический* смысл. *Arare est orare!* (*Пахать значит молиться!*)

И вот как развивают эти социологи свою оценку укорененного в сознании отношения к труду: «Этот порочный вывод — следствие непонимания того факта, что отмена капиталистической частной собственности не приводит автоматически к торжеству общенародной социалистической собственности и связанных с ней социалистических общественных отношений. Он призван затушевать отчуждение труда, разрыв между интересами бюрократии и трудящихся масс, скрыть существование двух противостоящих друг другу социальных норм. И эта догма будет долго выступать одним из главных препятствий на пути перестройки, поскольку она глубоко внедрилась во все компоненты общественного сознания» [310, с. 54].

Как это все поверхностно! Насколько глубже и шире смотрели тогда на этот вопрос сами «опрошенные». Но воплощение в практику новых «теорий» привело к фундаментальному сдвигу в социальных отношениях и в культуре — повороту России к большим внешним заимствованиям.

Придя к власти, реформаторы собрали колоссальные денежные средства: были прекращены война в Афганистане и гонка вооружений; были прекращены инвестиции в основные фонды (за годы реформ из расходов на основные фонды недовложено относительно 1990 г. около 12 трлн долл.) и сокращены расходы на науку и социальные службы; были конфискованы сбережения населения размером 450 млрд долл.; были резко снижены зарплаты и пенсии; продан золотой запас страны.

Но, видимо, жить в долг было условием «стать своими» для Запада. Экономисты уже в 1988 г. стали настойчиво пропагандировать жизнь в кредит — сделать большие внешние

заимствования, а отдавать долги государственной собственностью. Начальник аналитической службы Московской межбанковской валютной биржи В.В. Симонов описывает процесс сползания в долговую яму: «Соответствие суммы долга экспортным возможностям и ресурсам [СССР], строгое соблюдение платежной дисциплины обеспечили стране репутацию первоклассного заемщика, ее кредитный рейтинг был высок и стабилен.

Ситуация резко изменилась начиная с 1988—1989 гг. С одной стороны, это было вызвано давлением дефицита... с другой стороны, многие западные государства выразили желание давать СССР кредиты “под Горбачева”, преследуя при этом и собственные экономические и политические цели» [316].

РФ втянулась в качественно новый этап. Она стала уже брать займы «зависимого типа». В 1993 г. внешний долг РФ составил 81,5 млрд долл. В.В. Симонов пишет: «Наметившаяся тенденция к удлинению сроков кредитования свидетельствовала о том, что руководство страны стало склоняться к попыткам переноса центра тяжести решения долгосрочных проблем экономики на внешние источники финансирования. При этом внешние заемные средства предоставлялись стране на обычных коммерческих условиях международного рынка ссудных капиталов, и попытки представить эти кредиты как помощь развитию выглядели весьма наивно и в советское, и в ближайшее постсоветское время. Более того, страна получала внешние займы и кредиты на условиях, гораздо более жестких, чем страны с аналогичным уровнем обремененности внешним долгом¹. Указанный рост заимствований не сопровождался разработкой сколько-нибудь реальных долгосрочных стратегий использования и погашения задолженности...

Как государство с явно невысокой платежеспособностью, которое не в состоянии выполнять обязательства по обслуживанию задолженности, Россия столкнулась со всеми последствиями кризиса долга: с отсрочками платежей, реструктуризацией задолженности в рамках Парижского и Лон-

¹ Льготный период кредитов для СССР в 1986—1990 гг. составлял 4,22 года, а для РФ в 1992 г. — всего полгода. Агрегированный показатель льготности (т.н. *грант-элемент*) для СССР в 1986—1990 гг. был равен 9,8%, а для РФ в 1992 г. — 4,8%.

донского клубов и, наконец, со стабилизационными программами МВФ» [316].

Уход государства из экономики и отсутствие жесткой этической платформы у новых собственников капитала сдвинули хозяйство к спекуляциям и росту долга. Только что Россия выбралась из финансового кризиса 2008—2010 гг., истратив на спасение банков большую часть накопления (и видимо, утратив часть активов), — и опять банки и предприятия набрали за границей долгов. Внешний долг России в 2012 г. вырос до 624 млрд, а в 2014 г. — до 729 млрд долл.

При разгуле заимствований даже у таких крупных корпораций, как «Русал», резко снижается запас прочности. Колебание цен на алюминий и небольшой убыток в 2012 г. (55 млн долл.) привели владельцев «Русала» к решению о сокращении производства и закрытии четырех заводов. Долг «Русала» уже составлял 10,7 млрд долл. Чтобы получить на Западе кредит для рефинансирования долга, «Русал» должен был отправить принадлежащие ему 25% акций «Норникеля» на депозит на Кипре [312].

Более того, за последние 10 лет в «среднем классе» России укоренилась культура *жизни в кредит* (рис. 16). Одно это подрезает основание программы реиндустриализации: она может быть выполнена только при мобилизации всех ресурсов, которая возможна лишь при «отложенном вознаграждении», что есть антипод *жизни в кредит*.

Соблазн кредита сильно изменил тип мышления и шкалу ценностей существенной части граждан, особенно молодежи. Их впустили в «общество потребления» в момент кризиса и деградации производства — втянули в «революцию притязаний». Буржуазное общество создало целую индустрию производства потребностей на экспорт, и это стало важным оружием колонизаторов.

О.Н. Яницкий, представляя структуру современных войн с точки зрения социологии, выделяет как один из важнейших типов оружия *информационное* воздействие на сознание и систему ценностей населения. Он пишет: «Мои коллеги до сих пор не осознают того факта, что начавшееся в 1991 г. внедрение в массовое сознание россиян потребительской идеологии и соответствующего уклада жизни имеет далеко идущие негативные социальные последствия» [313].

Вот наша общая беда: сообщество обществоведов в массе своей до сих пор не осознает, что *внедрение в массовое сознание россиян потребительской идеологии* разоружает наше общество в условиях начала мировых «гибридных» войн. Ведь один этот факт говорит о неадекватности методологической основы нашего обществоведения!

Рис. 16. Кредиты физическим лицам в России, млрд руб.

Разные народы по-разному закрывались от экспорта потребительской идеологии, сохраняя баланс между структурой потребностей и реально доступными ресурсами для их удовлетворения. При ослаблении этих защит происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. Такие народы он сравнил с аборигенами, чахнувшими от европейских бо-

лезней. Россия оказалась перед угрозой «зачахнуть», превратившись в *слаборазвитое* общество.

За годы реформы в России в три раза сократилось число тракторов и в три раза увеличилось число личных легковых автомобилей. Средства, предназначенные для инвестиций в структуры восстановления и развития, проедаются нынешним поколением (рис. 17).

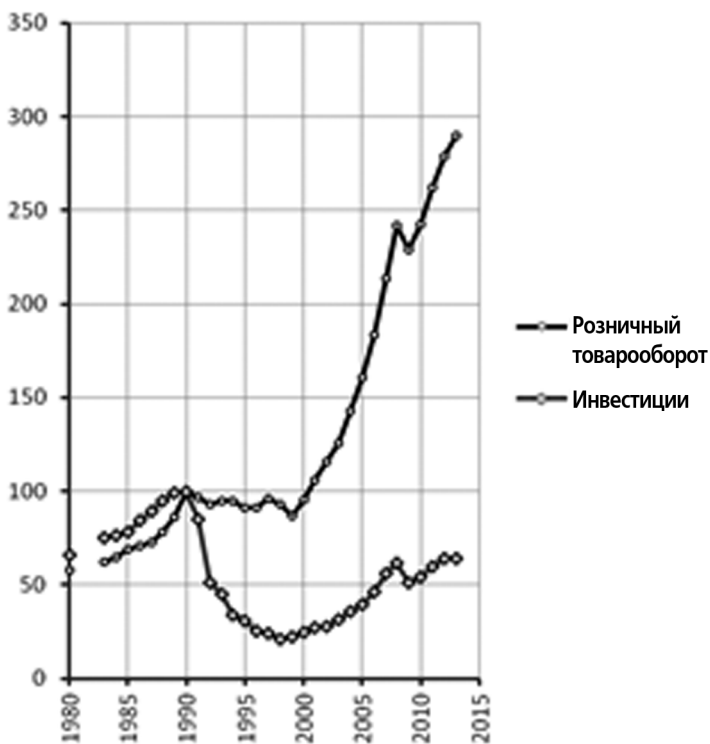

Рис. 17. Индекс капиталовложений в основные фонды и розничного товарооборота в России, 1990 = 100

Сейчас в России непогашенные кредиты есть у 39,4 млн человек — это более половины экономически активного населения страны. Согласно прессе, в России начались массовые социальные дефолты — более 5 млн человек не платят

по кредитам. Их долги перед банками достигают 1,3 трлн руб. [315]. Возникла еще одна общность с плохим социальным самочувствием.

Результат известен: разведенные реформой части общества уже осознали наличие между ними пропасти. «Системный» раскол прошел по экономическим, социальным и мировоззренческим основаниям. Резко изменились социальный статус и образ жизни рабочих. Большая часть их прошла через тяжелый период безработицы¹. Дискредитирована сама профессия рабочего — удар по основному производству России. Культурная травма привела к резкому снижению ценности *труда* в сознании.

¹ «Прошли через статус незанятого с 1992 по 1998 г. примерно по 10 млн каждый год и всего более 60 млн человек; из них рабочие составляли около 67%, т. е. более 40 млн человек» [133].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 1980-х гг. была создана и силой авторитета гуманитарной интеллигенции навязана обществу аномальная *методологическая парадигма*. В ней стали господствовать ориентация не на достоверность и истину, а на «высшие цели» — корпоративные и групповые интересы. Были нарушены фундаментальные нормы научной рациональности. На языке этой парадигмы, с ее логикой и мерой стала также мыслить и изъясняться основная масса преподавателей и подготовленных ими дипломированных специалистов — а затем и политики, бизнес-элиты, СМИ.

Как можно преподавать студентам, чего от них можно требовать? Студент-политолог боится прикоснуться к политике, даже к самому безобидному ее проявлению, студент-социолог бежит от социального факта: им уже вбили в голову: чем угодно занимайтесь, но не касайтесь российской реальности. Перманентная революция и есть хаос, к которому человек науки в принципе не может приспособиться. Поколение за поколением наших обществоведов обучают в такой уродливой парадигме, что уже не стоит вопроса ни об истине, ни об идеологии, все смешано в кашу — *ризому*. Сказано: «У ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа (“генетической оси”), ни единого кода».

В обществоведении произошла деградация всей системы познавательных средств, на которой собирается интеллектуальное сообщество. Это значит, что в настоящее время российское общество не обладает коллективным субъектом научной деятельности в области обществоведения и трансляции знаний из этой области во все сферы общественной практики. Отдельные личности, пытающиеся сохранить или возродить нормы научной дискуссии, не могут заменить *национального сообщества*. Результаты их работ не обсуждают,

публикации не читают или читают «про себя». Коллеги, влившиеся в мейнстрим, даже не критикуют эти публикации и суждения — негласная установка требует не дискуссии, а замалчивания.

Только профессиональное сообщество может выработать, задать и поддерживать всю систему норм, регулирующих получение, проверку и движение научного и вообще рационального знания о предмете. Для этого требуются соответствующая *социальная организация*, профессиональная «полиция нравов» и дееспособная система санкций. Ничего этого в постсоветском обществоведении нет — самые тяжелые нарушения норм научности (по ошибке или по недобросовестности) не влекут за собой не только формальных профессиональных санкций, но и никакой реакции.

Сначала в среде обществоведов, а затем во всей общности, которую называли интеллигенцией, парализована критическая мысль. Группы радикальных реформаторов (типа ГУ-ВШЭ или ИНСОРа), да и «несистемная оппозиция» типа аудитории «Эха Москвы» и «Новой газеты», вовсе не критикуют принципиальных положений массивного общественного процесса, порожденного в 1990-е гг., — они требуют от власти: «Дальше! Быстрее, быстрее!» Правящее меньшинство, следуя административному инстинкту, довольно молчанием общества, а критики из ИНСОРа или «Новой газеты» даже полезны — демократия! Этот мейнстрим тащит нас всех в трясину, из которой мало кто выберется.

Резко усложнившееся постсоветское общество и резко усложнившиеся «чужие» общества делают невозможной — при отсутствии научного обществоведения — «визуализацию» общественных и политических процессов и, следовательно, предвидение зарождающихся рисков и угроз [317]. Россия уже четверть века движется в тумане, без карты и компаса, натываясь на камни и коряги. Государство втягивается в историческую ловушку: недовольство ходом событий обнаружилось во всех социокультурных группах — притом, что между этими группами созрели ценностные разрывы. Этот тип отчуждения общества от государства очень опасен — на кого опереться?

В большом докладе Института социологии РАН об итогах 20 лет реформ так сказано о «самом распространённом по частоте его переживания чувстве **несправедливости всего происходящего вокруг**»: *«Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто...*

В первую очередь в этой связи стоит упомянуть **чувство стыда за нынешнее состояние своей страны**. Стыд за страну... связан с отрицанием сложившегося в России “порядка вещей”, “правил игры” и т.п., которые представляются людям не просто несправедливыми, но и позорными... *Новой тенденцией последних лет является при этом практически полное исчезновение связи чувства стыда за свою страну и всего блока негативных чувств с доходом — если ещё пять лет назад наблюдалась отчётливая концентрация испытывающих соответствующие чувства людей в низкодоходной группе, то сейчас они достаточно равномерно распределены по всем группам общества, выделенным с учетом их среднедушевых доходов. Это значит, что если тогда эти чувства вытекали прежде всего из недовольства своей индивидуальной ситуацией, то сейчас это следствие несовпадения реальности с социокультурными нормами, широко распространёнными во всех слоях россиян, что также говорит об идущих процессах делегитимизации власти.* При этом в последние годы чувство стыда за свою страну довольно быстро нарастает» [315].

Игнорировать такие выводы недопустимо, даже если внимание массового сознания отвлечено злободневными и чрезвычайными проблемами. Нельзя надеяться и на то, что действия государства в отношении кризиса Украины и в международной сфере получили массовую поддержку и даже энтузиазм — чтобы эти действия увенчались успехом, надо, чтобы в самой России ход развития отвечал чаяниям подавляющего большинства народа.

Возрождение России делает совершенно необходимой сборку отечественного обществоведения как профессиональ-

ного сообщества, стоящего на платформе научной рациональности. В условиях общего культурного и мировоззренческого кризиса эта сборка не может вестись на единой когнитивной основе в рамках общей методологической парадигмы. Речь может идти о формировании небольшого числа интеллектуальных кластеров, однако соединенных минимумом общих профессиональных норм, обеспечивающих возможность дискуссии и диалога.

Но принципы этой сборки — другая тема.

Литература и источники

1. Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М.: АИРО-XX, 2005.
2. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
3. Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. 2003. № 4—5 (39).
4. Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. М.: Академический проект, 2005.
5. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2011; Кара-Мурза С.Г. Между идеологией и наукой. М.: Научный эксперт, 2014.
6. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юрист, 1996. С. 12.
7. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М.: Socio-Logos, 1997.
8. Сорокин П.А. О так называемых факторах социальной эволюции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
9. Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб.: Евразия, 2001.
10. Голубицкий Ю. Литературный генезис русской социологии: роль физиологического очерка в становлении социологического знания. М.: Экономическое образование, 2011.
11. Кареев Н.И. «Основы русской социологии» (Введение). Пред возникновением социологии в России // СОЦИС. 1995. № 8.
12. Староверов В.И. Институционализация и концептуально-методологическое развитие российской аграрно-сельской социологии // Аграрно-сельская социология: история, концепции, методология. М., 2009.

13. История социологии / отв. ред. Г.В. Осипов и В.П. Култыгин. М.: Норма, 2009.

14. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

15. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

16. Маркс К. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 32.

17. Митрохин Л.Н. Тернистые пути отечественной социологии (беседа с академиком РАН Г.В. Осиповым) // Социология и власть. 2008.

18. Lorenz K. La acción de la Naturaleza y el destino del hombre. Madrid: Alianza, 1988.

19. Вебер М. Исследования по методологии науки. Ч. 1. М.: ИНИОН АН СССР. 1980.

20. Матюхин А.В. Теория государственного управления в истории русского капитализма. XIX — начало XX в. М.: Изд-во МГОУ, 2008.

21. Феретти М. Сталин умер вчера // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995.

22. Карпенко С. Врангель в Крыму: «Левая политика правыми руками» // Свободная мысль. 1993. № 15.

23. Кравченко А.И. Социология мнений и мнение о социологии // СОЦИС. 1992. № 3.

24. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело профессора З.Я. Белецкого // Свободная мысль. 1993. № 11.

25. Сорокин П.А. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип // Встречи с Питиримом Сорокиным. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003.

26. Димке Д.В. Классики без классики: социальные и культурные истоки стиля советской социологии // СОЦИС. 2012. № 6.

27. Горшков М.К. Общество — социология — власть: к вопросу о взаимодействии // СОЦИС. 2012. № 7.

28. Балакин В.С. Власть и ученые-экономисты в СССР: интеллектуальная оппозиция и конформистский дискурс (вторая половина XX в.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. Вып. № 11-1.

29. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.

30. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: Издательство политической литературы, 1991.
31. *Вольтер.* История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб.: Лимбус Пресс, 1999.
32. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М., 1938.
33. *Маркс К.* Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года. Соч. Т. 16. С. 206, 208.
34. *Бокарев Ю.* «Открытое общество» и его друзья // Россия — XXI. 1996. № 5—6.
35. *Кундера М.* Трагедия центральной Европы // Век XX и мир. 1992. № 2.
36. *Безансон А.* Россия — европейская страна? Спор с Мартином Малиа // Commentaire. 1999. № 87 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=953>.
37. *Кустарев А.* Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии. 1990. № 8.
38. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3.
39. *Староверов В.И.* История и теория социологического анализа российской агросферы. М.: ИСПИ РАН, 2009. С. 426—427.
40. *Рябов А.* Наследие перестройки: взгляд через четверть века // Неприкосновенный запас. 2015. № 6 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/6825>.
41. *Горбачев М.* Декабрь-91. Моя позиция. М.: Новости, 1992.
42. *Качанов Ю.Л., Н.А. Шматко.* Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) // СОЦИС. 1996. № 12.
43. *Мамардашвили М.К.* Мой опыт нетипичен // Независимая газета. 1992. 29 фев.
44. *Макаревич В.Н.* Игропрактики, методологи: «незримое сообщество» выходит из подполья // СОЦИС. 1992. № 7.
45. *Яковлев А.Н.* Большевизм — социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / С. Куртуа и др. М.: Три века истории, 2001.
46. *Яковлев А.Н.* Сумерки. М.: Материк, 2005.
47. *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Форум, Крымский мост-9Д. 2011. Режим доступа: reed.ru/lib/books/glupost_ili_izmena_rassledovanie_gibeli_sssr/.
48. *Бутенко А.П.* Власть народа посредством самого народа. М.: Мысль, 1988.

49. *Шкаратан О.И.* Социальная структура: иллюзии и реальность // Социология перестройки. М.: Наука, 1990.
50. *Волков С.В.* Исторический опыт Российской империи // Русский исторический журнал. 1999. № 2.
51. *Кордонский С.Г.* Обществоведение как государственный институт // Социология перестройки. М.: Наука, 1990.
52. *Ципко А.* Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием // Независимая газета. 2000. 17 мая.
53. *Aganbegyan A.* La perestroika económica: una revolución en marcha. Barcelona: Grijalbo, 1989.
54. Природопользование в рыночной экономике (вопросы теории и методологии) // Экологическое оздоровление экономики. М.: Наука, 1994.
55. *Радаев В.В., О.И. Шкаратан.* Власть и собственность // СОЦИС. 1991. № 1.
56. *Яковлев А.Н.* Советский строй можно было взорвать только изнутри // Литературная газета. 2001. № 41. 10—16 окт.
57. *Гражданкин А.И., Кара-Мурза С.Г.* Белая книга России. Строительство, перестройка и реформы. 1959—2013. М.: Научный эксперт, 2015.
58. *Заславская Т.И.* О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988.
59. *Попов Г.Х.* Перспективы и реалии. О стратегии и тактике демократических сил на современном этапе // Огонек. 1990. № 50—51.
60. *Заславская Т.И.* О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // СОЦИС. 2002. № 8.
61. *Смирнов Г.Л.* Революционная суть перестройки // Правда. 1987. 13 марта.
62. *Феретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М.: ВЦИОМ, 2002. № 5.
63. *Заславская Т.И.* Социализм, перестройка и общественное мнение // СОЦИС. 1991. № 8.
64. Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. М.: Наука, 2001.
65. *Ципко А.С.* Драма перестройки: кризис национального сознания // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М.: ИЭ РАН, 2008.

66. *Арбатов Г.* «Гайдаризм» — это реакция на свой собственный марксизм // Независимая газета. 1992. 13 марта.

67. *Воробьев Д.М.* Развитие политологического сообщества в постсоветской России // ПОЛИС. 2004. № 6.

68. *Грамыши А.* Искусство и политика. М.: Искусство, 1991.

69. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура // СОЦИС. 1996. № 2.

70. *Григорьев С.И.* Произведения В.М. Шукшина в преподавании социологических дисциплин // СОЦИС. 2009. № 10.

71. *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Общественная наука и практика // Вопросы философии. 1990. № 12.

72. *Грехов А.В.* Квантификационный метод: поиск латентной информации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1.

73. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.

74. *Сонин О.В.* Проблема бедности в странах СНГ // Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). М.: ИМЭПИ РАН, 2005.

75. *Зубова Л.Г.* Социальное расслоение в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. 1995. № 3.

76. *Эмсден А., М. Интрилигейтор, Р. Макинтайр, Л. Тейлор.* Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1996.

77. *Красильщиков В.А.* Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7.

78. *Сахлинс М.* Прощайте, печальные тропы. Этнография в контексте современной мировой истории // Восток: альманах. 2004. № 7 [электронный ресурс]. Режим доступа: www.situation.ru/app/j_art_478.htm

79. *Бурдые П.* Оппозиции современной социологии // СОЦИС. 1996. № 5.

80. *Фишер С., Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи.* Экономика. М., 1993.

81. *Шарыгин И.Ф.* Реформа образования: против и contra [электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_592.html.

82. Шарыгин И.Ф. О реформе образования, коррупции и геометрии // Независимая газета. 2001. 24 янв.
83. Волков С. ЕГЭ?! Эге-ге... // Трибуна. 2003. № 22.
84. Днепров Э.Д. Три источника и три составные части нынешнего школьного кризиса. М.: Объединение ЯБЛОКО; Университет РАО. 1999.
85. Кардозу Ф.Э., Карной М., Кастельс М., Коэн С., Турен А. Пути развития России // Мир России. 2010. № 2.
86. Хагуров Т.А. Образование в стиле «пепси» (полемические заметки) // СОЦИС. 2010. № 7.
87. Механик А. Патриотизм без «Войны и мира» // Эксперт. 2011. № 5.
88. Днепров Э.Д. Четвертая школьная реформа в России. М.: Интерпракс, 1994.
89. Зиновьев А.А. Гибель «империи зла» // СОЦИС. 1995. № 4.
90. Антонов А.И., Лебедь О.Л. Несовершеннолетние преступники: кто они? // СОЦИС. 2003. № 4.
91. Соколова В. Серые кардиналы образования. Кто стоит за «реформами» по ликвидации всеобщей грамотности в стране // Совершенно секретно. 2011. № 4 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sovsekretno.ru/magazines/article/2758>.
92. Фурсенко А.А. Модернизация образования на новом витке: цели и средства их достижения [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ctege.info/stati-o-ege/modernizatsiya-obrazovaniya-na-novom-vitke-tseli-i-sredstva-ih-dostizheniya.html>.
93. Открытое письмо несуществующему сообществу преподавателей российской высшей школы [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unisolidarity.ru/?p=165>.
94. Большинство интернет-пользователей считает, что гуманитарное образование в РФ переживает кризис: опрос ИА REGNUM [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.severinform.ru/print.php?page=news&newsid=175463>.
95. Режим доступа: http://www.if.tsu.ru/TempNews/letter_tsu.PNG.
96. Отклики на заявление Ученого совета «О реформе образования, ее итогах и перспективах» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/faculty/v-zaschitu-gumantarnogo-obrazovaniya-v-rossii/otkliki/>.

97. Привалов А. Крах гуманитарного образования [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/2012/11/29/ugol-zreniya/>.

98. Отраслевой анализ присоединения России к ВТО / Российский национальный комитет Международной торговой палаты совместно с отраслевыми союзами и ассоциациями и Российской Академией наук (РАН) при участии специалистов Группы «Русский алюминий». М., 2001.

99. Шлыков В. Американская разведка о советских военных расходах // Военный вестник МФИТ. 2001 . Апр. № 8 (статья выложена на нескольких больших сайтах).

100. Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002.

101. Звенигородцева А. Зачем России ВТО [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/eksport/2015/09/24>.

102. Салмин А.М. Церковь, государство и политика в католическом мире // ПОЛИС. 2005. № 6.

103. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

104. Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003.

104. Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003.

105. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987.

106. Яковлев А. О перестройке, демократии и «стабильности» // Независимая газета. 2003. 2 дек.

107. Кара-Мурза С.Г., Пыхалов И.В. Открытое письмо Президенту Российской Академии наук Ю.С. Осипову // Советская Россия [электронный ресурс]. Режим доступа: sovross.ru/old/2004/033/ind04_033.htm.

108. Шмелев Н.П. // Московская среда. 2003. № 4.

109. Шмелев Н. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6.

110. Заславская Т.И. Перестройка и социализм // Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1989. С. 230—232.

111. Давыдов А.А. Оптимальный уровень безработицы в СССР // СОЦИС. 1990. № 12.

112. Шмелев Н.П. Экономические перспективы России // СОЦИС. 1995. № 3.

113. Арбатов Г. «Гайдаризм» — это реакция на свой собственный марксизм // Независимая газета. 1992. 13 марта.

114. Майминас Е. Альтернатива — за пределами рынка // Независимая газета. 1992.. 19 марта. № 54.

115. Богомолов О. Т. Нуждается ли рынок в нравственности? Взаимодействие экономики, политики, культуры и морали в переходных обществах // Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ. М.: ИМЭ-ПИ РАН, 2005.

116. Левчик Д.А. Митинг как форма предвыборной борьбы // СОЦИС. 1995. № 11.

117. Данилова Е.Н. Дискурс выигравших и проигравших в российских трансформациях // СОЦИС. 2014. № 5.

118. Иноземцев В. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. М.: Алгоритм, 2007.

119. Любимов Л. Право на безделье // Ведомости. 2010. № 171. 13 сент.

120. Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005.

121. Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии // ПОЛИС. 2003. № 3, 5.

122. *Moscovici S.* La creación del universo por el discurso científico // Archipiélago. 1991. № 1.

123. Ципко А. Можно ли изменить природу человека? // Освобождение духа. М.: Политиздат, 1991.

124. *Páin E.* Sufrirá Rusia el destino de la URRS? // El País. 1993. 25 июня.

125. Нерсисянц В.С. «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека // СОЦИС. 1990. № 1.

126. Дятлов С.А. Концепция инвестиционного развития России // Альманах Центра общественных наук МГУ. М., 1997.

127. Заславская Т.И. Россия в поисках будущего // СОЦИС. 1996. № 3.

128. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 2009.

129. Лафонтен О. // Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире. М., 1990.

130. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс, 2002.

131. Право. Свобода. Демократия: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1990. № 6.

132. Кармадонов О.А. Социальная стратификация в дискурсивно-символическом аспекте // СОЦИС. 2010. № 5.

133. Максимов Б.И. Рабочий класс, социология и статистика // СОЦИС. 2003. № 1.

134. Степанов А. Высшая школа инфантильности и аутизма [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tochka-py.ru/index.php/ru/glavnaya/entry/506-voprosy-jazykoznanija>.

135. Нуйкин А. Считайте меня китайцем // Российская газета. 1992. 2 апр.

136. Широнин В. Под колпаком контрразведки. М.: Палей, 1996.

137. Собчак А.А. Тбилисский излом, или Кровавое воскресенье 1989 года. М., 1993 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pseudology.org/democracy/Sobchak_Tbiliso/8.html.

138. Алкснис В.И. История повторяется дважды [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://v-alksnis2.livejournal.com/75823.html> (дата обращения: 08.11.2007).

139. Таратута Ю., Лукин М. Армии устав написан // Коммерсантъ. 2006. 2 июня. № 98.

140. Глава МВД напомнил россиянам о праве дать отпор милиционеру [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2009/11/26/respond/>.

141. Ципко А. Наш народ заплатил страшную цену за право жить по Марксу // Освобождение духа. М.: Политиздат, 1991.

142. См. статью Ципко А.: «Московские новости», 1990, № 24.

143. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Логос, 2004.

144. Шмелев Н., В. Попов. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989.

145. Зусман Л.Л. Металлический фонд народного хозяйства СССР. М.: Металлургия, 1975.

146. Лацис О. Реформы должны идти быстрее и решительнее // Общественные науки и современность. 1994. № 6.

147. Емельянов А. Продовольственная проблема: истоки и пути решения // Вопросы экономики. 1989. № 1.

148. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России [электронный ресурс]. Режим доступа: www.econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2004_01/Aganbegian.htm.

149. *Гилинский Я.И.* Кризис системы уголовных наказаний // СОЦИС. 1993. № 8.
150. *Яковлев А.Н.* Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости, 1991.
151. *Найшуль В.А.* Откуда суть пошли реформаторы [электронный ресурс]. Режим доступа: bilingua.ogi.ru/lectures/2004/04/21/vaucher.html.
152. *Díaz A.* El Capitalismo Chileno en los 90: Crecimiento Económico y Desigualdad Social. Santiago: Ediciones PAS, 1991, statistical appendix.
153. *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009.
154. *Шанин Т.* Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997.
155. *Ленин В.И.* Соч. Т. 47.
156. *Патрушев В.* Жизнь горожанина (1965—1998). М.: Academia, 2001.
157. *Бергсон А.* Здравый смысл и классическое образование // Вопросы философии. 1990. № 1.
158. *Беляков А.А.* Стратегические проекты России в условиях кризиса // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. Вып. 3.
159. Тарифы поставки электрической энергии на оптовый рынок на 2008 г. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.irkutskenergo.ru/gi/2381>.
160. *Мазнева Е., Перетолчина А., Терентьева А., Рожков А.* Генератор несчастья // Ведомости. 2009. 18 авг. № 153 (2423) [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/08/18/210158>.
161. Меморандум в защиту природы (1988) // Перестройка: гласность, демократия, социализм. Экологическая альтернатива / под. ред. М.Я. Лемешева). М.: Прогресс, 1990.
162. *Чеботаев А.А., Ушаков С.С.* Энергоемкость перевозок // Теплоэнергетика. 1993. № 4.
163. См. статью: *Айзатулин Т.А., Фащук Д.Я., Леонов А.В.* в «Журнале Всесоюзного химического общества», 1990, № 4.
164. *Илларионов А.* Цена социализма [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/libertarium/illarionov> (дата обращения: 12.04.1999).

165. *Морозова Г.Ф.* Здоровье человека в свете экологии // СОЦИС. 1994. № 11.

166. *Мау В.* Как модернизировать здравоохранение // Ведомости. 2012. 27 июля.

167. Минсельхоз России назвал фермерство настоящим и будущим страны [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rns.online/consumer-market/> (дата обращения: 06.03.2016).

168. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2004 г. М.: Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости, 2005.

169. *Гордеев А.* Предварительные итоги реализации национального проекта «Развитие АПК» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mcx.ru/news/news/show/2657.182.htm>.

170. Только 3% крестьян оформили в собственность участки из земель сельхозназначения. По материалам РИА Новости [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.i-stroy.ru/docu/goverment/17381.html>.

171. *Тишков В.А.* Элита России о настоящем и будущем страны. М.: ИСИ РАН. 1994 . 25 янв. (интервьюер — к.ф.н. Филатова И.П.).

172. *Стиглиц Дж.* Неравенство тормозит восстановление // Мир перемен. 2013. № 1.

173. *Бердяев Н.* Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1.

174. *Сорокин П.А.* Историческая необходимость // СОЦИС. 1989. № 6.

175. *Kropotkin P.* La moral anarquista. Madrid: Alianza, 1977.

176. *Буровский А.М.* После человека // Постчеловек. М.: Алгоритм, 2008.

177. *Мамардашвили М.К.* Мысль под запретом (беседы с А. Эпельбауэн) // Вопросы философии. 1992. № 5.

178. *Попов Г.Х.* Кризис и глобальные проблемы азвание работы [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mk.ru/blogs/idmk/2009/03/25/mk-daily/401208>.

179. *Рубцов А.В.* // Этнос глобального мира. М.: «Восточная литература» РАН, 1999.

180. *Померанц Г.* Враг народа // Век XX и мир. 1991. № 6.

181. *Фурман Д.Е.* Наш путь к нормальной культуре // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988.

182. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002.

183. Кордонский С. Социальная реальность современной России [электронный ресурс]. Режим доступа: www.POLIT.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html.

184. Россия: принципы пространственного развития. ЦСИ ПФО [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.glazyshev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DoclادProstRazv.htm.

185. Набиуллина: в России не выживут некоторые средние и малые города // Ведомости. 2011. 8 дек. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/7545396/>.

186. Иванов В.В. Теория и реальность осуществляемых реформ // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс. 1994.

187. Бирман И. Взгляд на российскую экономику с Запада // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс. 1994.

188. Иванов В.Н. Приватизация: итоги и перспективы // СОЦИС. 2007. № 6.

189. Интервью с Аганбегяном А.Г. в кн.: Элита России о настоящем и будущем страны. М.: ИСИ РАН. 1993. 26 нояб. (интервьюер — к.ф.н. Филатова И.П.).

190. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // СОЦИС. 1995. № 4.

191. Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommersant.ru/content/pics/doc/doc1753934.pdf>.

192. Курпатов А. Генетическая болезнь либерализма [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/103787>.

193. Есть мнение / Ред. Ю.А. Левада. М.: Прогресс, 1990.

194. Пияшева Л. Исцеление свободой // Родина. 1990. № 5.

195. Зафировский М. Вне рационального выбора: элементы «теории иррационального выбора» // СОЦИС. 2014. № 3.

196. Тихонова Н.Н. Особенности нормативно-ценностной системы российского общества [электронный ресурс]. Режим доступа: www.liberal.ru/articles/5188.

197. Голанский М.М. Что нас ждет в 2015 году? (экономический прогноз против утопий). М.: Наука. Главная редакция научной литературы, 1992; Он же. Новые тенденции в мировой экономике и участь отставших стран. М.: Ин-т Африки РАН, 1995.

198. *Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5.
199. *Бёлль Г.* Россия глазами европейца // Общественные науки и современность. 1995. № 4.
200. *Levi-Strauss C.* Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades. México: Siglo XXI Eds, 1990.
201. *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7.
202. *Amin S.* El eurocentrismo: Crítica de una ideología. México: Siglo XXI Eds, 1989.
203. *Пуцаев Ю.В.* Политическое мышление Мамардашвили [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskoe-myshlenie-Mamardashvili>.
204. Политология / Рук. авт. колл. А.Ю. Мельвиль. М.: МГИМО, 2009.
205. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002.
206. *Крылов В.В.* Теория формаций. М.: Наука, 1997.
207. *Fogel R., Engerman S.* Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. N.Y., 1974. Vol. 1—2.
208. *Сорокин П.А.* Общие черты и различия между Россией и США (фрагменты из книги «Россия и Соединенные Штаты») // СОЦИС. 1993. № 12.
209. *Сахаров А.* Воспоминания. М.: Права человека, 1996. Т. 2.
210. *Сахаров А.* Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1991.
211. *Баткин Л.* Возобновление истории // Иного не дано. М., 1988.
212. *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно (отрывки из книги) // США — экономика, политика, идеология. 1996. № 8.
213. *Старушенко Г.Б.* Общественный строй: какой он у нас может быть? // СОЦИС. 1992. № 12.
214. *Шубарт В.* Европа и душа Востока // Общественные науки и современность. 1993. № 1.
215. *Рувинский Р.З.* Отражение доктрины «справедливой войны» (bellum justum) и понятия «незаконного врага» (hostis injustus) в современном международном праве // Международное право. 2016. № 1 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://e-notabene.ru/wl/article_16948.html.

216. Левинсон А.Г. Власть, бизнес и Запад // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 1994. № 4.

217. Гудков Л.Д. Динамика этнических стереотипов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 1995. № 2.

218. Седов Л. Запад внутри нас // Независимая газета. 2006. 22 дек.

219. Сакс Дж.Д. Как остановить ответный ход терроризма [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.project-syndicate.org/> (дата обращения: 19.11.2015).

220. Юлдашев Л.Г. Исповедь идеологов // СОЦИС. 2005. № 3.

221. Расмуссен А.Ф. Война ценностей с Россией [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.project-syndicate.org/commentary/russia-fear-west-democracy-by-anders-fogh-rasmussen-2015-04/>.

222. Иноземцев В. Какие ошибки за последние четверть века допустили Европа и Россия — и можно ли их исправить [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/comments/70496.html> (дата обращения: 28.10.2015).

223. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Расчет свободы. М.: Таурус Альфа, 1997. Т. 1.

224. Юргенс И. Над идеальной картиной работают серьезные люди // Новая газета. 2015. 1 окт.

225. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

226. Экономическое развитие России. Эпоха финансового капитализма / Сост. Н. Ванаг и С. Томсинский. М.; Л.: Госизд. 1928.

227. Катасонов В. Иностраннный капитал — пятая колонна в холодной войне [электронный ресурс]. Режим доступа: regnum.ru/news/1892956.html.

228. Шмелев Н. // Известия. 1989. 30 окт.

229. Шмелев Н. Новые тревоги и надежды // Новый мир. 1988. № 4.

230. Развивающиеся страны: в сетях финансовой зависимости / под ред. Г.П. Солюса, А.И. Кузнецова. М.: Финансы и статистика, 1990.

231. Гельман М. Очередной экономический кризис в России — порождение ее хронической денежной дистрофии. Как

излечить больной организм? // Промышленные ведомости. 2008. Окт.-нояб. № 10—11 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=1576&nomer=54>.

232. Национальная стратегия в условиях кризиса. Доживет ли Россия до 2020 года? Доклад Института национальной стратегии [электронный ресурс]. Режим доступа: www.apn.ru/publications/article21189.htm.

233. Неяскин Г. Капитализация «Роснефти» упала ниже суммы покупки ТНК-ВР [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slon.ru/fast/economics/> (дата обращения: 28.11.2014).

234. Найшуль В.А. Проблема создания рынка в СССР // Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1989.

235. Урал без купюр // Аргументы недели. 2015. 12 фев. № 5 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://argumenti.ru/toptheme/n474/388652>.

236. Воронова Т., Биянова Н. Кто владеет российскими акциями // Ведомости. 2014. 17 янв.

237. Цыпин А.П., Овсянников В.А. Оценка доли иностранного капитала в промышленности России // Молодой ученый. 2014. № 12.

238. Михеев А. Стратегия распоряжения госимуществом: госсектору пора развиваться «вглубь», а не «вширь» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document271063.phtml>.

239. Маркс К. Гражданская война во Франции // Соч. Т. 17.

240. Бутенко А.П. О характере созданного в России общественного строя // СОЦИС. 1994. № 10.

241. Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб: Норма, 2009.

242. Яковлев А. Родоначальник гласности о контрреформах // Независимая газета. 2005. № 79.

243. Ясин Е. Демократы, на выход! // Московские новости. 2003. 18 нояб. № 44.

244. Попов Г.Х. Пора перестать бездумно бить поклоны // Московский комсомолец. 2005. 7 фев.

245. Рубцов А. Как договориться с бандитом // Ведомости. 2012. 15 авг.

246. Рубцов А. Реформа всероссийского паразитария [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/> (дата обращения: 12.11.2015).

247. *Васильев В. Гудков Л.*: Коррупцированный, авторитарный режим пытается всеми способами удержать контроль над обществом [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://m.golos-ameriki.ru/a/usa-levada-poll/3005921.html>.

248. Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования «Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном)». М.: Институт социологии РАН, 2015.

249. *Амосов Н.* Реальности, идеалы и модели // Литературная газета. 1988. 6 окт.

250. *Горшков М.К.* Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // СОЦИС. 2010. № 12.

251. *Симонян Р.Х.* Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // СОЦИС. 2012. № 1.

252. *Самсон И., Красильникова М.* Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // Вестник общественного мнения. 2010. № 4.

253. *Буравой М.* Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // СОЦИС. 2009. № 9.

254. *Бенуа А. де.* Против либерализма // Русское время. 2009. № 1.

255. *Хайек Ф. фон.* Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 12.

256. *Панарин А.* Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКМО, 2006. С. 190.

257. *Данилова Е.Н., Ядов В.А.* Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // СОЦИС. 2004. № 10.

258. *Степанова О.К.* Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // СОЦИС. 2003. № 1.

259. *Сорокин П.* Человек и общество в условиях бедствия // Вопросы социологии. 1993. № 3.

260. *Иноземцев В.* За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia; Наука, 1998.

261. *Капица Л.М.* Теневая глобализация // Мировая экономика. 2014. № 3.

262. *Аганбегян А.Г.* Размышления о современном кризисе в России и ее послекризисном развитии // Мир перемен. 2012. № 2.

263. *Свасьян К.А.* Россия и будущее // Развитие и экономика. 2012. Авг.

264. *Бавин П.* Россияне о крупном бизнесе // Социологические наблюдения (2002—2004). М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.

265. Преступность и правонарушения (1991—1995): стат. сборник / МВД РФ, Минюстиции РФ, Межгоскомстат СНГ. М., 1996.

266. *Юргенс И.* Интервью // Независимая газета. 2004. 17 сент.

267. *Прокофьев В.В.* Раскрытие убийств, совершенных по найму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009.

268. *Фигнер С.* Олигарх-губернатор все же лучше генерал-губернатора // Новая газета. 2005. № 29.

269. *Шаталин С.С.* Вопросы перехода к рыночной экономике // Рыночная экономика: выбор пути. М.: Профиздат, 1991.

270. *Бунич П.Г.* Философия аренды // Радикальная экономическая реформа. Истоки. Проблемы. Решения. М.: Высшая школа, 1990.

271. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. Соч. Т. 42.

272. Троцкий. Философский словарь «Академик» [электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1253/.

273. *Малышев А.В.* В мире фантомов // СОЦИС. 1992. № 12.

274. *Орлов В.Н., Карпухин О.И.* Культура и отчуждение // СОЦИС. 1990. № 8.

275. *Максимов Б.И.* Состояние и динамика социального положения рабочих в условиях трансформации // СОЦИС. 2008. № 12.

276. *Шаповалов А.* Перед нефтью все равны // Коммерсантъ. 2015. 25 дек. № 239.

277. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II.

278. *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 24.

279. *Sahlins M.* Culture and Practical Reason. University of Chicago Press, 1978.

280. *Гузанова А.К.* У мясного прилавка // СОЦИС. 1989. № 5.

281. *Волков Ю.Е.* Рабочее движение в условиях перехода к экономике смешанного типа // СОЦИС. 1991. № 12.

282. Перестройка: 20 лет спустя. М.: Горбачев-фонд, 2005 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=470&art_id=24026"\t "blank".

283. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // СОЦИС. 2005. № 9.

284. Historia de la ideología / eds. F. Chatelet, G. Mairet. Vol. 3. Madrid: Acal. 1989.

285. Попов Г.Х. Тупики тоталитарного социализма и перспективы развития // Независимая газета. 1992. 13 марта.

286. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L.: Unwin. 1988.

287. Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир-экономика, 1500—2010 // Свободная мысль. 1996. № 5.

288. Авалиани Т. Из истории рабочего движения Кузбасса (к 15-летию шахтерской забастовки 1989 года) [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vorkuta-rkrp.narod.ru/avaliani>.

289. Кара-Мурза С.Г. Экспертное сообщество России: генезис и состояние. М.: ИТРК, 2001.

290. Голос Родины. 1995. № 22.

291. Кульков В.М. Формирование смешанной экономики в России: есть ли шансы? // Шансы российской экономики. Вып. 2 (1997).

292. Горяинов В.П. Социальное молчание как концепция особого вида поведения // СОЦИС. 2007. № 10.

293. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

294. Визгунова Ю.И. Безработица в Латинской Америке в условиях неолиберальных реформ // СОЦИС. 2004. № 8.

295. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

296. Иноземцев В.Л. Парадоксы постиндустриальной экономики // Финансист. 2000. № 4 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.postindustrial.net/doc/magazines/article66.doc>.

297. Бауман З. Возвышение и упадок труда // СОЦИС. 2004. № 5.

298. Николаев А.Б. Инвестиционный процесс — национальные и интернациональные аспекты // Философия хозяйства. 2004. № 5.

299. Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

300. Григорьев О., Хазин М. Добьются ли США апокалипсиса // Эксперт. 2000. № 28.

301. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Рак Americana». М.: Вече, 2003.

302. Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: ИНСОР, 2010.

303. Лапин Н.И. Дистанции между модернизированностью макрорегионов и этапы интегрирующей модернизации России // СОЦИС. 2015. № 3.

304. Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // СОЦИС. 2004. № 3.

305. Лежнина Ю.П. Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // СОЦИС. 2010. № 3.

306. Скобликов П.А. Основания и последствия ослабления ответственности за экономические преступления в современной России // Закон. 2011. № 9.

307. Скобликов П.А. Семь причин для милосердия // Санкт-Петербургские ведомости. Вып. 111. 2011. 21 июня.

308. Исаев А. В пепелище лесов сгинул труд праотцов // Президент. 2010. 19 — авг. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prezidentpress.ru/newvision/1003-v-pepelishhe-lesov-sginul-trud-praotcov.html>.

309. Яницкий О.Н. Пожары 2010 г. в России: экосоциологический анализ // СОЦИС. 2011. № 3.

310. Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества. М.: Наука, 1991.

311. Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8.

312. «Русал» отправит «Норникель» на Кипр, чтобы взять кредит у западных банков [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2139587> (дата обращения: 04.03.2013).

313. Яницкий О.Н. Современные войны: взгляд социолога // СОЦИС. 2015. № 5.

314. Россияне перебрали кредитов // Ведомости. 2015. 21 апр. № 3816.

315. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2011.

316. *Симонов В.В.* Зависимый тип хозяйства при переходе к капитализму: российский опыт (на материалах государственного долга в 80—90-е гг.) // Альманах Центра общественных наук (МГУ). 1997. № 2.

317. *Кравченко С.А.* Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.

318. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1973. Гл. 2.

319. Интервью Ф. Энгельса корреспонденту французской газеты «Le Figaro» 11 мая 1893 г. // *Энгельс Ф.* Соч. Т. 22.

320. *Капустин Б.Г.* Демократия и справедливость // ПОЛИС. 1992. № 1—2.

321. *Линч Аллен С.* Реализм российской внешней политики // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4.

322. *Ясин Е.Г.* Элита России о настоящем и будущем страны. М.: ИСИ РАН. 1993. 3 дек. (интервьюер — Кульницкая С.Б.).

Историческо-публицистическое издание

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ:
СТАНОВЛЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ, КРИЗИС**

*Редактор Н.В. Мезина
Художник Б.Б. Протопопов*

ООО «ТД Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 11.07.16. Подписано в печать 15.08.16
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Печ. л. 15, Тираж экз. Заказ № .